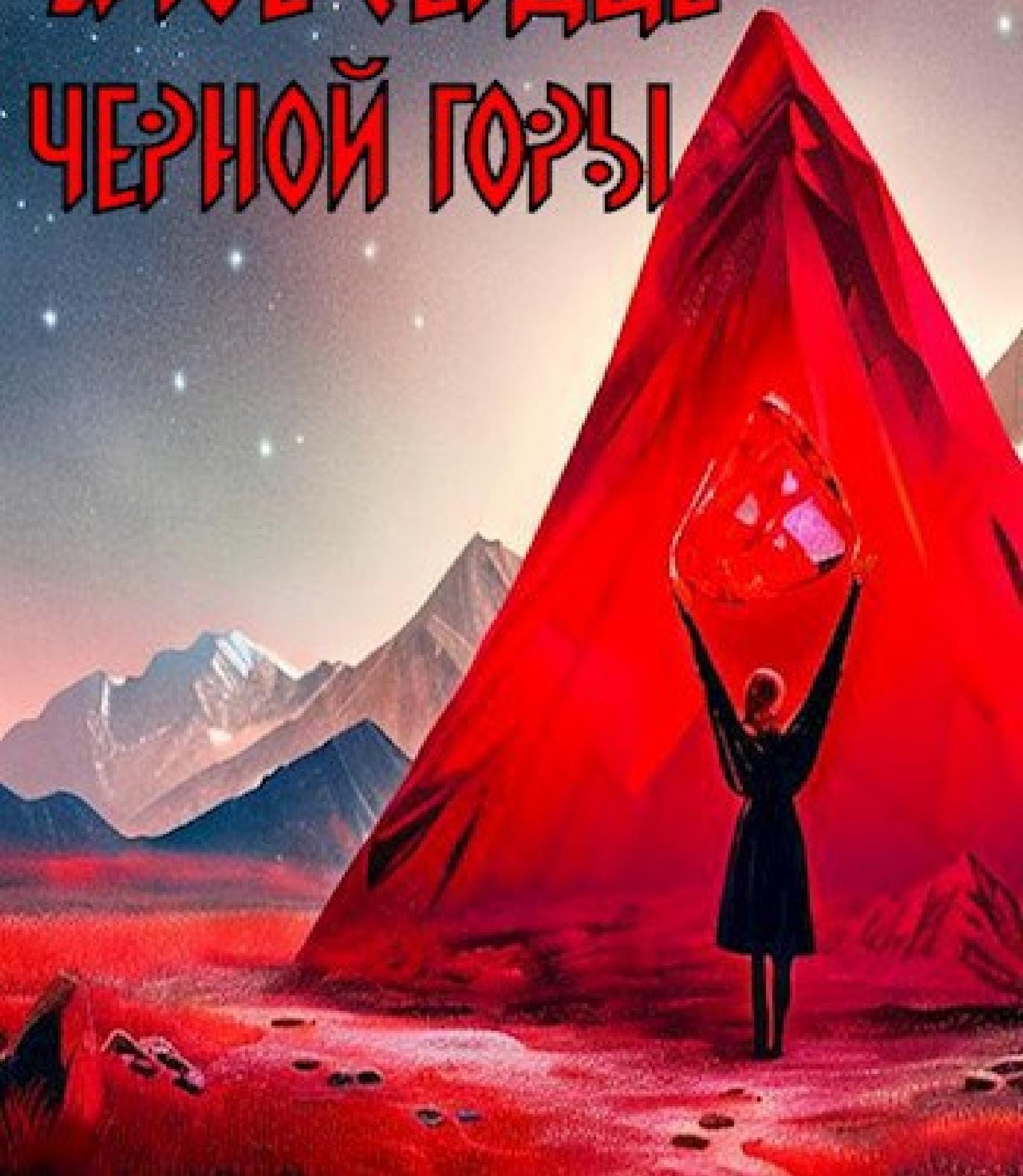

МОЕ СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ ГОРЫ

Может ли одно открытие изменить все? Да, если результаты этого открытия можно использовать в войне. В войне, по итогам которой мир окажется под пятой одной могущественной державы. Как же обратить вспять сей неблагоприятный исход? Ответ ищет изгнанный из своей поверженной родины молодой патриот. Решив не мириться со сложившимся миропорядком, он становится частью масштабного восстания, поднятого его инициативным сородичем. Но каковы истинные цели восстания? Вернется ли довоенный статус-кво, если повстанцам сопутствует успех, или же произойдет смена одной господствующей державы на другую? Не зная ответов на эти вопросы, герой бросается в бой. Но, возможно, стоило быть более осмотрительным?..

Алое сердце черной горы
Миронов Кирилл

Глава I

Невыносимая жара, встречаемая только на просторах пустынного материка Гунталя, пожирала все. Марево стояло такое, что рассмотреть что-либо за панически карабкающимися друг по дружке слоями воздуха было невероятно сложно. Миражи жестоко и лживо убеждали в том, что везде, куда ни кинь взор, блестит ровная водная гладь... Выжить в таких условиях может лишь тот, кто приспособился к дневному празднику лаконичной и ленивой пустыни, в пантеоне которой лишь один бог — бог смерти. По несчастливому стечению дел, именно к таким относятся человек, неподвижная фигура которого танцевала в предвечернем зное.

Артемир, а именно так зовут задумчивого человека тридцати двух лет от роду, был не абы каким выходцем из лона равенского народа, населяющего планету Вирид помимо многих других. Почитаемый и доблестный Артакан, один из предводителей Триумвирата — правящего органа Равении — был его предком. Правда, ввиду разгрома равенцев в войне с саргами больше трех поколений назад, такие подробности вовсе не должны быть достоянием праздных ушей и умов. Потому то свое настоящее имя голубокровый продолжатель рода изменил, сокрыв фамильную часть, оставив лишь...

— Эмир?! Эмир! Я вижу, это ты там сидишь! — смуглая, чернявая и статная девушка лет восемнадцати-двадцати вынырнула из-за холма и побежала к Артемиру, оставляя следы на песке, неминуемо задуваемые горячим ветром. Услышав свое имя, выкрикиваемое столь знакомым голосом, Артемир сначала закатил свои иссиня-серые большие глаза, доставшиеся ему по наследству, а затем вообще спрятал их за подрагивающими от раздражения веками. Следом, не выдержав сокрушения, молодой(равенцы всегда славились своим долгожительством) человек опустил свою остроскулую, густобровую голову с густой черной щетиной на аккуратном лице на руки, скрещенные на коленях. Его длинные курчавые волосы свесились вниз своей чернявой, словно лозы папоротника. В таком состоянии его настигла раскрасневшаяся девица.

— Эмир, почему же ты ушел от нас так рано? Только начали разливать вино..., - видимо, не желая замечать красноречивую позу Артемира, молодая красавица сияла радостным волнением. — Не каждый день Надзор оставляют нас в покое, давая радость гуляний!

— Алила, ты абсолютно права, — Артемир медленно поднял голову и вяло посмотрел на девушку. — Поэтому тебе нужно скорее вернуться к своим друзьям, ибо для них ты есть душа.

— Но не для тебя... — с помрачневшим лицом Алила сжала кулаки и впилась пальцами босых ног в песок.

Обозлившись и на себя, за очевидную грубость, и на Алилу, за наивнейший напор, Артемир поднялся на ноги, отряхнул от песка свои кожаные штаны и мягко произнес:

— Прекрасная Алила, едва ли найдется на всем северо-западе Гунталя дева, способная превзойти тебя своей красотой, — после такой лести можно что угодно молвить. — но лучше тебе выискать себе жениха помоложе, да поумнее...

Не дав Артемиру закончить, Алила пронзительно воскликнула:

— Вот уж воистину глуп и слеп ты, Эмир, раз не можешь усмотреть, что никто во всем мире не любит так тебя, как «юная и глупая Алила»! — произнесла последние слова, явно

передразнивая Артемира, Алила блеснула повлажневшими лазурными глазами, резко развернулась и убежала, оставляя после себя лишь неловкость и едкое чувство вины, сменяемый которыми, Артемир вновь сел на свое излюбленное место.

Но одиночество недолго обволакивало расслабляющей аурой неподвижного равенца. И только Артемир решился сосчитать камни, инкрустированные в песок, словно бриллианты в широкий кафтан, послышались негромкие шаги. Сначала приближающиеся звуки со спины слегка встревожили философски настроенного наблюдателя, заподозрившего в их источнике солдатню, но отсутствие металлического лязга вновь втянуло Артемира в сладостное чувство гармонии — то был кто-то из своих, ведь надзорным строго запрещали снимать доспехи даже в жару.

После того, как шаги затихли, и краем глаза Артемир увидел темную фигуру, севшую подле него, он услышал голос Раздавида, своего давнего и вернейшего друга:

— Твоя холодность с бедной Алилой даже в вечерний зной вызвала у меня зябкость — я только что застал ее глаза на мокром месте, — показной осуждающий тон на деле был пропитан незлобивой издевкой, — может, ты уже сжалишься над бедной девчонкой, которая обильно течет при каждом твоём появлении?

Артемир поморщился. Прямолинейная грубость в словах Раздавида прекрасно сочеталась с его обликом: высокий и широкий, чрезмерно мускулистый, даже по меркам бывалого камнеруба. Раздавшееся, квадратное лицо окаймлено густой короткой бородой, голова покрыта такими же густыми короткими черными волосами, на равном расстоянии от приплюснутого носа покоятся жестоковатые жидко-серые глаза, всегда под сенью подвижных кустистых бровей.

— Надеюсь, когда-нибудь моя холодность превратит ее сердце в кусок льда, и она оставит меня в покое. — повернув голову к Раздаvidу, Артемир грозно добавил. — И лучше бы тебе не говорить в таком тоне о бедной влюбленной Алиле, ведь кому, как ни тебе, известна боль неразделенной любви.

Осажденный справедливым замечанием друга и воспоминаниями, которые были им навеяны, Раздавид медленно отвернул голову в сторону. На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая лишь размеренным шумом ветра в ушах.

Решившись наконец нарушить неживую идиллию, Раздавид осторожно заметил:

— Мы засиделись, Артемир, пора возвращаться домой, нужно выспаться перед трудовым днем.

— Я же просил не называть меня моим настоящим именем, Раздавид! — злобно зашипел Артемир, — Эмир, только так ты можешь обращаться ко мне, даже в таких безлюдных местах, как это. Иначе, может родиться привычка, и ты, сам того не ведая, можешь пролить нежеланный свет на мой род!

Виновато сжав губы и стиснув челюсти, Раздавид повинулся:

— Прости меня, друг, я запамятовал о твоём наказе. Но никогда я не предаю тебя и твой род на растерзание клятым саргам-завоевателям, не будь я потомок Разов, верных оруженосцев благородных Артов!

Смягченный гордостью, с которой его друг произнес слова верности, Артемир ласково ответил:

— Я счастлив, что у меня есть такой достойный друг, как ты, Раздавид, хоть ты и не всегда блещешь умом. И ты прав, мы действительно засиделись, — омрачив лицо глубокой задумчивостью, Артемир продолжил, — все мы засиделись здесь, на этой немилостивой

земле, в этой несправедливой ссылке из нашей родины на Нордикте, умирая на каторгах и под плетью солдат Надзора...

Скорчив на лице гримасу раздраженности, Раздавид выпалил:

— Опять ты пустил к себе в голову эти бредовые идеи! То, что ты вынашиваешь в своем разуме, гораздо опаснее, чем то, что я называю тебя твоим именем...

— Бредовые идеи?! Любовь к своему народу и желание освободить его лучших сынов и дочерей, по твоему, недостойны?! — вновь сойдя до злобного шипения, Артемир не унялся, — Посмотри на нас! Посмотри, где мы проводим дни! — исступленно указав пальцем на далекие входы в шахты, разгневанный патриот продолжил тираду, — Мы же проклятые поражением песчаные крысы, копошащиеся в норах, которые нас силой заставили вырыть победители!.. — резко прервавшись, Артемир оглянулся. Действительно, зря он распекал бедного здоровяка, ибо его собственная несдержанность погубит его вернее, чем что бы то ни было.

Вечерние сумерки сгустились настолько, что различить можно было лишь оттенки светлого, потому друзья без дальнейших обсуждений отправились в свои дома почивать мертвым сном трудяг. И лишь бедовая Алила предпочла сладостному сну обильные слезные излияния, вызванные все еще детскими переживаниями, от которых ее спасти может лишь мудрость годов, коих девушка прожила еще совсем немного...

* * *

На следующее утро Артемир поднялся еще засветло, как обычно. Поднимался он так все свои рабочие годы, начавшиеся в возрасте пятнадцати лет, когда его, сноровистого, но все еще сопляка, погнали в шахту вытаскивать отколотые камни, на пару с каким-то парнишкой. Все, что про это время помнил Артемир, так это то, что его напарник постоянно его замедлял, бросал поручи носилок и жаловался на немоготу, чем вызывал искреннюю злобу и неприязнь, обвинения в слабости и жалкости. Потом, когда доходяга умер, не проработав и года, молодой Артемир уяснил, что его почивший товарищ действительно был слаб, и не должен был умирать в мучительных попытках преодолеть стремление тяжелых булыжников воссоединиться с матушкой землей. А виноваты в его бессмысленной смерти народы континента Нордикт. Именно они, безвольно бросившиеся в холодные объятия могучих северян-саргов, согласившиеся содействовать всему, что ни прикажут новые покровители, завоевавшие почти все известные земли. Отобрав свободу умирать так, как равенец хочет, сарги бросили ее Надзору — созданной после войны оккупационной службе. Надзор распространил свое влияние на юг Нордикта, где простиралась Равения, а также на север Гунталя, куда сослали проявивших себя в борьбе с саргами равенцев на пожизненные работы в шахтах и на рудниках. Артемир все это впитал с молоком матери и историями своего отца. Закрепив тяжкую правду собственным опытом, Артемир поклялся жестоко отомстить, взяв в уплату за свободу смерть и страдания врагов равенского народа...

Тем временем, по-утреннему нежный, по-гунтальски перегревающий свет Звезды уже заглянул в окно каменной лачуги Артемира, в которой он жил один, ибо его родители давно умерли, а спутницу жизни он не нашел, да и не искал. Отец погиб двенадцать лет назад от взрыва газа в шахте, вызванного искрой, выбитой киркой из камня. Мать же скончалась пять лет назад, видимо, от кровавого удара, ибо придя в тот черный день с работ, бедный парень застал матушку уже мертвой, лежащей бледной посреди комнаты, с приоткрытыми глазами, без каких-либо повреждений, или следов отравления...

Нескоро вернувшись из густого мира тягостных воспоминаний, Артемир спохватился об

утраченном времени, быстро позавтракал сухарями с водой, перехватил кусок вяленого мяса и поспешил на утреннюю процедуру распределения по работам. Распределение проходило в центральной части каждого жилого околотка, на которые были разделены поселения каторжных равенцев...

— А-а-а, молодой Эмир, ты сегодня припозднился, как и я, придется на утреннем зное пожинать гадкие плоды нашей нерасторопности вместе, — тихо и размеренно, в своей привычной манере, поприветствовал запыхавшегося Артемира Датокил Хитрейший. Стоит отметить, что свое прозвище пятидесятилетний Датокил получил не просто так. Сконцентрировав многократно в себе свойственные равенцам смекалку и хитрость, Датокил отдал особое предпочтение прагматичности, которой он превосходит всех, кого только знал Артемир. Внешность же хитреца тоже выделяется среди соплеменников: невысокий и сухопарый, Датокил носил на голове недлинные(по меркам равенцев), спускающиеся до плеч, черные(хотя седина уже начинала пробиваться в отдельных прядях) и прямые, как нити паутины, волосы. Лицо его было преисполнено остроты, в прямом и переносном смысле: острый и длинный нос с аккуратной горбинкой, острые скулы, натянувшие кожу на щеках, словно на дубильных станках, острый и длинный подбородок, ну и, конечно, неопределяемое выражение острого лица всегда вызывало острые эмоции у его собеседников, но не привыкших друзей. Глаза Датокила, в отличие от остальных равенцев, были черные полностью, словно зрачки захватили целиком радужки очей его. Бороды к своему возрасту, опять таки, к непривычию рядовых жителей, необычный человек не завел.

— Есть новости, худые ли, добрые, с соседних околотков? — заговорщическим шепотом поинтересовался Артемир, издавна осознав потенциал Датокила и сдружившись с ним.

— Один из моих доверенных сдох, как собака, под плетью надзорных. Такая новость остудит твой энтузиазм, молодой Претендент?(так Датокил называл Артемира, неведомо откуда догадавшись о его знатном происхождении). Но у меня есть, чем заинтересовать тебя, дорогой друг. Впрочем, вечером все узнаешь сам, рассказывать немедля не стану. — скривившись хитрющей ухмылкой, Датокил отошел, окутав Артемира томной интригой, которую он так любил привносить в любое общение.

Оказавшись в толпе соседей наедине с собой, Артемир принялся разглядывать привычную утреннюю картину распределения, редко меняющуюся ото дня ко дню. Как обычно, в центре околоточной площади, окруженный солдатами Надзора, сидел, заваленный помаранными свитками, околоточный Перст коменданта Надзора, коих число равно числу всех околотков. Околотки — это обособленные поселения заключенных, созданные для простоты ведения счета узников и их семей. Околотков по всему побережью, да и вглубь континента, было порядка двадцати(за три поколения каторги некогда великочисленный народ поредел). Некоторые, ввиду угрозы вымирания, объединялись с соседними. Так вот, Перст этот, на лице которого более, чем кричаще выделялась оскомина от всей этой волокиты на жаре, откопал очередной свиток, покрытый сальными пятнами засохшего пота. Зачитывая имена поселенцев, чиновник безразлично оглядывал их полузакрытыми глазами и назначал их на определенную работу, в соответствии с разрядкой коменданта. Охраняющие представителя солдаты Надзора в легких доспехах и с мечами в ножнах стояли, покрытые градинами пота. По бокам от них томились равенские женщины, прикрывая своих невольников широкими зонтами от солнца. За внутренним кольцом охранников стоял второй, более разреженный круг из арбалетчиков, облокотившихся на свое оружие, хотя они, по указу коменданта, должны держать свое снаряжение наизготовку. «Хах, попробуй

который из нас поднять бунт, эти вареные раки в своих железных чанах едва ли бы успели кого усмирить до того, как им оторвут их усы. — насмешливо подметил про себя Артемир. — Слишком уж изрядно они полагаются на нашу покладистость...». Во время измышлений взгляд Артемира встретился с глазами Алилы, которые тут же резко отвернулись, обиженно упершись в деревянную ручку зонта, который девица удерживала над тушей представителя коменданта. Обрадованный подобной переменной отношений в худшую сторону, Артемир пропустил свое имя, лениво брошенное «подзащитным» Алилы в толпу.

— Околоток номер семь, Эмир! — громко и с раздражением, очевидно, не в первый раз воззвал Перст. Артемир вышел из толпы и предельно безразлично посмотрел прямо перед собой. Недовольный тем, что ему пришлось прикладывать аж такие неподъемные в жару усилия, чтобы добиться внимания какого-то смерда, Перст не захотел отпускать обидчика просто так:

— А ты, я вижу, глух, как пробка?

Артемир не дрогнул ни единым мускулом, сохраняя монументальную неподвижность.

Поняв, что Артемир не относится к легко провоцируемому типу рабов, Перст решил ограничиться легким унижением:

— Да, глух, и есть так! Копьем что ли тебе уши то почистить? Хах! — довольный своей безмозглой шуткой, распределитель пару раз сотрясся в смехах, в чем его крайне вяло поддержали солдаты оцепления, дабы подлизать своему командиру.

— Что ж, глухой тетерев, отправляйся-ка ты-ы-ы..., - высунув язык от усердия, злопыханец перебирал разрядку, пытаясь найти наиболее грязную работу для Артемира, — вот, обновлять выгребные ямы на укреплениях Надзора! — ехидно ослабившись, Перст пером сделал отметки в списках, а Артемир, стараясь поскорее избавиться от неприятного ему общества, быстрой походкой направился в сторону северного побережья, где Надзор возвел свои укрепления. Вдогонку ему понесся натуженный голос:

— И не вздумай отлынивать! Ты отмечен в списках, и если после вечерней ревизии стража укреплений скажет, что к ним никто не пришел, тебя насадят живьем на пику!

«А то я не знаю, мерзкий ты ублюдок...» — вновь про себя выругался Артемир, злобно стиснув зубы.

Покинув, наконец, сие унижительное мероприятие, насильно новоизбранный работник «облегчительного» труда продолжил свой путь. Оставшись в одиночестве, Артемир сбавил темп хода, несмотря на то, что ему нужно было попасть к месту работы до полудня, и завернул в сторону берега скромной илистой речки, берущей начало в проливе Сатис, что окаймляет северное побережье Гунталя, ровном, как обработанная плотником доска. Артемир знал, что речушка проходит через место его назначения (равенцы ничего на землях Гунталя не именовали, дабы помнить, что это не настоящий дом их. Поддерживали они с южнейшим континентом «неприятельские сношения», довольствуясь формальными названиями, данными Надзором, вроде нумерованных околотков). Этим маневром эстет одиночества решил скрасить довольно долгий путь по жаре, хоть еще и не набравшей полную силу. Влажное дуновение легкой прохлады ласково обняло заиспаринное тело Артемира, едва он приблизился к журчащему источнику еды и воды равенского человека. Взбодрив свой дух и тело, Артемир даже будто приосанился, важной походкой преодолевая шаг за шагом по заилистому берегу...

* * *

Потеряв ход времени, убаюканный нежным шепотом вод и монотонным стрекотом

кузнечиков, Артемир доверился своим ногам, дав им свободу хода, почти полностью прикрыв глаза. Так бы он и шел, будь его путь нескончаемым, однако, напомнив ему, что любая дорога куда-то приведет, негромкий оркестр околупустыни прервал грозный голос:

— Сто-о-ой, покуда третий глаз тебе на лбу не открыл!

От сильного испуга Артемир подкосил колени и едва не упал, а резко открытые глаза тут же ослезились, получив сильный заряд яркого света Звезды. Придя в себя, путник увидел перед собой немолодого солдата Надзора, нацелившего прямо ему в лицо ружье(судя по всему, заряженное) с взведенным курком, на конце которого трепетал тлеющий фитиль. За солдатом стояли, вкопанные в песок, три ряда острых кольев, а на небольшом отдалении виднелись, высотой в человеческий рост, каменные укрепления, между ними были бреши, в зияниях которых проглядывались взведенные артиллерийские орудия. От пушек веяло угрозой, будто от охотничьих псов, потягивающих задранном носом воздух, учуяв волнующий запах добычи... «Уже добрался... Так скоро?..» — с досадой подумал Артемир, но его мысли вновь прервал нетерпеливый вопрос:

— Чего молчишь, со страху в штаны свои наложил, равенец?

Неспешно подняв руки над головой, Артемир отчетливо объяснил:

— Я Эмир из седьмого околотка, прибыл по разрядке..., - здесь он недовольно повел плечами, — закапывать заполненные выгребные ямы, а также вырывать новые.

Проявив нежданные адекватность и сочувствие, солдат отвернул тлеющий фитилек в безопасное положение, положил ствол ружья на плечо и тихо сказал:

— А-а, так значит?.. Что ж, прости за то, что испугал, вахтенный я, долг мой таков... А и неприятное же дело тебе предстоит..., - почесав коротенькую, округлую седую бородку, вахтенный с состраданием посмотрел на Артемира небольшими голубыми глазами из-под спутанных светлых волос, — но до полудня есть еще время, пройди со мной, я отведу тебя.

Не имея возможности отказать вооруженному человеку, Артемир обошел вахтенного, оказавшись перед ним, и, минуя ряды кольев, направился в сторону укреплений, а солдат шел позади.

— Уж коли ты мне имя свое сказал, то досуже и мне представиться, — дружелюбным тоном вымолвил вахтенный, — звать меня Йон Аппулий, командировали меня в эти злокозненные места аж из далекой Серединной провинции Саргии. Наверное, стоит быть благодарным лорду за то, что не приговорил к «экспедиции»... — под конец понизив голос, Йон Аппулий печально опустил глаза.

Заинтересовавшись словами Йона, Артемир переспросил:

— «Экспедиции»? Что ты имеешь в виду, Йон Аппулий?

Горестно усмехнувшись, Йон терпеливо объяснил:

— Знаешь ли, не знаешь ли ты, Эмир, но Саргия разделена на провинции, а каждой из них правит лорд, отвечающий лишь перед королем, да и перед Старшим консулом Деятельного совета, пожалуй. Вся власть над простым и военным людом провинции в руках лорда стеснена, и уж он ею как хочет, так и воротит. «Экспедицией» же называют особенно жестокий вид избавления от неугодных и провинившихся. — опять почесав бородку («Видать, вшей напустил, неряха», — отметил про себя Артемир), Йон поучительно-трагичным тоном продолжил. — Морское дело то у нас дюже убогое, от берега далеко отплывать негоже — потеряешься, да и сгинешь в Вечном Океане, что Нордикт омывает, бесследно. Не научились мы еще в воде дорогу искать, из-за этого все... Вот и ссылают лорды нежеланный народ в открытое море на кораблицах малых под черным парусом, в

придачу давая немного еды, пресной воды, да весел по паре на беднягу. При том наказ таков, чтобы искать земли заморские, да не сметь возвращаться под страхом смерти, кроме как с доказательствами находки требуемой... — пожав плечами, Йон говорил далее. — Еще никто не вернулся. Потому многие сразу смертную казнь выпрашивают, заместом долгой и мучительной гибели в бескрайних водах... А «экспедировать» меня могли за то лишь, что жена моя давно уже приглянулась соседу, богатому и влиятельному, с лордом дружбу ведущему. Ну не захотел я с ним свою суженную делить, вот и сговорился он от меня избавиться... Лорд, видать, смилостивился, коли так молвить можно, и всего то развел нас с женой и согнал меня сюда...

После печальной истории воцарилось ненадолго молчание, в течение которого конвой из двух человек дошел до стенок, из-за которых вышел еще один солдат с ружьем, но, увидев Йона и Артемира, резко остановился.

— Йон, бестолковая твоя башка, опять ты с поста до положенного часу свалил, — грубо и презрительно выругался солдат.

— Елиан, собачий сын, не начинай даже! — непривычно грозно ответил Йон, — Пара песчинок, проникнувшие за колья в мое отсутствие, укреплений наших не захватят. К тому же, я веду нашего сегодняшнего работника, благодаря труду которого, ты сегодня сможешь нормально посрать, не заблевав весь порожек от смрада гниющего говна своего!

Получив превосходящий отпор, встречный солдат покачал головой, скривив губы, и поковылял туда, откуда пришли Йон и Артемир.

— С этими отребьями нужно пожестче, иначе заклюют, — с незлобивой, несоответствующей сказанному, улыбкой, Йон таким образом пояснил свою резкую метаморфозу слегка озадаченному Артемиру.

Пройдя сквозь брешь между стенками, мимо одной из пушек, Артемир решил нарушить молчание, нарочито невинно полюбопытствовав у Йона:

— А знаешь ли ты, Йон Аппулий, как стреляют эти чудовища?

— Да, я видел, как в дуло этой громалы засыпают алый уголь, который готовят из добытого вами алого камня, потом пихают тканые тряпки, да и потом ядра закатывают, в конце трамбуют все это добро палками, да эвон теми, — с этими словами Йон указал на лежащие в стороне пушечные шомполы, с щетками на одном конце, и цилиндриками на другом, — ну и горящим фитилем тыкают в палевную дырочку. Потом бахает пушка, так то...

Усиленно стараясь все запомнить, Артемир решил вновь испытать терпение и доверчивость своего нового знакомого, покуда они не дошли до отходных мест:

— А ружье то, оно так же стреляет?

— А тебе все то знать нужно, а? — заговорщически улыбнувшись («Улыбчивый какой надзорщик, диву даюсь. Поищи-ка равенца, не сарга, который мне чаще одного раза в день улыбнется...»), — подумал Артемир), Йон, видимо, был одинок, а потому доволен возможностью учения молодого равенца, и, несмотря на все меры предосторожности, пошел на беспрецедентный шаг: выпрямив тлеющий фитилек в боевое положение, он нацелил ружье в сторону пролива, откинул крышечку с маленькой полки, что сбоку от ствола, повернул голову к изумляющемуся Артемиру, сказал:

— Ну смотри же.

После этих слов, нацеленных на максимальную эффектность, Йон нажал на спусковой крючок под стволом, раздался щелчок и фитилек, зажатый соскочившим железным курком,

клянул полочку, которую до этого отворил стрелок. Полочка ярко вспыхнула, после этого раздался громкий выстрел, и из дула ружья выскочили пламя и серый дым, ненадолго окутав воздух перед «учителем» и его «учеником».

Из палаточного лагеря, расположенного между укреплениями и побережьем, выскочили несколько солдат в одних рубахах, с зажатыми в руках мечами и лезущими из орбит очами. Поняв, что станет зрителем еще одного представления солдатского театра, Артемир даже начал заранее гадать, какую роль на этот раз сыграет его доброжелательный конвойный. Однако его ждало легкое разочарование...

— Во имя короля, Аппулий, нас атакуют, или ты просто сошел с ума?! — обозленный, начинающий понимать, что зря испытал такую богатую гамму чувств, один из подбежавших(по тону видно, что начальник) громким криком выразил свое недовольство.

— Простите, лейтенант, спуск случайно зажал. А на взводе ружье было, чтобы этот проходимец не выкинул ничего такого, за что его и убить не жалко, — с этими жестокими словами Йон довольно чувствительно ткнул дулом ружья в бок Артемира.

После паузы, в течение которой лейтенант понял, что придирается особо не к чему, он буркнул:

— Стоимость выстрела будет вычтена из твоего жалованья, Аппулий.

— Разумеется, лейтенант. — со смирением исчерпал конфликт Йон Аппулий.

После того, как лейтенант и его спутник вернулись в лагерь, Йон повернулся к Артемиру:

— Надеюсь, я не слишком сильно ткнул тебя?

Почесав ткнутый бок, Артемир уверил, что все пустяк, и они продолжили путь, которого осталось всего ничего, а у любопытного равенца остался еще один вопрос, который так и зудил ему язык:

— А что же, как этот алый уголь делают из алого камня?

До неприятного пронизательно Йон посмотрел в глаза Артемиру, отчего он внезапно почувствовал себя голым, и тихо сказал:

— Не думай, что я дурак, равенец, и не понимаю, зачем ты интересуешься премудростями огненного оружия. Я не оттого тебе все рассказываю, что глуп, а оттого, что хочу тебе помочь... Ты же знакомый Датокила, да? Меня с ним свел один человек..., кхм..., - тут Аппулий запнулся, не желая, видимо, говорить уж совсем лишка, — и Датокил, с которым меня свел-то этот человек, упоминал как-то раз про некоего Эмира. И, судя по всему, ты и есть он-то самый.

Артемир недоверчиво и неуверенно посмотрел на собеседника, не готовый к такому откровению. Ведь он действительно принял «языкоблудие» своего нового знакомого за начинающееся старческое слабоумие, или же тягу одиночества.

— Можешь не говорить, как угодно, я вижу твои намерения, как на ладони... Кто ищет напрямую их, тот без труда сыщет. Они прописаны очень четко... Нет в тебе этой тупой пасторали остальных твоих сородичей, здесь горбятящихся. И знаешь что? Судьба благоволит тебе, Эмир, как ты видишь. Укрепления далеко не неприступные, стража на гунтальской жаре ленива и не бдительна... Неожиданный удар собранных и более-менее организованных шахтеров, и она дрогнет. В твоём распоряжении окажутся оружейные арсеналы, которыми, как видишь, не слишком и дорожат.

Артемира разрывала на куски смесь чувств радости и недоверия, и он не знал, как реагировать на нежданного союзника в стане врага, если он таковым является, если он не

искусный дознаватель, желающий вывести его и без того чистые помыслы на чистую воду...

— Скажу, как я это у себя в макушке вижу: коли дойдет дело до чего такого, я к тебе присоединюсь, буду бить за тебя и старого, и младого, но лишь об одном прошу: если вдруг надумаешь идти на сарга, оставь для меня в живых лорда Серединной провинции, у меня есть дело с ним одно... — с этими словами он мечтательно и мстительно устремил взгляд вдаль.

— И ты правду говоришь, Йон? Или же дурачишь меня, чтобы сболтнул чего лишнего? — Артемир решил подыграть.

— Хах, а ты думаешь, я из тебя правду клещами тяну, чтобы обвинить в измене? — опустив голову и покачав ею, Йон Аппулий горько посмеялся. — Забыл ты, что могу я убить тебя просто так, ни за что, хоть бы и здесь? Мне доказательства не нужны. Да и слишком долго я ждал такого, как ты, кто решит дать бой нашему брату, и помощью которого я смогу воспользоваться в личных хотениях...

К моменту, когда из уст Йона вылетели последние слова, они с Артемиром подошли к отхожим местам, расположенным позади палаточного городка.

— И кстати, к вопросу о том, что я могу убить тебя прямо сейчас... — Йон деловито снял с плеча ружье и поставил деревянным прикладом на песок. — Ружьишко то зарядить после стрельбы я и запомню.

Артемир опять недоверчиво посмотрел на Йона. Увидев его взгляд, Йон расхохотался.

— Не трусь, Эмир, я просто хочу научить тебя заряжать саргийские ружья, потом своим единомышленникам расскажешь, коли есть они у тебя.

Достав из подсумка, который Йон носил через плечо, маленький мешочек, он перерезал нитку, его стягивающую, гранью набедренной броневой пластины. Высыпал содержимое в дуло ружья, вытряхнул туда же пулю, которая тоже оказалась в мешочке, мешочек втиснул поверх всего этого. Потом достал откуда-то из под ствола длинный тонкий штырь, и начал пропихивать все это добро в глубину ствола. Обратив спрятав штырь, Йон поднял ружье, достал из другого кармана маленькую фляжку, высыпал из нее немножко алого ружейного порошка на полочку, что сбоку от ствола, захлопнул крышку полки, и убрал фляжку. Далее, до щелчка, Йон открутил курок с тлеющим фитильком назад.

Явно испытав удовольствие от процедуры зарядки, Йон подытожил беседу:

— А алый уголь, как чуешь из названия, делается из угля древесного! — Йон поучительно задрал указательный палец вверх. — Я видел, как наши командиры его готовят: плавят камни альца, что вы нам добываете, а в жидкий расплав кидают большие куски угля. Как уголь полностью скраснеется, достают щипцами, остужают и крошат. Так то...

Задумчиво проведя ладонью по прикрытым глазам, Артемир медленно сказал:

— Действительно, впитывающие свойства древесного угля известны нашим предкам издревле. С его помощью равенские врачеватели лечат отравы...

— А и мудрый ваш народ, равенцы!.. Что ж, я отправляюсь к командиру, нужно доложить про тебя, дабы тебя на пику не посадили вечером. Прощай, Эмир, и не забывай моих наказов!

Попрощавшись, Йон перевесил заряженное ружье через плечо, и неторопливо зашагал в сторону палаток, оставив Артемира наедине с лопатой и постепенно сдувающимся воодушевлением, место которого заполняли тяжесть перед тяжелым трудом и отвращение перед его содержанием...

Нет никакой нужды описывать подробности грязного и вонючего труда Артемира,

который обливался едкими слезами и рвотой от смрада и потом от жары.

Из окна королевского замка молодой наследный принц Саргии — двадцатилетний Альзорий из династии Латников — невидящим, пустым взором смотрел на летний вечерний двор, где его оруженосцы готовили турнирное снаряжение, а конюх за сбрую неспешно прогуливал его коня. Завтра принцу предстоит выступление на турнире в честь годовщины образования Нордиктовской Лиги, составленной из подчиненных в прошлой войне государств. Альзорий, как и всегда, был уверен в своих силах, потому все его помыслы были о другом: о предстоящих смотринах, где ему будут сватать всех незамужних принцесс государств центрального Нордикта. «Надеюсь, не увижу, как мой бедный папаша будет лебезить перед отцами этих молодух... — челюсть Альзория заходила ходуном. — Его неуверенность и покладистость в делах Саргии и Лиги создаст нам кучу врагов...». Так всегда и думал ушедший в себя принц. Для сватающихся же девушек он был завидным женихом: статный красавец с короткими темными волосами, правильным лицом, острыми и аккуратно очерченными бровями, целеустремленными и грозными глазами, сияющими зеленую радужек, живым, но все же слегка скованным ртом. Да и важно ли, какая внешность у будущего короля Саргии, протектора Нордиктовской Лиги, зрителя почти всего мира?.. Да сама Звезда, светоносный сосед Вирида по бескрайнему небу, не сравнится с ним по величию!..

— Эй, Альзорий, хватит бесцельно окно загораживать, начинай прибираться! Тебе сегодня предстоят смотрины высокородных невест, а завтра надлежит побеждать всех, кого ни пошлет жребий Великого Турнира всей Лиги! Не смей опозорить меня, ударив лицом в грязь. — сильно ткнув Альзория рукоятью меча в поясницу, король Саргии, Аврорум Латник XIII, легкой хрипотцой угрожающе отрезвил первенца. Внешне подстаревший образец сына, но со светлыми, длинными волосами, Аврорум еще сам мог бы посвататься к любой принцессе, но с готовностью уступал место своему любимому сыну. За внешней строгостью пряталась теплая отцовская любовь, часто переходящая в избалование Альзория. Смекнувший все сызмальства, Альзорий частенько вступал с отцом в пререкания, прекрасно понимая, что он обречен на победу в ссорах с Аврорумом. Потому-то принц не принял всерьез слова отца, но все равно решил изъяснить свое недовольство хладным тоном бесчувственного обвинителя:

— Отец, на скольких турнирах я покрыл себя, и, не приведи Звезда, Твое Величество, позором?

Как и ожидал принц, Аврорум смялся, прекрасно понимая справедливость вопроса сына:

— ...Нечего золотом голову обкладывать, сынок... Всяко... готовиться надо...

В залу, где спорили отец и сын, после почтительного стука вошел замковый служка с отчетом, сопровождаемым глубоким поклоном:

— Последний участник Турнира прибыл, расположен в гостевых палатах, завтра будет готов отправиться на ипподром. Каковы будут новые поручения, Ваше Величество?

Раздраженно отмахнувшись от слуги, Аврорум выпроводил его восвояси. Едва затворилась массивная дверь, король глубоко вздохнул, неспешно пересек комнату и сел в свое кресло, впившись кистями рук в подлокотники. Молчаливо посмотрев на сына с полминуты, король заговорил:

— Я не молодею, сынок, и чувствую с каждым днем это все явственнее. Я даже пожрать нормально не могу, боли преследуют меня даже во время приятных трапезных часов...

Противоречивая диада чувств охватила Альзория. С одной стороны, он был рад взойти на трон как можно скорее. С другой — он любил своего отца, и вовсе не желал его кончины, на что так явственно намекал король. Победив разумом чувства, Альзорий спокойно ответил:

— Ты еще достаточно молод, отец, чтобы твое правление продлилось еще долгие годы.

— Но...

— Если рука врага не достигнет тебя, я еще увижу твою, а не только свою, свадьбу.

Аврорум горько усмехнулся, покачав головой:

— Нет, Альзорий, я никого не променяю на твою покойную матушку, о которой мне каждый день напоминают твои темные волосы... Подумать только, сила наследия Лидики победила вечно светлые волосы многих поколений Латников!..

Альзорий отвернулся обратно к окну, с печальной гордостью проведя ладонью по своей темной шевелюре. «Если бы ты вовремя обратил внимание на ее жалобы, отец... Если бы меньше времени проводил на охотах и пирах... Возможно, она бы находилась сейчас с нами, в этих самых комнатах...». Бедный Альзорий не знал, что Лидика была неизлечима больна перед смертью, а потому безоглядно винил именно отца в том, что потерял мать в детстве, когда он в ней так сильно нуждался...

* * *

После воспоминаний о Лидике король Аврорум ушел глубоко в себя, словно обратившись в горгулью, которую вдруг сняли с замковой стены и по недоумению посадили в кресло. Не видя более никакого смысла составлять отцу компанию, Альзорий решил наконец справиться вопросами безопасности, которым он отводил особую роль на предстоящем празднике.

Выйдя из комнаты отдыха отца, Альзорий преодолел несколько коридоров и оказался перед дверьми на кухне. По-хозяйски распахнув скрипучие створки, Альзорий с удовольствием окунулся в теплый и влажный аромат готовящихся к Турниру яств. Решив немножко поскучать, Альзорий стал медленно и картинно, высокомерно скривив губы, прохаживаться вдоль суетящихся кухарок. Преодолев таким образом половину всей кухни, юный принц остановился около девушки, сидящей подле двух деревянных тазов, в одном из которых лежали ягоды земляники с цветоложами и стебельками, а во втором — очищенные и отобранные работницей ягодки.

Пристально смотря на девушку, Альзорий запустил кисть руки в таз с готовой ягодой, поперебирал ею, достал несколько ягодок с отлежалыми бочками. Манерно, не изменяя своим привычкам, Альзорий поднял ягоды до уровня своей головы, сузил глаза, и соорудил недовольную гримасу.

— Моя бестолковая Эльза, это ли та отборнейшая ягода, которой будут восхищаться наместники всех протекторатов Лиги за нашими широкими столами? Залежавшаяся, бледная, прямо как ты?! — с этими жестокими словами Альзорий стиснул руку в кулак, и сок из расплющенной земляники начал сочиться красными струйками сквозь пальцы, капая на пол, подобно крови, что источает легкая рана.

— Ваше Высочество, прошу простить... — начала было лепетать бедная Эльза.

— Нет, я определенно ничего не хочу слышать! Ты будешь наказана. Но... не сейчас. Изготовься, помойся, я приду в твою коморку вечером. — сверкнув глазами в предвкушении

приятного времяпрепровождения, Альзорий оставил терроризируемую девушку в тяжком одиночестве.

С трудом сместив сосредоточенность дум с теплых девичьих бедер на холодные и трезвые тезисы о безопасности предстоящих празднеств, Альзорий поднялся на последний этаж одной из многочисленных башенок королевского замка. Там находились казармы Летучих Мышей — подчиняющегося лишь королевскому семейству отряда шпионов и убийц, бдительно стоящих на страже высшей крови.

Уже преодолевая последние ступеньки винтовой лестницы «мышьиной» башни, запыхавшийся Альзорий из окошка залюбовался на крепостную стену Кастелата, столицы Нордиктовской Лиги и Саргии в частности.

— Вы хотели посетить нас, Господин? — вдруг из полумрака пролета донесся монотонный голос, заставивший принца содрогнуться от испуга.

— Ах ты ж!.. Пириус, чтоб тебе из окна башни выпасть! Нет нужды каждый раз пугать меня, чтобы доказать свою искусность в сокрытности...

— Прости меня, Господин, но искусность моя поддерживается привычкой на бездумном уровне, а потому не проси меня быть видимым тогда, когда я невидим необратимо... — выдав сие возражение, Пириус, Старшая Летучая Мышь, вышел на освещенный участок лестницы. Его сутулая фигура была облачена в мешковидную одежду с глубоким капюшоном, руки были спрятаны в широких рукавах, и принять его можно было легко за земного средневекового монаха, но на Вириде религии не было, местные люди рано поняли, что ответственность за жизнь находится лишь в их руках, а не заключена в воле эфемерных богов.

— Невидим необратимо... Хватит кормить меня этой претенциозной чепухой, тебе не за это платят золотом. — вытерев холодную испарину со лба, Альзорий исподлобья послал Пириусу злобный взгляд.

— Тогда, стало быть, поднимемся ко мне, и обсудим то, за что мне платят? — указав рукой вверх, Пириус невозмутимо начал подниматься по лестнице. Альзорий молча последовал за ним. Спустя минуту они зашли в слабо освещенную круглую комнату, заставленную двухъярусными деревянными нарами с грубоотканым убранством. Обитателей комнаты на месте не было — явно оттачивали свое мастерство вне замка. Альзорий, глаза которого еще не привыкли к полумраку, начал моргать и прищуриваться, чтобы скорее освоиться в неудобном для него месте. Однако, в казарме они не задержались. Пириус пересек комнату и открыл дверь, после чего в комнату ворвался сквозняк: за дверью был балкончик, на который и вышли принц и его слуга.

— Никогда не любил бывать в этой башне, — сказал Альзорий, осторожно(уж больно низкие были перила) посмотрев вниз с балкона на садик, раскинувшийся в этой части замка, — всякий раз, когда нужно было дать поручения твоей клике, ты был неподалеку, словно...

— ...Знал, что Вы ищете меня, Господин, — закончив за принца, Пириус слегка повернул голову в сторону Альзория, чтобы одним глазом видеть его.

Со скепсисом и раздражением, являющимися реакцией на любую мистическую реплику Пириуса, Альзорий ответил на взгляд Старшей Мыши своим мрачным взором, дополненным словами:

— Чем бы то ни было, продолжай в том же духе, я более не хочу подниматься до ваших «хором»... — столкнув ногой вниз камушек, лежавший на полу балкона, и проследив за его

долгим падением, Альзорий продолжил. — Теперь к делу! Как ты должен знать, а ты должен знать, ведь ты «всевидящий», завтра на кастелатском ипподроме будет проходить Великий Турнир всей Лиги, после которого будут проходить с широким размахом празднества с застольями и последующими возлияниями, а кое-где и развратными разгулами, — заговорщически склонив голову и подняв брови, Альзорий выдержал секундную паузу, давая понять, кто будет за все это в ответе, и продолжил, — так вот, всей вашей мрачной банде надлежит облачиться в мещанские тряпки, взять большие наплечные сумки, как отличительную метку, влиться в людские толпы и надзирать за всем этим, дабы разврат не перешел в насилие, а разгул — в кровопролитие. — приняв печальное выражение лица, никак ему не свойственное, Альзорий устремился взглядом в горизонт. — Не стоит забывать и про силу, которая едва ли упустит такую возможность больно укунить нас за зад...

— Незримое Око. — понимающе заключил Пириус.

— Незримое Око. — повторил за ним Альзорий. — Никогда не забуду террор этих искусных звереньшей, направленный против моего народа, — стиснув челюсти в яркой злобе, аж загуляв желваками, принц ударился в горестные воспоминания, — эти собачьи дети, повывлезавшие из под камней, едва только образовалась Лига, свято во главу стола поставили всенародные свободу и независимость, но избранные ими методы... — Альзорий сокрушенно покачал головой, — массово убивать саргийских мужчин, женщин, даже детей... Резать их, как каких-то... свиней. А уж когда они наложили руки на алый уголь... Начали разбрасывать бомбы, как хлебосев раскидывает пшеницу! — в сердцах Альзорий махнул рукой, изображая движения хлебосева.

— Возможно, они считают кровавый террор единственно возможным и заметным оружием против непобедимой Саргии. — Пириус полностью повернулся лицом к своему господину. — Прежние правители этих людей предали их доверие, капитулировав перед завоевателями, и теперь у них нет других авторитетов, кроме гранаты и кинжала.

— Ты так искренне оправдываешь этих зверей, уж не являешься ли ты представителем их прайда? — насмешливым тоном спросил Альзорий.

Пириус молча отвернулся, а затем сказал:

— Летучие Мыши не объединяются в прайды.

Оценив ответ собеседника громким смешком, Альзорий дружелюбно хлопнул Пириуса по плечу и попрощался:

— Ладно сказано... Что ж, теперь, когда мои инструкции тебе ясны, я покину ваше гнездо, пока сам не отрастил крылья и не покрылся мелким мехом. — передернувшись, Альзорий вышел с балкона, пересек пустые казармы и начал спускаться со столь неприятной ему башни.

* * *

Едва Звезда сокрылась за горизонтом, Альзорий уже сидел в кресле перед брадобреем, который суетливо прыгал вокруг него, как воробей перед куском хлеба, аккуратно прибирая его короткие волосы, а также поправляя его брови и сбывая щетину(в Саргии, а потом и во всей Нордиктовской Лиге, борода была неприемлемым дополнением голов аристократического сословия). Терпеть не могущий все эти косметические процедуры, Альзорий постоянно кривился и воротил головой, несмотря на опасность получить понос от острой бритвы. Брадобрей, понимающий размер угрозы, нависшей над его кистями рук(в случае вредительства, ему могли их отрубить), взмолился:

— Ваше Великолепие и Высочество, умоляю Вас, сохраняйте покойное положение

головы, я очень не хочу навредить Вам, и уж тем более мне пригодятся мои ловкие пальцы. — сказав это, цирюльник быстро перебрал пальцами своих рук гребень.

— За сохранность своих членов можешь не тревожиться, — усталым голосом привнес успокоение Альзорий, — колипустишь мне крови толику, обвинения я утаю. Об одном прошу — ну доделай ты уже свои труды поскорее!

Приободренный заверениями Альзория, власостриг скоро и добротнo доделал свою работу, обтер лицо принца сухой тряпкой и с прямо таки распирающимся от довольства лицом заключил:

— Не сочтите за бахвальство, Ваше Высочество, но теперь и не сыскать на всем свете королевича краше Вас.

— После реорганизации и упрощения всех прочих королевских титулов моим предком Бореем Завоевателем, я — единственный первоочередный королевич на всем белом свете, — безжалостно парировал Альзорий с каменным выражением гладко выбритого лица, потеряв его рукой.

Скинув довольную улыбку, брадобрей молча выпустил принца, и он направился облачаться в парадный костюм, который уже ожидал его в покоях. Взяв в руки красно-белый камзол, Альзорий ощутил противный душок о затхлости — его уже вестимо сколько не стирали, боясь стушить краски. Не без легкого отвращения, молодой человек одел камзол, натянул штаны с длиннющими сапогами, прицепил кровавого цвета плащ. Все это он сделал один, поскольку слуги, зная о его принципиальной самостоятельности, к нему не заходили. В Саргии наследники престола не носили корон, поэтому Альзорий, как и его предки, затынул на левом плече красную повязку с белоснежным орлом, грозно раскинувшим крылья — гербом саргийского королевства. На правом же плече красовалась зеленая повязка с золотистым гербом Нордиктовской Лиги — скрещенными артиллерийским стволом и ружьем, окруженными кольцом зубчатой стены — символически изображенной Десной Нордикта. Будучи сетью внушительных артиллерийских фортов, Десна Нордикта стала одним из символов нерушимости саргийского режима.

В тот момент, когда Альзорий расправлял на себе одежды, дверь в его комнаты распахнулась и влетел его отец, сверкая роскошным нарядом: позолоченный шерстяной кафтан, обшитый кожаными пластинами, на которых серебристыми нитями были выстроены кружевные орнаменты. Широкие наплечники из этих пластин удерживали длиннейший шелковый плащ, который шлейфом волочился за королем. Венчала голову Аврорума старенькая, но прекрасно отполированная серебряная корона, украшенная рубинами — главная регалия короля Саргии.

— А, ты уже готов, сын мой? Выглядишь прекрасно, одно твое появление обрушит на тебя небывалый успех среди всех тех молодых прелестниц, что ожидают тебя в Широкой Зале. — Аврорум был в явно приподнятом настроении, легкий румянец игриво алел на его рябых пожилых щеках. Видимо, стареющий король успел пару раз приложиться к бутылки с медовухой, чтобы приободриться и показать себя как можно «живее» перед знатным обществом.

— Так ты уже видел их? — забыв избавиться от скептического выражения лица, Альзорий постарался изобразить заинтересованность. — И много ли из них тех, кто не похож личиком на побитых псов, ну или на перекормленных грызунов без намека на нижнюю челюсть и прямые зубы? Я слышал, аристократы центрального Нордикта частенько балуются обрюхативанием собственных сестер.

Определенно Аврорум успел «подзалиться», ибо вместо хмурости последовал громовой хохот, а вместо сухих одергивающих слов — шутки:

— Ты же хотел в детстве породистую астийскую легавую, сынок, вот и исполнится твоя мечта: у тебя будет собака, только ты еще сможешь с ней возлежать! Пхах-ах! — от смеха Аврорум раскраснелся еще сильнее.

Альзорий кисло скривился, недовольным тоном сбив шуточный настрой отца:

— И как же Аврорум, потомок великого Борея Латника X Завоевателя, отнесется к тому, что на престол после смерти сына взойдут гадкие щенки? К тому же вряд ли на смотринах будет царевна от непокоренной Астии...

Аврорум резко посерьезнел, грубо ответив сыну:

— Прекрати передергивать мои слова, и радуйся, что я твои взбалмошные бредни не воспринимаю всерьез! А теперь сострой мордочку поприятнее, и следуй за мной.

— Резонно и бескомпромиссно, отец, как и следует королю. — сговорчиво заключил Альзорий, выходя вслед за Аврорумом из комнаты.

По пути к Широкой Зале королевские особы молчали, и Альзорий начал было погрязать в собственных мыслях, но не успел уйти на глубину: Аврорум остановился перед красивыми дверьми, сбоку от которых стояли статные королевские гвардейцы, блестящие начищенной броней и внушительными алебардами. Склонив слегка головы в почтении, гвардейцы, взявшись за дверные железные обручи, медленно отворили двери, выпустив в сумрачный коридор потоки сдержанного света. Взору Альзория открылся старый добрый Широкий Зал, но убран он был непривычно роскошно, будто аскетичного, сопротивляющегося старика обрядили в непривычные вычурные наряды: высокие арочные окна слегка скрывали кроваво-красные занавеси, на стенах в большом количестве висели красивые гобелены с историческими сюжетами, чередуясь с декоративными щитами качественной выделки, на которых были изображены гербы Саргии и других нордиктовских государств, входящих в Лигу. Можно было увидеть и щит с Серпийским Альянсом, на котором изображены три бледные змеи со сплетенными хвостами на зеленом фоне, и черный щит Златной Коммуны с четырехконечной золотистой звездой, и щит Фортерезии, где знаменитая Чернильная Цитадель устремляется к небу, возвышаясь среди окружающих ее скал, и многие, многие другие... На каменном полу, чередуясь с большими круглыми очагами, в несколько рядов стояли широкие столы, с трудом удерживающие на своих поверхностях еще нетронутые неисчислимые яства, от ароматов которых, переплетающихся яркими букетами, у Альзория заболело за щеками. Обычно такие дорожные застолья устраивали лишь раз за весь праздник Лиги, но в честь жениха было решено объедать и опивать запасы Саргии аж два дня подряд. Охраняла покой празднества, в отличие от охраны коридоров, Застрельная Гвардия, которая обычно отирала посты по периметру королевского замка. Теперь же они довольно вытягивались по стойке смирно внутри, отражая своими шлемами и кирасами мерцающие огоньки настенных факелов Широкой Залы, рядом с которыми стояли. Как отметил про себя Альзорий, увидев на их плечах ружья с новыми, не горящими фитилями: «Рядом с факелами они стоят не просто так...».

Как только король и его наследник облагородили своим присутствием скучающих гостей, по естеству распределившихся группами соотечественников, воцарилась тишина. Как цветочные клумбы, пестря своими дорогими и цветастыми кафтанами, трико и платьями, все гости без исключения совершили поклон, устремив взоры в сторону монарха и протектора, ожидая его слова.

Аврорум, упиваясь всеобщим вниманием своих подданных и правителей его протекторатов, величественно прошел в центр Зала, где стоял круглый каменный постамент, на метр возвышающийся над полом. Поднявшись на него, улыбающийся король широко расставил руки в приветственном жесте («Хмф, нашелся, как побахвалиться своим нарядом... А плащ то как расправил, щеголь!» — весело подумал Альзорий), за которым последовала небольшая речь:

— Приветствую вас, гости! Дорогие ли вы, или же вашу преданность можно купить за ломаную серебряную монету, вам всем здесь рады! — выдержав паузу, в течение которой Аврорум лукаво высматривал реакцию на его слова, он продолжил. — Я знаю, многие из вас с радостью воткнули бы в мою спину нож, возможно, даже все, но призываю на сей вечер отложить все оружие, ограничиваясь лишь острым словом, ибо сегодня место большому счастью: мой юный сын, наследник моей власти, — с этими словами Аврорум взъерошил волосы сопротивляющегося Альзория, стоявшего рядом с площадкой, — будет искать себе невесту среди всех юных и благородных дев, что осчастливили нас своей красотой, — глаза Аврорума задержались на девушке, явно переболевшей тяжелой формой оспы, — и которая после моей долгожданной смерти станет королевой! — расправив запугавшийся плащ, Аврорум окончил словами. — А теперь приглашаю всех герцогов, графов, маркизов и прочих обжор сесть уже за столы, и как следует поработать челюстями, а мы с сыном изучим ваш товар.

Под неоднозначный гул высокопоставленных гостей и скрип скамей в Залу двумя рядами чинно вплыли музыканты с арфами, флейтами, а также излюбленным инструментом саргов — волынью, к которому остальные народы Вирида относились с недоумением: мол, как этот жуткий, негармоничный скрип и гул может приносить удовольствие...

Когда все, кому было положено, расселись за столы, а музыканты начали изливать свои чувственные души языком волнующих мотивов, Аврорум с Альзорием начали медленное шествие, как по торговым рядам, мимо обособленно стоящих девушек, которые при приближении знатных особ медленно склоняли головы. Обменявшись с некоторыми из них парой незначительных, дежурных фраз, принц шепотом произнес на ухо отцу:

— Отец, среди тех, кого мы удостоили вниманием, мне особо запала на сердце лишь одна девица — дочь герцога Лентулии, Видиния. Ее нежное личико и мелодичный голосок будоражат мою душу...

Понимающе хмыкнув, Аврорум тем же шепотом ответил:

— Можешь взять ее в любовницы, но о женитьбе на ней можешь забыть. — встретив напор протестующего взгляда Альзория, король пояснил. — Лентулия — всего лишь незначительный кусок земли на центральном западе Нордикта, не обладающий ни ресурсами, ни важным стратегическим положением, а по политическому влиянию на соседей это герцогство можно сравнить лишь с клопом.

Забитый неоспоримыми аргументами отца, Альзорий смиренно умолк и продолжил следовать за Аврорумом. Пройдя, как и до того, оставшуюся часть зала, знакомясь с невестами, отец и сын остановились наконец перед последней претенденткой, держащейся в их присутствии куда более раскованно, нежели остальные. И, как сейчас выяснит Альзорий, не без причины.

— Глаз моих старых радость, мираж моего утомленного сознания, как же мы рады видеть в наших скромных пенатах графиню Гептархии, «Оловянную Принцессу»! — король рассыпался в любезностях, хоть и банальных, но все же не свойственных его честолюбивой

натуре, из чего Альзорий явно уяснил, кто станет его женой, хочет он того, или нет. Стоит, правда, отметить, что «Оловянная Принцесса» была весьма недурна собой, хоть и ослепительной красавицей ее не назовешь. Она была высока и утонченна фигурой. Ее голову правильной, красивой формы покрывали аккуратно уложенные, до плеч остриженные волосы каштанового цвета (для Вирида каштановый цвет волос — невероятная редкость). Непропорционально большие карие глаза, несмотря на кажущуюся некрасоту, были очень выразительны, навряд ли, благодаря тонким, очень подвижным бровям. Острый и длинноватый нос был высокомерно вздернут, из-за чего внутри Альзория возникло неумовимое желание ее осадить, да хоть бы и напрямую, рукой за нос. Небольшой рот графини, окруженный страстными, полноценными губами, постоянно находился в состоянии еле заметной улыбки, даже когда она заговорила:

— Ваше Величество, король Саргии и наш протектор, примите мое скромное приветствие! И Вы, Ваше Высочество, так же хороши собой и великолепны, как и говорят про Вас на моей родине.

После последних слов внутри Альзория возникло неловкое ощущение, будто это он должен был высказать слова восхищения, а не графиня. Понимая, что необходимо ответить на лесть, Альзорий, на мгновение едва склонив голову, сказал:

— Графиня, по части великолепия я лишь плетусь у вас в хвосте.

Лучезарно улыбнувшись, графиня гептархская с легкой насмешкой в голосе поддразнила принца:

— Главное, не возьмите это за правило, если вдруг мы обвенчаемся, разумеется, с благословения Вашего Величества. — повернувшись в сторону Аврорума, графиня опять почтительно преклонилась.

Покровительственно улыбнувшись, Аврорум негромко сказал:

— Не вижу никаких препятствий для этого, моя дорогая. Вы получите мое благословение, коли Альзорий выразит согласие, — с этими словами король впери в глаза сына многозначительный взгляд, — а сейчас, графиня, приглашаю вас присоединиться к своим фрейлинам, нам с сыном необходимо содержать совет. — указав рукой в сторону столов, Аврорум кивком попрощался с графиней. Принц последовал его примеру. Во время ответного поклона на кивок Альзория «Принцесса» вновь выбила яркую искру своей улыбкой, которая на мгновение разожгла внутри него теплый костерок.

Как только отец и сын отошли к одному из высоких окон, Альзорий, пожившись от сквозняка, которым оно его раздражило, сразу решил прояснить ситуацию:

— Отец, я так понимаю, у меня нет иного выбора, кроме как обручиться с графиней Гептархии?

— Выбор у тебя есть всегда, но сохранить незыблемое наследие тебе поможет лишь брак с «Оловянной Принцессой». — прямо, без обиняков отрезал король, смотря на сына через отражение на начищенном стекле окна, за которым господствовала лишь чернота, внушающая беседе спокойное беспристрастие — ночь опустилась на Кастелат.

Почувствовав облегчение оттого, что его дух совсем не противится воле отца, Альзорий задал другой вопрос, менее важный, но который беспокоил его гораздо больше, нежели предыдущий:

— Отец, позволь еще попытать тебя вопросом: когда ты представил нас с графиней друг другу, ты так и не назвал ее настоящее имя, упомянув лишь «Оловянная Принцесса»...

Недовольно скрестив руки на груди, Аврорум скривил лицо в гримасе изрядного

раздражения, граничащего с фрустрацией. Очевидно, как отметил про себя Альзорий, он и сам не знает ответа.

— Этого никто не знает, сынок, кроме ее родителей, уже давно кормящих червей в земле, и ее самой. Даже ближайшее окружение графини называет ее лишь по титулу. Это какая-то их местная причуда. Пес знает, что за бред... — Аврорум вскинул руки вверх, отправив им вдогонку сердитый взгляд. Потом, смягчившись в мгновение ока, король по-приятельски толкнул локтем Альзория в бок, со скабрзненной улыбкой прошептал ему на ухо:

— Но я уверен, у вас будут часы, когда ты сможешь сам узнать ее имя, а? — король пару раз сотрясся в глухих смешках.

Впав в легкое смущение от слов отца, Альзорий смог лишь вяло улыбнуться в ответ. Ему сильно захотелось попросить больше так не шутить, но вместо этого покладисто промолчал.

* * *

В течение следующих двух часов Аврорум и Альзорий уподобились трапезничающим, сев за небольшой отдельный стол, дабы не отдавать предпочтения равным счетом никому. Знатно проголодавшийся за весь день, предстоящий жених молча перерабатывал все, до чего мог дотянуться. Аврорум не отставал, поэтому в скором времени стол изрядно облегчал. Как только обоим стало ясно, что ни их животы, ни их мысли уже не примут ни кусочка еды, Аврорум, довольно громко крикнув, наклонился через стол к Альзорию, обдавая его смесью ароматов медовухи и печеного поросенка, с истомной хрипотцой в голосе задавая главный вопрос:

— Ну что, сынок, ты женишься на графине Гептархии?

Альзорий, которого подобная подача вопроса развеселила, а, может, просто теплое и уютное ощущение сытости развеяло все тревоги и тягостные мысли, смеющимся голосом ответил:

— Да, отец, здесь мы с тобой едины.

Обрадованный сговорчивостью сына, Аврорум воссиял, деловито потер ладони друг о друга, проговорив:

— На том и порешимся.

Пронзительно скрипнув стулом, король поднялся из-за стола, слегка пошатнувшись от избытка принятых хмельных напитков, и зашагал к каменному постаменту, с которого он приветствовал гостей в начале вечера. Не без труда поднявшись на площадку, Аврорум начал громко хлопать ладонями, взывая ко всеобщему вниманию. После первых же хлопков хаотичный гул веселой беседы и звон посуды за столами начали затухать повсеместно, тут же прекратили играть музыканты, и единственным звуком остался лишь шум в ушах, проявившийся на фоне резко наступившей тишины. Внимательно прислушавшись к ничему на секунду, Аврорум удовлетворенно кивнул, начав говорить:

— Мои подданные, друзья и недруги! — король опять широко раскинул руки в своем излюбленном жесте. — Знаю, знаю, всех уже достаточно разморило от яств и питья, я и сам начинаю заплетаться, теряя контроль над языком своим, потому буду немногословен. — десятисекундное молчание, в течение которого подвыпивший король собирал утекающие сквозь пальцы мысли. — Мой сын, мой наследник, — Аврорум ласково посмотрел на Альзория, который при упоминании себя поднялся и прошествовал к отцу, встав рядом с возвышающейся площадкой, — сделал достойный выбор, получивший мое благословение. И этот выбор пал на графиню могучей Гептархии, прекрасную «Оловянную Принцессу»!

Со всех сторон начали раздаваться хлопки и одобрительные возгласы, кое-где, правда, с куда меньшим энтузиазмом...

— Сегодня наши помолвленные разойдутся по своим комнатам, но завтра, на празднике Лиги, после Турнира, они будут идти рука об руку, а после, ночью... — Аврорум томно улыбнулся, подняв брови. — Они отправятся в свою новую спальню, и мы им мешать не будем! — из глубины Залы донеслись пару вялых смешков. — А теперь — отдыхать! О свадьбе оговорим позже!

С облегчением обрубив свои слова, на произношение которых у Аврорума ушли последние силы, он сошел с площадки, мягко похлопал Альзория по спине и направился в королевские опочивальни. Альзорий решил последовать примеру отца, перед уходом оглядев Широкую Залу: одни гости лениво вставали со скамей, уходя в подготовленные для них спальни, другие что-то активно обсуждали, сохраняя недоброе выражение лица, третьи... А что это они так обсуждают, злобно сверкая глазами? Альзорий было заинтересовался этим вопросом, но истомы взяла свое: он начал сладко потягиваться и зевать, и в этот момент его взгляд столкнулся с глазами «Оловянной Принцессы», которая хитро, по-лисьи, улыбнулась. Эта улыбка застала бедолагу врасплох, и он резко хлопнул челюстью, прерывая широкий зевок. Некоторые зубы недовольно откликнулись болью, отчего Альзорий поморщился, и в смущенных чувствах заторопился к себе.

Расположившись в своей уютной(по меркам тех реалий) кровати, Альзорий долго не мог заснуть, несмотря на то, что пару минут назад готов был предаться забвению прямо в Широкой Зале. В его воображении играли яркие мечты о его совместной жизни с новоиспеченной принцессой. Ну, почти принцессой. В голове Альзория перед забытьем застыла светлая картина: он, обнимающий свою жену, а вокруг по покоям бегают их дети...

БУМ! БУМ! БУМ!

Альзорий резко открыл глаза, от страха вскочив с кровати, как солдат по набату.

БУМ! БУМ!

— Ваше Высочество, Альзорий, поднимайтесь!

Поняв, что это всего лишь его адъютант, капитан Мобиус, Альзорий пришел в себя и со скрипом оттянул массивную задвижку дверей.

— Вы абсолютно верно делаете, запираясь регулярно. — Мобиус, невероятный подхалим, начал охваливать принца просто на ровном месте. — Убийцам из Незримого Ока нечего даже и подступаться к Вашему Высочеству.

Поморщившись от такой грубой, а скорее, глупой, лести, Альзорий недовольно прохрипел:

— Чего пришел так рано, капитан, пожелать доброго утра?

Спохватившись, Мобиус вытянулся по струнке, нахмурил свое немолодое, невыразительное, непримечательное лицо, и прогудел:

— Его Величество король Аврорум велел передать, что приготовления к Турниру уже закончены, и Вашему Высочеству надлежит выдвигаться к Ипподрому.

— Что ж... — Альзорий окинул беглым взглядом свой турнирный доспех, висящий на стойке. — А, может, прямо в ночной рубахе и выступить?

Мобиус закашлялся в смущении.

— А что?. — развеселился принц. — Победи я их в таком виде, столько бы эффекта на толпу бы произвел!..

Несмотря на свой шуточный настрой, Альзорий поскрипывал своим доспехом уже спустя полчаса, покачиваясь в седле верного скакуна. Добравшись до холма над Ипподромом, созданным в честь первой годовщины образования Нордиктовской Лиги, принц с легким кряхтением спешил. Его примеру последовал и сопровождающий принцу Мобиус. Он оказался в палаточном лагере участников предстоящего Турнира. Временные обиталища рыцарей со всего Нордикта походили с высоты птичьего полета на большую клумбу самых разнообразных и пестрых цветов, ждущих сакрального момента своего опыления.

— Вот и вы, Выше Высочество! — радостно подскочил к Альзорию старший конюх, попутно беря коня под уздцы. Пока сияющий от величия момента слуга уводил красивого серого коня для защиты его броневой попоной, Альзорий с адъютантом вошли в саргийский шатер.

Внутри шатра стоял круглый стол и несколько кресел, горел мягким светом подсвечник, несмотря на освещенное дружелюбной Звездой утро. Дело в том, что жилая часть Кастелата, столицы Саргии, находилась в окружении гор, которые своими могучими тенями прятали саргов не только от врагов, но и от большей части дневного света. Для того, чтобы понежиться в теплых лучах, жителям столицы приходилось выходить за крепостные стены, врата через которые в мирное время всегда были открыты.

— Что ж, смотрю, ты обо мне позаботился, любезный Мобиус. — вымолвил Альзорий, слегка поморщившись от вида свежего хлебного каравая, в котором отсутствовал изрядный кусок.

— Проклятуший конюх!.. — чуть не задохнулся от возмущения покрасневший капитан, аж схватившийся в раже за рукоять меча.

— Ну же, капитан, проявите милосердие к своему подопечному. — с ложной добродетелью в голосе осадил Мобиуса Альзорий.

— Но он мне не подопечный, Ваше...

— Отправишь его куда-нибудь на границу королевства, охранять Хлебный Путь(торговый тракт, по которому Саргия завозит продовольствие из селений центрального Нордикта). — пояснил посерьезневший Альзорий. — Раз он так хлеб любит.

— Ах-ах, я понял, Ваше Высочество. — оценил высоко иронию принца Мобиус.

* * *

Как оказалось, спешка Альзория спозаранку оказалась неблагоприятно бесполезной: арену Ипподрома даже наполовину не успели заполнить гости. Ленивые, объевшиеся, пьяные еще со вчерашнего вечера, аристократы не торопились уважить международное мероприятие. Исходя из этого, Альзорий решил перед началом Турнира довести прерванный Мобиусом отдых до конца. Основательно обкорнав каравай с нетронутой всякими конюхами стороны, принц объединил несколько кресел в «кушетку» и завалился дремать, накиннув на глаза забрало.

Сквозь мутное сознание, обволоченное дремотой, до Альзория донесся грохот. По мере пробуждения, отголоски этого грохота становились все сильнее и сильнее, пока принц не вскочил со своего «ложа», закашлявшись от неожиданности.

— Ваше Высочество, Незримое Око здесь!.. — со смесью растерянности и паники выкрикнул снаружи Мобиус.

Опрокинув одно из кресел и запутавшись во внутреннем намете, Альзорий вырвался из шатра. Добежав до склона, принц едва смог поднять дрожащими руками забрало и увидел внизу, на Ипподроме, медленно оседающее облако пыли, поднятое сильным взрывом.

— Королевская ложа... — пролепетал Мобиус, потерявшись в сковавшей его реальности.

Отозвавшись на полудохлое замечание своего адъютанта, Альзорий прорычал что-то неразличимое и бросился к конюху, который уже давно снарядил высокородного скакуна принца. С разбегу оседлав коня, даже не утруднившись своим тяжелым доспехом, Альзорий устремился под холм, к внушающему сейчас ужас и неопределенность Ипподрому.

— Где Его Величество?! — спешившись, Альзорий схватил за грудки первого попавшегося стражника, который с отчаянием на лице суетился близ входа на трибуны.

— Я... не знаю, его... не видел... — вяло отрапортовал вояка, вжав голову в воротник кирасы.

Взрычав от негодования и страха, Альзорий откинул незадачливого сарга, отчего бедолага грохнулся на спину. Оглядев Ипподром, принц ужаснулся: часть выдававшейся Королевской ложи, выполненной из дерева и камня, рухнула на трибуны, передавив гостей внизу. В месте подрыва возник небольшой пожар, который уже почти потушили. Бомба была осколочной и очень мощной, следы от осколков были даже за пределами Ипподрома, где деревья были грубо иссечены.

— Его Величества не было! — неуместно радостным голосом вскричал невесть откуда выпрыгнувший Мобиус, переводя все внимание Альзория на себя.

— Что ты говоришь?! — воскликнул Альзорий с нотками облегчения.

— Король Аврорум не подоспел к Ипподрому в момент взрыва. — пояснил Мобиус, —

Замковый гвардеец объяснил оттягивание начала Турнира именно отсутствием Его Величества.

— Он в безопасности?

— Должно быть...

Отпустив изрядную долю страха и тревоги в течение этого краткого диалога, Альзорий начал более вдумчиво и спокойно осматривать место террора. И тут одна деталь врезалась в его сознание не легче, чем тяжелый турнирный рыцарь: а где все Летучие Мыши, которые должны обеспечивать безопасность мероприятия? Где, будь он неладен, Пириус?

— Мобиус, встретил ли ты хоть одного из отряда Летучих Мышей по пути сюда?

На мгновение озарившись осознанием того, что вопрос принца действительно приводит к неожиданному ответу, Мобиус пробормотал:

— Вообще, нет, не видел ни одного.

Бросив озадаченного Мобиуса одного на входе на Ипподром, Альзорий решительно направился к разрушенной Королевской ложе. Распихивая по пути солдат, несущих стонущих раненых и молчаливых убитых, Альзорий предстал пред местом последнего бытования бомбы, положившей конец веселью и жизням многих гостей Турнира.

— Ох, это же...

Забыв мгновенно о происшествии, Альзорий едва справился с ударившим по нему чувством неприятия вперемишку с отторжением: под разрушенной ложей лежало изувеченное тело в некогда прекрасном платье, обладательницу которого он сразу же узнал...

— Оловянная Принцесса, надо же так...

Не в силах лицезреть страшные раны несостоявшейся супруги, до животного ужаса неестественно лежащей прямо на скамьях, Альзорий резко отвернулся, подавив приступ тошноты. Разозлившись на себя за этот момент слабости, принц резко повернулся в сторону выхода и чуть не врезался в подошедших к нему людей. Все они были облачены в доспехи с наддоспешниками разных цветов и гербов — участники Турнира, которым уже не доведется сойтись с принцем в спортивном бою.

— Надо же, Саргия и в этот раз не смогла защитить себя от террористов. Это становится забавной традицией. Странно, что вы, Ваше Высочество, с таким удивлением на это реагируете. — издевательски растягивая слова, сказал темно-русый рыцарь с козлиной бородкой в до блеска отполированных латах, покрытых наддоспешником в черный и желтый квадраты — чемпион от Златной Коммуны. Опешив от такой наглости, Альзорий медленно сузил глаза в ярости, при этом стиснув рукоять своего меча в ножнах. Кто знает, до чего бы дошло, если бы не подоспел вовремя Мобиус, одышливо вздымаясь вверх-вниз.

— Ваше Высочество, король Аврорум в своих покоях, не ранен, но...

— Что но?! — Альзорий отпустил свое оружие.

— Ему от всего произошедшего стало дурно, он... — Мобиус бегло стрельнул глазами по рыцарям, не желая говорить при них, — захворал...

— Я иду в замок, проверю отца. Оставайся здесь, следи за ситуацией. — выдав поручение адъютанту, Адзорий уже было пошел в сторону замка, но противный голос вновь разбередил его уши:

— Жаль, что сегодня не представится шанса повергнуть саргийских чемпионов в пыль. — деланно прискорбел чемпион-златнокоммунец, почесывая свою бородку.

— Отправляйтесь в свои земли, если не хотите помогать. — тихо, но с достоинством

сказал Альзорий рыцарям. — И лучше позаботься, чтобы не выяснилось, что истоки Незримого Ока происходят из Златной Коммуны, и мне не пришлось отправляться в твой дом с легионами для зачистки. — свирепо выковал угрозу специально для златнокоммунного язвосола Альзорий.

Склочник злобно сощурился, но отвечать не стал, вместо этого отправившись в гостевое крыло замка, дабы собраться к отъезду. Его примеру поступили и остальные рыцари.

Казалось бы, инцидент исчерпан, и все, что осталось, это отдаться на волю времени, дабы его неумолимое течение залечило глубокие раны, нанесенные огнем и железом, но...

Альзорий, который начал отдаляться от Ипподрома, вдруг резко остановился, что-то активно обдумывая. Придя, наконец, к решительному умозаключению, выхватил у спешащего мимо солдата запаленное ружье, нацелился и выстрелил. Прошедший мимо него пару секунд назад человек рухнул наземь.

— Альзорий, Ваше Высочество! Вы обезумели от горя?!

Мобиус, совсем не ожидавший такого поворота событий, с опаской начал отходить от Альзория, приняв его за безумца.

Не обращая внимания на опешившего адъютанта, Альзорий впихнул обратно в руки солдата ружье, который на автомате начал вновь его заряжать, подошел к раненому им человеку, и с садистским удовлетворением перевернул его своим сапогом на спину. Лишь жалобный стон стал эхом подобного варварства.

— Неужели все эти события настолько повредили Ваш рассудок, что Вы начали палить по всем подряд?! — стараясь не перейти грань дозволенного в общении с принцем, осторожно пробормотал Мобиус.

— Этот — не все подряд. — туманно возразил Альзорий, резко указав пальцем на вяло корчащегося раненого.

— Что Вы имеете ввиду?! — сохраняя страх в голосе, спросил Мобиус.

— Это, судя по всему, единственный оставшийся представитель Летучих Мышей в Кастелате! — с довольной улыбкой на лице констатировал Альзорий, вновь переворачивая на спину скукожившегося на боку раненого.

— Что?.. Он?.. — медленно, с недоверием, но уже начиная понимать картину происходящего, выдавил из себя Мобиус, — Ваше Высочество запомнили его лицо?

— Их лица не запоминаются. — с остервенением отчеканил Альзорий, с каждым слогом усиливая нажим на лежачего, будто желая выдавить из него дух. — Зато я запомнил другое... — повышающимся тоном пояснил экзекутор, с силой переворачивая уже обмякшего в бессознательности человека на живот. На его поясице пуля Альзория пометила кровью и прилипшей к ней грязью и соломой место своего гостевания. — Вот! — нагнувшись и ткнув пальцем между лопаток, Альзорий указал на маленькую заплатку, вшитую в кафтан тяжелораненого. Нагнувшись и прищурившись, Мобиус разглядел на крошечном квадратном куске ткани аккуратно проштопанного саргийского орла.

— Этот смердяк не заметил метки, которая теперь станет его посмертным клеймом. — с торжеством заключил Альзорий. Встретив, однако, недоуменный взгляд адъютанта, он пояснил:

— Видишь ли, я попросил швею на одном из этих невзрачных в своем многообразии одеяний вышить метку с нашим орлом, дабы по завершении всех празднеств я мог лично найти случайного обладателя этого одеяния и вручить ему приз — мешочек с золотыми. А оно вот как обернулось! — усмехнувшись иронии судьбы, закончил с объяснениями

Альзорий.

— И умудрились же Вы разглядеть такую-то мелочевку! — восхитился Мобиус.

— Что ж, везение сопутствовало мне, когда я случайно бросил взгляд на спину проходящего мимо меня мещанина. И догадался же этот недоумок пройти рядом со мной! — пренебрежительно-уничижительным тоном окатил окровавленное тело Альзорий.

— А стоило ли убивать его? — робко поинтересовался Мобиус, справедливо считая, что провал безопасности вовсе не означает причастность к террору.

Альзорий раздраженно обернулся к Мобиусу, так что адъютант в страхе шагнул назад.

— Во-первых, они провалили свою задачу.

Тычок сапогом, стон в ответ.

— Во-вторых, после взрыва они все дезертировали.

Тычок сапогом сильнее, сильный стон в ответ.

— В-третьих...

Тут Альзорий наклонился и одним рывком сорвал сумку из-под обмякшей руки раненого.

— В-третьих, у него в сумке то, чего быть вовсе не должно.

Действительно, перед озадаченным взглядом Мобиуса предстала граната довольно крупных размеров, фитиль которой бессильно повис сбоку от ладони Альзория.

— Видимо, он направлялся к замку по моему маршруту, но, увидев меня, решил свернуть на другой путь... — неспешно размыслил принц, подкидывая в руках снаряд.

Мобиус прерывисто охнул, уже напредставив себе последствия проникновения террориста в замок, где пребывает король Аврорум.

— Вот и выходит, что «наши» агенты безопасности и шпионажа — члены Незримого Ока... — неутешительно заключил Альзорий. — Знать бы, они были ими изначально, или Пирус продался недавно...

Пинок со всей силы, молчание в ответ.

— Проклятие, я действительно его убил... — состроив на лице деланную скорбь, улыбнулся по итогу Альзорий. — Хотел допросить его, а уж потом...

— Ваше Высочество, поспешим же к Вашему отцу. — облегченный тем, что к принцу вернулось хорошее настроение, призвал Мобиус.

— И то верно! — спохватился Альзорий, лицо которого вновь затянулось дымкой тревоги. — Поспешим!

Сумерки давно уже ласково объяли жаркие пески Гунталя. Недружелюбные просторы с облегчением отдавали свое тепло, подобно остывающему после звонкой ссоры человеку, загруженному чувством вины из-за своей избыточной рьяности. Но даже подобной легкости метафоризм был недоступен в данный момент для не самой пустой головы Артемира, в подавленности возвращающегося в свой околоток. Настрой его, после неприятного и тяжелого труда на прибрежных аванпостах Надзора, был подобен опустошенной фляге некогда свежей и чистой воды. Все же, несмотря на гадость его сегодняшних работ, этот день был наиболее интересным, чем многие другие годами ранее. Он познакомился с довольно приятным саргом... Нет, лучше так: с не вызывающим неприязни, нежели остальные солдаты Надзора, саргом. Он рассказал ему про их легендарное оружие, покорившее весь Нордикт. И в нем не оказалось ничего особенно сложного, до чего нельзя дойти своим умом... И, что наиболее интересно, он узнал, что не все солдаты Надзора находятся на Гунтале по своей воле, и не все они так уж верны оккупационным идеалам своих начальников. Так что... Нет, ну этот-то точно верен...

Пока Артемир предавался размышлениям, предающим забвению мерзость его сегодняшних работ, он не заметил, как дошел до внутрь обращенной границы прибрежного аванпоста, ознаменованной рядами кольев. И среди них его взгляду встретился тот самый солдат, с которым его новый знакомый, Йон Аппулий, вступил в перепалку. Как бишь его там — Ериат, Лиан, или как-то так... «Эвон как зырит, того гляди брови перехмурит и сломает, хах!», — подумал насмешливо Артемир, но никак своих мыслей лицом не выразил, лишь прошел мимо, покорно склонив голову. Как только он отошел от кольев на пару шагов, он услышал легкий щелчок за спиной. «Затвор ружья», — понял Артемир, похолодев спиной. Его даже на секунду посетила глупая мысль, что постовой прочитал его мысли и увидел насмешку, в них сокрытую, но, отметая эту нелепость, просто пошел дальше. Ничего не произошло. «Видимо, он просто боится меня так же, как и я должен бояться его», — эта мысль вселила больше уверенности в Артемира, и он, просторно расправив плечи, направился по стремительно темнеющему пути домой.

Практически не глядя, незаметно для себя, как и утром, Артемир, поглощенный своими думами, добрался до своего околотка. Уже прошел первые хижинки на отшибах, прошел мимо площади, где Перст коменданта отправил его «на пляж», и так бы и доковылял он до своего дома и рухнул спать, если бы его мысли не прервал знакомый голос.

— Эй, Эмир! Заходи быстрее, пока патруль не подошел!

Голос призывающего определенно принадлежал Датокилу, да и шел он со стороны его домика, около которого Артемир сейчас проходил. Вдобавок, Артемир вытянул из памяти смутную утреннюю интригу Датокила... Долго не рассуждая, Артемир зашел в плохо освещенный единственным факелком крошечный дворик, а следом и в дом Датокила, дверь которого осторожно приотворил сам хозяин, недружелюбно оглядев окружающие подворья.

— Датокил, твой непререкаемый авторитет в моих глазах не позволил даже помыслить о том, чтобы не принять твое гостеприимство. — весело, но с чувствующейся ноткой усталости сказал Артемир, взглядываясь в сумрак его единственной комнаты, шуря привыкшие глаза. И вот уже адаптировавшиеся очи выхватили из полумрака стол Датокила, на котором примостила голову на руки крупная темная фигура.

— Раздавид?.. — узнав в спящей, очевидно, фигуре своего друга, Артемир приободрился.

— Да, да, я пригласил заранее твоего друга, его участие ты можешь найти очень полезным и справедливым — скучающим тоном, явно выдающим его истинное отношение к этому вопросу, выпалил Датокил. — Эй, просыпайся, он уже здесь! — довольно грубо толкнув беднягу Раздавида, хозяин дома вернул его из сладостного мира дремы.

— О, прекрасная... — резко подняв голову, пролепетал застрявший между мирами реальным и сновиденным Раздавид. Спустя мгновение, он, наконец, пришел в себя и сконфуженно уставился на Датокила, потом же, переведя рассеянный взгляд на Артемира, просиял. — Артемир, ты наконец вернулся? Датокил сказал мне, что тебя отправляли на прибрежные аванпосты Надзора, и... — резко оборвавшись, Раздавид виновато посмотрел на насупившегося Артемира.

Раздраженно закатив глаза, Датокил понял суть происходящего и успокоил присутствующих:

— Во имя Равении, я же знаю, кто на самом деле является Претендентом, не нужно этих глупых ухищрений с тремя буквами! — выпалил с намеком на обиду Датокил. — Благородный стан, благородные помыслы, благородная словесность... Ну, по крайней мере, относительно остальных равенцев. — Датокил сел на плетеный коврик и продолжил. — И, разумеется, единственный из распавшегося Триумvirата, кто уцелел до изгнания, был Артом! Хотя и считается, что род был прерван Надзором, я думаю, твоим предкам удалось перехитрить саргов, спрятав последнюю ветвь увядающего семейного дерева...

Артемир совсем не удивился догадливости и удачной интуиции Датокила, просто приняв, как данное, то, что Датокил теперь тоже входит в маленький круг знающих о его происхождении.

— Что ж, Датокил, не собрал же ты нас для того лишь, чтобы блеснуть смекалкой, а? — отправив напоследок недовольный взгляд Раздаvidу, Артемир обратился к хозяину дома.

— Нет, разумеется! — выпалив это, Датокил скосил глаза вбок. — Но, в то же время, и да... Наблюдательность и смекалка стали причиной открытия, которым я горю желанием с вами поделиться. Особенно интересно это будет для тебя, молодой Претендент. — направленный на Артемира многозначительный взгляд стал дополнением к этим интригующим речам.

Не зная, какому чувству отдаться: радости, или же тревоге, Артемир в нетерпении и неопределенности выпалил:

— Не томи, мудрец, пролей свет, которого так не достает твоему дому, на свое «открытие»!

Датокил неторопливо встал со своего коврика и учительским тоном спросил:

— Друзья, известно ли вам про «жадное железо»? — задав вопрос, он подошел к маленькой корзине в углу комнаты и достал из нее небольшой кусок руды, по форме напоминающий миниатюрное острие копья.

Учитывая то, что Раздавид, судя по всему, решил принять обет молчания, отвечать пришлось Артемиру:

— Разумеется, все равенцы знают про «жадное железо», из него выплавляют обычное железо, а иногда используют, как хранитель гвоздей и прочей мелкой железной утвари... — не удержав вздох разочарования, Артемир уточнил. — Датокил, неужели ты созвал нас лишь для того, чтобы показать кусок «жадины», который и у меня дома есть?

— Нет, разумеется, я лишь начал! — слегка покраснев от раздражения, пролаял Датокил. — Этот кусок мне принес один из моих знакомых с южных околотков, добыт он был из глубин нагорья, что отделяет юго-восток Гунталя от юго-запада и отличается особо сильными по своей «жадности» образцами...

— Меня и мой устраивает, добытый мною лично из старых шахт близ северо-западных границ мертвой пустыни Каматы. — кисло глянув исподлобья заявил Артемир.

— Ладно, просто помолчи недолго... — раздраженным голосом остановил его Датокил, с благодарностью глянув на Раздавида, который сохранял решительное молчание, принятое Датокилом за алчущее слушание. — В общем, я, кажется, открыл для нас возможности для того, чтобы покинуть Гунталь... — скромно закончил предложение Датокил, каждый слог которого становился все тише, будто хозяин дома в итоге испугался внимательности стен собственного жилища.

На лице Артемира застыла смесь удивления и недоверия, а Раздавид наконец сломал печать безмолвия:

— А? Что? Это еще как? Ты открыл, как нам прогнать Надзор и вернуться в Равению? — со словами, преисполненными энтузиазма, Раздавид приподнялся на стуле, упершись руками в край стола.

— Н-насчет этого не уверен, но я точно знаю, как можно без опаски отплыть с этих недобрых земель, и, возможно, найти новые, где мы все сможем жить свободными, не опасаясь преследования саргов! — почти криком закончил Датокил, явно показывая значимость его открытия.

— Ладно, ладно, рассказывай, в чем же суть? — нетерпеливо, но успокаивающе тихо спросил Артемир, выглянув с опаской в окошко дома, дабы убедиться, что никто не узнает про их собрание, кроме присутствующих в этой комнате.

— Ну так вот, если опустить все бытовые детали, в ходе которых меня осветило это осознание, то кусок «жадного» железа в воде целенаправленно стремится к одному и тому же месту, как ты емкость с этой водой не поверни. — опять слегка покраснев, пояснил Датокил.

— Правда? Неужели? — вдохновенно воскликнул Артемир, взяв из рук Датокила острый кусочек железа, и начав его пристально рассматривать, будто желая увидеть в нем что-нибудь еще более необычное.

— Опusti его в плоску с водой, как я случайно и поступил, уронив его в умывальную бочку. — порекомендовал Артемиру Датокил.

Артемир безропотно последовал совету, аккуратно опустив металл на гладь воды. Иговидный кусочек был достаточно легким, чтобы не утонуть, и, действительно, неторопливо развернул острие куда-то в сторону одного из окон дома. Как только движение «жадины» остановилось, Датокил пальцем аккуратно отклонил железку, но, не поддаваясь на его влияние, упрямая миниатюра вернулась к исходному положению, все так же указывая неизвестно куда, но уверенно и безотказно. Так же не смутили целенаправленность «жадины» ни болтыхание воды в плоске, ни повороты самой плоски в разные стороны.

Наконец, завершив эксперименты с «жадным» железом, Артемир неуверенно подвел итог:

— Таким образом, теперь у нас есть непоколебимый ориентир, не так ли?

— Именно, причем с переменной места ничего не меняется. Я множество околотков стоптал, дабы проверить свои осмыслы... — жертвенным тоном подтвердил Датокил.

— Значит, мы можем отправиться в мореплавание, не страшись сгинуть, утратиться в бескрайних водах? — повышающимся тоном Артемир пытался угнаться за полетом своих мыслей.

— Сгинуть можем, но, по крайней мере, будем уверены дюже в том, что не потеряем ориентир. — раздался оптимистическим резолютом Датокил.

— Что ж, тогда... Но у нас нет ресурсов для постройки кораблей... Едва ли пальм и местных деревьев на западном побережье хватит для этих целей, — разочарованно пролепетал Артемир, — а восточное побережье, богатое лесами, надежно охраняется усиленными батальонами Надзора...

— А ты резво мыслишь, Артемир, — заговорщически проговорил Датокил, похлопав собеседника по плечу, — мне нравится ход твоих идей. — И здесь он перешел на тихий и серьезный тон, нахмутив негустые брови. — И уж коли на то пошло, для всего нашего народа есть же готовый флот. Южный флот Саргии, второй из двух флотов Нордиктовской Лиги. Пришвартован на побережье региона Изножья оккупированной Равении, самом юге Нордикта, через пролив Сатиса от нас. Он не очень велик, однако корабли его содержат огненные орудия, а команды их состоят почти целиком из равенцев Заголовья, которых легко зовом крови и звоном злата склонить на нашу сторону. Сарги допустили здесь ошибку, возложив многое доверие на заголовцев, этим можем мы воспользоваться. Однако, чтобы быть целиком уверенными в том, что риски «обретения» флота будут уравнены всеобщим благом нашего народа, твоего народа, — с нажимом уточнил Датокил, ткнув пальцем в Артемира, — нам необходимо отправиться в морской путь на одиночном судне, да изведать, что находится к западу от Гунталя и Нордикта. И для этого то нам и пригодится мой целеуказатель. — горделиво закончил свои выкладки Датокил.

Артемир и Раздавид, взгляды которых были преисполнены пораженного удивления, одновременно спросили:

— Откуда ты это все знаешь?

Датокил, явно борясь с раздуто-самодовольным выражением, которое стремилось принять его лицо, лишь сдержанно ответил:

— Коррупция, друзья мои, поражает не только заголовских равенцев, продавших Равению в прошлую войну, но и в немалой степени саргов. Достаточно преподнести солдатам Надзора материальные ценности в обход коменданта — и их печати тайны и молчания ломаются, как соломинка под легким давлением пальцев. И, разумеется, далеко не каждый северянин здесь сочувствует Саргии. Некоторые находятся здесь на таких же условиях, что и мы — против своей воли...

— Это верно... — пространно вставил Артемир, вспомнив своего нового знакомого, Йона Аппулия, и его историю несправедливости. — Но все же, почему отправиться стоит на запад?

— Частично на этот вопрос ты уже ответил — восточное побережье куда как бдительнее охраняется. — развел руками Датокил. — Но вторая причина куда менее определенная, и оттого много более притягательная. Позвольте спросить: помните ли вы, друзья, таинственный снегопад, пришедший именно с запада много лет назад? — Датокил сощурил глаза, нагоняя туману своим словам. — Теплый, грязный осадок, тучи с которым затмили Звезду, накрыл нас, доселе не видавших таких чудес, равенцев, находящихся на жарком Гунтале... Даже в Равении снег выпадает раз в десятилетие, не чаще...

— Да, я помню, тогда из-за этой мрачной яви у нас погиб почти весь урожай, и без того

скудный для пропитания после выплаты натуральной дани Надзору... — мрачно выговорил Артемир, — много наших людей погибло, а у Раздавида...

— В те черные дни умер от голода мой младший братик... — сдавленным голосом выдавил из себя бедолага Раздавид.

Ненадолго воцарилось молчание, вызванное скорее неловкостью резкой перемены тона беседы, нежели горем — к смертям соотечественников все уже привыкли, и иссушенные сердца равнецов уже почти не откликались на зов слез.

— Что ж, я сочувствую тебе, Раздавид, но все же... На западе определенно что-то есть, и мы можем это выяснить. Возможно, там есть земли, бывшие недоступными для нас, но теперь мы можем попасть туда, и найти новый дом для нашего народа, недостижимый для преследователей! — первым нарушил молчание Датокил, вернув атмосферу в авантюристическое русло.

— Я доверюсь тебе в этом, друг Датокил... — Артемир призадумался, почесав подбородок. — Да и других предложений у меня все равно нет. Остается только построить небольшое судно, способное выдержать длительное плавание в открытом море...

— Можешь об этом не беспокоиться, — деловито перебил Датокил, — разрешение этого дела беру на себя.

— ... И еще необходимо скрыть наше отсутствие. — Артемир еще глубже погрузился в раздумья. — Нет! Не так... Наше отсутствие невозможно скрыть, учитывая подробные переписи Надзора... Нужно вообще вычеркнуть нас из их списков, чтобы они не начали раскапывать своими рылами тонкий слой песка над нашими планами...

— Этот вопрос я тоже обтяпал, так сказать... Но тебе путь, по которому я пошел, может показаться слишком темным. — уклончиво заявил Датокил. — Главное, помни: после самой густой темноты дневной свет кажется много ярче. — виноватая улыбка слегка осветила уже утомленное лицо Датокила.

— Возможно, тебе стоит пролить свет на этот путь немедленно? — не терпящим возражения тоном отчеканил Артемир.

— Нет. Да и в любом случае, нужно знать, куда тебя отправит наш местечковый Перст коменданта, дабы умысел воплотился в жизнь. А покамест, уходите по домам своим! Я уже устал от вас, да и утро не за горами. — ворчливо положил конец собранию заговорщиков председатель оного.

— Что ж, за сим и кончим... Не забудь держать нас носом к ветру, Датокил! — воззвал Артемир, направляясь к выходу. — У тебя же нет возражений, Раздавид? — повернулся Артемир к своему давнему другу. — Ты был слишком молчалив нынче.

— Я всегда на твоей стороне, Артемир! Что бы вы не решили! — с готовностью выпалил Раздавид, разразившись своей преданной, гордой, но немного глуповатой улыбкой.

* * *

В оставшуюся ночь после собрания, несмотря на сильную телесную утомленность, Артемир не мог найти покоя во сне, ибо разум его рисовал все новые и новые картины: от свободной жизни на дальних берегах, существовавших пока лишь в его воображении, до кровавого похода на Саргию и освобождения всех нордиктовских народов от гнета Лиги. Хотя, с чего это он взял, что Лига угнетает своих членов? Возможно, его рассудок, так привыкший к страданиям, причиненным и причиняемым саргами, спроецировал это отношение и на остальных? Справедливо ли это?.. В итоге, успокоившись мыслями о том, что с момента раскрытия Датокилом возможности навигации в открытом море ничего еще

не изменилось, и, возможно, не изменится, Артемир занялся тяжелым предутренним сном, не принесшим ему сновидений.

Пробуждение Артемира оказалось легким, несмотря на то, что заснул он почти на заре. Действительно, его отточенная годами привычка подниматься очень рано оказалась сильнее любой усталости. Разговор, которым он так вдохновился ночью, теперь казался ему невероятно глупым и незрелым, а от воспоминаний о своих нелепых мечтаниях, кои собранием были разбередены, у него пробился стыдливый румянец. Но как позавчера ночью он распинался перед Раздавидом про свободу своего народа!.. Решив пока забыть обо всем, будто ничего не было, он наскоро запихнул в себя, как всегда, кусок пересоленного вяленого мяса, закусил парой острых от черствости, как бритва, сухарей и собрался на площадь для распределения...

* * *

В размеренно привычном ритме прошел месяц, и Артемир постепенно излил из своей памяти все то, что почерпнул на том собрании у Датокила. Жизнь его была неизменной с той ночи, и Артемир решил, что так оно и будет дальше, потому спустя все это время он также собирался на трудовое распределение, как и в первое утро после их заговорщического собрания...

А на площади уже полным ходом шли выклики-отклики. Когда подошел Артемир, до его околотка было еще несколько предшествующих, так что он глубоко вздохнул и вперил глаза в Перста коменданта, который, по обыкновению, проклинал про себя жару, равенцев, и пес знает что еще... Не желая видеть сейчас никого из своих тогдашних собеседников, Артемир спокойно дождался своей очереди:

— Эмир, околоток семь!

На этот раз услышав свое имя с первого раза, Артемир вышел из толпы. Окинув молодого человека безразличным, псевдооценивающим взглядом, Перст выпалил:

— Истощенные железные рудники к юго-востоку отседова! Его высокочинство — господин Комендант — наказал их прокопать вглубь для поисков алого камня. — выдав указание, Перст опустил голову к листам разнарядки и начал скрипеть пером, пока Артемир выходил из толпы соотечественников.

«Наконец, он забыл про тот случай, — облегченно подумал Артемир, отойдя от площади, — я думал, он до конца жизни моей бедовой будет меня гнобить... И место моего предстоящего труда... Я же там работал, и обсуждал это тогда у Датокила...», — при последних мыслях Артемир вновь вспомнил ту самую ночь, нахмурился, и дальше держал путь, стараясь ни о чем не думать.

Идти долго не пришлось, ибо истощенные железные рудники, где Артемир некогда добыл себе кусок «жадного» железа, находились недалеко от его околотка. Под небольшими каменистыми образованиями спрятался круто уходящий вниз вход, едва выступающий над песками.

— Отлично, восемнадцатый здесь, до двадцати осталось еще двух подождать, — деловито сказал один из двух солдат Надзора, вооруженный пером и листом, другому, вооруженному ружьем и длинным кинжалом, когда Артемир подошел ко входу в рудник, прикрытому разваливающейся деревянной дверцей. Второй охранник в ответ на дежурную реплику своего товарища лениво переступил с одной ноги на другую, издав хмыкающий звук.

— Каково твое имя, друг, мне нужно его выцарапать на этом листе, дабы у тебя и нас не

было потом проблем, — лучезарно улыбнувшись, вежливо спросил у Артемира, видимо, писарь.

Ошарашенный подобным отношением к себе, Артемир, запнувшись, ответил:

— А-ар... Эмир из седьмого.

— Что ж, прекра-асно, — растягивая слоги, записал писарь, — заходи внутрь, работяга, там старшина смены определит тебе твой труд. Когда все будут на месте, начнем. — опять дружелюбно озарив Артемира улыбкой, солдат указал пером на дверцу.

Кивнув головой в знак того, что все понял, Артемир осторожно приоткрыл дверцу, которая жалобно скрипнула, недовольная тем, что ее дряхлость вновь потревожили. За ней оказался уже знакомый ему спуск и длинный коридор с небольшими ответвлениями, стенки которого были подперты бревнами, во многих местах лопнувшими. Путь уводил вниз и был скудно освещен парой факелов, однако в конце коридора на истерзанных кирками каменных стенах ярко мерцал теплый свет. Как догадался Артемир, свет исходил из самого крупного ответвления рудника, находившегося в конце коридора, после поворота направо. Почувствовав прилив уверенности, Артемир бодро зашагал на свет, будто мотылек, гипнотически очарованный светом огня, разожженного теплым летним вечером...

Повернув в конце коридора направо, Артемир, слегка пожмурившись от яркого света множества факелов, увидел компанию равенцев, среди которых он узнал Раздавида.

— Хм, и ты здесь, друг Раздавид... — задумчиво, вместо приветствия, произнес Артемир, в душе успев порадоваться тому, что ему будет помогать такой физически развитый равенец, да еще и друг.

— Здравствуй долгие года, Эмир! — громыхнул акустикой рудника Раздавид, приветственно хлопнув друга по плечу, слегка его пошатнув. — Редкие времена нам доводится работать вместе, поэтому сегодня поистине удачный день!

— Эмир, значит? Раздавид, с которым нам часто выпадало вместе работать, рассказывал, что ты благороден в душе и силен в руке, — раздался уверенный командный голос — из толпы работяг, сохраняющих дисциплинированное молчание, вышел, по-видимому, старшина смены, — а для меня этого достаточно, чтобы таковой равенец стал мне хорошим другом. Мое имя — Казарт, я из первого околотка, и я сегодня здесь старшинствую. — Казарт протянул руку для приветствия, и Артемир крепко ее пожал.

Следом за старшиной поприветствовали Артемира и другие его сотрудники на сегодняшней день. Теперь Артемир на полных правах присоединился к остальным в ожидании оставшихся двух равенцев.

...Прошло около сорока минут. С одной стороны, Артемир знал, что на подобные тяжкие работы собирают людей с ближайших околотков, дабы не тратить их силы на путь, с другой же — чем дольше он не работает, тем меньше он работает, потому особых переживаний из-за долгой неявки последних членов команды он не испытывал, успев обменяться парочкой дежурных фраз с Раздавидом. Как оказалось, старшина Казарт подходил к данному вопросу более ответственно:

— Что ж, у нас есть инструменты, есть инструкции, предлагаю начать немедленно, а по прибытию оставшихся людей их подгрузить. Сегодня нам предстоит кирками продлить это ответвление до тех пор, пока вечер не накроет эти земли своей темнотой. Я и Закаридад начнем первыми. Для больших пока места нет, потому работаем, сменяя друг друга. Артемир и Раздавид, на вас возлагаю вынос камней носилками до близлежащих слепых кишок этого коридора. Что ж, да поможет нам равенская выдержка! — с этими бодрящими словами он

взял в руки кирку. К нему присоединился рослый равенец с решительным, но каким-то нелепо натуженным выражением лица. Артемир и Раздавид покорно взяли в руки носилки и положили их подле Казарта и Закаридада, с фанатичным упорством, характерным для трудолюбивых равенцев, высекающих искры и камни из стены, в то время как остальные загружали эти самые носилки. Спустя некоторое время носилки заполнились, и друзья с криком подняли их, понеся в неиспользуемые ответвления шахты. Так они проделали несколько ходок. Тяжелая рабочая атмосфера накрыла нестерпимо жарким гулом замкнутой, слепой коридор, вынуждая покрытых липким потом трудяг попеременно отходить подальше, вдыхая затхлый, но все же не перегретый воздух. Дошел черед и до Артемира, которого подменил на время отдыха один из его новых товарищей.

Глоток воздуха за глотком, минута отдыха за минутой, Артемир приходил в себя после долгих переходов с камнями. Стянув с себя кожаную рубаху, отчего его длинные черные кудри прилипли к спине и ключице, Артемир рассматривал свои натруженные руки, сжимая-разжимая кулак, сгибая-разгибая локоть, довольствуясь своей физической формой. И тут за этой нарциссической процедурой Артемира застали ожидаемые двое работников, про которых остальные уже успели и забыть, замыслившись в тяжелой работе. Да еще и какие работники! После недолгой вспышки света, ознаменовавшей открытие и мгновенное закрытие входной дверцы, в коридор спешно ввалились Датокил Хитрейший и еще один равенец. Артемир, застыв на месте от неожиданности их визита, даже не успел рассмотреть его, а смотреть было на что: огромнейшие размеры, нехарактерные даже для самых величественных равенцев, абсолютное отсутствие волос на голове, ни бровей, ни бороды. Кругом на его мощном, скуластом лице с монструозным подбородком и колоссальном теле были видны ожоги и прочие шрамы, характерные для пыток. Левый глаз отсутствовал полностью, на его месте ужасающе привлекало внимание дурно зажившее месиво из кожи, приправленное глубокой крестообразной впадиной. Оставшийся в живых небольшой глаз сиял неопишимо яркой синевой, но при этом был мертвенно спокойным в неподвижных веках, что добавляло страха. Кривой и толстый нос был многократно сломан, на высоком и рябом лбу было вырезано клеймо «НБ» (по саргийской классификации это означает «Непокорный» и «Бешеный»). Обычно пленников с двумя и более поведенческими «изъянами» казнят...). Отсутствовали напрочь мизинцы на руках. Одет он был в старые домотканые обноски, покрытые затертыми темными пятнами и многочисленными разрывами, что довершало его образ бежавшего из саргийского плена заключенного, прошедшего через все ужасы плотоядных издевательств. Датокил же был обыден, хотя на его лице проступила блестящая в свете факелов испарина, да и черные глаза соответствовали, мандражно сверкая в глазницах.

— Артемир! Могло ли быть такое, чтобы мне так повезло и я словил тебя здесь, в одиночестве? — радостно и удивленно улыбнувшись, негромко спросил Датокил.

Краем глаза Артемир заметил, что Датокил что-то спешно убрал за спину. Само нутро подсказало Артемиру, что этот акт недоверия достоин опаски, но он не хотел этого выказать, а потому неестественно естественным голосом поинтересовался:

— Датокил, ты со своим спутником пришли помогать нам, помест двух оставшихся?

Датокил насмешливо и снисходительно поднял брови, при этом опустив подбородок, будто услышал нечто наивное и глупое, достойное речей младенца. По неизменности выражения лица Артемира поняв, что тот говорил серьезно, Датокил и сам принял серьезный облик, быстро засипев своим шепотом:

— Артемир, я здесь, чтобы ознаменовать радостную весть: время пришло! Ты же не запамятовал то, о чем мы решали тогда ночью, объединившись в сонм преданных сынов былой Равении?

Мысленно сложив воедино воспоминания о тогдашнем собрании и теперешние слова Датокила «время пришло!», Артемир почувствовал крепкую силу собственного сердцебиения.

Заметив волнение Артемира, Датокил взял все в свои руки:

— Мы нашли тебя одного, и это главное. Желательно, чтобы из твоих соратников никто не узнал, что мы здесь. — заметив, что Артемир начал разглядывать его спутника, Датокил с улыбкой высказался, — я представлю тебе этого уродливого молчуна позже. А теперь нам нужно отлучиться. Когда мы вернемся, будь готов покинуть рудник.

Только Датокил закончил наставление, их обоих и след простыл. Остался лишь Артемир, кровь в голове которого стучала в противном диссонансе с гулкими ударами беспощадной равенской кирки в отдалении и пронзительным скрипом мыслей.

— Эмир, дружище, ты не заснул? — подошедший внезапно Раздавид прервал какофонический концерт в голове Артемира. — В трудовом порыве никто не заметил твоего отсутствия, но ведь нужно уважать своих товарищей, и...

— Тихо! Мы покидаем рудник и наши околотки. Датокил что-то придумал, и сейчас будет здесь. — раздражающие в, возможно, поворотный момент жизни попытки Раздавида воззвать к совести привели Артемира в состояние бунтующей решительности, и он взял на себя согласие стать частью любого плана Датокила, вера в ум которого была непоколебимой.

Приняв на себя мучительное выражение лица и чуть не потеряв равновесие, видимо, не вынеся его тяжести, Раздавид оперся рукой о стенку, покрытую конденсатом. Начав усиленно качать легкими воздух, он таки выдавил из себя словесную реакцию:

— Неужто... так скоро?

— Что значит «так скоро»? — Артемир сраженно уставился на друга. — Неужто ты не жаждал этого момента? — укол совести при мыслях о своем прежнем отношении к этому вопросу, выявив гнилостный с мятным оттенком запах лицемерия, скривил вниз уголки губ равенца.

— Это неважно теперь. Как я и говорил, я всегда на твоей стороне, и буду на ней, во что бы ни вылились делишки Датокила. — на этот раз по решительности выражения Раздавид переиграл Артемира в пыль.

— Рад это слышать, друг мой, — в который раз порадовавшись такой верности, Артемир расправил свои плечи. Потом, вспомнив слова Датокила, уточнил, — так, значит, никто не заметил моего долгого отсутствия?

— Нет, Эмир, Казарт умело вдохновил всех на самоотверженный рабочий упор. Они бы не заметили и гунтальского слона, затесавшегося в их рядах. — Раздавид усмехнулся.

— Да-а, если бы они не вымерли, в чем мы им немного помогли... — поддержал улыбкой шутку друга Артемир.

На этой ноте друзей прервал скрип входной двери, очередная вспышка света из прохода, окаймляющая силуэты двух согнувшихся равенцев, несущих между собой на руках большой мешок, содержимое которого вызвало у Артемира недюжинный интерес. Подойдя к ним, Датокил и «НБ» с облегчением опустили свою ношу, благодарно издавшую легкий и нежный деревянный стук. Датокил, посмотрев на Раздавида с едва уловимой досадой, сказал:

— И ты здесь, дорогой Раздавид. Что ж, тогда приступим. — с этими словами он откинул стенки мешка, открывшие двум друзьям четыре больших деревянных бочонка, в которых равенцы обычно хранят сухари.

— Что там, Датокил? — с противоречивой смесью тревоги и всепожирающего любопытства спросил Артемир.

— А это, друзья мои, стихия, несущая огонь, разрушение и смерть. — чуть ли не с полюбившей лаской метафорировал Датокил, откинув крышку одного из бочонков. Внутри тары скромно блеснул красной пылью порошок, который был мгновенно распознан ошеломленным Артемиром, как алый уголь, который использовал Йон Аппулий, демонстрируя ружейную стрельбу.

— Откуда столько?.. Как?! — все, что смог выдавить из себя Артемир, выпучив глаза. Раздавид же, незнакомый с ружейным топливом, всего лишь с недоверием окинул взглядом бочонки, решив придерживаться своей стандартной тактики: молчать, предоставив слово более чисторечивому Артемиру.

— Коррупция, как я уже и говорил. Яд, который травит и изводит Надзор, для нас — живительный нектар. — возвышенным тоном сказал Датокил, после этого более приземленно уточнив. — Год за годом я выменивал у нерадивых солдат небольшие порции алого угля, и накопил достаточно, чтобы обрушить хрупкие, истерзанные своды этого затасканного рудника.

— Так вот что... ты надумал сделать. — уловив нить плана Датокила, Артемир ненадолго задумался. — Подстроить взрыв рудника... якобы от газа, так же, как и... погиб мой отец. — В задумчивости шепотом покомкав слова, Артемир логически дошел и до предсказуемой части плана. — А как же остальные шестнадцать равенцев? Неужели?..

— Нам нужны трупы, если вдруг сарги решат раскопать завалы. — не терпящим возражений железным тоном Датокил подтвердил опасения Артемира.

— Так вот почему ты не хотел объяснять свои мысли тогда, говоря, что мне не понравится их ход... Знаешь, ты был прав. Какой смысл спасать весь наш народ, если мы так расточительно жертвуем жизнями отдельных его сынов? — Артемир возмутился, однако, в глубине души, уже смирился с ценой. Что ж, если нужно заплатить столько, чтобы дать жизнь их судьбоносным помыслам, упираться явно глупо. Пожалуй, холодной прагматичности в нем было более, чем многие думали.

Раздавид мыслил не так холодно, потому открыл уже было рот, чтобы поспорить, но Артемир, уже решившийся, опередил его:

— Будь по-твоему, Датокил, я согласен. Но нужно спешить, пока рабочие не хватились нас, или пока не возникло нужды выносить камни. — Артемир вслушивался в грохот работы, в то время, как Раздавид разочарованно хлопнул ртом, не сиеясь возражать, поминая про свое обещание поддержать своего друга.

— О... Я думал, что тебя придется уговаривать много долее! — с облегчением выпалил Датокил, но потом, спохватившись, понизил голос. — Что ж, тогда начнем закладку и готовку фитиля. Хрграр, занеси охрану!

«НБ» по имени Хрграр вышел, тут же вернувшись, таща за шивороты два трупа с перерезанными глотками, за которыми вяло плелись кровавые дорожки. Тут же в голове у Артемира сложилось и то, что спрятал за спиной Датокил, и почему так свободно ходили они туда-сюда с Хрграром («Ну и имечко! Видимо, одно из равенских древнейших, передаваемое по наследству из поколения в поколение. Для него, судя по всему, имя — все,

что он получил от предков...», — подумал Артемир).

— Единственные солдаты Надзора, которым я не желал смерти, лежат предо мною убиты. — с печальной улыбкой вымолвил Артемир, вглядываясь в посмертную маску бледного ужаса бедного писаря.

— Да-а, этот гаденыш забрызгал мне руки своей кровью, пришлось песком стирать. Второго сдушегубил Хрграр, а его запас угля высыпал в один из бочонков. Они точно не ожидали такого, даже почти не сопротивлялись. — с плотоядным удовольствием резюмировал Датокил, смотря, как Хрграр заложил бочонки у самых уязвимых мест коридора рудника. Стенки и потолок, подпертые большим числом подломленных бревен, едва ли выдержат замкнутого взрыва, после которого проходы превратятся в смертельную ловушку. После закладки взрывчатки Хрграр подтащил трупы охранников поближе к эпицентру предполагаемого взрыва, чтобы, как объяснил Датокил, взрывом их изувечило до степени неузнаваемости. Ведь трупы охранников с перерезанными глотками могут вызвать вопросы и неудобные подозрения. В окончание процесса подготовки Хрграр через щели в закрытых крышках бочонков надежно закрепил короткие фитили, после чего вопросительно посмотрел на Датокила, ожидая дальнейших указаний.

— Что ж, время настало. — тихим, спокойным и уверенным голосом возвестил Датокил, сняв один из факелов со стены. — Выходите все, я подожду их. — повернулся он к остальным.

Подчинившись призыву, Артемир и остальные вышли из рудника, щуря глаза от слепящего света Звезды. Светило готовилось к послеполуденному моциону по небесам Вирида, безразлично наблюдая за происходящим внизу. Спустя минуту из каменного чрева явился Датокил, руками указав всем отойти за ближайшую каменную глыбину, что все поспешно и сделали, высунув одни только головы.

— Надеюсь, что срабо... — не успел Датокил высказать свои опасения, как раздался сильный приглушенный грохот, дверцу рудника сорвало, а из входа вырвался вихревой коктейль из пламени, песка, пыли и дыма.

— ...Я надеялся, что рудник обрушится целиком, но каменный свод, судя по всему, устоял. — с легким разочарованием заметил Датокил.

— Взрыв вообще привел хоть к коим-нибудь разрушениям? — ненастно поинтересовался Артемир, уцепившись потными руками в глыбу, за которой прятался, боясь приближаться ко входу в рудник.

— Да, чуть далее от входа все завалило... Судя по всему, основательно... За завалами гробовое молчание. — Датокил, разгоняя руками грязное облако, осторожно подошел к братской могиле шахтеров, на секунду исчезнув из виду в источающей расщелине, но сдавленным от пыли голосом рапортуя об увиденном. Вернувшись к остальным, Датокил искусственно траурным голосом прогудел:

— Слова прощания будут?

— Не в обычаях убийц отдавать дань уважения своим жертвам. — гадливым голосом, сморщившись от сильного приступа тошноты, выдавил Артемир.

— Тогда нам нужно поспешить в убежище, что в центральном западе Гунталя. Я давно его обосновал, и Надзор там — редчайшее явление. Оттуда мы будем вести наши дела, и в этом нам помогут мои не менее свободолюбивые, чем мы, друзья и знакомые, которых, к сожалению, иногда раскрывают и убивают. Ну же, пошли! — не давая двум новоосвобожденным погрязнуть в рефлексивном чувстве вины, побудительно прикрикнул

Датокил. Отключив свое сознание, дабы дать ему отдохнуть от осмысления свершенных деяний и их последствий, Артемир подчинился, словно послушный пес, которого потянули за поводок. Еще менее независимый Раздавид поступил так же. А для Хрграра, судя по его поведению, раболепное подчинение Датокилу вообще являлось априори правилом жизни.

Несколько часов перехода по широкой и безлюдной пограничной зоне между пустыней Каматой и полосой околотков, чередуя каменистые подгорья, сухие пролески и песчаные холмы, Артемир преодолевал совсем без усталости. Замыкая маленькую колонну дезертиров, Артемир смотрел в одну точку на спине Раздавида, так что его поле зрения затемнелось и сгустилось к маленькой области. Внезапно, нарушив гробовое молчание, ранее прерываемое только хрустом сухостоя под ногами, Датокил на ходу вспомнил:

— А ведь недурно было бы вам представить моего главного помощника — Хрграра. — повернув голову вбок, чтобы его, идущего впереди, было лучше слышно, Датокил начал небольшое повествование. — Я знаю Хрграра с тех пор, как пять лет назад приютил изуродованного, истекшего кровью беглеца из карательного лагеря Надзора, загнанного, как последнего волка, обездоленного и обозленного. — Датокил прервался на секунду, бросив сочувственный взгляд на Хрграра, который шел за ним и не давал понять, что принимает участие в их беседе. — Его язык был вырезан изо рта за сквернословие в адрес саргов, убивших всю его родню, тело обуродовано, а на лбу красовалось свежее клеймо, безоговорочно делающего из него моего союзника — «Непокорный» и «Бешеный». Я поселил его в своем убежище, которое основал уже давно, вынашивая ненавистнические замыслы по отношению к Надзору и вообще всей Нордиктовской Лиге. Знакомый лекарь выходил его и залечил его раны, оставив зиять и изливаться кровью лишь одну, общую для нас всех — жгучую рану ненависти к саргам. К слову, как ты знаешь, у многих она зажила, едва ли оставив и шрама... — тут Датокил замолчал, презрительно скривив губы. Как будто опомнившись, Датокил продолжил. — И еще: ему можете не представляться, я рассказал ему и про благородного Артемира и про преданного Раздавида. Он вас уже знает.

В подтверждение слов Датокила Хрграр повернулся к Артемиру с Раздавидом, склонил в почтении голову и издал хмыкающе-гудящий звук, наверное, означающий уважение. Оба не менее почтительно склонились в ответ, отдавая дань его тяжелой истории...

Остаток пути преодолели в усталости, но спокойствии — патрули Надзора не отходят так далеко от околотков, если не проводятся поиски пропавших, или же насвежо скрывающихся. Звезда уже в сладостной истоме начала укрываться полосой горизонта, готовясь ко сну, когда «убитые» в результате взрыва газа в руднике равенцы вошли в небольшой лесок из вечнозеленых деревьев с жесткой, маслянистой листвой. Кроны зеленых неприхотливцев достаточно надежно прятали все, что находится в их тени. Сквозь весь лесок, взяв исток в небольшом озерце, протекал неширокий ручей-речушка, выбегающий из него и уходящий вдаль, на запад, к побережью.

— Какие жизнеспособные деревья... Не думал, что в отдалении от побережья такие встречаются. — не скрывая восхищения, запрокинул голову Раздавид, разглядывая зеленые шапки деревьев. Обитальцам было не до любопытного равенца: они лениво шелестели листьями, разгоня горячий ветерок, приятно смягченный свежей прохладой речки.

— Все вода. Она — источник жизни и этой зелени, и нас всех. Без этих речушки и озера добыть здесь воду было бы очень тяжело — принесенная из околотков, она быстро портится в жару. — поучительным тоном разжевал Датокил, подобрал коротенькую веточку с земли и пошел дальше. Заметив заинтересованный взгляд Артемира, Датокил туманно пояснил. — Это понадобится позже.

Лесок закончился быстро. На смену ему пришла сухая равнина, в отсутствие воды очень быстро переходящая в песчаную пустыню на горизонте. Вся равнина была усыпана огромными каменистыми образованиями, среди которых было легко укрыться. Артемир, взглянув на этот естественный лабиринт, понял, что убежище Датокила находится неподалеку. И действительно, пройдя шагов сто по извилистому и неудобному пути среди больших камней, засыпанному мелкими и острыми камушками, Датокил остановился рядом с одним из самых больших булыжников, полюбовно похлопав его по шершавому горбу.

— Вот мы и на месте. За этим камнем вход в убежище. Но не ропщите, ибо оно не походит на роскошные равенские шатры, умощенные пушистыми коврами и мягкими подушками. — с претензией на насмешку в голосе предупредил Датокил. Никто не посмел возражать.

Зайдя за камень, Датокил нагнулся, ухватился за край одного из плоских камней, лежащих плашмя на земле под небольшим уклоном, и... отогнул его. Оказалось, это был не камень, а сильно запыленная грубо тканая шторка, скрывающая вход в темную землянку, негостеприимно нахмуренную темнотой и сухой затхлостью. От созерцания этой дыры Артемиру кольнуло сердце воспоминание такого же входа в рудник, где они сегодня оставили мертвящий след своего присутствия...

— Надо же, не отличить от окружающих здесь все камней. — усталым от работы и долгой ходьбы голосом с хрипотцой поразился Раздавид. Приподняв штору, он невольно пустил завесу в виде облачка густой пыли.

— Не вороши лишний раз, песок стряхнешь, — заворчал Датокил, — благодаря нему маскировка так хороша. Сейчас я разожгу факел, и вы зайдете.

Исчезнув в темноте землянки на секунду, Датокил вынырнул обратно с куском древесной коры и не горящим факелом в руках, в середине которого было углубление, которое Датокил тут же обильно засыпал растертой трухой из небольшого мешочка.

— Старый способ... — вяло прокомментировал Артемир.

— Уж прости, великодушный Претендент, увеличительного стекла у меня нет! — раздраженно парировал Датокил, активно вкручивая подобранную в лесу палочку в кору. Наконец, появившийся с трепещущей робостью дымок возвестил о том, что кору можно раздуть, что Датокил и сделал, породив небольшое пламя, которое он подпитал еще большей порцией трухи.

— Помните: не разжигайте больших костров, иначе дым будет виден издалека! — наставлял по ходу дела Датокил своих гостей, сидевших на горячих камнях рядом со входом в убежище. В это время Хрграр держал факел, обмотанный промасленной тряпкой, над новорожденным очажком. Наконец громила, достигнув успеха, занес воспламененный источник света в землянку, и Артемир с Раздавидом смогли оценить ее скромнейшие округлые просторы диаметром в пяток шагов, скрашенные ласковым мерцанием света факела.

— А тут уютно, хоть и очень низко... Ай! — ударившись темечком об выступ на потолке, Артемир сел на расстеленные около стен плотные циновки, растирая ушиб. К нему присоединился Раздавид. В целом, Артемиру понравилось убежище. Оно, конечно, уступало по размерам его прежнему дому, и дышать тут было тяжелее, чем на открытом воздухе, но осознание почти полной безопасности и отсутствие трудовой повинности заглушали любые неудобства.

— Я очень обрадовался, найдя в результате утомительных поисков это место. — взяв из

рук Хрграра факел и поместив его в подставку, вколотую близ выхода, Датокил сел напротив Артемира и Раздавида, рукой пригласив Хрграра последовать его примеру. — Сначала я хотел просто прятаться среди камней на этой благословенной равнине, рядом с лесом и источником воды, но провидение одарило меня еще щедрее, и я обнаружил пещеру, которую расширял до этих размеров на протяжении года. И теперь мы имеем то, что имеем. — гордо заключил Датокил, радостно оглядев свои крошечные пенаты, остановив взгляд на мешке, скромно лежащем у стенки. Как оказалось, там были сухари, которыми все не без аппетита перекусили. Запили сухпай речной водой, которую принес Раздавид в деревянном ведерке, притащенное Датокилом заблаговременно из своего околотка. Да, так Артемир согласился бы жить!..

И жил, уже около месяца жил. Все то время, что прошло с судьбоносной авантюры Датокила, основатель убежища постоянно отлучался, прихватывая с собой свою обширную тень — Хрграра. Артемиру с же с Раздавидом приходилось бездельничать, что по первым порам работягам давалось тяжело, и скука оказывала подавляющее воздействие. Чтобы развеяться, Артемир ходил на разведку, а Раздавид приносил воду. Как и ожидалось, разведка ничего не давала — ни равенцев, ни солдат Надзора в округе не было. Один только раз Раздавид рассказал, что из околотка в отдалении прибегали играть равенские дети рядом с лесом, чего, впрочем, более не повторялось. Не видя дальнейшего смысла стаптывать окрестности, Артемир начал ходить к руднику, который они уничтожили. Правда, пользы от этого тоже было мало — кроме следов, оставшихся от попыток разбора завалов, а также остаточного чувства вины, там ничего не было. Видимо, надзорщики положили крест на истощившейся и разрушенной шахточке, даже не выкопав тела, там навеки захороненные. «План удался, нас не ищут, взрыв приняли за обычную катастрофу...» — успокаивал себя Артемир, продолжая, впрочем, ходить к «могиле», словно дух, привязанный к своим бранным останкам. Один раз он даже издали увидел девушку, в которой без сомнений узнал Алилу. Равенская красавица долго стояла близ заваленного входа, говоря что то, шевеля своими губами, а потом неторопливо ушла. Артемир, придавленный тяжестью сочувствия бедной Алиле, страдающей напрасно, более решил не ходить туда...

Тут то бы и начать сходиться с ума от безделья, но спасение от этой нелепейшей участи принес Датокил. Хитрейший вернулся вечером после очередного отсутствия, сиянием своим освещая их нору не хуже, чем десяток факелов. В убежище на тот момент был один Артемир, Раздавид же ушел за водой.

— А и довольным же ты выглядишь, Датокил. Поделись с нами своей радостью, уж не обдели... — хмуро пробубнил Артемир, от скуки начавший вырезать острым камушком из кусков дерева куколки, отличающиеся особой несуразностью, ведь навыком этого искусства молодой человек не владел.

— Радость не беспричинна — теперь мы сможем отплыть с Гунталя. — с сухой рутиной в голосе отрапортовал Датокил, сложив руки на груди.

— Уже?.. Неужто?.. Вот уж действительно радостная весть! — вынырнул из тины уныния Артемир. — А... Почему ты не брал нас с собой? Мы могли бы помочь!

— Постройке корабля вы могли бы лишь навредить, — возразил Датокил, бросив презрительный взгляд на жалкие поделки Артемира, — а сведением нужных людей и координацией их деяний может заниматься успешно и один человек. Хрграр же добавляет убедительности моим речам. — Датокил усмехнулся, хлопнув по плечу своего немого помощника, который в ответ грозно буркнул.

— Так значит, поутру мы уходим? — блеснул глазами Артемир, с энтузиазмом сжав руками свои стопы, которые он сидя скрестил.

— Нет, лучше будет выйти ночью, после обхода Надзора. Так у нас будет больше шансов отплыть незамеченными. — погрузившись в раздумья, Датокил сощурил глаза. — Надеюсь, я все учел: припасы, целеуказатель, команда...

— Команда? — в убежище зашел Раздавид, расплескивая воду из качающегося ведра. — А нас будет мало? — резко поставив ведро на пол, он выплеснул еще больше воды.

— Четыре весла даже для маленького суденышка — это ничтожество. — пояснил Датокил. — Еще не забывай о том, что нам нужна будет смена, иначе мы далеко не уплывем.

— А-а, и то верно... — рассеянно согласился Раздавид, ополоснув блестящее лицо водой, что он только что принес.

— Располагайтесь к отдыху, ибо ночью будет не до сна! — повелительным тоном указал Датокил. — Я буду бдеть первым, потом Хрграр... Проспать мы себе позволить не можем!

Смена Артемира была последней, и как только темнота ночи сгустилась до практически осязаемой меры, он растряс остальных.

— Замечательно, ночь совершенно непроглядна, нас никто не увидит. — хриплым голосом заверил Датокил, прочищая горло. — Тушите факел, откидывайте штору, пойдём до лесу, а потом по берегу речушки, так в темени не заплутаем.

Выполнив указания Датокила, все выбрались из убежища в холодные объятия пустынной гунтальской ночи, взбодрившие тех, кто не до конца проснулся. Замаскировав вход, они медленно, но верно направились в сторону леса. В лесу они некоторое время искали озеро — исток реки, повсеместно ломая лицами низкие ветви деревьев и распугивая мелких ушастых грызунов, поднимающих в панике назойливый шорох. Выйдя, наконец, к воде (Артемир, охнув от неожиданности, провалился по колено в остывший водоем, возникший перед ним из ниоткуда), путники пошли по берегу речушки, тихим журчанием зазывающей на верный путь.

— Мы близко. — лаконично потревожив тишину, возвестил Датокил, завидев в отдалении огоньки факелов прибрежного околотка. — Теперь свернем к югу от поселения, там нас ждут остальные четверо спутников.

Расставшись с речкой, которая дальше побежала в сторону побережья в одиночестве, ночные авантюристы взяли угол влево, устремившись к стоящей отдельно от околотка деревянной хибарке, видимой в тусклом свете каменного очажка. Подойдя достаточно близко, Артемир заметил темные силуэты двух людей, вышедших из хибарки им навстречу. Датокил, завидев их, поспешил на приветствие. Достигнув теплого света очага, который едва ли пересиливал промозглую прохладу ночного побережья, Артемир смог рассмотреть незнакомцев. Ничего необычного, если не учитывать того, что они были братьями: оба — примерно ровесники Артемира со стройными, поджарыми телами, увенчанными курчавыми черноволосыми головами. Волосы у одного из них были забраны назад дугообразным гребешком, у второго — собраны в небольшой торчащий хвостик. Вероятно, они прибегли к этим косметическим премудростям для того, чтобы их можно было эффективно различать. В остальном же они были идентичны: глубоко впавшие серые глаза, с мертвенным спокойствием выражающие тоску суровой реальности равенцев и широко расставленные от тонких носов с горбинкой, острые скулы, натягивающие кожу со впалых щек, потрескавшиеся от прибрежных ветров тонкие губы, округлые подбородки, густо покрытые длинной черной щетиной. Не будь они братьями даже, жизнь под Надзором сделала бы их

одинаковыми, как и остальных равенцев, за исключением деталей: худыми, но крепкими, с глазами, выразительно передающими тяготы их жизни...

— ...Значит, сейчас и спустим на воду, загрузим и отправимся. Уже не за горами рассвет. — до Артемира, вышедшего из задумчивости, дошли слова Датокила, негромко беседовавшего с братьями. Брат с гребнем в волосах кивнул. Потом, встретившись глазами с Артемиром, он подошел к нему, протянул руку, которую Артемир тут же пожал, и спокойным, в тон глазам, несколько сдавленным голосом сказал:

— Ты, должно быть, Эмир. Рад знакомству с Претендентом. Мое имя — Кипар. Брат мой единоутробный — Бокупар. — он указал рукой на второго, с хвостом. — Мы — лодочные плотники. У меня есть еще два брата: средний Конупар и младший Вадупар. Они отправляются с нами. — закончив с представлениями, он повернул голову в сторону хибары и негромко позвал. — Конупар! Вадупар! Выходите, заканчивайте с подготовкой.

Будто только и ожидая приглашения, перед всей компанией появились еще двое братьев Паров. И если третий был по виду не сильно младше первых двух, то последний был еще подростком, о чем можно было смело утверждать по его комплекции и высокомерным глазам с нелепым выражением вызова, застрявшим в них. Третий, Конупар, был таков же, что и старшие, разве волосы его свободно ниспадали до плеч. Ну а младшего, Вадупара, было легко отличить и без особых примет — недорослая копия старших братьев. Все они были одеты в обычные равенские одежды: кожаные штаны, безрукавные нательники и грубо повязанные башмаки.

Остальные представились Артемиру и, наконец, Раздаvidу(младший Вадупар во время рукопожатия с Артемиром силился сжать руку как можно крепче, чем порядочно развеселил последнего). Теперь, когда все они стали знакомы друг другу, Артемир ощутил правомерность вопроса, который его уже некоторое время беспокоил, и который он задал старшему, Кипару:

— А где же судно, на котором мы будем путь держать невесть куда?

Бросив на Артемира взгляд, наполненный сначала удивлением, а потом пониманием, Кипар весело кивнул в сторону своей хибарки:

— Да вот же оно, вверх днищем стоит.

Чувствуя себя дураком, не осознающим ничего далее своего носа, Артемир недоверчиво присмотрелся к тому, что считал домом братьев Паров. Если учесть то, что к жилой архитектуре Равении он не имеет никакого отношения, это вполне мог бы быть маленький корабль. Эх, если бы только Артемир смыслил хоть что-нибудь в кораблестроении! Видимо, Раздавид недалеко от него ушел в этом вопросе, поскольку стоял с полуоткрытым ртом и силился представить, как же этот домик поплывет по волнам Вечного Соленого Океана.

— Ну же, Артемир, Раздавид, помогите нам его спустить на воду! — с задором в не слишком приятном голосе призвал оказать ему помощь Бокупар.

Все подошли к одному из бортов судна, который был подперт несколькими поленьями так, что внутрь можно было легко попасть, взялись за край и общими усилиями подняли его, завалив кораблик на бок. Потом, поставив его на смазанное жиром заостренное днище за другой борт, покатали его в сторону воды, скрипя зубами от усилий. По пути Вадупар закинул внутрь четыре пары длинных весел и большой сверток. В конце концов, мокрые от соленого пота и не менее соленой воды, равенцы закрепили на спущенном на воду суденышке киркообразный якорь и погрузили на борт припасы с инструментами, которые могли бы пригодиться, доберись они до суши: кирки, пилы и молоты. Датокил раздал всем

неплохие самодельные ножи в деревянных ножнах, наточенные Хрграром до такой остроты, что Раздавид, беря пробу, чуть не отрезал себе палец. Сверток, который закинул Вадупар, оказался парусом, который Кипар и Бокупар закрепили на толстой, но невысокой мачте, выкопанной ими из-под тонкого слоя песка и переправленной на корабль. На этапе строительства в середине судна плотники обустроили толстый деревянный цилиндр с полостью сердцевинной, внутрь которой вставили мачту, на грани фола балансируя огромным поленом в вертикальном становлении. После закрепления мачты ее плотно обколотили с цилиндром длинными досками из редчайшей и крепчайшей гунтальской мальвы, дабы сильные морские ветра не сверзали могучую конструкцию.

— Долго же мы искали дерево такой высоты и полноты, — с любовью и нежностью в голосе сказал Кипар, ласково поглаживая деревянную поверхность мачты, — на западных берегах другого подобного и во веки не сыщешь!

— Я предвижу, ваши плотницкие таланты нам еще о-ох, как пона-адобятся... — мечтательно протянул Датокил, всматриваясь в небольшой закупоренный сосуд с водой, на поверхности которой одиноко плавала игла из «жадного» железа.

— Уже скоро рассвет одарит нас своей лаской, потому не будем медлить. Можем ли мы отправляться? — с беспокойством поинтересовался Артемир.

— В добрый путь! — вместо согласия выдал Кипар, одним движением руки развернув парус, который тут же благодарно наполнился ветром.

В Кастелате уже всю раскисало прохладное, влажное утро с раскиданными тут и там лоскутами гадкого тумана, источающего дурное настроение. Альзорий пропитался этим утром насквозь, проведя остатки вчерашнего дня и всю ночь у кровати отца, пребывающего в беспомысленности. Страх того, что отец не вернется из мира болезненных грез, усугублялся пасмурной серостью.

— Катитесь ко всем проклятым! — вдруг тишину королевской опочивальни нарушил грубый, но слабый выкрик Аврорума.

— Отец, ты вернулся к нам! — выдохнул из себя смесь радости и облегчения Альзорий, искренне улыбнувшись проснувшемуся отцу.

— А, это ты, сынок... — сориентировался Аврорум, бросив взгляд воспаленных глаз на принца. — Сколько... сколько я спал?

— Почти целый день, отец. — вздохнул Альзорий. — Но важно не то, сколько ты спал, а то, что ты проснулся.

Аврорум усмехнулся, переведя взгляд на потолок над собой.

— Отец... — виновато замялся Альзорий. — Сегодня вечером должно состояться чрезвычайное заседание Военного Совета...

Таким резким переходом к делам государственным Альзорий надеялся отстранить от памяти отца причину, по которой тот оказался на ложе между жизнью и смертью. Да и сам он не прочь был сбежать от тягостных воспоминаний об "Оловянной Принцессе"...

Лицо Аврорума, было начав обретать отстраненное выражение, преобразилось. На радость Альзория, король даже приподнялся на локтях, оторвав голову от подушек.

— Ты займешь мое место, сын.

Альзорий на мгновение смутился, испугавшись навала на него такой ответственности. Природная смелость помогла быстро вернуть утраченные было вожжи в руки:

— Если ты доверяешь мне настолько, отец, я тебя не подведу.

* * *

Когда Альзорий к назначенному часу зашел в Круглостольную Залу, там уже сидели высшие военные чины. За большим круглым столом из закругленной древесины адели белизной саргийской формы генералы-легаты своих групп легионов. Выбываясь из однородного антуража военщины, в красивом резном кресле восседал военный консул в черной мантии. На шее у него красовалась массивная золотая цепь, на которой висел медальон с саргийским орлом, зажавшим в своих когтях меч и стрелы — старинный герб военной машины Саргии. Приветствуя принца, консул и легаты встали со своих мест, заскрипев креслами, а особо «сытые» генералы еще и гадко крякнули. Рукой указав присутствующим сесть, Альзорий занял место отца в самом большом кресле.

— Приветствую вас, генералы-легаты. Советник. — Альзорий кивнул в знак приветствия. — Сегодня нам предстоит обсудить некоторые вопросы. — достоверно изображая максимально формальный и сухой тон, Альзорий с непривычки чувствовал себя неуютно, словно пришел туда совершенно голым. — Мой отец поручил мне заместить его, пока он поправляется после болезни.

«Хех, в такой обстановке только войну и обсуждать. То, что нужно». - подумал Альзорий, с довольной улыбкой оценив мрачную атмосферу Круглостольной Залы с

одним-единственным окном, скудно освещенную светом факелов, стены которой повсеместно завешены алыми саргийскими флагами.

— Обстановка не самая приятная... — начал без особого приглашения генерал-легат группы легионов (V) — защитников самых южных рубежей Лиги. — Серпийский Альянс наш верный союзник («Такой ли уж верный?»), — помыслил Альзорий, но озвучивать не стал), постоянно жалуется на участившиеся случаи беспредельничаний со стороны равенцев. Этим шелудивцев давно пора как следует проучить. Страдает наш авторитет, как протекторов Лиги! — закончил генерал на пассионарной ноте, брызжа слюной. Его толстое лицо, перекошенное и красное от злости, походило на большой дефектный томат.

Сдержав улыбку при виде этой овощной экспрессии, Альзорий вздохнул и обвел взглядом остальных:

— Есть ли еще беды, которые вы хотели бы осветить предо мной? Я выслушаю всех, потом вернемся к серпийцам и равенцам. Разумеется, нужно обсудить и Летучих Мышей...

— Гонец принес дурные вести из Гептархии, — заскрипел старый и сухой голос генерала группы легионов (III), контролирующей Гептархию, Фортерезию, и еще некоторое количество земель восточного и центрального Нордикта, — где после убийства графини, — тут генерал-легат замялся, зная о неудавшейся роли «Оловянной Принцессы» в жизни Альзория, — не оставившей наследников, начались междоусобицы промеж знатных семей, претендующих на графский трон. Я прошу ваше высочество перевести в мою группу несколько легионов. Уже сейчас наемники и бандиты, купленные местными аристократами, пересиливают моих солдат, нанося гарнизонам в мелких стычках потери. Удержать порядок своими силами я не в состоянии... — тихо выдавив последние слова, генерал закончил.

— В Фортерезии без дела протирают задницы осадные батальоны. — с заметным возмущением ответил Альзорий. — Почему бы Вам, генерал-легат, не перетащить их в Гептархию? Я уверен, пушки на улицах, заряженные картечью, остудят пыл этого отребья!

— Фортерезские батальоны нивелируют неуязвимость Чернильной Цитадели, усмиряя их князя. — не смотря в глаза Альзорию, аккуратно ответил (III) — й, всем своим видом давая понять, что текущее местоположение осадных батальонов единственно верно.

Не решив подвергнуть позицию генерала-легата безосновательному сомнению, Альзорий зашел с другого фланга:

— Почему бы нам не пропихнуть на княжеское сидение Фортерезии какого-нибудь нашего ставленника верхом на саргийских пушках? Это отличная возможность укрепить там наши позиции и освободить войска.

— Это поднимет против нас фортерезские знать и народ, — дал о себе знать военный советник, — местные и так не в восторге от нашего усиленного присутствия в их горах.

(III) — й кивнул в знак одобрения консула, в то время как Альзорий раздраженно вскинул брови и звучно выпустил воздух через расширившиеся ноздри.

— (IV) — я группа слишком малочисленна и нужна далеко на западе... Эти златнокоммунцы... Что ж, тогда стянем резервы с северо-запада, с куттских границ, — генерал-легат (II) группы вздрогнул, жалобно уставившись на говорящего эти слова принца, — слишком уж много наших людей удерживают куттов в вечной осаде, коих сдержала бы и одна когорта из легионеров покрепче.

— Воля Ваша, Высочество, — (II) — й решил не сдаваться без боя, — но не забывайте, что эти кутты, прорвав ослабленную осаду, окажутся на свободном пути до Кастелата, Вашего дома. Кутты, озлобленные и изуродованные вынужденным существованием в северо-

западных ущельях и пещерах, хлынут обездоленной ордой на наши города и деревни, и...

— Что ж, в кои то веки I-й легион, разъявшийся на безопасной столичной земле, сможет доказать свою пользу. — грубо перебив (II) — го, безжалостно матовым взглядом окатил его Альзорий. — И все те юнцы саргийских богачей, которых приютил у себя генерал-легат, сослужат верой и правдой своему государству.

Приняв полное поражение, (II) — й сокрушенно опустил голову, подняв ладонь со стола и опустив ее обратно с легким шлепком. Так как генерала-легата I-го легиона не было на совете, защитить бедолагу (II) — го оказалось некому.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался предельно вежливо Альзорий.

Остальные вопросы оказались куда менее значимыми («Кровопролитные стычки фермеров из-за полосы земли?! Серьезно?! Разве не провинциальных лордов должно это заботить?!»), и генералы-легаты могли без особого труда решить их сами. Вынесение этих мелочей на совет подобного уровня был лишь попыткой выручить для себя дополнительные преференции со стороны короны. Попыткой неудачной, как они уяснили. Альзорию хоть и было в новинку ворочать большие булжники с матерыми военными чинами, но острое чувство ответственности, связанное с непоколебимым патриотизмом, помогло разломать эти камни, многие из которых внутри оказались полыми... Попытка перехватить инициативу вопросом про Летучих Мышей не увенчалась успехом — остальные участники ее мгновенно заминали, не имея четких планов по этой катастрофе. В итоге Альзорий сдался, решив идти по этому пути самостоятельно...

Под конец совещания слово взял консул, высвободив руки из широких рукавов мантии и сложив их замком на столе:

— Ваше Высочество, остался лишь вопрос с равенцами. Что Вы изволите предпринять? — презрительно сузив глаза, он добавил. — Недооценивать этот жестокий народ опасно. Все разоряемые ими поселения серпийцев за стенами крепостей Десны не спрятать. Установки же дополнительных военных постов лишь добавляют потерь среди наших людей.

(V) — й лишь согласно кивал в аккомпанемент словам консула, переводя взгляд то на него, то на принца.

— Ну и что же вы предлагаете? — едва скрывая нарастающую злобу процедил сквозь зубы Альзорий. Единственная вещь, что приходила в его голову, это «истребить всех поголовно». — Истребить их всех поголовно? Слишком уж просто, и, в то же время, слишком сложно...

— Возможно, стоит «пройтись» по их главарям?.. — осторожно предложил (II) — й, пытаясь хоть как-то реабилитироваться в глазах своих и совета за провал с куттами.

— А это недурная идея! — внезапно согласился с непопулярным генералом-легатом Альзорий, щелкнув пальцами. — У этих рейдов всегда есть лидеры. И если мелких лидеров мы выковырять из народных масс не сумеем, то крупных — легко.

Альзорий прервался на мгновение, обдумывая итоговое решение равенского вопроса.

— Перевешайте всех мало-мальски важных военачальников, а самого главного заголовского равенца — на Гунталь, на место коменданта по ротации. — Адзорий злорадно ухмыльнулся. — А как отслужит, оставим его там работать пожизненно. Пусть погрееет свои равенские косточки на обжигающем песке. Это приказ. — строго воззрился на консула принц, завершая совет.

Консул, беспрекословно приняв утвержденное принцем, удалился, его примеру

последовал и генералитет. Альзорий же еще на несколько минут остался одиноко сидеть в своем кресле, обдумывая и запоминая свой первый военно-политический опыт. Придя к выводу, что опыт этот ему понравился, Альзорий мечтательно улыбнулся...

* * *

— Я знаю, Альзорий, ко мне забежал консул и пересказал все, что было на совете. — король Аврорум сидел на кровати под пиявочным кровопусканием, когда к нему зашел сын с докладом и встал у окна. — Не могу сказать, что одобряю отведение легионов от куттских гор, но в остальном... Ай! Осторожнее, коновал тугорукий, королю пиявки ставишь! — Аврорум резко дернулся в сторону, схватился за чрезмерно «укушенный» живот и громко выругал помощника лекаря с банкой живого «лекарства» в руках. Бессловесно выслушав брань, молодой врачеватель покорно склонил голову в повине и вернулся к своей обязанности.

— Я старался решать по справедливости, — Альзорий устало вздохнул, — стремился к тому, чтобы наши интересы при этом не пострадали ни коим образом.

— Так, ты — вон! — выгнав помощника лекаря, закончившего свою работу, Аврорум накинул на себя халат и, побряхтывая, сел в свое кресло. — Я тебе так скажу...

Чуть не захлебнувшись от прилива волнения, Альзорий весь превратился во внимание.

— Отправлю-ка я тебя в Гептархию, и посмотрю, как ты справишься с гражданской войной. В зависимости от твоих действий, я сложу с себя корону в твою пользу. — будто сказав нечто обыденно-будничное, почесал узорчатое после пиявок пузо Аврорум.

Вновь противоречия взялись разгрызать Альзория, но на этот раз жажда власти, подпитанная прошлым советом, вылились в легкое разочарование от того, что для короны на голове ему придется делать что-то еще, что королевский трон отделяют от него какие-то гептархийские поганцы... Подавить их, раздавить и разгромить...

Поймав себя на том, что он с громким скрипом стирает зубы друг о дружку, Альзорий молча поклонился отцу и поспешил к выходу.

— Делай все, что считаешь нужным. — Аврорум проводил пристальным взглядом уходящего сына, бросив эти слова ему вдогонку совсем не случайно...

Ответом отцовскому завету послужил лишь стук затворяемой двери, сопутствуемый мимолетным холодом сквозняка.

* * *

С момента совета прошло около месяца. Ко все более нарастающей фрустрации Альзория, волнения в Гептархии не утихали даже с введением в графство дополнительных легионов с северо-запада. Напротив, борьба за самый желанный престол, сразу после саргийского, переросла в полномасштабную гражданскую войну. Единственная задача, с которой справлялись сарги — не дать брожению расползтись по соседним землям. Единственным своим успехом Альзорий считал репрессии против равенцев и укрепление военного влияния Надзора на территории Равении, после чего рейдеры и вправду затихли. Посчитав эту проблему решенной, Альзорий почти безвылазно обитал в расположении гептархийских легионов, перебирая все возможности охлаждения пекла войны.

— Из семи противников только трое представляют реальную опасность... — в который раз повторял себе шепотом Альзорий, стоя у стола с картой Гептархии и уставившись на нее испепеляющим взглядом. — Четыре южных региона достаточно малы, чтобы рассчитывать на победу. Их силы необходимо объединить, чтобы противопоставить столичной области... — тут он приподнял усталый взгляд до купола своего шатра. — Чем же склонить

их на нашу сторону? Золото? Оружие? Обещание поддержки их кандидата?..

Зайти на очередной виток замкнутого круга не дал принцу внезапно вошедший в палатку и приковавший к себе его взгляд генерал-легат от (Ш) — ей группы легионов.

— Вы что-то хотели, генерал? — раздраженным голосом спросил Альзорий, не любивший, когда его полет мысли грубо прерывали.

Уверенно подняв подбородок в ответ на колючесть принца, генерал-легат заскрипел своим привычным голосом:

— У меня крайне дурные вести с Гунталя, Ваше Высочество.

Тревожно нахмутив брови, Альзорий уперся кулаками в две северные области Гептархии и обратился к (Ш) — ему:

— Докладывайте...

— ... Как же мне надоела эта беспокойная, злая мощь! — Раздавид с усилием оторвался от борта судна, отирая бледно-синюшно-зеленоватое лицо, испещренное страдальческой гримасой.

— Отдохни... я могу... грести... подольше... — срывающимся от усилий и усталости голосом выдавил из себя слова Артемир, орудуя большим веслом руками, обмотанными засаленной тканью.

Со дня бегства равенцев из Гунталя прошло две недели. Две недели изнуряющего плавания для людей, не отдаляющихся от берега далее, чем на сотню метров, обернулись тяжеленным испытанием. Как выяснилось, Раздавид совершенно не переносит морских просторов, постоянно извергая нутро и пребывая в ослабленном состоянии. А ведь он, на пару с Хрграром, являлись самыми крупными и могучими из экипажа. Не зная, насколько растянется их поход, мореплаватели сэкономили еду и пресную воду, что плачевно сказалось на их трудоспособности. Учитывая все эти неудобства, неудивительно, что все пребывали в мрачном расположении духа.

— Нет, Артемир... Ты уже много часов гребешь... Я сменю тебя. — героически преодолевая мерзость болезни, Раздавид занял место на скамье, а Артемир буквально свалился с нее, прикрыв глаза беспокойно подергивающимися веками. Тоже отдыхающий в это время Кипар за плечи оттащил Артемира к корме, под навес, и поднес к его губам чарку с водой, тщательно ее удерживая, чтобы не расплескать. К ним подошел Датокил со своим целеуказателем и сел рядом.

— Признаться, не думал, что так трудно нам дастся этот поход... — голос Датокила источал обиду на самого себя. — Может статься, мы все тут просто умрем, а наши тела станут скудным кормом для местных рыб.

— Ничего... — Артемир с трудом разлепил веки. — Зато сдохнем не в недрах клятых шахт, покрытые грязью и потом, а в чистоте и свежести. — слабая улыбка Претендента передалась всем, кто расслышал его шепот в яростном шуме волн, бьющихся о борт их судна, тщетно пытающихся его расколоть.

— Эй, эй! Смотрите, что это?! — срывающийся на фальцет юношеский голос Вадупара взрезал воздух, привлекая всеобщее внимание. Обернувшись к мальчишке, стоящему на носу и яростно тянущему руку с вытянутым указательным пальцем по левому борту, Артемир поднялся на ноги, забыв мгновенно о слабости, и начал всматриваться в сторону, указанную дозорным. Сначала он ничего не увидел, но потом, всмотревшись как следует, увидел, как из-за горизонта выплыло нечто, похожее на гору.

— Мы, случаем, не вернулись ли назад в Гунталь, или же не приплыли к Нордикту? — спросил Артемир, неспешно подойдя к левому борту, не отрывая взгляда от инкогнито, будто страшась, что без зрителя оно испарится, словно мираж.

— Нет, этого не может быть, — уверенно заявил Датокил, для пущей убедительности тряхнув головой, — острие куска «жадного» железа не отклонялось от метки на бутылке, которую я на ней нанес, будучи еще на Гунтале.

— Тогда становится интересно. — с энтузиазмом заявил Бокупар, по привычке поправив свой хвост на голове и с двойной силой налегая на весло.

Спустя несколько часов усиленной гребли под полным парусом находка Вадупара

значительно приблизилась, постепенно обрастая обширными землями, укрытыми густыми зелеными лесами. Как казалось, это остров, или же целый континент, ибо охватить все размеры своими глазами мореходы не могли. Следов человеческой цивилизации не наблюдалось, что вызвало облегчение в сердцах утомленных морем странников. Возвышающееся где-то в центре этого необъятного места видение, приведшее их сюда, словно мрачный маяк, оказалось одинокой черной горой. Ее вершина была будто срезана колоссальным клинком громадного титана, проверяющего остроту своего оружия, в результате чего гора имела пологую «неоконченность».

Наконец, якорь корабля равенцев прочесал песок морского дна и моряки, соскочив в теплую лазурь, поплыли к берегу.

— А здесь... приятно. — едва переводя дух, выдавил из себя упавший на пляжный песок Раздавид, с удовольствием ощущая неподвижную поверхность под собой.

— И то верно! — Датокил присел, скинул мокрые башмаки и тут же начал закапывать ступни в горячий песок, перебирая пальцами ног. — Здесь жарко, но не так изнуряющее, как на Гунтале. Пожалуй, как в Равении. — подметил Датокил, оглядевшись вокруг, и вдруг поморщился. — Разве что там воздух не настолько мокрый, как на этом куске неизвестности.

— Я пойду на разведку! — воинственным тоном возгласил Вадупар и растворился в зеленых зарослях, издавая шумное шуршание и хруст.

— Не отправляйся один! — крикнул ему вдогонку Кипар, подвязывающий парус своего судна.

— Я составлю ему компанию. — Датокил решительно встал на ноги, вщурившись глазами в бутылку с целеуказателем, запоминая положение острия. — В конце концов, я не дам ему затеряться. — Через мгновение он, как и Вадупар, исчез в просторно распростертых объятиях дикой растительности, догоняя младшего брата плотников.

Минута за минутой, и день уже склонился к закату. Красивому закату в кроваво-золотистом свете, пробуждающем противоречивую смесь чувств предночной тревоги и теплой ностальгии. К этому времени судно, отдыхающее после мореплавания, усилиями оставшихся на берегу равенцев причалило к берегу и превратилось в уютное убежище. Палуба корабля была полностью накрыта плотным навесом, мачта с парусом убраны, а запасы еды и воды, которые не успели испортиться, грамотно разложены по всей кормовой части.

— Надеюсь, братик с Датокилом найдут источник питьевой воды, — с нескрываемым беспокойством выразил свою тревогу сидящий на борту Бокупар, нервно теребя свой хвостик на голове, — ибо питья нам хватит еще дней на десять, не более, да и то при недюжинных ограничениях.

— На обратный путь, если он и будет, нам не хватит... — напрямую озвучил страх Бокупара Артемир, лежащий на палубе с мешком сухарей под головой.

— Может, тогда и не нужен этот обратный путь? — угрюмо заявил Конупар, поднимаясь по лесенке на борт судна с большой охапкой свежих веток местных деревьев и топориком.

— Ох, я иногда и забываю, что ты умеешь говорить, Конупар! — с веселой поддевкой пошутил над братом Кипар, кинув в него пожухлым яблоком, перебором которых он и занимался на корме судна в компании Хрграра и Раздавида. Яблоко попало Конупару в колено, где, видимо, находится зона призыва грубой брани, которой он и разразился,

запустив снаряд обратно. Остальные же сопроводили ругань веселый смехом.

Конечно, шутками и весельем Артемир, Раздавид, Кипар, Бокупар и Конупар(прс Хрграра вообще сказать что-либо сложно) выражали свою радость от того, что они не сгнули в океанской стихии, что нашли то, о чем только мечтали — новую землю, сокрытую непроходимым до недавнего времени морским массивом, что скрылись от неусыпного ока Надзора... О том, что запасов осталось немного, что их находка еще покрыта неизвестностью, они решили подзабыть. Все таки, утро вечера мудренее, еще успеют озаботиться. К тому же, решение одной из их продовольственных проблем вот-вот будет принесено на плечах отсутствующих членов их команды.

Когда Звезда совсем укрылась за недостижимой линией горизонта, а густые сумерки стали почти осязаемыми, как водная глубь, четверка равенцев слезла с корабля и развела костерок на берегу. Растительное топливо, что насобирал Конупар, еще не высохло, поэтому горело плохо, сильно дымило и давало густой и едкий запах, от которого нутро выедала тошнота. Но огонь — есть огонь, и необходимые свет и тепло он давал, что было очень приятно, учитывая усилившийся ветер, задувающий в уши с моря.

— Похоже, зря я взял с собой бутыль с ориентиром, по невыносимой вони вас найти гораздо проще. — из кустов, находящихся за пределом освещенной зоны, донесся знакомый голос Датокила, и появились сначала его заблестевшие в темноте глаза, а затем и он сам воплотился, держа в руке бутыль и что-то еще. За ним по пятам шел Вадупар с тыквенной фляжкой в руках и довольной улыбкой на лице.

— Вы наконец вернулись. — Артемир встал на ноги, отчего кусок вяленого мяса, который он подогревал на палке, упал в песок.

— И не с пустыми руками! — Датокил, устало выдохнув, плюхнулся рядом с огнем, поставив свою бутыль рядом с собой. — Мы нашли воду, весьма пригодную для питья, — он указал рукой на флягу Вадупара, и тот торжественно отдал ее Кипару для пробы, — но моя другая находка гораздо неожиданнее и интереснее. — тут он поднял руку с зажатым в ладони камнем, при свете отдающим краснецей.

— Что это? — с недоверием спросил Раздавид, сощурился глаза.

— Это алый камень, или просто алец, — простым, будничным тоном пояснил Датокил, — из него делают алый уголь, с помощью которого можно вдохнуть жизнь в огненное оружие, которое, в свою очередь, жизнь забирает.

— И что ж далее? Зачем нам этот кусок? — недоумевал Бокупар, почесывая свой хвостик на голове.

— Увидите завтра. — сохраняя интригу в своей привычной манере, Датокил кинул алец на песок и поднялся на ноги. — А теперь, если никто не имеет ничего против, я отправлюсь спать.

* * *

Рассвет застал Артемира, Раздавида и Бокупара спящими на песке вокруг хладного памятника некогда горящему здесь костру. Пламя уже давно пало смертью стойких, ибо никто не удосужился распределить ночную вахту между равенцами. Остальные же раскидали себя по палубе судна, укрывшись кто чем горазд: куском размотавшегося паруса, опустошенным мешком из-под испортившихся яблок...

Первым к жизни вернулся Датокил, которому назойливый утренний свет Звезды дал о себе знать даже через плотно закрытые тяжелыми веками глаза. Поднявшись, он сразу же направился к Артемиру, стараясь передвигаться бесшумно. Подойдя к нему, он аккуратно

растряс спящего Претендента за плечо. Разлепив глаза, Артемир отрешенно уставился на источник раздражения, до конца не вернувшись из мира снов.

— Поднимайся, Артемир, мне нужно тебе кое-что показать. — Датокил говорил шепотом, что насторожило Артемира, и он резко приподнялся, оглядев все вокруг, но не увидел ничего, кроме спящих друзей.

— Все в порядке, просто мне нужно, чтобы то, что я покажу, увидел сначала лишь ты, — раздражение Датокила от долгого процесса пробуждения Артемира начало нарастать.

— Хорошо, хорошо, показывай... — вяло согласился Артемир, стряхивая прилипшие песчинки со своей одежды и покрасневшей от пролежания щеки.

— Следуй за мной. — Датокил зазывающее махнул рукой и устремился вглубь Терра Инкогнита с пляжа. Артемир последовал за ним.

Заросли зелени были очень густыми, теплыми и влажными, поэтому Артемир сильно устал и порядком вспотел, пока они продирались через папоротники, руками раздвигая листву толстых и раскидистых деревьев.

— Нужно проторить... здесь... проход, — через сильную одышку выдавил Артемир, — если будем... ходить вглубь этих земель... часто.

— Здравая мысль, — согласился Датокил, — я поручу это Хрграру, — потом, скосившись на Артемира, он добавил, — было бы недурно, если бы ты попросил своего друга, Раздавида, присоединиться.

— Хорошо, — Артемир кивнул, — а разве Раздавид не стал и твоим другом?

Помедлив с ответом, Датокил неопределенно ответил:

— Действительно...

Пройдя так с пару часов, Датокил с Артемиром наконец вышли из влажного леса, причем очень резко и неожиданно для Артемира.

— Что это за... дикое чудо?.. — Артемир был поражен тем, что открылось его взору, и не просто так.

Закончившаяся зелень резко переходила в черную пустыню, покрытую каким-то грубым, неровным веществом, будто накатанным слоями. И что самое интересное, они оказались почти у подножья той самой черной горы, которая привела их на эту землю. Густота пройденного леса скрывала господствующую высоту от ближних глаз, открывая ее лишь с горизонта. Гора эта была эпицентром мрачной пустоши, видимо, частично поглотившей окружающий лес, который в страхе и почтении держался поодаль от грозного исполина.

— Внушительное зрелище, не так ли? — гордо расправив плечи, бархатистым голосом выстелил Датокил, будто бы это все было его рук творением. — А теперь всмотришься в это черноту внимательнее. — Датокил неопределенно повел рукой перед собой.

— Это же не?.. — Артемир выпучил глаза, отчего на них выступили слезы.

— Именно. — довольно утвердил Датокил, медленно кивнув.

Тем, чего сразу не заметил Артемир, были повсеместные вкрапления не чего иного, как альца. Привыкший к тому, что этот краеугольный камень современной войны находится глубоко под землей, Артемир никак не ожидал увидеть его в таких огромных количествах прямо на поверхности.

— Так вот откуда ты взял вчера кусок альца... — догадался Артемир, все еще ошарашено оглядывая драгоценные поля, прятавшиеся прямо на глазах, посреди зловещей черноты.

— Да. В вечерних сумерках эта пустошь казалась еще больше. — Датокил полностью повернулся к Артемиру. — Пришлось убедить мальчишку Паров, чтобы он не разболтал о находке слишком рано, до того, как я обсужу ее с тобой.

— Я польщен, но... К чему такая секретность? — удивился Артемир.

— А ты разве не понимаешь? — Датокил сощурил глаза, вперив их взгляд в очи Артемира. — Эти залежи совершенно меняют все расклады, что были основоположением в моих... наших думах.

— Кстати, насчет источников... — Артемир встrepенулся. — Где вы взяли воду?

— А-а, — Датокил, раздраженно сморщившись, стремительно махнул рукой, — к западу от этой горы, под сенью ширококронных деревьев, протекает речка. Ее полноводности хватит на всех нас. К счастью, недра земли, что уничтожили часть местной зелени, не испоганили этот источник.

— Недра земли? — не понял Артемир, но интуитивно посмотрел на гору.

— Ты наблюдаешь верно, Претендент. — Датокил скромно улыбнулся. — Именно из горы, огромная трещина в которой прекрасно видна с севера, вытекли внутренности этих земель, опустошив окрестности. И, что гораздо важнее, — Датокил задрал вверх указательный палец правой руки, — добрая гора выудила из своих подножий огромное количество этих прекрасных глубинных жителей, которые помогут нам обратить историю нашего народа вспять, вернуть его гордость, а не упрятать подальше от глаз саргов.

— Повернуть историю вспять..? — Артемир с подозрением посмотрел в глаза Датокила, учуяв, что тот пытается играть на его уязвимых патриотических чувствах.

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, Претендент. — Датокил в мгновение ока посерьезнел так, как никогда ранее, в своих словах особенно выделив последнее. — С тем, что у нас теперь есть, нам не нужно бежать и прятаться, теперь мы можем начать войну и вернуться в Равению, неся знамена победы.

— Ты сошел с ума?! — Артемир в испуге вскричал и огляделся, будто опасаясь того, что их мог услышать комендант Надзора. — Что так сильно меняют баснословные запасы необработанного альца?! У нас нет практических навыков по огненному оружию, у нас уже давно нет воли к борьбе, и древо нашего народа повсюду испещрено гнилыми жилами Надзора! Даже если мне от этого тяжело на сердце, у нас нет шансов...

— Сарги хотят, чтобы все так думали. — сказал с нажимом Датокил и сильно постучал по лбу пальцем. — Но если разобрать подробнее: войск Надзора меньше, чем нас, и они давно расслаблены нашей покорностью; волю к борьбе может вдохнуть истинный, чистокровный лидер, и он у нас есть; — Датокил подмигнул Артемиру, — а с использованием альца мы преодолеем разрыв в вооружении. — Все это время Датокил загибал пальцы рук в перечислении, и, наконец закончив, опустил руку.

— Но для всего этого нам нужно уметь производить огненное оружие, а мы не можем! — пламенно возразил Артемир.

— Ага, то есть с моей концепцией ты согласен, остался вопрос лишь в деталях. — лукаво улыбнулся Датокил.

— Да тьфу на тебя!.. — раздраженно сплюнул Артемир. — Знаю я, как ты любишь говорить то, что я желаю слышать... Но все это больше похоже на бред, нежели на план действий. — Артемир развел руками.

— Это еще пока, со временем мы... Что такое? — прервав речь от того, что Артемир резко поменялся в лице, смотря ему за спину, Датокил нахмурился и обернулся, чтобы

увидеть, как в него целится из ружья какой-то тощий старик в потрепанных тканевых обносках, лысая и загорелая голова которого была окаймлена седой и неухоженной бородой с бакенбардами. Глаза же его зеленые, огромные и широко раскрытые, жадно пожирали равенцев.

— А ты еще кто такой? Как ты здесь оказался? — от неожиданности Датокил даже забыл оценить угрозу, которую представляло оружие незнакомца, появившегося из ниоткуда.

— А вы?.. Вы... настоящие?! — голос старика был высоким, неровным и срывался на фальцет. Несмотря на то, что он был единственным вооруженным здесь и сейчас(во всяком случае, никто и не подумал усомниться в том, что ружье способно стрелять), Артемир учувствовал в нем скорее жертву, нежели охотника.

— Мы из плоти и крови, и мы прибыли издалека. Мы не угроза тебе. — Артемир старался говорить как можно спокойнее, медленно поднимая руки над головой. Опыт поведения с Йоном Аппулием дал о себе знать: незнакомец заметно смягчился.

— Я узнаю ваши смуглые лица и черные волосы... — рассматривая Артемира и Датокила, старик подпустил ружье. — Вы же равенцы? Неужели они стали отправлять вашего брата в экспедиции?

— Мы не экспедицией здесь, мы по своей воле. — мягко объяснил Артемир, вспомнив рассказ Йона Аппулия про этот вид саргийского наказания. — И мы прибыли на своем судне, сбежав от гнета саргийского Надзора.

— Ты думаешь, стоит нам с ним откровенничать? — тихо проговорил Артемиру в ухо Датокил. — Мы не знаем, кто он, и что за ним стоит.

— Не надо шептаться, я вам ничего не сделаю. — незнакомец совсем опустил ружье. — Мы с вами на одной стороне. — тут неожиданно старик горделиво выпрямился и провозгласил. — Я — сарг Октавиус Марий, но при этом враг всей Саргии и Нордиктовской Лиги, как и благородные равенцы.

— Я — Артемир, а спутник мой — Датокил. Если все так, как ты говоришь, то ты станешь нам другом. — Артемир осторожно улыбнулся.

— Я был бы этому счастлив, — старик лучезарно улыбнулся в ответ на знакомство дрожащими губами, — я так устал от одиночества на этом куске земли... — глаза Мария заблестели. — Уже много сезонов дождей прошло с тех пор, как мой последний товарищ по экспедиции сгинул в небытие, оставив меня прозябать в тоске и одиночестве... — Марий замер в неподвижности, устремив невидящий, наполненный печалью взор куда-то себе под ноги.

— Так значит, ты со своими товарищами, ныне почившими, смог доплыть сюда без средств навигации? — Артемир недоуменно потянул бровями вверх. — Один из моих знакомых саргов, Йон Аппулий, сказал, что экспедиция — это просто приговор на мучительную гибель в открытом океане.

— Да, так оно и есть, в общем-то. — горестно усмехнулся Марий. — Когда нас ссылали в экспедицию за убийство дочери провинциального лорда, никто и помыслить не мог, что наши ноги еще раз смогут ступить на сушу.

Артемир и Датокил синхронно воскликнули:

— Убийство дочери провинциального лорда?!

Марий яростно замахал руками перед собой, быстро затараторив:

— Нет-нет, мы не хотели никого убивать! — внезапно он понурился. — Это был несчастный случай во время экспериментальных изысканий...

— Экспериментальных изысканий?.. Так ты — ученая голова? — глаза Датокила жадно

сверкнули.

— Да, наше ученое братство занималось изучением альца в Храме Наук, что в Меденосной провинции. — Марий ударился в воспоминания, сев на землю и скрестив ноги перед собой, положив на них ружье. — Мои предшественники рассказывали, что раньше Храм был местом вольных исследований, где ученые могли искать путь к знаниям, им близким. Но, после образования Нордиктовской Лиги, наш лорд обязал нас изучать только свойства альца, по возможности находя ему новые разрушительные применения.

— Не могу сказать, что не понимаю этого лорда. — негромко сказал Датокил, который вместе с Артемиром уже успели подойти близко к Марию и сесть рядом с ним.

— Разумеется, мы безропотно покорились воле правителя, который стал частенько посещать наши лаборатории, приводя с собою свою юную дочь — Кассию. — Марий хрипло вздохнул. — Бедное дитя заинтересовали наши изыскания, и она приходила впоследствии одна. И вот, как-то раз... — Марий прервался, подавившись горловым бульком, — как-то раз она зашла к нам в оловянную кузницу, сверкая новыми парадными доспехами, которые так ей шли. — Марий не удержал чувств, и они начали изливаться из его глаз горькими слезами. — И стоило ей приблизиться, как один из наших образцов взорвался, из него вылетел огромный кроваво-красный разряд, будто молния, и поразил бедную девочку прямо в кираску. — Марий, как ребенок, сжал кулаки и начал яростно тереть ими глаза, стараясь вместе со слезами стереть и болезненные воспоминания. — Удар был настолько сильным, что раздавил доспех вместе с Кассией. — справившись, наконец, с собой, Октавиус перестал тереть покрасневшие глаза и подвел итог рассказу. — Боль от потери дочери обернулась яростью, которую лорд излил на наш Храм. Он сжег заживо Старшего Изыскателя, а нас сослал в экспедицию. Далеко не всем из нас удалось увидеть эту землю, возникшую перед нами посреди океана, а те, кому посчастливилось сойти с корабля, умерли в течение тех лет, что мы влачили здесь.

— И сколько же ты жил тут в одиночестве?.. — приглушенно-тусклым голосом поинтересовался Артемир, бросив на Мариа полный сострадания взгляд.

Усмехнувшись и качнувшись вперед-назад пару раз, Марий прикинул:

— Десять, или двадцать, а может пятнадцать... Да тьфу! — Марий раздосадовано сплюнул. — А и не помню я уже сколько лет, давно перестал вести учет...

— Так вот почему ты спросил, реальны ли мы, когда увидел нас впервые. — Датокил неспешно встал на ноги. — Ты проверял, не покинул ли тебя рассудок...

— Да, — согласился Марий, — то было бы немудрено. Хотя для сохранения ума здоровым я все это время выполнял последний приказ прежнего лорда — изучал чудеса альца. — Марий кивнул с горделивым видом человека, исполнившего свой долг. — Даже несмотря на то, что я не исследователь более. Да я даже более не сарг!..

Артемир с Датокилом переглянулись, после чего Датокил осторожно спросил:

— И далеко ли ты зашел в своих изысканиях?

— О да! Я определенно достиг некоторых результатов, которые можно счесть крайне интересными... — Марий подмигнул, тоже встав на ноги.

— Можешь ли ты показать нам? — с искаженным от алчности и волнения голосом изъявил любопытство Датокил.

— Ну разумеется! — Марий рассмеялся, дрожащей рукой осторожно взяв Датокила за плечо. — Я об этом и мечтать не мог!

— Замечательно!.. — Датокил от радости ответил Октавиусу Марию тем же жестом

приязни, потом повернувшись к Артемиру, стоявшему рядом, попросил. — Артемир, прошу тебя, приведи остальных э-э-э... — Датокил озадачился, повернувшись обратно к Марию.

— Я живу недалеко, просто идите по границе зелени и выжженной пустоши, пока не найдете единственную проторенную тропинку, ведущую в глубину леса. Идите по ней, и вскоре упретесь в мой дом. — пояснил Артемиру Марий, поняв суть заминки.

Кивнув в знак того, что понял направление, Артемир развернулся и направился обратно на пляж, который первым встретил их на этих землях. По пути обратно, продираясь опять через душное полесье, Претендент размышлял про слова Датокила о возможном новом будущем их народа. С одной стороны, его пугали последствия свободолюбивых выступлений против могучей Нордиктовской Лиги. Ведь, если их постигнет неудача, всему равенскому народу настанет конец. С другой стороны, свободолюбивые равенцы и так чахнут в оккупации, особенно те, кто без отдыха работает на саргов. Разница лишь в скорости полного вымирания... Так или иначе, вера в успех планов Датокила, помноженная на гнетущие молодого равенца недовольства от нынешней судьбы их народа, настойчиво подталкивала Артемира в тесные, окровавленные объятия войны, смотрящей на него сверху вниз своими слепыми глазами, налитыми краснотой...

«Все же, это будут решать все равенцы, а не только я один, даже и с Датокилом». - облегчая душевную нагрузку, отложил на время решение этой дилеммы Артемир, раздвигая руками последние гущи кустов и ступая на прибрежные пески.

— Артемир, вот ты где!.. А где же Датокил? — Раздавид, едва только кусты разродились Артемиром, встал с песка на ноги, протягивая своему другу запеченное на сучке яблоко, изготовленное на костре.

— Он ф нафим нофым фнакомым... кхах, кхех!.. — едва вдохнув душистый аромат печеного десерта, Артемир почувствовал сильнейший приступ аппетита и вгрызся в яблоко, набив им полный рот. Неудивительно, что пытаясь есть и говорить одновременно, Артемир подавился.

— Новым знакомым? Это еще что значит? Зверушку что ли нашел какую? — с улыбкой поинтересовался Бокупар, с пробуждения не успевший подвязать свой хвост, отчего волосы его выглядели небрежно. Остальные братья, сидевшие с ним вокруг костра и завтракая такими же яблоками на сучках, молча уставились на Артемира, согласно разделяя интерес Бокупара.

— Нет, представьте себе — человек, сарг, — при виде лиц, наполнившихся тревогой, смешанной со злобой, Артемир поспешно уточнил, — экспедитор, насильно сосланный с Нордикта на смерть, и оттого наш союзник.

Все присутствующие несколько смягчились, но тревога осталась, и старший Кипар ее озвучил:

— И ты веришь ему? Может, он уже убил Датокила, и теперь готовится расправиться с нами.

— Вот сейчас мы этот вопрос и разрешим. — поспешно доев свой бесхитростный паек, Артемир махнул рукой, зазывая всех идти за ним. — Вперед, друзья, мы идем в гости к хозяину здешних земель!

* * *

— Невероятно! Удивительно! — восклицания Датокила встретили подошедших к жилищу Мария Октавиуса равенцев(всех, кроме Хрграра, оставленного на охране их судна) до того, как они увидели самого восклицающего. К слову, найти обиталище исследователя

было несложно — Артемир всего лишь следовал указаниям Мария: вывел своих спутников на выжженную пустошь(изобилие вездесущего там альца не произвело особого впечатления на братьев Паров, к легкому разочарованию Артемира), а потом нашел выводящую обратно в леса проторенную тропинку, которой они и следовали. Стоит заметить, что за годы проживания на этой земле Марий построил прямо в лесу неплохую многоуровневую резиденцию из срубов и толстых веток представителей местной многолетней флоры. Выровняв торчащие вбок ветви самых старых и высоких деревьев, Марий укрепил на них небольшие цилиндрические этажики, крепко опоясывающие деревья и покрытые лиственными крышами, укрепленные подпорками и соединенные между собой веревочными мостиками. Выглядело это все очень обстоятельно, уютно и надежно.

— Датокил, твое волнение изрядно изобеспокоило окрестности. Видимо, твой бывалый разум тронуло что-то действительно интересное. — приятельскими словами Артемир встретил Датокила, вышедшего из двери самого нижнего этажа дома Мария, служившего прихожей. В руках у него было зажато, как казалось, обычное ружье.

— Это замечательно! Это ж какое изящное развитие огненного оружия! — Датокил сохранял солидную сдержанность, но по блеску в глазах и тому, как он активно тряс ружьем, он был преисполнен энтузиазмом.

— У меня было много времени и материалов для опытов. — Марий вышел из дома вслед за Датокилом, удерживая в одной нечто круглое и темное, в другой — какую-то маленькую чашу.

— Ах, что же это я!.. — ударил ладонью по лбу Артемир. — Надо же вас представить друг другу.

Отойдя вбок от Раздавида и Паров, открывая четверку братьев и своего друга для взора, Артемир познакомил их с Марием. Все пожали друг другу руки, смотря с любопытством, а младший Вадупар опять соорудил воинственно-высокомерную мину, чем вызвал веселье у хозяина дома.

— Что ж, теперь, когда все узнали имена друг друга, позвольте мне, с разрешения благородного Октавиуса Мария, — Датокил почтительно преклонил голову в сторону Мария, — представить вам безупречную форму смерти несущего изделия. — после этого помпезного вступления Датокил вытянул руки, повернув в них ружье стороной затравочной полки, и тут Артемир, знакомый с саргийскими ружьями(спасибо Йону Аппулию), заметил отличие, о котором не преминул высказаться:

— А где же полка с алым углем? И что это за изогнутая трубка с колпаком на ее месте?

— Ага, как я мог забыть о том, что наш дорогой Претендент знаком с этим оружием! — Датокил, исказив лицо в кривой усмешке, ловко подкинул ружье, поймал его левой рукой, правой взведя крючок, на месте которого должен быть тлеющий фитилек. — И, конечно, Артемир прав, указав на эту особенность. И я объясню, почему.

Далее он, безо всякого фитиля, просто направил ствол ружья вверх и БАХ! — спустил крючок, чему сопутствовал громкий и дымный выстрел. Не ожидав «огня без огня», Артемир вздрогнул. А Пары и Раздавид, которые в принципе не были знакомы с этим оружием, испуганно втянули головы в плечи, запоздало зажав уши ладонями.

— Стрельба без огня? Или огонь был сокрыт от взора? — Артемир подошел к Датокилу, взял из его рук ружье, выпускающее остатки дымка, и начал пристально рассматривать оружие.

— Огонь здесь рождается сам, его не нужно разжигать и поддерживать. — Датокил

уступил объяснения подошедшему Марию, который вытянул вперед руку с чашей, в которой была желтовато-сероватая каша. Осторожно понюхав ее, Артемир сморщился — запах был резкий и неприятный.

— И что же нужно делать с этой мазью? — подал голос из-за спины Артемира Раздавид, от длительного молчания ставший хриплым.

— Любой удар по этой смеси вызывает огненный взрыв, — для демонстрации Марий зачерпнул деревянной ложкой состав, аккуратно смазал его на лежащий у него под ногами камень, взял камень поменьше, и с замахом бросил. Попав точно в цель, камень породил оглушительный хлопок с мгновенной и бездымной вспышкой пламени. Малый камень после удара раскололся, и самый большой осколок прилетел Конупару в лоб, вызвав поток брани, который послужил отличным дополнением к эффектности показа. Позади Артемира раздался одобрителный шумок из тихих голосов Паров и Раздавида, разбавленный затихающей руганью Конупара, Датокил же просто довольно улыбался, скрестив руки на груди.

— Значит, этой смесью можно запалить алый уголь в ружье?.. — медленно произнес Артемир, пристально заглядывая в полую трубку, занявшую место спиленной (догадался Артемир по царапинам на металле близ замка) запальной полочки ружья. — А из чего ж ты ее мешаешь?

— Все просто, — поучительным тоном голоса очертил свой ответ Марий, — но нордиктовские сарги не могут достичь моего успеха по одной простой причине: у них нет желтых кристаллов.

— Нет чего? — спросил, сморщив лицо, Артемир, — Что еще за..?

— Желтые кристаллы в достатке находятся в черной пустоши, если хорошо поискать. — пояснительно качнул головой в сторону горы Марий. — Если их, стертые в порошок, сдобрить смесью измолотого алого угля и расплава альца со ртутью, образуется эта самая каша. Я не знаю, как это работает, но все же работает. — пожал плечами Марий, поковыряв остаток смеси в чаше ложкой. — И еще я знаю точно, что в Храме Наук про эти кристаллы ничего не сказано.

— Тем лучше для нас! — хлопнул в ладоши Датокил. — Мы будем первыми, кто явит это чудо, сопоставимое с открытием альца, всему миру.

— Не торопи события, Датокил, — предостерегающе возразил Артемир, вернув ему обратно ружье.

— У нас есть многострадальный народ, есть его враг, есть и замечательный боеприпас против врага. — решительно атаковал, посмотрев в глаза Претенденту, Датокил, стукнув прикладом ружья по земле. — Если заполучим оружие, то нас никто не остановит.

Уже во второй раз подвергаясь штурму Датокила, Артемир чувствовал, что его защита слабеет, и он вот-вот сдастся. Прибегнув к своей проверенной методике, Претендент негромко ответил:

— Вернемся в Гунталь, там и решим, что нам делать.

Датокил раздраженно закатил глаза. Раздавид похлопал Артемира по плечу, успокаивающим голосом заявив:

— Я в любом случае поддержу тебя, друг. Да и братья едва ли тебя бросят.

— Я говорю от лица всех своих братьев, — решительным тоном высказался Кипар, — мы с тобой, Артемир, что бы ты не решил.

— Только решай быстрее, пока наш народ еще не стал бледной тенью на околице

истории... — Датокил мрачно подвел итог драматично осложнившейся беседе, после чего все отправились трапезничать по приглашению оробевшего от равенского диспута Мария.

Обед, приготовленный Октавиусом Марием, состоял преимущественно из растительной пищи — ягод, душистых кореньев и терпких листьев каких-то трав... Эта бесхитрость была разбавлена нарезками закопченных змей и больших грызунов, которых искусно отлавливал островитянин. Зато сам прием пищи был как нельзя более комфортным: круглая, уютная «столовая» вокруг толстого ствола дерева, подпиленные ветки которого выполняли роль тонких, продолговатых столов, хорошо проветривалась. Сам ствол дерева, на котором закреплена трапезная, был истерзан Марием, вырезавшим в нем множество альков для сушки трав-специй. Расположенный довольно высоко этажик позволял осматривать ближайшие окрестности через круговую панораму, разделяющую перила и крышу, обложенную большими пальмовыми листьями. Несмотря на то, что свое обиталище Марий построил давно, от всего строительного материала исходил пряный, свежий аромат экзотической древесины. Все это вместе помогло оставить в забвении предыдущий спор и превратило унылое жевание травы и резиновых, пересоленных копченостей в благородное кушанье, преисполненное веселой и дружелюбной атмосферой.

— Так, я думаю, пора нам возвращаться. — уверенным тоном заявил Датокил, размашисто отерев рукой засаленные жиром губы. — Бедный Хрграр, наверное, уже съел все наши запасы, страдая от скуки.

— О, об этом не беспокойтесь, я передам вам часть своих, у меня еды предостаточно. — с доброй улыбкой заверил его Марий, достав мешок, сшитый из кожи грызунов, мясо которых они только что съели. Заполнен он был сушеными оранжевыми ягодами.

— Ты очень добр к нам, любезный Октавиус, но нам и правда пора возвращаться... К нашим людям, в Гунталь... — Артемир сильно разбавил общую веселость, своими словами стянув беззаботные улыбки, процветавшие на лицах равенцев(лишь лицо Датокила еле заметно вспыхнуло энтузиазмом, но тут же успокоилось, словно тлеющий уголек, которого объяло одинокое дуновение ветерка).

— Как?.. Нет... Вы же только прибыли, и дня не прошло... — упавшим голосом пролепетал Марий, лицо которого приобрело выражение, характерное для людей, узнавших об утрате близкого человека.

— И то верно, может, побудем здесь еще немного? — с осторожной надеждой спросил Бокупар, нервно затеребив пальцами свой хвостик на голове в своей привычной манере.

Шумно и с нажимом выдохнув, Артемир тряхнул головой, словно пытаясь выкинуть из нее лишние мысли. Посмотрев со всей серьезностью на Бокупара, он ответил:

— Мы ждали слишком долго, и из-за нерешительности нашего народа он ослабел и истончал. Я не хочу начинать никаких войн, но Датокил прав — если все оставить как есть, мы выйдем. Поэтому нужно как можно быстрее спросить у равенцев, чего они хотят: биться и освободить свою родину, или же бежать и основать новую здесь, с позволения Октавиуса Мария, разумеется. — с последними словами Претендент уважительно склонил голову в сторону хозяина дома.

— Я буду счастлив помочь вам превратить эту землю в родную обитель. — робко и лаконично выразился Марий, понимающий, что решается вопрос огромного значения.

— Что ж, лучше какие-то решения, чем ничего. Меня это устраивает. — Датокил всем своим видом внушал уверенную решимость. — Стало быть, собираемся в обратный путь?

— Да, послезавтра с восходом отплываем. Сегодня за остаток дня вам — заслуженный

отдых. — Артемир прежде всего обращался к Кипару, как к главному на корабле, созданном им и его братьями. — Завтра — сборы запасов и подготовка снастей нашего судна.

На ночевку остались у Октавиуса Мария, убедившего равенцев, что их судно без присмотра никуда не денется — наблюдается морской отлив. В связи с этим отправили шустрого Вадупара привести стойкого Хрграра, преданно и безропотно стоявшего на страже отдыхающего транспорта. Впервые увидев одноглазого и немом громилу, Марий порядком оробел, но, узнав получше, пожалел и накормил даже плотнее, чем равенцев до него. Вырезанные же на лбу Хрграра литеры «НБ» («Непокорный и Бешеный») впечатлили исследователя, не выдавшего до сих пор такого «восхитительного преступника».

Уложил равенцев Марий просто и без роскошностей, которых, впрочем, никто и не ждал — на деревянном полу спального этажика (ничего особенного, просто пустая деревянная башенка), укрыв их легкими меховыми одеяльцами, оставшимися от умерших спутников Октавиуса. Учитывая теплую погоду даже в толще местной густой ночи, одеяльцами охотно укрылись для спасения от кровососущих насекомых, взявших на себя привилегию деспотично править этой землей под покровом тьмы.

* * *

Следующий день пролетел на одном дыхании, переводимом лишь в перерывах между закладкой мешков с провиантом на борт равенского судна и добычей альца. Несмотря на то, что Артемир отнесся к этому с явным неодобрением, решили все же взять десяток мешков выколупленных без особого труда камней с собой. Если бы не подавляющая влажность морского пути, сразу бы и угля наготовили, однако алый уголь, высушенный после промокания, как пояснил Марий, гораздо хуже горит. Помимо альца еще и ударной смеси взяли, надежно запрятанной в вырезанные Марием банки из плодов местных деревьев. Дабы избежать бурных неприятностей во время пути назад, банки со смесью щедро обложили слоями толстого мха, изолировав их друг от друга, обеспечив враждебной, вонючей субстанции покой. Равенцев же покой объял лишь под сгущающиеся сумерки. Навалились они на приключенцев бок о бок с приятной усталостью, которая наступает лишь после полезного, плодотворного труда. Справившись, наконец, со всеми необходимыми приготовлениями, равенцы завалились спать, даже не успев «насладиться» предвкушениями о предстоящем пути.

* * *

— Ну что ж, Кипар, мы готовы теперь? — лениво прокричал Артемир, стоя под лучами ранней Звезды. Его очи, закрытые веками, видели лишь приятную красно-золотистую негу, привносящую гармонию в его разум. Он часто так искал успокоения, и, на удивление, это всегда срабатывало.

— Да, теперь мы можем отплывать, парус закреплен! — с усилием выкрикнул старший брат, съезжая с обхваченной руками и ногами мачты, где он подвязывал полотнище паруса. До этого все вместе вытолкали судно в воды, поэтому Артемира, Раздавида и Датокила, оставшихся на берегу попрощаться с Марием, отделяло от братьев Паров и Хрграра все мелководье, вынуждая общаться криком. Дабы остальные потом могли комфортно добраться до борта корабля, Марий любезно предоставил им свою рыбацкую лодчонку, которая ожидала своих пассажиров, терпеливо покачиваясь в такт прибою.

— Клянусь памятью своих предков, что мы вернемся, Октавиус. Твое одиночество будет длиться не долее, чем пару десятков Звезд. — успокаивал Артемир сильно приунывшего Мария, закладывая дополнительные запасы воды для равенцев в лодку.

— Я жил в отщепении много лет, потерплю и еще месяцок. — печальным голосом заверил Марий без вины виноватого Претендента, в ответ выдавившего вялую улыбку.

— Прощай, Октавиус Марий, ты стал мне добрым другом за эти два дня... Жди нас... — выдавил из себя топорное прощание Раздавид, похлопав по плечу островитянина, а потом оттолкнул лодку с Артемиром от берега, залезая в нее сам.

— Датокил, пойдешь один последним! — крикнул Артемир с лодки, качающейся под весом забравшегося на борт Раздавида. Датокил кивнул в знак согласия, провожая глазами отплывающего Претендента.

Артемир же, не отводя от Датокила ответный взор, заметил, что тот вскоре перевел глаза на Марию и начал активно что-то ему говорить. Выражения лица Мария Артемир уже рассмотреть не мог, но понял, что тот согласно кивал в ответ на речь Датокила. Спустя некоторое время, когда все, включая Датокила, погрузились на борт корабля, а Марий, вновь обремененный одиночеством, вернулся на своей лодке на берег, Артемир осторожно спросил:

— Датокил, коли не тайна, о чем ты говорил с Марием?

Деланно удивившись, Датокил с шуточной невинностью в голосе ответил, широко распахнув свои угольные глаза:

— Дорогой Претендент, ты обвиняешь меня в излишне любезных и долгих прощаниях с добрым Марием?

— Нет, но...

— Славно, ведь ничего лишнего я себе не позволил. — Датокил пространно улыбнулся Артемиру, а потом, будто спохватившись, резко встрепенулся и с энтузиазмом провозгласил, обращаясь ко всем. — Дорогие друзья, мы возвращаемся в лоно нашего народа! Надеюсь, вы уже успели изрядно по нему стосковаться!

Рассветная Звезда показала миру, освещая позолоченным румянцем радостные океанические волны, с плеском и гулом встречающие новый день. Под этот свежий аккомпанемент судно равенцев уже было готово причалить к тому же берегу, что оно покинуло около месяца назад. Несравненно легче далось путешествие на этот раз, когда морские «тропы» уже были проторены смелой восьмеркой. Да и стоит ли говорить, что запасов, которые помог им заготовить Октавиус Марий, оказалось более, чем предостаточно, чтобы силы и бодрый настрой не покидали мореплавателей на протяжении всего возвращения? И вот уже суровый Гунталь ласковым шуршанием песка о днище судна приветствует равенцев, спрыгивающих в воду и затягивающих за тросы корабль на берег, дабы вновь водрузить его вверх пузом на песке, незамысловато замаскировав под хибарку. Но на этот раз их планам не суждено было сбыться...

— Как же глупо было причаливать к берегу утром! Ночь куда более подходит для маневров, которые вы хотите скрыть.

Сердца равенцев, замерших на мокром песке, в унисон рухнули, словно камни в оползне. На их глазах из близлежащих прибрежных полесий просочился патруль Надзора из десятка солдат с ружьями наизготовку. Возглавлял патруль рослый человек в командирских латах и красном саргийском плаще. Его облачение, ярко отражающее утренний свет, сильно резало глаза, добавляя к его образу еще больше дискомфорта, помимо того, что это явно был новый комендант Надзора.

— Артемир... Нужно избавиться... Алец!.. Смесь!.. Если их найдут... — Раздавид вставший ступором рядом с Претендентом, от страха разрывал свою речь в грубые лоскуты.

— Все, уже поздно... Теперь ничего не поделать... — упавшим от отчаяния голосом признал крах Артемир.

— До сих пор не могу поверить в доклад патрульного! — лучезарный и молодой голос коменданта, подошедшего со своим отрядом к линии прибоя, искрил веселостью. — По его словам, ваша посуда возникла из-за горизонта верхом на утренней Звезде. Как романтично, а? — комендант сопровождал свои слова активной жестикуляцией. И вообще, по его виду было понятно, что он получает от происходящего удовольствие, не разделяемое его жертвами.

— Господин комендант, да не иссякнет Ваше величие! Мы всего только рыбачили. — подобострастно выдохнул Датокил с совершенно невинным выражением лица, к которому самообладание вернулось прежде остальных.

— На таком-то корабле? — усмехнулся комендант. — И на кого же вы шли на такой «рыбацкой лодчончке», на кита? — начальник Надзора кивнул в сторону судна равенцев. — И мнится мне, что если ее обыскать, то найдем мы не рыбу... — наконец, комендант последовательно оглядел мореходов, пристально задерживая на их лицах взгляд. — Уже не говоря про то, что трое из вас поразительно подходят по описанию Надзора на недавно погибших шахтеров, а один — на разыскиваемого преступника.

Датокил не ответил. Он, как и все, понимал, что защиты против такого сильного и грамотного напора у них нет. А комендант продолжал их бомбардировать:

— И даже не это главное... Как вы смогли отдалиться от берега для «рыбалки» на такое большое расстояние? Неужто вы так безрассудны? Или же глупы? Или вы знаете то, чего не

знают флотоводцы Нордиктовской Лиги?

Опять молчание в ответ, противно смердящее виной.

— Что же вы молчите? Или же расстрелять всех вас, а потом уже разбираться, как это принято у Надзора? — голос коменданта утратил веселость, став грозным. — Пожалуй, так и поступим. Бойцы, бейте на поражение...

Едва только паника успела цепко охватить все тело Артемира, он услышал залп ружей... В глазах его, плотно сомкнувшихся, вспышка выстрелов отразилась тусклым светлячком, жизнь которого затухла, едва озарившись... Но жизнь же Артемира не прервалась... Во всяком случае, он не почувствовал ничего, кроме интенсивного страха. И вдруг издалека, на границе слышимости, Претендент уловил залиvistый смех, громкость которого нарастала. Он открыл глаза и посмотрел на себя. Никаких видимых повреждений. Он ошалело перевел взгляд на своих спутников. Все стояли невредимые, и только Конупар стоял на коленях, тяжело дыша и судорожно шаря дрожащими ладонями по груди.

— Только посмотрите на себя!.. Хах!.. Это зрелище бесподобно!.. У-ух... — смех принадлежал коменданту, который в приступе судорожного веселья сложился пополам. — Ладно-те вам ступориться, в ружьях не было пуль.

Равенцы недоуменно уставились на коменданта, и только Датокил с едва заметной хитрецей скривил уголки губ в улыбке. Его последующие слова не лоснились елеем, как минутами ранее:

— И ведь совсем нет уже равенского выговора... Неужто равенцы Заголовья забыли родную речь, предав саргам и выдавив на Гунталь равенцев Поручья и Изножья??

Комендант резко прервал свой праздник юмора, посмотрел на Датокила и лукаво вымолвил:

— Догадался, значит?

Своим следующим движением комендант неспешно снял шлем, и тут же черные, курчавые волосы, до этого придавленные, обрамили смуглую голову до плеч, радуясь долгожданной свободе. Темно-синие глаза, густо заигравшие на утренней заре, были с весельем прищурены. Правильные черные брови, аккуратно обритый черный подбородок и впалые щеки, красиво выделяющие крепкие скулы... Вся эта темная красота ясно давала понять, что новый комендант — равенец. Правда, комендантом Надзора мог стать лишь заголовский равенец, как верно догадался проницательный Датокил, что не сильно облагораживало в глазах Артемира нового командира среди обычных саргов и прочих нордиктовцев.

— Мое имя — Салатор. Меня направили... — начал было представляться новый комендант, но его ту же грубо, и оттого безрассудно, прервал Раздавид:

— Салатор?! Из Торов?! Потомок Ханатора, предателя Триумvirата Равении! Торы и верные им заголовцы предали нас в войне с Саргией!.. — огромный подбородок друга Артемира напрягся, выдаваясь вперед от злости. Артемир, находящийся справа от него, схватил Раздавида за руку, тем самым призывая его умиротвориться.

— А кто же ТЫ такой, громила? — голос Салатора заиндевел от прохлады, в нем проявившейся. Видимо, внук одного из прежних правителей Равении не привык, чтобы ему демонстрировали подобное отношение.

— Я — Раздавид, потомок Разов, верных сподвижников Артов, продолжатель этой славной традиции до сих пор... Ох!.. — получив чувствительный тык от Артемира в бочину, Раздавид шумно захлопнул рот. Но уже было поздно...

— Значит, до сих пор, так?.. — Салатор ловко запрыгнул в окно, которое по своей глупости настежь распахнул Раздавид, теперь молча краснеющий от бессильной злобы на самого себя. От пронизательности взгляда Салатора Артемиру стало сильно не по себе.

— Отец рассказывал мне про Артакана. Про его благородство и... внешность... — предаваясь воспоминаниям, Салатор не отводил от Артемира пристального взора. — И ты отлично подходишь по описанию... Так значит, ты его потомок, не так ли?

— И что же теперь, ты убьешь меня, Салатор, потомок Торгов, как один из твоих предшественников сдушегубил моего? — голос Артемира отдавал нервной хрипотцой, но был тверд. Претендент понял, что уже бесполезно скрывать истину, да и ему это порядком надоело за все годы жизни.

— Я этого не говорил, — Салатор таинственно улыбнулся, — и делать этого уж точно не собираюсь.

— Тогда помоги нам! — Датокил, осознав потенциал своего предложения, сделал шаг вперед, отчего безмолвные спутники Салатора набычились. — Если ты не собираешься вредить нам, то присоединись.

— Помочь вам в чем? — в ответ на справедливый вопрос Салатора равенцы неуверенно обменялись взглядами.

— Говорите открыто, и можете не бояться моих спутников, они не равенцы, но преданны мне пожизненно. — Салатор заговорил успокаивающе, если не ласково. — Кому-то из них я спас жизнь, кого-то вытащил из долгового ярма... Для них нет короля Саргии, для них есть только Салатор, предводитель Равении, их спаситель и благодетель.

— И что же заставляет тебя, предводитель Равении, комендант Надзора, относиться к нам со снисхождением? — Артемир, в отличие от Датокила, все еще боялся непонятого дружелюбия Салатора.

Глубоко вздохнув, Салатор хмуро вымолвил:

— Уж коли, волею случая и вашей неосторожности, произошло подобное знакомство, обсудим же дела насущные на равных, в условиях, более располагающих к доверию.

* * *

— Ситуация в Равении изменилась, и не к лучшему, вынужден признать. Сделка Ханатора с саргами давно уже себя не окупает. А уж недавняя волна казней моих соратников... — Салатор говорил с видом и тоном усталого человека, обессиленного борьбой, в которой он терпит сокрушительное поражение, и с которым он уже почти смирился.

Находились же Артемир, Датокил и Салатор в шатре с коврами из добротнейших шкур гунтальских буйволов посреди заброшенного околотка. Остальных равенцев распустили по своим домам. Раздавид долго сопротивлялся этому решению, но сдался и ушел. Хрграр же направился в убежище посреди каменистого поля, послужившее им отправной точкой. Мертвые околотки, в одном из которых сейчас заседали равенцы, коменданты Надзора облюбовали, как временные, или «прогулочные», квартиры.

— Едва ли подобный исход трудно было предсказать умному человеку... — Артемир все еще хранил плоды неприязни к потомку Торгов, а отсутствие явной и неминуемой угрозы со стороны Салатора позволило ему вкушать их беззастенчиво. — Но все же, что именно ты имеешь в виду?

— В сердце Нордиктовской Лиги, Гептархии, сейчас кипит междоусобная война. Некоторые другие вольнолюбивцы тоже выказывают бунтарский настрой. — Салатор

пропустил мимо ушей почти открытое оскорбление его предков. — Сарги, которым это брожение портит кровь, ожесточились, и жестокость эту выплескивают на нас, равенцев.

— Действительно, на кого же еще? — Датокил лениво полулежал на одной из шкур, опираясь на локоть.

— Да, конечно, мои подданные, кхм, могли давать повод для агрессии, — Салатор едва удержал смех, — но сарги явно перегнули палку, перевешав всех высоких военных чинов и распространив оккупацию Надзора и на Равению.

Артемир и Датокил переглянулись: заголовские равенцы остались равенцами, продолжая конные рейды на земли соседей, даже и под угрозой уничтожения.

— Что особенно плохо, так это то, что Надзор в Равении, даже зная, что мы вооружены, действует абсолютно беспредельно: их солдаты целыми батальонами сжигают стойбища всадников и мучают, убивают их семьи, без всякой жалости... — Салатор продолжал изливать жалобы на своих «покровителей». — Я старался убедить военачальников саргов остудить пыл своих солдат, но моими просьбами пренебрегли... — покачав головой, Салатор, наконец, подвел свою речь к смысловому завершению. — Вместо понимания, они сослали меня в Гунталь на должность коменданта местного Надзора, с глаз долой... С этих пор я понял, что единственный способ заслужить их внимательный взор — это выколоть им глаза...

— Наконец, верный сын Равении занял свое место среди собратьев. — довольный Датокил с гордостью выпятил вперед подбородок. — Теперь, когда мы окончательно выяснили, что не просто не враги, но еще и союзники, можно начинать строить план действий.

— И ты веришь ему так безоглядно? — Артемиру тяжело было побороть кровную неприязнь.

— И ты поверь мне, благородный потомок Артакана, как поверил твой друг. — лицо Салатора выражало бескомпромиссную серьезность. — И, дабы подтвердить искренность своих чаяний, я готов присягнуть тебе на верность, взять твое знамя и нести его, вселяя страх в сердца наших общих врагов.

— Я скорее поверю, что ты сделаешь это оттого лишь, что равенцы Изножья и Поручья вернее пойдут да хоть за Хрграром, Бешеным и Непокорным, нежели за наследником Тором. — несмотря на враждебность слов, голос Артемира смягчился.

— Ну, куда мне тягаться с Большим Носорогом Хрграром по величию и лидерству, хах! — Салатор рассмеялся, и Артемир ответил улыбкой.

Датокил, приняв этот диалог за окончательную мировую, вернулся к беспокоящему его вопросу:

— Что ж, Салатор, можем ли мы рассчитывать на поддержку твою и твоих солдат из гунтальского Надзора?

Салатор, недовольно скривив губы, ответил:

— На мою и моих личных солдат — безусловно, но я не могу ручаться за большинство капитанов и лейтенантов. Они относятся ко мне с презрением, хоть я и есть их командир. — Салатор, сидя на шкуре, насколько позволял доспех, скрестил руки на груди. — Если мы хотим выбраться с Гунталя, придется убить их и им верных нордиктовцев.

— Значит, придется. — Датокил, у которого мысли об убийстве не равенцев не вызывали никаких негативных эмоций, согласился без раздумий. Артемир же, как обычно, погрузился в терзания. Датокил, заметив их на лице Претендента, и порядком уставший от

них, решил жестко и в последний раз оборвать неуместный моральный продукт. — Если же Артемир не решится пойти на кровопролитие, всегда есть тот, кто займет его место. — при этом он многозначительно перевел взгляд на Салатора.

Артемир, поняв, что более не вправе мешкать, определился раз и навсегда:

— Я готов вести народ к свободе, вне зависимости от того, сколько крови придется излить, и сколько жизней погубить! На этот раз решено окончательно... Но, только крови и жизней явных и непримиримых врагов! — видно было, насколько тяжело далась эта прямая дорога Артемиру, который куда более комфортно чувствовал себя на перепутье.

— Что ж, решено! Я начну собирать людей в наше «ополчение». Пройдусь по знакомым в околотках, завербую кузнецов, которые от предков еще помнят, как ковать равенское оружие, и тех, кто еще сможет надлежаще держать его в руках... — Датокил, как очень деятельный человек, был крайне рад возможности принять непосредственное участие в таком масштабном заговорщическом акте. Его глаза, горящие огнем неподдельного энтузиазма, способны были яркостью своей развеять любой туман нерешительности и страха.

— Замечательно, со своей стороны я буду поставлять вам огненное оружие и металл из арсенала, насколько это будет возможно, не выдавая себя. — Салатор, вслед за Датокилом и Артемиром, поднялся на ноги, поправляя пластины доспеха. — Связаться со мной вы сможете через Канна. — После этих слов Салатор крикнул в сторону входа в шатер. — Канн, поди сюда!

В шатер зашел, а вернее сказать, неспешно вплыл внушительных размеров солдат Надзора с невероятно тупым выражением на жирном лице. Зайдя внутрь, он не менее тупо уставился на своего коменданта, ожидая указаний.

— Канн, будешь патрулировать этот околоток через каждые три дня, отсчитывая от нынешнего. — Салатор говорил громко и медленно, осознавая «тяжесть» своего подчиненного. — С тобой может встретиться связной от равенцев. Не вздумай атаковать его! — Салатор довольно забавно пригрозил ему пальцем. — Выслушаешь его, а затем дословно передашь мне его слова. Свободен!

Толстоватый солдат неуклюже поклонился и так же нелепо выплыл из шатра, немного запутавшись во входном пологе.

— Канн никогда не предаст наше дело, он слишком туп для этого... — весело сверкнув глазами, пояснил равенцам свой выбор комендант. — Что ж, на том и порешим. Прощайте пока что, друзья мои! В следующий раз, когда нам доведется встретиться, мы будем на одной стороне не только словом, но и делом. — Салатор окончил совещание, и каждая сторона разошлась восвояси.

После знакомства с комендантом прошло некоторое время, но какие перемены в умы и сердца равнецов оно привнесло! По мере вовлечения в дела планируемого восстания все больших и больших каторжников (Датокил виртуозно справлялся с задачами рекрутера), будоражащая жизнь начала распускаться то в одном, то в другом околотке, словно обильно политый чистой водой цветок, уже было совсем завядший в сухостой. Артемир с удовольствием дышал этой жизнью, отмечая крутой контраст нынешней поры с мрачной рутинной прежнего существования. Перемены, возможно, даже свобода висели в воздухе! И как же глуп был Артемир в своей былой нерешительности!

— Эй, Эмир, не зевай, это тебя сгубит! — престарелый учитель фехтования, закрепленный Датокилом за Артемиром, по старинке называл Претендента его псевдонимом.

— Больше такого не повторится! — с задором ответил Артемир мастеру равнецкого клинка, умело применяя недавно выученные выпады, оттачиваемые им до совершенства.

Стоит отметить, что боевое искусство давалось Артемиру легко, к зависти остальных. Видимо, ратные корни предков надежно питали его рост на почве войны. За незначительное время Претендент научился ловко пребывать в седле, стремительно разить копьём и мечом, стрелять из лука и легкого арбалета. Те немногие знатоки, которым удалось сохранить бесценные учения равнецких воинов, тайно передаваемые по наследству, удивлялись и радовались успехам молодого человека.

— Артемир, я знал, что найду тебя здесь! Ты очень рьяно учишься, что делает тебе честь. — появившийся из-за холма Салатор прервал обыденные тренировки Претендента. — Стоило ли выбирать низину близ заброшенного околотка в качестве тренировочной арены? Даже я на коне смог подобраться к вам незаметно.

Отирая с блестящего лба пот и жмурясь от бликов Звезды, отраженных доспехом Салатора, Артемир с одышкой ответил:

— Я слышал глухой стук копыт твоего коня еще загодя. Просто здесь, кроме тебя, никто больше не появляется.

— Ну да, в такой-то безлюдной и душной глуши... — Салатор с отвращением оглянулся, сморщив губы. Взяв себя в руки, он с тревогой в голосе огласил причину своего прибытия. — Артемир, у меня дурные вести: небольшая клика капитанов уже давно заподозрила неладное, и планирует действовать в обход меня.

Артемир пренебрежительно отмахнулся:

— Ты же их комендант, успокой их, отвадь их глаза в другую сторону.

— Я и так только этим и занят, мой дорогой Претендент. — горько усмехнулся Салатор. — И некоторое время это действительно работало. Но теперь в игру вступило мое происхождение. Они верно догадываются до того, что я помогаю своим соплеменникам.

Артемир, уже менее пренебрежительно, но все же не осознавая до конца сути слов Салатора, недоуменно спросил:

— И что же?

Салатор драматично задрал подбородок вверх и не менее драматичным голосом отлил монотонным железом тяжелые слова:

— Организованное сообщество капитанов Надзора в обход моих приказов собирается

отправить доклад саргийскому высшему командованию с просьбой прислать им подкрепление и сместить меня с поста коменданта гунтальского Надзора. Если я предприму попытки чинить препятствия, они поднимут солдатский бунт...

Артемир наконец осознал весь серьез тревог Салатора и подытожил:

— Значит, настало время для решительных действий.

* * *

Вечером того же дня Артемир рассказал о критической ситуации Датокилу, и они вместе решили начинать восстание в самое ближайшее время, лишь только закончится сокрытый сбор и снаряжение едва подготовленных и согласившихся на деяния равенцев.

На следующее утро, едва только забрезжил рассвет, Датокил растормошил уже привыкшего к хорошему сну Артемира. Претендент, как и обычно за последнее время, для отдыха занял одну из заброшенных рavenских хибар расселенного околотка на западе Гунталя. Благодаря Салатору патрули Надзора стали удивительной редкостью для здешних земель, чем и воспользовалась активная часть непокоренных равенцев.

— Эй, Артемир, поднимай свои разнеженные кости с настила, я хочу тебе кое-что показать!

Невнятно забурчав, Артемир все же поднялся, растерев заспанные глаза непослушными ладонями. Он уже знал, что если Датокил Хитрейший хочет что-то показать, это может обернуться удивительной невероятностью.

Спустя три часа двое равенцев под палящей разошедшейся Звездой уже поднимали горячую пыль своими изношенными башмаками в полном безмолвии, ибо стоило только открыть рот, и он тут же безнадежно высыхал...

Все же Артемир нарушил молчание, снедаемый маревом, раздражением и естественным любопытством:

— Что ж, мы уже изрядно наглотались раскаленным воздухом, и я не вижу тому оправдания. Это время и силу я мог потратить на боевую стготовку и...

— Я взял на себя смелость прежде времени не предупреждать тебя о том, что хочу показать, но уже теперь, в свете грядущих событий, откладывать изъяснение нет смысла. — Датокил перебил Артемира этими пространными словами, сопровождаемыми таинственной улыбкой.

— Надеюсь, что ни я, ни ты не пожалеем о твоих решениях... — Артемир недовольно пробурчал, но без тени осуждения, ибо давно уяснил, что его продуманный друг ничего не делает необоснованно...

Продолжив неторопливый ход после короткого разговора, Артемир почувствовал, как напряжение начинает неспешно разливаться по его телу, вымещая усталость и жару — они приближались к северному побережью, занятому Надзором. И только Претендент решил высказать свои опасения, Датокил резко остановился подле пыльного входа в старые и истощенные железные рудники, начинающиеся прикрытой норой в камнях. У Артемира жалостливо стиснулось сердце, ведь именно такие же полуразвалившиеся деревянные створки другой шахты стали грандиозными воротами для него в новую жизнь, щедро окропленные невинной кровью... Артемиру даже показалось, что из глубин необитаемого, конечно же, рудника исходят едва уловимые стуки кирок и голоса рудокопов с той стороны жизни... В сильную жару кожа Претендента ошетибилась мурашками и он резко передернулся.

— Зачем ты привел меня сюда, на границу с лагерями Надзора? — Артемир вернул

русло своих страхов с потусторонщины на реальность.

— Я не хотел рассказывать тебе об этом, — повторил свои слова Датокил, — ведь не был уверен, что справлюсь до начала войны, или же вообще не обнаружу свой замысел, ибо, как ты внимательно заметил, мы у врага прямо под носом, и стоит ему вдохнуть поглубже... — Датокил многозначительно опустил подбородок, задрал брови кверху. — Впрочем, пойдем, сам все увидишь. — затем Датокил нагнулся и небрежно отбросил двери, начав спускаться по выбитой в камнях незамысловатой лестничке. Как только Хитрейший целиком поглотился рудником, Артемир неуверенно, но все же последовал за ним.

Первое, что отметил Артемир, было то, что звуки, которые он принял за игру своего расшалившегося воображения, усилились, едва он окутался затхлым мраком шахты. Идя след в след за Датокилом, который уверенно вел его по жутким и безжизненным улочкам рудника, Артемир уже мог уловить отдельные слова и определить, отколола ли кирка кусок породы, или же прошла вскользь. Ему стало понятно, что где то там, впереди, работают люди. И действительно, когда звуки уже начали отдаваться дрожью в стенах и насыпном полу, Артемир, очами привыкший ко тьме, различил в конце длинного коридора слабый, мерцающий свет от факела.

— Что там? — немного дрожащим от волнения голосом поинтересовался Артемир у Датокила.

— А разве ты еще не понял? — Артемир не видел лица Датокила, но по его голосу понял, что он хитро улыбается. — Мы делаем подкоп под первую линию обороны Надзора, используя этот зачахший и забытый саргами железный рудник.

— А... Ох! А почему ты раньше не сказал?! Это же гениальная идея! — восхищенно воскликнул Артемир, резко остановившись и оттого споткнувшись о неровность песчаного настила.

— Как я уже говорил, не было особой веры в то, что мы успеем к моменту, когда уже нельзя будет медлить. А вселять ложную надежду мне было без желания. Ну же, пойдем, осталась пара шагов! — Датокил подогнал все еще стоявшего Артемира.

Вновь заставив ноги работать, Артемир прошел за Датокилом еще минуты две-три, и они, преодолев небольшой заворот, наконец вышли к источнику потустороннего шума и мерцающих огней — группе рavenских силачей, не щадя себя махающих кирками. Услышав, что кто-то пришел, некоторые отвлеклись, но, узнав вошедших, вернулись к труду. Рождаемые их ударами искры проживали свою яркую, но мимолетную жизнь под степенным покровительством мягкого огня факела, который, как казалось, вот-вот потухнет. Артемир через прищуренные от непривычки к свету глаза оглядел, что находятся они в большом округлом помещении, а шахтеры пробиваются под углом вперед и вверх, находясь на откосе. В помещении стоял невыносимый чад, и все присутствующие, даже Артемир и Датокил, были мокрыми от пота и тяжело, мучительно дышали. И пресловутый факел, воткнутый в щель на стене, также чувствовал нехватку воздуха, горя из последних сил.

— Эй, Артемир, Датокил, привет вам!

Знакомый голос, как мгновенно узнал Артемир, принадлежал Раздаvidу, отделившемуся от шахтеров.

— Так ты здесь? — Артемир приветственно пожал покрытую мозолями и потом руку друга, огрубевшую даже более прежнего.

— Да, самые сильные, смелые и выносливые рavenцы здесь! — гордо выпятив грудь, выкрикнул Раздаvid, упершись руками в боки.

— Я же сказал вам, чтобы вы выставили дозорных! — Датокил вместо приветствия вlepил здоровяку замечание.

— Да на кой такой прок нам эти дозорные? Только нужные руки отвлекают от работы. — простодушно возразил Раздавид, пренебрежительно махнув рукой. — Если Надзор заметит нас здесь, все едино будет — смерть.

Датокил неодобрительно покачал головой, но препираться далее не стал, не видя в этом особого смысла.

Пока Датокил говорил с Раздавидом, Артемир поприветствовал еще и Хрграра который, разумеется, присутствовал здесь же.

— Ладно, Артемир, пойдем же, не будем отвлекать их на столь важном завершающем этапе. — Датокил похлопал Артемира по руке, и они нырнули во мрак, из которого прибыли, а шахтеры вернулись к своему делу, будто бы ничто их и не отвлекало.

— Значит, пустим всех наших через подкоп? — Артемир и Датокил уже шли обратно скрытными путями через заброшенные околотки, лишённые не особо бдительного внимания Надзора.

— Не всех. — Датокил отвечал на вопрос Артемира, наморщив лицо от удушающей жары. — Под землей пойдут самые крепкие и боеспособные. Они займут основные силы Надзора, пока мы будем преодолевать наземный путь. Жаль, что не удастся прогрызться прямо к их палаткам — нас вымоет из земли морская вода, пропитавшая побережье...

— Да полно, подкоп и так выходит почти под стены фортиков Надзора! То-то они обмочатся, когда мы хлынем на них из-под земли, словно раскаленный гейзер... — с особым злорадством прошипел Артемир.

— Несомненно! — поддержал Претендента Датокил. — Теперь осталось не ослепнуть от ярости и не наделать бед в самом зените наших усилий. Надежно укрепить стены и потолок хода, правильно закрепить бочки с алым углем на откосе и грамотно взорвать их. А не то-о... — Датокил замолчал, не желая развивать тему возможного провала.

— Подрыв шахты... А мы не ищем новых путей, а? — шутливо спросил Артемир, для которого возможные плоды этого дерева уже затмили печаль предыдущего опыта их выращивания.

— Зачем же выдумывать лук, если у нас есть ружье? — в таком же шутливом оттенке ответил Датокил, ухмыльнувшись своим словам.

* * *

Осознание скорого выступления как ничто иное подстегнуло равенцев, осведомленных о грядущих событиях, ускорить их приход. Кузнецы ковали больше мечей и наконечников копий, немногих элементов доспеха и кольчуги. Будущие стрелки с удвоенным усердием совершенствовали навыки стрельбы из луков и арбалетов, саргийских ружей, с легкостью переделанных под использование чудо-смеси Октавиуса Мария(изворотливый Салатор побил рекорд прежних комендантов по количеству «списанных» боевых средств). Воины ближнего боя не жалели сил и пота, воспитывали в себе справедливый боевой яр. Не было лишь у зарождающейся новой армии Равении конницы, да и из пушек лишь три орудия, невероятным чудом стащенные из складов Надзора. Правда, боевых коней не было и у здешних саргов... Единственной чашей с отрезвляющим льдом, затушившей горящие сердца, стала горестная новость о гибели юного Вадупара, сопровождавшего братьев в морском походе до острова Мария. Бедолага стал жертвой укуса ядовитой ползущей твари, сок которой мучительно убил его спустя пару часов... Скорбящие братья только и успели, что

наскоро соблюсти древнюю традицию погребального костра, после которой распылили прах по морю, которое так любил Вадупар... Даже солдаты Надзора, словно проникнувшись всеохватывающим духом печали, сократили до минимума все свои патрули. Многие Персты коменданта позабыли о своих злополучных списках, во многом благодаря тому же Салатору... В общем, повсеместно на Гунтале воцарилась давящая тишина, предвещавшая великую бурю.

— ...Поднимайся, вставай же, Артемир!

Откуда-то издалека, гулким голосом до Артемира донеслись призывы Датокила. «Да что же это?! — в сонном недовольстве подумал Претендент. — Неужто так часто будет он меня так тормошить?!».

— Салатора бросили в темницу, местные капитаны захватили власть и готовятся прочесать нас против шерсти, нужно действовать без промедления!

Волна страха и тревоги прокатилась по телу Артемира, опередив волну пробуждения. Претендент резко подорвался со своего настила, который под его ногами заскользил по песку и покачнул несловчившего равенца. Широко распахнувшиеся веки стремились еще больше оголить очи, будто бы им не хватало обзора, руки задрожали. Вся бунтующая буря эмоций, испытываемых Артемиром, вылилась в слова:

— А что же теперь?..

Тень крайнего раздражения мельком пробежала по взволнованному лицу Датокила, который тут же взял себя под контроль, более спокойным тоном ответив на нелепый, абстрактный вопрос взъерошенного Артемира:

— Придется атаковать этой ночью, собрав воедино все и всех, что у нас есть. И благодарить нерасторопность самообезглавленного Надзора, новые лидеры которого решили лениво разворачиваться лишь завтра-послезавтра. — с легким сомнением в голосе Датокил тихо добавил. — Во всяком случае, если верить бежавшим телохранителям Салатора...

Весь день пролетел для Артемира в нервозном угаре. Все его дела по подготовке выступления свелись к выполнению указаний деловитого Датокила, отчего у Претендента все более горьким привкусом ощущалась собственная бесполезность. Он справедливо ощущал себя лишь красивым знаменем в руках Датокила, за которым равенцам хочется устремиться во все страхи и ужасы, что их ждут. Должны ждать... «Что ж, ну и пусть! — думал он, истекая потом во время бега до кузницы, хозяин которой присягнул на верность восстанию. — Будет мне в этом повод тянуться к лидерству, учиться вести за собой не только как красивая тряпка, но как защитник и правитель, мудрый полководец... Я этого добьюсь, или отрекусь от своего происхождения, как недостойный оного...».

* * *

— Ну что ж, выглядит не так жалко и ничтожно, как я предполагал...

— Жалко и ничтожно?.. Это самое величественное зрелище, какое я только лицезрел! — Артемир восхищенным голосом ответил Датокилу. Стояли они на спешно и просто сделанном деревянном помосте посреди северо-западного фаса равенских околотков глубокой ночью.

И было чему восхититься! Насколько хватало взора Артемира, покрывающего темные и ношно ледяные просторы, везде он встречал спешащих к сборному пункту людей. То тут, то там, словно ниоткуда, в уже разросшуюся толпу вливались новые вереницы равенцев, словно маленькие реки, впадающие в темное, бескрайнее море, вызывающее своей спокойной и грозной толщей чувство величественности водной стихии.

— Надо же... — Датокил с довольным видом сцепил руки за спиной, рот его скривился в немного презрительной усмешке. — Стоило только обещать им помимо свободы еще и возможность грабить, безнаказанно убивать, так число добровольцев превзошло все мои

ожидания. Даже женщины и... почти дети. Хах, равенец остается равенцем даже и в неволе... — Он повернулся к Артемиру. — Снаряжения на всех не хватит.

— Отправим безоружных в последних рядах. — очевидное решение пришло Артемиру сразу. — Они будут сменять павших, перенимая их оружие. Если же передовые части смогут захватить арсеналы, то проблема с железом исчезнет сама собой.

— Согласен. — Датокил кивнул, потом, сойдя с помоста, обратился к Раздаvidу, отделившемуся от рavenской орды. — Ты и Хрграр возглавите отряды подкопавшихся. Отбери себе самых крепких равенцев, прежде прочих их снаряди. — поучительно подняв указательный палец, Датокил добавил. — Не забудь набрать ружей, они вам понадобятся. Выдавай их тем, кто разумеет с ними. Во всем остальном действуй согласно оговоренному плану.

— Кто подаст нам сигнал? — Раздаvid был взволнован, но страхом обуян не был.

— Я отправлю вам посыльного, он возвестит о начале и грамотно подожжет фитили. — Датокил махнул рукой. — Все же, иди!

Как только Раздаvid вновь нырнул в толпу оглядывающихся во все стороны и галдящих вполголоса равенцев, Датокил вернулся к Артемиру. Претендент стоял на одном месте с неприкаянным видом, не зная, что делать дальше.

— Что ж, как ни жаль, но предбоевую речь произнести не удастся. — Датокил развел руками. — Грозный голос донесется даже до тугих ушей караульных Надзора.

— Да, и правда жаль... — рассеянно ответил Артемир, в голосе которого явно ощущалось облегчение. — Стало быть, пора разделять и снаряжать бойцов?

— Да, иначе оставшейся ночи не хватит, чтобы из этой беспорядочной толпы собрать мало-мальски организованное войско. — сказав эти слова, Датокил поднял вверх руку и созывающе помахал ею. В ответ на призыв из толпы выделилось человек двенадцать-пятнадцать, подошли вплотную к Датокилу и принялись выслушивать инструкции, которые Датокил шепотом раздал своим помощникам.

— Что ты им сказал? — Спросил Артемир, как только Датокил распустил инструктируемых.

— Это полковники, каждый из которых представляет один крупный, или несколько малых околотов. — Датокил на ходу собирал свою седеющую шевелюру в маленький хвостик. — Я велел им собрать своих подопечных в колонны и снарядить их, кто как сможет. Биться придется малыми соединениями, времени на подготовку генералов не было.

— Что ж, выберем потом из наиболее проявившихся полковников в бою. — пожал плечами Артемир.

— Отличный настрой, Претендент. Ты уже предполагаешь, что мы увидим конец боя, это прекрасно! — Датокил затрясся от беззвучного смеха, заразив Артемира.

— Кстати говоря, а где братья Пары? — поинтересовался Артемир, усмирив смешинку и глядя на хвостик Датокила, аналогичный хвосту Бокупара.

— А-а, узнаешь скоро, я приготовил для них особую роль в предстоящей резне. — Хитрейший сощурил глаза в таинственной улыбке и потер ладони друг о друга. — Более того, они будут в меньшей опасности, нежели остальные, но пользы могут принести даже больше.

— Я не удивлюсь, если у тебя еще множество змей в рукавах. — Артемир в очередной раз отдал должное беспрецедентной даже для равенцев смекалке Датокила.

— Ты даже не представляешь... Эй, оставьте это орудие здесь! — Датокил негромко

прикрикнул на озадаченных новобранцев, которые прикатили к помосту старенькую саргийскую пушку, лафет которой жалобно поскрипывал осями колес.

— Я уже видел такие... — Артемир вспомнил тот давний день знакомства с простым, но пронизательным Йоном Аппулием, узнавшим его сразу, словно видевшим насквозь... Интересно, как он там?

— Благодаря нашему островному ученому они стали проще и эффективнее в использовании. — ласковым голосом сказал Датокил, нежно похлопав пушку по стволу. — Теперь они не зависят от переменчивой и чересчур яркой огненной стихии, да и стреляют быстрее.

— Отлично, сможешь показать в бою... — рассеянно вымолвил Артемир и почему-то поглядел вверх, на небеса. А те уже всю готовились к приходу нового дня, уже начиная проявляться еле заметным светом, который через пару часов захватит весь надземный свод.

— Все, пора! — заметил Датокил, проследив за взглядом Претендента и повторив его.

Своими следующими действиями Датокил отправил в подкоп вестника-поджигателя, а также приказал полковникам(которых Артемир тут же окрестил «околоточными») выводить своих уже приобретших более-менее упорядоченный вид снаряженных подопечных на исходные позиции, готовясь к броску на форты.

Шла колонна около получаса, пока не вышла из пустыни и не уперлась в высокий последний бархан. Кордон этот, естественно образованный задутым из Каматы на протяжении столетий песком, донес свои тела так далеко благодаря беспощадным пустынным бурям. Бархан, который Надзор поленился сравнять, удачно скрывал войско равнецов от саргийских дозорных, а также давал возможность установить на своей вершине, утрамбованной временем и закрепленной пустынной растительностью, пушки. Крепкие пушкари, хоть и изможденные переходом по песку, все же закатали орудия наверх своими силами.

Закрепившись на протяженной вершине бархана, Артемир уже мог разглядеть впереди ровный, как будто взрезанный ножом, участок внутреннего рубежа Надзора, по которому монотонными звездочками факелов бродили надзорные, выхватывая из темноты то тут, то там, наточенные колья, вкопанные в песок. Значит, вход в подкопную шахту остался позади, как и западная речушка, по бережку которой Артемир шел тогда, в другой жизни, готовясь первый раз увидеть укрепления Надзора...

— Должно уже начаться. — с тревогой в голосе оповестил о своем существовании Датокил. — Даже колеса пушки успели вкопать, и...

БУХ! Сильный гулкий взрыв прервал Датокила на полуслове, молниеносно привлекая безраздельное внимание всех, кто его услышал. Далее, чем на полпути от переднего рубежа до фортиков ровная земная поверхность в короткой и яркой вспышке разорвалась в клочья, небрежно разбросав землю и песок вокруг. Глубокое черное облако, темнее окружающего предутреннего мрака, неспешно оседало, покрывая своими телесами окрестности. И тут из недр разлома, подобно рождению неугомонного гейзера, с воинственными воплями полились потоки равенских богатырей, расширяясь и уплотняясь во все стороны. Сначала ответом на эту абсолютно непривычную картину было бездействие Надзора, пропитанное тихим шоком и неверием в происходящее. Но после первых выстрелов со стороны черной массы в дозорных, последовала встречная пальба от тех, кто не был убит сразу. Наметилось движение и в лагере за стенами фортиков, узнаваемое по судорожным метаниям факелов. Стало ясно, что главная цель, к которой стремились равенцы, была достигнута — подземный

удар стал настоящей драмой для неготовых солдат Надзора.

— Теперь можно... — туманно заявил Датокил, заморожено следящий за ситуацией позади переднего рубежа.

— Что можно? — не менее заколдованно ответил Артемир.

— Вернуть Надзору его ядра. — с задором объяснил Датокил. — Впере-е-ед! — пронзительно крикнул он и замахал затем руками над головой в сторону оставшихся на поверхности, которые тут же начали свой бег, переваливаясь через бархан, выставляя вперед длинную щетину наточенных копий.

— Заряжай! — крик Датокила воспарил над барханом, превозмогая топот и шорох десятков ног идущих на штурм равнецев.

Призванные пушкари с фанатичным усердием стали исполнять приказ, засыпав в ствол орудия измельченный алый уголь, закатив ядро и как следует все это утрамбовав длинным шомполом. Потом один из безмолвных жрецов огня и металла передал Датокилу из своего наплечного мешка что-то вроде гвоздя с большой плоской шляпкой, а также молоточек и небольшую продолговатую трубку с расширенным цилиндром на одном конце и открытую с другого.

— Это еще что? — недоуменно спросил Артемир, уставившись на этот замысловатый набор.

— Это бесценный дар премудрого отшельника. Смотри! — Датокил аккуратно вставил трубку открытым концом в щель на стволе, предназначенную для запала. Расширенный цилиндр уперся в стенки щели и остался торчать прыщом снаружи. Поместив широкошляпный гвоздь острием прямо на верхушку цилиндра, Датокил с небольшим замахом стукнул молоточком по шляпке.

Артемир запоздало догадался, что будет дальше, поэтому не успел захлопнуть уши ладонями... Грянул громopodobный выстрел. Из дула пушки вырвался яркий огненный плевок; колеса лафета, как и все вокруг в глазах и ушах Претендента, пошатнулись, проверяя на прочность орудийный окоп. Самое забавное, с чего Артемир не мог удержать смешка, было то, что запальная трубка с цилиндром при стрельбе вырвалась на свободу. Подгоняемая пламенной вспышкой, она со звоном угодила Датокилу прямо в лоб.

— Маловата трубчонка оказалась... — раздосадовано пробурчал Датокил под смех Артемира, потирая подшибленную часть лица.

— И что ж, попали ли мы? — поинтересовался Артемир, глядя в слезы веселья в разгоревшуюся битву, уже проходящую за стенами фортиков. Следа их ядра не было нигде.

— Слишком высоко пустили, надо пристреляться. — мрачно ответил Датокил, пытаясь филигранно склонить орудие на толику вниз с помощью треугольной формы бруска, на котором покоилась казенная часть пушки.

Сделав таким образом еще пару выстрелов, «штаб при пушке» наконец начал эффективно поражать цели, им выбранные. Беспощадные металлические шары крошили стены, рикошетами от земли врывались в порядки обороняющихся саргов и разрывали их на куски, превращая солдат в расчлененную и кричащую кровавую помесь. Нестройный бас плюющего огня вносил хаос в умы и души изнеженных меломанов Надзора. И вот, наконец, загадка остальных пушек и исчезновения братьев Паров, заданная Датокилом, решилась сама собой. Сначала Артемир не понял, откуда вдруг на спокойных просторах светлеющих под утро вод пролива Сатиса появилась жирная темная точка. А уж когда объект

начал мигать ярким светом, Артемир вконец смешался. Но, как только в прибрежной полосе начали появляться, словно из ниоткуда, сильные всплески воды, Претендент озаренно смекнул: это же братья Пары на своем судне обстреливают берег из орудий! Собранные равенцами пушечное трио хоть и уступало по мощи многоголосому хору Надзора, но бесцеремонность его пения не давала талантам противника повысить голос.

Но сколь бы ни была неожиданной и шокирующей выходка равенцев, Надзор начал приходить в себя под градом ударов. Вот уже разрозненные солдаты построились в ряды и начали успешно держать оборону. Вот уже пушки саргов преподнесли свой весомый аргумент, раскидывая картечь и убивая ею смелых равенцев. Несколько батарей сарги развернули фронтом в сторону пролива и дали ответный залп в сторону Паров. Пушки на корабле доблестных братьев-плотников умолкли... Огонь саргийских стрелков на уцелевших фортиках из ружей, луков и арбалетов подавлял фланги восставших. Равенцы, не обладающие пока еще хорошей боевой дисциплиной, начали сминаться. Некоторые отряды дрогнули и сломались, побросав оружие и показав саргам свои сверкающие пятки. Силы равенцев, успевшие прорваться за стены фортиков, создали давку у проходов между ними, пытаясь просочиться обратно в надежде соединиться с основным войском. Ударная группа Раздавида и Хрграра, действующая в авангарде, оказалась в полном окружении.

— Мы проигрываем, Датокил! — услышав в своем голосе дрожь, Артемир пуше прежнего испугался.

— Еще не все резервы введены, есть шансы... Да где же они?.. — растерянным голосом то ли в ответ Артемиру, то ли просто рассуждая вслух, протянул Датокил.

— Раздавид и его отряд погибают! Наше войско тает! Нужно что-то делать! — Артемир в отчаянном крике сорвался на фальцет. Ответом на его вопль была лишь сосредоточенная тишина нахмуренного Датокила. Претендент понял, что настал его час... Час его торжества, или же смерти, слепой случай определит исход, ибо осталось полагаться лишь на него...

— За мной! — крикнул Артемир, обращаясь к небольшой группе хорошо вооруженных равенцев, которых Датокил назначил гвардией. — Мы идем биться насмерть!

— Постой, Артемир, ты еще нужен живым! — крик Датокила уже скрылся позади, за барханом, через который решительно перевалился Артемир, ведя за собой мрачных, но преданных гвардейцев.

С каждым шагом, приближающим Артемира к месту битвы, его сердце вытряхивало щепотку страха, вбирая освободившимся местом каплю храброго боевого волнения. Эти эмоциональные диффузии радовали Претендента, опасавшегося ранее, что в первые ратные минуты он обделаает свои штаны... Вот он уже достиг последних рядов равенского войска, уже обретших оружие, вот он протискивается сквозь пропахшую потом и испражнениями толпу, которую он все еще считал боевой силой. «Может, умер я уже? Может, и нет меня здесь, в этом бою?.. — так рассуждал Артемир, уши которого заложило от долгого бега, стрельбы и криков. — Ибо должен я испытывать страх за жизнь свою, коли есть она у меня». Но гул собственного подрагивающего дыхания в забитом слухе заверял Артемира в его проживании прямо здесь и сейчас.

— Эй, потомок Артов здесь! Он с нами!

— Он не бросил нас, он в бою!

— Умрем хоть бок о бок с благородным!

— А я не хочу умирать!

— А это вообще точно он?!

Отовсюду до раскрывающихся ушей Артемира начали доноситься подобные выкрики, укрепляющие боевой дух ослабевшего рavenского войска. Он исполнял свое предназначение! Отток воинов из застенков фортиков остановился, благодаря чему боевая группа Артемира смогла втиснуться в проход между полуразрушенной и разогревающейся от взошедшей Звезды каменной кладкой. Цель Артемира была видна: неровный строй передовых рavenцев, прогибающийся под уверенным напором осмелевших солдат Надзора. Опасность пребывания здесь была уже осязаемой: стрелы, пули и картечь господствовали в воздухе, выхватывая повсеместно из толпы жизни людей, проявивших невнимательность, слабость, или же просто покинутых удачей.

— Раздавид! Хрграр! Где вы?! — едва расслышав свой крик в хаосе сражения, Артемир споткнулся о складки поваленной палатки-казармы Надзора, намотанной на брошенные в ближнем бою пики. И едва он смог восстановить равновесие, схватившись за руку одного из своих гвардейцев, его грубо пихнул какой-то шедший в противоположном направлении крупный боец. Грубо выругавшись, Артемир поднял озлобленный взгляд и открыл рот, дабы обложить оскорблениями отступающего с поля боя, но замер. То, что открылось его взору, затмило идущую своим чередом реальность. Пихнувшим его бойцом оказался Хрграр, израненный и блестящий от пота и крови. Но кровь была не только его и убитых им саргов... Он нес на своих руках обмякшее тело... Тело преданного друга и защитника, Раздавида... То, что он был мертв, не вызывало никаких сомнений: полуоткрытые и посмертно неподвизтые, облаченные в равнодушие глаза, распоротая и незащищенная шея, которая уже перестала кровоточить, безжизненно свисающая рука, выпустившая рavenский клинок... Если раньше Артемир не испытал страха перед смертью, то теперь он его просто презрел, ибо он уже был убит. Убит пронзившим его горем.

Осознав, кто перед ним, Хрграр отошел к ближайшему укреплению, бережно прислонил к стене тело Раздавида и вернулся к Артемиру, с готовностью сжимая в руках внушительную боевую секиру и терпеливо взирая на него своим единственным глазом.

Как это часто и бывает, чувство всепоглощающего горя сменилось острой яростью, срезающей любые ростки рассудительности на корню. В условиях боя Артемир перешел к этой стадии на удивление скоро. Дрожащими руками схватив с песка скользкий от крови предыдущего хозяина прямой и недлинный рavenский клинок, позабыв о том, что нет на нем никаких доспехов, или хоть щита(не предполагалось, что он будет биться врукопашную). Артемир смело пошел прямо на сарга, прямо в гущу резни. Беззастенчиво и решительно расталкивая скопления рavenцев, вышел он к неровной линии строя солдат Надзора, выставивших вперед стену своих щитов выпукло-треугольной формы. Хотя большинство этих солдат и были напуганы, не готовы к бою, да и вообще, щеголяли лишь ночными рубахами и короткими штанами, представляли они грозную, по меркам недообученных рavenцев, силу.

Крик заколотого перед Артемиром худощавого рavenца стал сигналом о передаче эстафеты боя Претенденту. Переступив через агонирующую жертву, Артемир увидел перед собой немолодого, уже порядком утомленного сарга, выглядывающего из-за щита и оцетинившегося мечом. Видно, было что-то в лице Артемира, от чего этот сарг тревожно нахмурился, слегка потрянув своим оружием, укрепляя хват. Это ему не помогло. Истошно заорав, Артемир иступленно начал колотить мечом по своему врагу, полагаясь на силу своей злобы, а не на мастерство фехтования. Сложные выученные фигуры моментально выветрились у него из головы, оставшись лишь размытыми тенями рефлексов в руках.

Несмотря на то, что Артемир наносил широкие рубящие удары, сарг не мог вылучить момента для решающего контрудара, лишь отбиваясь щитом и ставя скользящие блоки. Да еще и сноровистые гвардейцы Артемира надежно прикрывали его фланги от соседних противников. Приумножая с каждым ударом свой бешеный раж, Артемир со всей силы пнул оппонента прямо в середину щита, оттолкнувшись назад. И если Артемира удержали на ногах окружающие его гвардейцы, то вот сарг, не ожидавший такой силы, повалился на спину, прихватив с собой нескольких стоящих позади бойцов. Не дав возможности прийти в себя после падения, Артемир хищником подскочил к уязвленному врагу и вонзил острие меча ему в шею. Лежащий на спине сарг закричал, но его крик обратился в булькающий хрип. Его глаза расширились в предсмертном ужасе, а руки, выпустившие оружие, судорожно схватились за пробитую шею. Артемир резко вынул клинок, и из раны хлынул поток темной крови, забирающий с собой угасающую жизнь убитого врага. Не утолив даже на толику жажду крови, Артемир сделал два шага вперед и пырнул мечом в живот следующего сарга. Молодой боец, едва только вставший после падения, не почувствовал дуновения смерти, которое уже превратилось в вихрь и сдуло его из этого мира под душераздирающий вопль, что заиграл музыкой в ушах разошедшегося Претендента.

Воспользовавшись брешью в строю саргов, вдавленной Артемиром и его охраной, Хрграр принялся активно расширять ее, орудуя своим массивным оружием, презиравшим любую защиту. И если в плотном ряду возможности его были сильно ограничены, то теперь хорошо наточенная молчаливым убийцей сталь наслаждалась свободным пространством, вволю разгрызая щиты и доспехи саргов, ломая кости и разрывая плоть. Соседствующие с Претендентом равенские воины узнали его, и начали, подобно заразной болезни, распространять слова о том, что их вождь успешно возглавил бой, неудержимо пробиваясь через воюющие порядки Надзора. Воодушевленные самоотверженным героизмом (во всяком случае, так им казалось) Артемира и его спутников, равенцы в унисон усилили свой натиск, было ослабший. То тут, то там сарги начали сдавать позиции, отчаянно стараясь укрепиться хоть где-то, хоть как-то... Но это им не удавалось. Все более и более боеспособное войско восставших предельно упорядочилось, вооружилось, стряхнуло оторопь первоначального страха. Перейдя в повсеместное наступление, равенцы вселили в сердца саргов тревожную неуверенность. Артемир, вскоре утомившийся и получивший несколько несерьезных порезов от вскользь прошедших копий и мечей, остудил свой пыл и вышел из сражения. К счастью, это уже не повлияло на ликующих равенских бойцов. Продвигаясь все дальше, равенцы все больше деформировали и без того не готовый к фланговому бою у себя в тылу саргийский гарнизон. Конечно, осажденные предприняли попытку развернуть свои строи широким фронтом, но выйти за пределы фортиков им не давали сильно обнаглевшие равенские фланкиры, облепляющие укрепления и обстреливающие из всего, что есть, саргийских стрелков и пушкарей. Из-за этих маневров Надзор не мог ни полноценно использовать свои батареи, ни грамотно выстроить огонь своих застрельщиков. Последним ударом для саргов стал неожиданный даже для Артемира ход (как не трудно догадаться, с руки Датокила): с западных окраин гунтальского побережья, недалеко от берега ходом, вдруг пошла флотилия маленьких деревянных суденышек с равенцами на борту каждой. Беспрепятственно преодолев по воде путь до боя, лодчонки вышли в тыл саргов и, под сильным обстрелом, начали высаживать своих пассажиров на берег, вклиниваясь надежно в войско Надзора. Совсем потерявшие боевой дух сарги начали беспорядочно отступать кто куда, но большинство — навстречу смерти. Все было кончено. Основные силы гунтальского

Надзора потерпели крах. Конечно, оставшиеся по всему северному побережью укрепления и их гарнизоны, не успев прийти на помощь своим братьям, подготовились к битве, но их малое число и сокрушенная мораль заставили веру в их победу померкнуть навсегда. К концу того же дня все силы Надзора или пали, или капитулировали. Победа равенской клики была абсолютной.

— Молодцы, братцы! Нам удалось! Эх-х, каково!.. — в приступе ликования, легко затмившим горечь утраты, благодарности и братской нежности Артемир бросался с крепкими объятиями почти на каждого отдыхающего равенца. Претендент прекрасно понимал, какими усилиями поле брани обратилось в простор надежды и свободы, зарождающиеся плоды которых обильно политы были человеческой кровью.

— Безумец! Что вытворяет?! — Датокил с блестящими от волнения и радости черными глазами подошел к Претенденту и потрепал его за плечо, не сдерживая улыбки. — Бросился на сарга, как мышшь на змею, и ведь сожрал же! Хах!

— Ведь ты дал мне для этого зубы, Датокил Хитрейший! Ты... — Артемир прервался, заглянув за плечо Датокила и сощурившись. — Быть не может, Салатор?

— Я услышал крики, эта вот... из-под песка! Смотрю, а там яма с решеткой и в ней энтот сидит и зовет истошно... — сопровождающий грязного и ободранного коменданта равенский мечник отчитался перед Артемиром и Датокилом.

— Артемир, Датокил, скажите ему уже, что я на вашей стороне! — взмолился Салатор, отпихивая недоуменного бойца.

— Иди, друг мой, ты свободен. — Артемир отправил восвояси почтительно откланявшегося равенца. — Что они с тобой сделали? — обратившись к Салатору, Претендент поморщился от врезавшегося в его нос грубого смрада, исходящего от благородного заголовца.

— Ах, тебе лучше не знать, хотя ты сам видишь и чувствуешь... — Салатор стыдливо и злобно отвел взгляд. Выглядел он неважно: грубая тканевая роба пленника контрастировала с прежним его образом, грязные и скатавшиеся его пряди волос, прежде красивые и яркие, стали невзрачны. Под правым глазом красовался разбухший кровоподтек.

— Что ж, приведи себя в порядок, а позже мы будем чествовать тебя на празднике нашей победы. — с сочувствием попросил Артемир.

— И то верно... — рассеянно ответил Салатор и неспешно отправился в сторону пляжа.

Оставшись наедине с собой, ибо Датокил уже незаметно отошел по делам, Артемир воскресил в голове своей горестную картину безжизненного тела своего друга. Очистившись от ратной злобы и ненависти, эта печаль, смешавшись с радостью победы, обернулась спокойной и безропотной благодарностью, которой Артемир проникся. И это инертное, но вязкое и тягучее чувство заставило Артемира отправиться к укреплению, ставшему одним из последних пристанищ равенского героя.

Преодолев большую часть пути вдоль захваченных укреплений, Артемир увидел там, где должен покоиться его друг, небольшое столпотворение, возглавляемое Датокилом. Поначалу Артемир порадовался тому, что убитому Раздаvidу оказывают почести, но потом, по мере сближения с людьми, его начала захватывать прохладная тревога верхом на развитой равенской интуиции. И правда, подойдя к стене фортика и растолкав оцепление, Артемир невольно охнул, пошатнувшись от увиденного... Составляя компанию Раздаvidу, рядом лежали Бокупар и Конупар, оба-два мертвые едва ли не больше, чем сам хозяин этого безмолвного праздника смерти... Над ними тихо склонил голову Кипар, мужественно держа удар потери всех своих братьев в столь скорый промежуток времени. Видно было, что убиты братья-плотники были пушечными обстрелами: красивый хвост волос Бокупара теперь был

залеплен кровью и содержимым головы бедного равенца, разможенной ядром; Конупар же умер с выражением непостижимого страдания на лице, и неудивительно — нога лежала рядом с телом, оторванная и ошетилившаяся крупными древесными щепками, глубоко въевшимися в плоть.

Посмотрев на Кипара, Артемир виновато сморщил лицо, осознавая, что не испытывает и десятой части той скорби, что сейчас снедает старшего и единственного теперь Пара. Все же, знаком с ними Артемир был очень поверхностно, и, в отличие от потери Раздавида, смерть братьев не так тяжело сокрушила Претендента. Восприняв скукоженную мину Артемира, как картину горести, Датокил сочувственно похлопал его по плечу, потом склонился и почтительно прошептал:

— Бедных братьев сбили насмерть ядра саргийских пушек, искусавших и их корабль, на котором мы ходили на остров, и с которого нынче они стреляли пушкой по саргийскому берегу. — закончив, в общем-то, ненужное пояснение, Датокил кивнул в сторону берега. Переведя взгляд туда, куда указал Датокил, Артемир увидел стоявшее на мели знакомое судно. Сильно поломанное в бою, оно все еще держалось нестигаемо, под стать своим создателям, вложившим в свое творение изрядную часть своей храброй натуры.

— Нужно достойно с ними проститься... Со всеми ими... — Артемир обвел головой все поле боя, усеянное телами равенцев вперемешку с солдатами Надзора.

— Ты имеешь ввиду и саргов тоже?.. — Датокил с легким удивлением приподнял брови.

— Вот еще!.. Этих сбросим в шахту... Пусть кормят червей. — угли пожара злости Артемира все еще тлели, переливаясь огоньком неприязни.

— Что ж, я отдам приказ о разжигании огромного погребального пламени. — Датокил тихо прошептал и отошел воплощать план в жизнь. Не в силах находиться долее в этом изобилии скорби, Артемир отправился следом.

Датокил не соврал, и Артемир наблюдал той ночью самый большой погребальный костер в своей жизни. Ну а потом, стряхнув с плеч пепельную седину горести, народ пустился в празднование победы восстания и свержения власти гунтальского Надзора. Вломившись в богатые на запасы провианта погреба саргов, равенцы предались возлияниям и кушанью, в перерывах между чем шпыняли и всяческими жестокостями издевались над пленными солдатами противника, порядка сотни которых закованы были в цепи. Остальные же побежденные, пережившие битву, уже погибли от ранений и бессердечности победителей.

Артемир же тогда был одним из немногих, кто воздержался от хмели, с радостью наблюдая за тем, как соотечественники его отводят душу, расправляя ее и потирая задеревенелые несвободой места. Стоит отметить смеху ради, что очень часто мирные его наблюдения сменялись прятками и побегом от молодой Алилы, которая так и норовила его покорить, если не словами, так крепкой выпивкой. После мужественных деяний Артемира в битве девушка еще более преданно и самоотверженно полюбила Претендента, чем стала доставлять ему еще более неудобств. Впрочем, комичные «проблемы» эти разрешил Датокил, ловко вырвав Артемира из ласковых, но цепких пальцев Алилы.

— Спасибо тебе, дружище, ты спас меня! — Артемир осторожно обернулся на гневную фигуру девушки с кувшином вина в руках, уменьшающуюся по мере отдаления их от нее.

— Чудак, ты радуешься избавлению от того, чему другой любой равенец был бы безмерно счастлив. Женщины рода Алов всегда были хороши собой. Алила же приумножила телесные достоинства своих предков многократно. — Датокил подраивал Атемира.

— Вот и женись на ней... — недовольно пробубнил Артемир.

— О-о, молодой мой Претендент, женщины всегда отвлекали от дел более величественных, утягивая меня в омут семейного быта. — Датокил усмехнулся. — Да и вообще, особой популярностью у их рода я никогда не пользовался...

— Вот с этого-то и надо было начинать! — рассмеялся Артемир, и Датокил ему вторил.

Время в их непринужденной беседе прошло мимолетно, и Артемир не заметил, как Датокил привел его к бархану, с вершины которого началась для Претендента прошлая битва. О ратном подвиге равенского народа теперь напоминали разве что темные, высохшие пятна крови на песке и земле, да уже заваленная камнями дыра подкопа, из которой разродились brave богатыри.

— Зачем мы здесь? — Артемир недоуменно оглянулся и осознал, что по эту сторону от бархана собралось очень много равенцев, обособившихся кучками и разговаривающих между собой.

— Потому что пришло время тебе занять свое законное место в этом празднике жизни и смерти — во главе равенского народа. — Датокил говорил абсолютно серьезно, и это слегка напугало Артемира. — Ты более не Претендент, и мы объявим об этом всем!

— Но, может, не сразу так?.. — неуверенно начал мямлить Артемир, но Датокил грубо его прервал:

— Твоя неуверенность всегда должна быть накормлена сполна даже и теперь, после смерти твоих друзей и соотечественников?! Неужто не сыта она?

Уязвленный и опешивший от такой жестокой попреки раздражившегося Датокила, Артемир замолчал. Датокил этим удовлетворился и без дальнейших слов поднялся на ту самую вершину.

Неяркий, и оттого ласковый и нежный свет вечерней Звезды контрастно выделил фигуру Датокила под сумерки на сакраментальной природной насыпи. Артемир стоял подле, пока еще как верный соратник, а не лидер. Хотя, для достижения этого ответственного призвания он сделал достаточно, как покажут дальнейшие события. Все же, за время своей насильственной изоляции от суверенности, многострадальный народ успел упроститься и стал крайне падок на увлечения мимолетные, яркие, острые... А уж благородное имя Артемира лишь стало весомым, но не таким осязаемым, как ратные подвиги, доводом в его пользу. Тем не менее, всему свой черед, а пока Датокил раскинул приподнятые руки в сторону, дабы привлечь к себе более внимания, и громогласно завел речь перед равенским людом по обеим сторонам от бархана.

— Равенец! Внимай ко мне! — голос Датокила стал громким, но не оглушающим, грозным, но не угрожающим, могучим, но не превосмогающим. Артемир поразился такому потрясающему управлению своим голосом, которое демонстрировал Датокил. Неудивительно, что все пересуды равенцев промеж себя мгновенно оглохли, будто и не было их, ибо все, кто мог слышать, обратили свое внимание во слух.

— Впервые я могу возвысить свой голос над жаркими и сухими просторами гунтальской пустыни. Но не радуйтесь прежде положенного! — Датокил размахисто и быстро потряс руками в останавливающем жесте, переводя взгляд то в сторону одной половины толпы, то в сторону другой. — Иначе залпы саргийских орудий, топот их коней и звон их брони заглушат и мой глас, и биения наших сердец. — Датокил прижал правую руку к груди, несколько раз постучав по ней сжатым кулаком. — Останавливаться на достигнутом нам нельзя! А потому нас ждут дела великих усилий, глубокой крови и изнурительного пути.

Согласны ли вы со мной?! — в ответ на его вопрос раздался грохот одобряющих равенских воплей, от которых гунтальское марево в испуге сотряслось, начав извиваться еще быстрее прежнего.

— А посему мы отправимся в Нордикт, в Равению, домой, над землями которой уже давно не развеялся прах истинных равенцев(Салатор, который уже привел себя в порядок и стоял под барханом, внимая речи Датокила, скривил рот под наплывом обиды). Изгоним же клятых саргов с наших берегов! — Датокил специально разжигал норовы без того разгоряченных равенцев. Чего таить, у него это получалось безупречно: слушатели Датокила со все более нарастающим беспамятством брызгали слюной в лихорадочных криках и трясли руками и оружием вплоть до вывихов. Намеренный же пафос словесных представлений убеждал простоватый люд во всем, что он искусно обтекал, и чего Датокил добивался.

— Но для этого нам нужен сильный вождь, способный мудро и бережно направлять нашу силу...

— Вот ты и веди! — раздался далекий возглас из толпы, который поддержала пара выкриков.

— Н-нет, негоже мне вести вас!.. — внезапно запнулся Датокил, скоро заморгав своими черными глазами, смущенный то ли тем, что предложена была его кандидатура, то ли тем, что ее поддержка была так немногочисленна. — Но я знаю, да и вы все, того, кто достоин этой участи по делам своим и по крови своей благородной! — величественным в своей неспешности и весомости жестом Датокил указал прямой рукой на Артемира. — Предлагаю вам на рассмотрение благородного потомка защитника Равении, Артакана, по имени Артемир!

— Так Артакан, или Артемир? — толпа смутилась.

— Артемир, потомок Артакана! Некоторые из вас могли знать его по сокрывающему имени Эмир. — рассердился Датокил на свою же сложносочиненность, не понятую равенцами. — Победу он героически удержал, едва только ослабла наша хватка.

Окончательно поняв, про кого идет речь, равенцы восторженно встрепенулись и в едином порыве всколыхнулись, заорав одобрительными голосами. Улыбнувшись с облегчением, Датокил заявил:

— Воля ваша слышна далеко над песками Гунталя, и я с радостью принимаю ее. Засим, ввожу надо всеми нами Приорат, вместо погибшего давным-давно Триумвирата равенцев Заголовья, Поручья и Изножья! И приором назначаю Артемира, потомка доблестного Артакана. Теперь он ваш вождь... Преклонитесь же перед вашим приором! — закончив на высокой, срывающейся на вопль ноте, Датокил сошел с вершины бархана. Вослед ему огромное черное море, взволновавшись и беспокойно забурлив, осело — равенцы с рьяной готовностью встали на одно колено. Проходя мимо Артемира, Датокил шепнул:

— Теперь слово за тобой.

Поняв, что про него не забыли и речи не избежать, Артемир покладисто занял натоптанное место Датокила и, сконцентрировавшись предельно в голос свой, неуверенно начал:

— Встаньте же, друзья мои!(«И это мой голос?!») Я благодарен вам за ваше доверие, и покладу жизнь свою, дабы его не испоганить. Я не буду утомлять вас долгими словесными завитушками, вас, измученных за прошедший день, наполненный судьбоносными событиями, вас, бивших саргов беспощадно, вас, избравших меня своим вождем. Скажу лишь: отдыхай, равенский народ! Вы этого заслужили! Дальнейшие наши действия будут

обсуждены с моими советниками и донесены до вас в скорости. Отдыхай!

Равенцы выслушали это маленькое выступление, затаив дыхание. В конце они погудели и разошлись, деловито кивая головами и обсуждая последние события. Артемир же, замолкнув, отер со лба пот, выдохнул и сошел вниз, где его встретил Датокил, похлопав дружески по плечу.

— Вполне себе неплохая речь. — Датокил с видом оценщика скосил взгляд в сторону Артемира. — Они запомнят то, что ты с вниманием и заботой отнесся к ним.

— Это был единственный достойный повод сократить мои слова. — пожал плечами Артемир.

— Что ж, я рад, что ты именно так начинаешь свой путь правителя. Я вижу в тебе большое будущее. Ну, а пока о настоящем: я иду спать, и тебе рекомендую воспользоваться своим же советом. — Датокил попрощался с приором и отправился восвояси. Артемир последовал его примеру.

В ближайшие недели весь равенский народ на Гунтале замастил свою задавленную душу свободой. Так бы и совсем потешились, дав размывающую трезвость взгляда слабинку, но Артемир, приняв новосозданный титул приора, стал неустанным источником бурной деятельности. Дав выход своим патриотическим тревогам, приумноженным его благородной кровью, он появлялся на Гунтале повсеместно, посещал каждый околоток, побуждал кузнецов, фермеров и хранителей равенского знания работать, не жалея и без того истощенных сил. И эта искренность, с которой он преподносил себя народу, получила отклик: кузнецы ковали доспехи и оружие, фермеры готовили запасы пропитания для народа и войска, мастера учили новобранцев традиционному ратному делу, превращая нежную зелень в матерые заросли колючего кустарника.

Войско равенцев, отрастающее день ото дня решившимися смельчаками, Артемир разделил на три армии: Третью, во главе которой стал опытный и образованный Салатор, Вторую под управлением доселе неизвестного равенца — Коригона, Первую, которую Артемир поведет сам. Стоит привести пару мимолетных слов о Кориране. Это был уже немолодой равенец с круглой и совершенно лысой головой, обладатель очень темной, даже по меркам равенцев, кожи. Он был носителем слегка презрительного взгляда маленьких карих глаз, в соседстве с которыми сидел широкий и приплюснутый нос, под которым в серьезной складке покоился рот его. Причем «покоился» — это не просто оборот, ибо Кориран был крайне молчалив, предпочитая слову дело. Рост его был невелик, что компенсировалось его талантом полководца, проявившем себя ярко в бою с Надзором: он, будучи еще "околоточным", очень ловко изобразил отступление, чтобы потом окружить увлекшихся преследованием саргов и с легкостью разбить их. Его воины высоко ценили его, и Артемир мудро учел их мнение, сделав Корирана генералом, командующим Второй Армией.

Но теперь речь вновь об общем равенском деле. Разделенная на три армии, но все же немногочисленная, сила равенцев довольно быстро обросла неплохим снаряжением. Обрядить равенских воинов так же плотно, как и Саргия — своих, Артемир не мог, но все же вопросом личной защиты солдат он пренебречь не захотел. Одет новый равенский боец был в окрашенную черным красителем льняную стеганку, небольшую кольчужку, поверху — стальная кираса с наплечниками и наручами, шлем с небольшим козырьком, в руках покоился прямоугольный деревянный щит, что были распространены ранее в войсках почившего Триумвирата. Основной силой равенских армий стали пехотинцы ближнего боя: пикинеры и мечники, да и то потому в основном, что их было проще подготовить и вооружить. Пикинеры же еще могли противодействовать могучей коннице саргов, что было жизненно необходимо в битве с полноценной армией Нордиктовской Лиги. Лучников и арбалетчиков тоже было вдоволь. Элитой заделались огненные стрелки с модифицированными по образцу Октавиуса Мария ружьями и пушкари, щедро обеспеченные трофейными пушками Надзора. Обучение последних было особенно драматичным — весь путь изучения опасного оружия на алом угле равенцы прошли по следам саргов: ужасы ошибочных разрывов и покалеченные, а иногда и попросту разорванные на куски люди и орудия стали теми шишками, которые не слишком внимательный ученик с незавидным постоянством ловит от своего учителя.

Но шишки и прочие побочные продукты учений пошли впрок, и вскоре Артемир с нескрываемой гордостью и замирающим сердцем окидывал широким взглядом стройные фаланги пикинеров, чередующиеся с отрядами мечников, прикрываемых стрелками и лучниками, а впереди всего этого воинства сверкал на дневном свете оскал из артиллерийских пушек. Над войсками развевались черные полотнища, которые были избраны в качестве равенских знамен. Не хватало лишь сей силе конницы, о чем горевал приор и о чем неустанно нашептывал ему Салатор, сбросивший свои комендантские доспехи и одевший генеральскую равенскую броньку, отличную от рядовой лишь стеганкой пурпурного окраса да густым плюмажем на шлеме в виде пурпурного конского хвоста.

— Артемир, с конем наше войско обретет ту силу, которой всегда боялись народа Нордикта — силу стремительного и маневренного равенского натиска, славного и беспощадного. — постукивая пальцем по деревянной столешнице в такт своим словам, говорил Салатор. — Мои подданные, а, значит, и твои, станут бесценным дополнением к армии, нужно лишь только освободить Равению от остатков Надзора, и регулярные равенские всадники — к твоим услугам, не говоря о многочисленных добровольцах среди обычного народа.

— Эта идея согласна с моим планом по овладению Южным флотом Саргии — одно естественным ходом разрешит и другое. — наставительным тоном сухо вымолвил Датокил, кивая головой. — В любом случае, освобождение нашей исторической родины станет богатой духовной пищей для равенской морали.

— Я не слишком сведущ в тонкостях ваших планов, но сама идея ступить на землю моих предков благородным трепетом трогает мою душу. — с мечтательной улыбкой отлил свое слово Кипар.

Артемир нахмурил брови, с натужным выражением глубокой задумчивости уставившись в никуда. Он собрал этот совет из людей, которым более прочих доверял, чтобы решить дальнейших ход своего Приората. Он осознавал, что в свете последних событий их путь — это путь войны, потому и созвал Салатора, Датокила, Кипара и Коригана в бывшую штабную палатку коменданта Надзора, милитаристский интерьер которой располагал к подобному роду обсуждений. Он даже хотел облачиться в доспех, но передумал, появившись в своем новом черном кафтане с пурпурной лентой через плечо (деталь отличия триумвира, сохраненная Артемиром), черном плаще, широких равенских штанах и сапогах в тон.

— Что ты скажешь, Кориган? Все высказались, кроме тебя, генерал. — Артемир обратился к командующему Второй Армии, глядя на него исподлобья отяжеленным взглядом.

— А что Кориган? — с легким возмущением в голосе, словно досадуя с того, что его обеспокоили, ответил генерал. — Будто не ясно тебе, приор, что дорога наша лишь через Равению лежит... Не валяй дурака!

Усмехнувшись с такого возмутительного нарушения субординации, Артемир откинулся на мягкую спинку комендантского кресла и, обведя всех присутствующих взглядом, заявил:

— Что ж, все едины до той идеи, что идти надо на Равению. — Артемир взял короткую паузу для того, чтобы выслушать возможные возражения, коих не последовало. — Разумеется, я тоже рассчитываю именно на этот путь. Но прямой удар через пролив Сатиса наносить нам не след... Слишком хорошая там охрана: Южный флот Саргии, крепкие гарнизоны Надзора в прибрежных артиллерийских фортах Десны Нордикта, скалящейся на нас своими зубцами... — Артемир замолчал и вновь бегло оглядел своих собеседников. —

Потому я хочу кое-что вам предложить...

* * *

Спустя три дня с момента совета случилось то, что могло случиться, но во что мало кто верил, ибо по редкости это событие сравнимо с прекрасным и свежим оазисом посреди Каматы — на севере Гунталя пошел дождь. Да не просто дождь — ливень! Восприняв происходящее знаком судьбы, Артемир, супротив своей осторожной природы, решил действовать немедленно. Реализация плана, им предложенного и доработанного в присутствии доверенных лиц, началась с отплытия Салатора на равенские берега в полном обмундировании коменданта Надзора. В сопровождение была придана верная ему и пережившая падение Надзора «саргийская» гвардия. В тот же вечер на вязком берегу кипящего и в истерии шипящего Сатиса собралась мрачная команда, укутанная мистической таинственностью и непроглядными черными кожаными плащами с капюшонами. Тут порывом ветра с одного из двадцати этих темных молодцев сорвало капюшон, и под ним оказалась голова Артемира с собранными в конский хвост(не без труда) волосами. Наскоро вернув головной убор на место и шурясь от капель дождя, задуваемых в глаза, он махнул рукой. По этой команде остальные бросились забираться в четыре челна, покладисто ожидающих своих пассажиров на пляже. В каждом из них лежал плотно закрытый мешок с торчащими отовсюду остриями нечто, чудом не распарывающего стенки упаковки.

— Осторожно, не опрокинь! — голос Кипара, раздавшийся едва различимым воплем, адресован был крупной фигуре, внушительный обладатель которой судорожно схватился за бортики закачавшегося и жалостливо просевшего транспорта. Разумеется, то был Хрграр, внушающий беспокойство остальным своим спутникам.

Наконец, когда каждый челнок обрел по пяти владельцев, четверо из команды уселись за весла, а остальные сцепили носы и кормы судов длинными канатами с железными крюками, дабы никто из мореплавательной процессии не отстал и не потерялся. Оставалось лишь, после всех приготовлений, самое сложное: покинуть берега Гунталя, борясь со злыми и сильными прибойными волнами. Но, когда во главе колонны челн с могучим Хрграром, нет ничего невозможного, что и доказывают грозные гребцы: покачивающийся строй суденышек, доблестные экипажи которых победили стговор морской и грозовой стихий, начали отдаляться от берега в сторону равенского горизонта...

— Мы уже близко! Салатор советовал, чтобы заходили к стенам справа! — после трех часов тяжелого плавания Артемир заорал своим гребцам во втором челне, перекрикивая шум воды снизу и сверху. — Бери курс вправо и от берега, а не то нас прибьет!

Пока Артемир корректировал курс, из толщи ливня затупленный непогодой вечерний свет аккуратно выхватил кусочек побережья Изножья с его песчаным пляжем и парочкой небольших пирсов. Чуть поодаль к востоку Артемиру открылась картина, слегка его испугавшая: боевые корабли, причаленные к берегу. Множество кораблей: от маленьких, почти лодочек, до крупных, на бортах которых рядами стояли пушки, грозно отражавшие тусклое, размытое водой закатное свечение. Но увидев, что они пусты, приор расслабился и даже начал считать плоскодонные деревянные суда с одной мачтой и парусом, движимые в том числе и рядами весел, сокрытых в моменты покоя в глубине брюха. Бортовые поручни были частично завешены красивыми щитами с гербами Саргии и других нордиктовских народов, детально неразличимыми, лишь слегка пестрящими приятными красителями. «Этак можно было и всем войском берег штурмовать, Южный флот к бою совсем не готов...» — с противоречивой смесью чувств раздражения и облегчения подумал Артемир,

провожаая взглядом спящие боевые суда.

Пока челноки двигались вдоль берега к востоку на безопасном расстоянии, Звезда скрылась за горизонтом в противоположном направлении. Ориентироваться в абсолютной темноте, на фоне которой шум дождя обострился, стало невероятно сложно, ибо саргийский маяк спал, беря пример с Южного флота. Ситуацию облегчили равномерно чередующиеся источники яркого света, являющиеся огнями из окон прибрежного форта, судя по высоте расположения над берегом. Мысленно благодаря гарнизон одной из крепостей Десны Нордикта за их светолюбие, Артемир и его команды наконец достигли цели плавания. Обогнув южное побережье Равении, плавно перешедшее в восточное, равенцы аккуратно, насколько возможно, сблизилась с колоссальной каменной стеной прибрежной крепости. Расчет Артемира оправдался: никто из саргов и их сослуживцев даже в самых абсурдных фантазиях не мог представить, что в такой ненастный момент они подвергаются опасности: ни в одной амбразуре, ни за одним парапетом не промелькнуло ни одного случайного факела дозорного. Лишь в одном месте на стене, на которой не было постоянного гарнизона, но были регулярные смотрители, кто-то натянул навес и суетливо мелькали отблески света на холодной и мокрой каменной кладке, выдавая присутствие там жизни.

Глухой стук промоченного дерева о скальную породу, которого никто не услышал, возвестил ровным счетом никому о причаливании челноков команд Артемира к основанию стены форта. Так как стоять на крутых и скользких камнях, до которых докопались строители стены, было невозможно, все остались на борту своих суденышек. Артемир развязал мешок и достал из него внушительных размеров деревянный арбалет-самострел, вместо болта в ложе которого покоился осадный крюк. Острия крюка с мрачным нетерпением ожидали момента, когда они смогут вгрызться в неподатливые тела укреплений. Крюк был привязан к канату, вся длина которого была размотана и покоилась на мокром дне челна. Примеру Артемира поступили остальные. Настал ответственный и волнительный момент, наполнивший тело Артемира легкой дрожью.

— Что ж, да поможет нам сама равенская земля... — подрагивающий голос Артемира потонул в особо разбушевавшейся стихии, и он кивнул своим товарищам, жадно ожидавшим его команды.

Из осадных арбалетов вылетели снаряды, жадно сокращая дистанцию до вершины Десны. Четыре из них достигли цели, один — стукнулся об стену и отскочил обратно, упав в воду. Раздраженный Артемир стремительно повернулся к источнику неудачи лишь для того, чтобы увидеть сильный всплеск на бунтующей поверхности воды: один из стреляющих не справился с отдачей арбалета и опрокинулся с челна в воду. Неуклюжего равенца затащили обратно на борт, дрожащего и отплевывающегося, но арбалет он принес в жертву Великому Соленому Океану.

— Корявый дурак! — Артемир обозлился не столько оттого, что они утратили качественный образец осадного искусства, а скорее из-за неприятной приметы, которая могла определить весь ход дела. — Полезешь по моему канату следом за мной!

Несловчивший равенец, потонувший в воде и стыде, понуро кивнул головой. Канаты были натянуты, крюки закрепились. Перед броском Артемир пристально всмотрелся в амбразуры между парапетами — все было спокойно, их не заметили. Резко выдохнув, он бросил арбалет и полез вверх, быстро перебирая руками по мокрому канату. Где-то на полпути он остановился для передышки, обхватив всем телом канат, и осмотрелся: все, кроме Хрграра, уступали ему в скорости приступа. Вдохновившись стремительностью

немого силача, приор бросился следом. Наконец, изрядно истомив и изодрав руки, первая четверка добралась до вершины. Артемир с робкой осторожностью дикой кошки заглянул в зияние амбразуры, и то, что он там увидел, заставило его изо всех сил удержать громкий смешок: на всем участке стены находились лишь пять зрителей, сгрудившихся под навесом за столиком и играющих в «монетки» (популярная саргийская азартная игра, близкая по смыслу земной карточной игре «пьяница», только вместо карт иерархические изображения наносились на медные монетки, и после игры все выигранные медяки оставались за победителем). Причем, судя по приглушенным возгласам и тому, как неустойчиво наклонялись некоторые за упавшими монетками, вся стража была пьяна до одури. «Этак, если подождать терпеливо, можно дожидаться до того, что они сами друг друга перебьют за медь», — насмешливо подумал Артемир, но проверять свои гипотезы не стал, резко подтянувшись на руках и заскочив на стену. Его примеру с секундным запозданием последовали остальные. Все до единого достали из-за спрятанных плащом чехлов небольшие деревянные арбалеты с рычажной перезарядкой, не требующей особых усилий и времени. Сила стрельбы такого миниатюрного оружия была смехотворной, но вблизи по незащищенным местам — только нажми спуск, и смерть настигнет несчастную жертву.

Увлеченные игрой солдаты заметили чужое присутствие на вверенной им территории только тогда, когда первые болты пробиты шеи трех сидящих спиной к амбразурам товарищей. В запоздалом испуге оставшиеся неуклюже вскочили на ноги, опрокинув стол и рассыпав игровые инструменты, но было поздно: следующие болты сразили и их.

— Быстро перекачивайте орудия и направляйте их в сторону противоположной стены! — как только призрачные хрипы умирающих зрителей затихли, а их тела перестали подрагивать в агонии, Артемир отдал приказ, который был выполнен молниеносно, даже несмотря на то, что колеса лафетов и сами стволы были скользкими от дождя.

— Из слов Салатора следует, что стена форта, противоположная этой, очень слаба, она и будет нашей целью. — прокричал Артемир Кипару, вопрошающему одним своим видом о дальнейших действиях. Тот понимающе кивнул.

За следующие пару минут десять орудий равенцы зарядили и установили на внутреннем краю стены. Стволы направили приблизительно в одну точку под углом, который советовал взять Салатор. Хитрый заголовец знал необходимую разницу высот между внешней стеной и стеной, обращенной к равенскому Изножью. Воткнув в запальные дыры «колпачки» со смесью Октавиуса Мария, Артемир с компанией приготовились дать приветственную очередь выстрелов. Плавный ход дела нарушила распахнувшаяся вдруг дверь из цитадельной башни на стену. Из освещенного лестничного проема вывалился солдат с большой бутылкой в руке. Несколько секунд равенцы и солдат тупо глядели друг на друга. Но, поняв, что увиденное сильно отличается от того, что должно быть, солдат резко развернулся, выронив тут же разбившуюся бутылку, и шмыгнул обратно. Выведенный из ступора звоном стекла Артемир шустро выхватил из-за пояса маленькую версию огненного ружья — пистоль (оружие коменданта Надзора, уже модифицированное по новому образцу), взвел ударный крючок и выстрелил вдогонку. К досаде приоры, пуля породила сноп искр, ударившись о закрывающуюся на засов дверь.

— Завалите дверь! — Артемир крикнул командам Хрграра и Кипара, и те живенько подкатили и поставили поперек наружу открывающейся двери пушку, добавив к баррикадке пару мешков с ядрами и картечью. — По очереди с меня, огонь! — остальным же

последовала команда стрелять.

По мере ударов по капсулю девять орудий открыли огонь, возвестив всем солдатам в крепости о червоточине в обороне. Зазвонил набат. Дверь в цитадель, словно недовольная тем, что ей заткнули рот, начала ломиться, дабы отлить свое веское слово. Хрграр навалился всей своею недюжинной силой на баррикаду, удерживая ее от развала.

— Нет сигнала от Салатора... — вслушивающийся в шум дождя и звон тревожного колокола, заключил Артемир. — Стена не поддалась. Заряжай снова!

Откатив орудия и вновь начиная процесс заряжания, равенцы уже взволновались не на шутку: несколько раз ядра падали мимо стволов, мешки с алым углем рассыпались в дрожащих руках.

— Аккуратнее же! У нас... О, только не это... В укрытие! — оборвавшись на полуслове, Артемир выпалил команду, выронил свои запальные принадлежности и бросился к внешней части стены, где укрылся за каменными парапетами прямоугольного артиллерийского выступа. Не все успели повторить его маневр, и несколько равенцев упали замертво, сраженные тяжелыми стрелами саргийских длинных луков, хозяева которых подбежали с другой стороны стены.

— Не давайте им сблизиться! — провопил Артемир из укрытия, выпустив пулю из второго своего пистоля и поразив сарга, уже начавшего спешный бег в их сторону. Сарг пошатнулся и исчез, поглощенный застенной пустотой. Напуганные такой меткой стрельбой из огненного оружия, солдаты бросились к спасительным выступам на своей стороне.

— Мы в ловушке! — с панической ноткой в голосе крикнул Кипар, занявший укрытие, следующее перед артемировским. — Нам не зарядить пушки под огнем саргов!

Артемир не ответил, ибо понимал справедливость страхов товарища. Но его терзания прервал внезапный воинственный вопль. Артемир ошалело обернулся и увидел чудную картину: Хрграр, издавая пугающий крик, быстро катил заряженную пушку, через ствол которой перевалилось несколько мешков с картечью, словно торговая поклажа с виноградом. Пряча голову за этими мешками, Хрграр подкатил орудие ближе к противнику и, под градом стрел, ударил по капсулю. Под грохот выстрела ядро, неистово расталкивая капли дождя, угодило прямо в выступ. Тонкий парапет артиллерийского выступа разлетелся, не выдержав удара. Окатив каменными осколками сарга, прятавшегося за уничтоженным укрытием, ядро окропилось брызнувшей кровью. Не остановившись на этом, снаряд пролетел дальше и пробил следующее укрытие, разорвав очередного солдата на части. Остановило кровавый полет ядра лишь орудие, вставшее на его пути. С ужасающим звоном ядро влетело в борт ствола орудия и расколосось, разбив перед своей гибелью и пушку, его затормозившую. Скромным аккомпанементом этого грандиозного шедевра стала стрельба Артемира, который успел перезарядить один из двух своих пистолей. Ошарашенные таким жестким отпором, лучники в поспешности ретировались. Долбившиеся в заблокированную дверь солдаты утихли.

— Они отправились за помощью посерьезнее! — первым вспомнил о деле Кипар, осторожно покидая укрытие. — Не теряем времени!

И они не теряли. Со зверской неистовостью они дозарядили оставшиеся орудия, ни единожды не прерванные атаками солдат форта, милосердно давшим им такую необходимую фору. Вновь очередь выстрелов разразила яркими вспышками уже ночные сумерки, на долю секунды разогнав огнем непобедимые потоки дождя.

— Это сигнал! Это Салатор! — радостно воскликнул Артемир, заслышав словно бы на

отдалении недостижимой мечты протяженный гул рожка. — Мы свою часть выполнили, переходим к отвлекающей обороне! Окружим себя пушками под навесом, мешки с картечью — под лафеты. В таких условиях дождь не мешает нам отстреливаться.

Наскоро соорудив себе крепенькую позицию, рвенцы изготовились к защите, надеясь оттянуть на себя хоть бы толику сил форта. Но их никто не атаковал. Более того, шум сражения внутри двора крепости, который было последовал за рожком, тоже стих. Вновь воцарился лишь монотонный гул ливня.

— Надеюсь, эта тишина — спутница нашей победы, а не поражения. Иначе придется очень скоро возвращаться на челны, которых может уже и не быть... — озвучил коллективную тревогу Кипар, пытаясь всмотреться в глубину двора, сокрытую потоками воды.

— Прио-ор! Ты жив? — внезапный зов донесся до ушей рвенцев. — Не стреляйте, мы — ваши союзники!

— Подходите, наши снаряды останутся в недрах оружия! — ответил Артемир, догадавшись, что про его титул обычный сарг, или же обычный нордиктовец, вряд ли знают.

После этого короткого диалога, с любопытством оглядывая последствия стрельбы Хрграра, подошел рвенец в легких доспехах и покрытый зеленым плащом. Его сопровождало шестеро таких же смуглокожих бойцов, вооруженных мечами и щитами.

— Привет тебе, приор, если это ты! Имя мое — Гегзотил, я — адъютант под началом Салатора, а теперь — под твоим. Крепость захвачена, оставшиеся в живых заперлись в цитадели. Их судьба уже предрешена. — прилежно пояснил солдат после представления и почтительного поклона, прочитав вопрос на лицах Артемира и его спутников.

— Славная и долгожданная минута. — с облегчением выдохнул Артемир, выходя из оборонительного кольца. — Я — приор, ты угадал верно. Отведите же меня к Салатору.

Через две минуты Артемир, ведомый Гегзотилом, уже спустился по башенной винтовой лестнице со стены, на которой его сменил батальон солдат Салатора, принявший контроль над дверью в цитадель. Впервые он увидел двор прибрежного форта, представляющий собой нелицеприятную картину: изобилие дождевой воды, размывая и вымывая все подряд, собрало кровь из лежащих повсеместно трупов в крупные лужи, которые играли низвергаемыми потоками воды, разбрызгивая капли. Взрезанные мечами доспехи солдат форта тусклым, траурным звоном плакали об утраченных жизнях своих владельцев. Везде, даже под проливным дождем, упорядоченно стояли умытые палатки, непоколебимо выдержав напор двух стихий — водной и рвенской. Тут Артемир достиг участка стены, который они вслепую разрушали: кусок хлипенькой стенки, из которой уже местами пробивались ростки деревьев, рухнул под градом нескольких пушечных ядер. Поверх осколков рвенские штурмовики накидали досочные гати, дабы всадники могли преодолеть завал. Как только рвенская конница, обращенная Салатором против прежних хозяев, смогла попасть внутрь крепости, форт, считай, все равно, что пал.

— А вот и герой сегодняшнего дня! — с лучезарной улыбкой, перекрикивая гул дождя, приветствовал Артемира и его спутников Салатор. Окружен был прежний комендант Надзора спешившимися всадниками равенского Заголовья в доспехах и плащах Нордиктовской Лиги. — Хоть уже и настала ночь, но она не затмит вашего мастерства и отваги.

— Не принижай своего вклада в наше дело, Салатор. — остывший после заварушки на стене Артемир начал замерзать от промокшей до нитки одежды, потому отвечал ворчливо и лаконично. — Всадники, которых ты вернул в лоно равенского войска, для нас незаменимы.

— Что ж, теперь все «эти» сидят в цитадели? — угрожающе подал голос молчаливый Кипар. — Что мы будем с ними делать? Пробьемся к ним через верх и перережем каждого! — кровавый энтузиазм при мысли о расправе над саргами выдавала в плотнике еще тлеющую горечь от утраты братьев. Даже сумасшедший вихрь судьбоносных событий, который помог Артемиру забыть про гибель Раздавида, не затушил углей жгучей боли Кипара.

— Можно же и так, и эдак! — Салатора взвеселила озлобленность Кипара. — Часть прорвется со стены, часть — от главного входа в цитадель. Начальника гарнизона брать живым! — Салатор повернулся к своему адъютанту и командным тоном рявкнул. — Чего не понятно из слов моих? Раздели людей на два отряда и пробивайтесь внутрь цитадели!

— Как прикажете, генерал! — покладисто ответил Гегзотил и побежал в войска суетиться о штурме.

Через полчаса одна половина воинства Салатора уже долбилась во врата цитадели толстым сучковатым бревном. Ей вторила на стене другая половина. В то же время Салатор с Артемиром заняли одну из длинных палаток во дворе, где ранее, видимо, располагалась столовая — под наметом стояли ровным рядком продолговатые столы со следами яств на столешницах. Кипар, Хрграр и остальные по собственной инициативе отправились помогать в штурме.

— ...Что ж, и никто не вразумился, что ты совсем не их теперь? — Артемир развалился на скамье, опершись всей рукой на стол.

— А-а, куда им? — вечно светящийся Салатор отцепил с доспехов промокший плащ и сидел рядом, вытянув скрещенные ноги. — У многих ко мне были неприязнь и недоверие, но о моем предательстве никто и помыслить не смог. Даже когда я наскоро собрал верных мне конников и отправился на форт, никто ничего не предпринял.

— Отлично, значит, преимущество внезапности все еще не покинуло нас. — Артемир довольно растянул лицо в улыбке, но тут же резко вытянулся в тревоге. — Ведь никто из саргов не смог покинуть крепость во время сражения?

— Нет, мы осадили стены предельно плотно. — отмахнулся Салатор. — Единственные оставшиеся в живых защитники теперь стиснуты каменными стенами цитадели, которая станет их последним пристанищем.

Тут, под конец фатальных слов Салатора, снаружи раздался громкий треск и череда воплей.

— Отлично, наши пробилась. — Салатор вдруг замер, словно вслушиваясь, потом встал. — Посмотри, дождь окончился!

— И то верно! — Артемир радостно обвел глазами нутро кровельной части намета, который перестал терзаться тяжелыми каплями воды. — Выйдем же и улицезреем завершающий шаг нашей победы!

Покинув довольно уютные недра столовой, Артемир смог оценить весь форт, с которого спала непроницаемая пелена дождя, по достоинству: высокая, цилиндрической формы цитадель со стрелковыми башнями зловеще сверкала светом своих оконцев и амбразур. Главной целью цитадели должны были быть «гости» с морских просторов, потому она находилась в самом углу, у изгиба побережья, давая выход двум стенам, идущим вдоль бережных линий. Соединялись они старой, плохо сложенной стеной, которую так просто разрушил Артемир со своей группой. Понятно было, что атаки с земли на этот форт никто не предполагал, потому и пожалели на стену ценного камня. Закрытый стенами двор был не слишком велик, забитый в основном палатками разного назначения и десятком короткоствольных огненных орудий, направленных в сторону пролива Сатиса.

— Неплохое такое укрепление, а? — с задорной искоркой в голосе спросил Салатор, обращаясь к приору.

— А какovy ворота... — Артемир с неподдельным восхищением обласкал глазами массивные створки арочных крепостных врат, выполненных из темной, плотной древесины, скрепленные внушительными стальными заплатами.

— Да, истинное произведение искусства! — согласился с собеседником Салатор. — Таковую крепь пробить очень сложно, потому то я и навел вас на жалкий кусок старой стены сбоку.

— Эх, было б побольше...

БДЗЫНЬ!

— Похоже, мы совсем запамятовали о том, что бой не закончен. — Салатор осмотрел лежащий в паре метров в грязи меч, в лезвие которого со звоном влетела и отправилась куда-то далее пуля.

— Вот поганцы... — Артемир, слова которого и перебила круглая металлическая шалунья, задрал голову и со злобой посмотрел в сторону одного из окон цитадели, проем которого заволокло на пару секунд светлым дымом. — Первый этаж уже захвачен, судя по всему, зайдем же внутрь.

Пройдя через проломленные двери цитадели, Артемир и Салатор оказались в просторной комнате первого этажа. Если не считать лежащие повсеместно трупы, свободного места было очень много: единственными элементами интерьера были перевернутый на бок стол с торчащими из столешницы стрелами и разломанные стулья.

— Эй, воин, не притаился ли там враг? — нахмутив брови, грозно спросил у одного из своих солдат на этаже Салатор, указывая пальцем на спускающуюся лестницу, освещенную по бокам факелами.

— В погребе-то? Нет, генерал, там никого нет. Их все забились наверху, многие пожелали по воде уйти. — Тут он скованно усмехнулся. — Но у них не выйдет того, уже мы их надежно зажали.

В мгновенное подтверждение слов бойца, под стихание лязга боя наверху, с винтовой каменной лестницы спустились солдаты Салатора. Вели штурмовики с собой колонну поверженных саргов, которую замыкал немолодой уже офицер с высокомерным и благородным лицом, гладко выбритым и чистым. Выражение лица его было преисполнено спокойным пренебрежением ко всему, что его окружало, но обильная испарина и матовая

бледность выдавали неестественность и натянутость мины. А зажатый рукой кровоточащий левый бок пояснял причину терпеливого превозмогания высокопоставленного военного.

— Ах, господин начальник форта Нордиктовской Десны, приветствую вас! — с издевательским поклоном воскликнул паяцничающий Салатор, едва завидев офицера. — А я все гадал, увижу ли вас живым, или все же вам хватит смелости погибнуть в бою.

— Я говорил генералу-легату, что нельзя назначать на ответственные посты безродных равенских псов... — ядовито отцедив слова, начальник с отвращением сплюнул. — Вот доказательство моей правоты.

— Что ж, доказательством МОЕЙ правоты будет твоя голова, насаженная на копьё во дворе. — со злобой кинув взгляд исподлобья, прошептал Салатор.

— Постой, может, он еще будет нам полезен. — вмешался в перебранку Артемир, вставая между Салатором и начальником форта.

— А ты еще что за поганый выродок? — с легким удивлением окинул Артемира взглядом начальник.

Артемир, переведя взгляд на офицера, нахмурился, покоробившись от грубого оскорбления.

— Ты говоришь с приором Равении, саргийский червяк, прояви уважение! — Салатор вступился за Артемира, повысив голос.

Ответом от начальника форта послужил судорожный смех, намеренно громкий, чуть ли не срывающийся на фальцет. Очевидно, что на этот акт у офицера ушло слишком много сил, отчего он, резко прервав приступ веселья, еще сильнее побледнел и обмяк, навалившись на стоящего позади него солдата Салатора. Тот, в свою очередь, грубо оттолкнул от себя начальника форта, который повалился вперед и упал на четвереньки.

— Вот, теперь ты занял свое истинное место, сарг — у ног равенца. — с остервенелым злорадством прошипел, нагнувшись к голове офицера, Салатор. Артемир промолчал, хотя ему тоже польстило приниженное положение оскорбленного его врага.

— Никогда ты не увидишь... Ох!.. — начальник форта, задетый словами Салатора, попытался резко встать с колен, но пошатнулся, его глаза выпучились, уста замерли на полуслове. Охнув, он сокрушенно рухнул на пол, и по нарастающей бледности его вытянувшегося лица можно было понять, что он умер.

— Жаль, возможно, мы смогли бы вытянуть из него хоть сколько-нибудь информации про саргийские войска на севере. — со вздохом посетовал Артемир.

— Ничего бы он нам не сказал, даже под пытками. Он слишком предан королю... — внезапно погрузнев, возразил Салатор, глядя в мертвое лицо начальника форта. — Что нам делать с пленными, приор?

Все скорбные лица побежденных саргов синхронно повернулись в сторону Артемира, услышав вопрос Салатора.

— Оставь их здесь с гарнизоном, пусть восстанавливают стену. Потом распределим их между равенскими крестьянами, будут у них рабами. — выбрал решение, не связанное с казнью, Артемир.

— Добро, приор. — одобрительно улыбнувшись, ответил Салатор и приказал своему адъютанту переодеть пленных и изготовить их к работе.

— Теперь нам открыт путь вглубь Нордикта. — негромко сказал подошедший к Артемиру из толпы солдат Кипар. — Что же мы предпримем?

— Решим на военном совете. — глядя куда-то в стену, ответил приор.

Вечером того же дня на первом этаже цитадели состоялось новое собрание, на котором обсуждали дальнейший ход, надеясь ранее положенного не утратить эффект внезапности.

— Салатор обеспечит нам повсеместное восстание всех равенцев, а также равенских моряков, обслуживающих весь Южный флот. Надзор в Равении обречен, и скоро его постигнет судьба гунтальского подразделения. — Датокил требовательно глядел на Салатора немигающим взглядом.

— Это да, конечно... — Салатор, хоть и уверенно, но неуютно согласился с напором Хитрейшего. — Равения и Южный флот будут нашими без тяжких потерь, Надзор не выстоит.

— И на этом все?.. — с тенью надежды, обьятой неопределенностью, подал голос Артемир. — Провозгласим независимость Равении?

— Как ни ворота, нам придется разобраться с Серпией. — помрачнел Салатор. — Они поглощены страхом и ненавистью к нам, потому замки Серпийского Альянса станут надежным плацдармом для могучего контрудара саргов.

— Может, и пес с ними?... — задумчиво ответил Артемир, подперев кулаком щеку. — Я уверен, мы сможем защитить границы теперь, когда вся Равения будет единой перед лицом врага.

— И сколько же лет мы сможем защищаться от всех нордиктовых полчищ, пока у нас не погибнет все войско? — язвительно скривился от подобной глупости Датокил. — Нет уж, придется идти до конца — до капитуляции Саргии. Мы лишь можем выбрать, по какому пути мы преследуем эту цель.

— Я думаю, морской путь будет весьма кстати. — вновь воссиял среди мрака Салатор, задав тон последующего обсуждения.

— Это еще как? — буркнул молчаливый Кориган.

— Орудия кораблей Южного флота могут помочь в штурме Серпии, если будут бить по ней с моря. — с растущим энтузиазмом в голосе догадался Артемир, — Бомбардировки с двух сторон — морской и сухопутной — серпийцы не выдержат.

— Это может сработать. — неопределенно пробормотал Датокил. — Подвести корабли к серпийскому побережью и бить по ближайшему замку. Но действовать придется быстро, иначе сарги спустят Северный флот и откинут нас.

— А разве мы не можем высадиться севернее Серпии? — недоуменно спросил Кипар.

— Оставить Серпию у себя в тылу?! Никогда! — мгновенно отверг идею взбунтовавшийся Датокил. — Мы останемся без снабжения из Равении, которую серпийцы без нашего войска сожгут и разорят.

— Тогда порешим на том, что будем штурмовать восточный замок Серпийского Альянса при поддержке флота. — заключил Артемир, неспешно оглядев своих собеседников в ожидании возражений. Не встретив таковых, приор уточнил. — Когда мы сможем выступить?

— В течение нескольких дней я со всеми моими помощниками соберем Равению под черным стягом и изготавимся к походу на Серпию. — отрапортовал Салатор.

— Что ж, на том и порешили. — Артемир кивнул головой. — Атакуем серпийцев под покровом ночи через несколько дней, раз мрак нам так благоволит. — вставая со стула, Артемир окончил совет. — До этого момента скрываем наши намерения как можно тщательнее. Нельзя допустить, чтобы северяне в деталях узнали, что им уготовило грядущее,

ведомое нами.

* * *

Салатор не трепал языком впустую, и через несколько дней, как и было обещано, в результате многочисленных восстаний в большинстве областей Равении, бремя Надзора было сброшено окончательно. Восставшие, разоряя арсеналы нордиктовцев, вооружились до зубов. Южный флот, саргийские капитаны которого были перебиты равенскими матросами, перешел под полный контроль Приората. Решимость и слаженность восстаний убедили Артемира в том, что равенцы и не думали забывать о свободолюбии и независимости, как предполагалось ему на Гунтале. По итогу собирания равенских земель, войско Приората выросло многократно, обзаведясь сильной конницей, артиллерией и отрядами с огненными ружьями. И во главе этих армий стали Артемир, Кориган и Салатор. Теперь настало время следующего шага, и к нему приор уже был готов.

* * *

— Гроза во время штурма берега — это, конечно, прекрасно. Благодаря ей нашу пальбу приняли за раскаты грома... — шепотом прошипел Артемир Датокилу, идущему рядом с ним во тьме ночи в сторону границы между Равенией и Серпией. Оба восседали на хороших боевых конях, предоставленных Салатором. — Но сопутствующий ливень превратил бездорожье в болото, уж слишком нас тормозящее.

— Я бы беспокоился о том, что шум чавкающей под сапогами наших солдат грязи выдаст наш переход. — шутливым тоном ответил Датокил. — А скорости нашей уж хватит, чтобы до рассвета предстать перед рубежами Серпийского Альянса. Самое главное — это преодолеть холмы перед границей.

Ворчливо выдохнув в ответ, Артемир оглянулся и осмотрел, насколько позволяли привыкшие почти к полной темноте глаза, следующие за его штабом войска. Позади его новообразованной конной гвардии шли артиллерийские расчеты, сопровождающие покладистых и сильных тягловых лошадей, обремененных огненными орудиями. Далее приор уже не видел ничего, но за артиллерией должны следовать батальоны стрелков, за ними — пикинеры и мечники. Замыкать колонны должны кавалерийские эскадры, прикрывающие тылы. Ориентироваться колоннам приходилось по переодетым в крестьянские обноски разведчикам с факелами, опережающим войска на значительное расстояние и готовым дать сигнал в случае препятствия. Более всего Артемир боялся за флот, порученный какому-то неизвестному флотоводцу, за которого поручился Салатор. Приору пришлось смириться с кандидатурой, ибо другой попросту не было (Кипар хоть и был талантливый плотник, но даром вождя флота не обладал). «Как бы этот флотских дел мастер не выдал себя, столкнувшись с берегом, или же ударив суда друг о друга и... лучше об этом не думать», — снедался дурными мыслями Артемир, покачиваясь в седле своего коня.

— Холмы, отлично! — Датокил повернулся к Артемиру. — Серпийский замок Нордиктовской Десны сразу за ними.

И действительно, светящаяся точка спереди начала подниматься, а спустя несколько минут перед Артемиром из-под земли выросли внушительные холмы, уходящие своими вершинами во мрак.

— Самый тяжелый момент... Подъем... — тревожно прошептал Артемир, едва шевеля губами. — Что ж, еще одна высота для взятия...

Сделав первый шаг, Артемир повел за собой все войско, которое, поскользываясь и бесшумно ругаясь, вгрызалось в мокрую и скользкую землю. Особенно тяжело пришлось

тягачам, которые с огромным трудом карабкались по холмам со своим смертоносным грузом, то и дело злобно потряхивая гривой и возмущенно фыркая. Сопровождающим конюхам приходилось ласково поглаживать своих подопечных, дабы те не начали ржать, привлекая ненужное внимание. Но вот, наконец, и вершина последнего холма, с которой перед Артемиром и передовой линией предстала внушительная картина: сияющие огни большого замка на отдалении внизу. Часть внешней его стены выходила в бухту, красивым контуром своим повторяя береговой изгиб. Прерывалась стена выходящим на воду доком, где должны были в военное время стоять саргийские корабли, в мирное — торговые суда. Сейчас же док скучающе пустовал, не ведая о том, каких гостей предстоит ему теперь встречать....

Стена, обращенная к суше, была высока, и на ней можно было различить огненные орудия, аккуратно выглядывающие из парапетов. По перемещающимся в свете факелов точкам можно было понять, что настенный гарнизон бдит куда лучше, чем стражи прибрежного форта, который был захвачен в уже минувшем прошлом. Башни, устремляющиеся ввысь, вызывали благоговение, а здания за стенами — убедительную основательность.

— И мы сможем «это» взять?.. — неуверенно пролепетал Артемир, чувствуя, как стремительно у него пересыхает во рту.

— Задача непростая, да. — противоположно приору, уверенным тоном ответил Датокил. — Но на нашей стороне абсолютная неожиданность и огневое превосходство, так что победа должна быть за нами.

— Должна быть... — повторил, словно эхо, Артемир, а потом встрепенулся. — Тогда начнем, ждать более нечего.

— Длинноствольные пушки советую оставить на этой вершине, а вот короткоствольные орудия придется спускать — отседова не достанут. — критически расценил Датокил.

— Согласен. — кивнул Артемир. — Что ж, флот должен был уже подойти, потому сигнал подадим мы. — Сигнализируй.

Один из конных гвардейцев приора, к которому обратился Артемир, почтительно склонил голову и, развернув коня, аккуратно потопал вглубь колонны, к стрелкам. Спустя пару минут в сердце тьмы вспыхнул крошечный огонек, из которого родились еще три крошечных светящихся точки, спустя мгновение устремившихся со свистом во глубину черных небес, один за другим. Сигнал дошел до адресатов, которые в ответ выдали целый залп грохочущих выстрелов, яркими вспышками света разразившихся за пределом видимости, близ прибрежных океанических вод. Невидимые ядра с алчущим аппетитом вгрызались в укрепления восточного замка Серпийского Альянса, оставляя облачка каменной пыли в местах попадания. Потом цели достигли разрывные ядра, осыпавшие раскаленными осколками все окружающее.

— Все, вперед, пошли! — завопил Артемир в протяжении колонн, на секундочку отвлекшийся на наблюдение за корабельной стрельбой. — Прямые орудия закрепить на вершине этого холма и стрелять, навесные орудия вниз, передай всем командирам артиллерийских команд! — повернувшись к другому гвардейцу, крикнул приор, и гвардеец мигом бросился исполнять приказ.

Тем временем на стенах замка и прилегающей к нему части Десны Нордикта творился полный хаос: не понимающие ничего и сонные солдаты неслись к источнику стрельбы, гадая, откуда взялся у них под боком враг, что это за враг, и откуда у него такая огневая

мощь?

Абсолютно противоположная моральная картина складывалась на землях перед замком: воодушевленные началом боя равенские воины, прежде служившие в Лиге, с оружием и лестницами наперевес спускались с холма и без малейших заминок перестраивались в боевые ряды, как их и учили, пуская вперед гаубицы, которые должны были нанести второй артиллерийский удар, вслед за Южным флотом, который из саргийского стал равенским. Как только передовые отряды и расчеты равенцев начали разжигать заготовленные факелы, дабы обеспечить себе достаточную видимость в бою, серпийцы, осознав присутствие врага еще и на суше, начали стрельбу из настенных орудий и тяжелых стрелометов, оставшихся там с эпохи «холодного» оружия. Перетянув стрелков и лучников с соседних стен, защитники усилили шквал.

— Мало еще у нас опыта, первый же дальнобойный удар уже смутил бойцов... — с немалой фрустрацией в натянутом голосе отметил Артемир, видя, как авангард равенцев под обстрелом со стен сильно замедлился и утратил уверенность. Иные даже попятнулись назад. — Неужто опять самому вдохновлять их?

— Нет, не теперь, когда ты их приор! — резко выставив вытянутую руку вбок, отрезал Датокил. — Жди же, как только полевая артиллерия откроет огонь по защитникам, воины вновь обретут смелость, увидев вновь пролитую кровь серпийцев.

И действительно, как только развернутые батареи «конфискованных» короткоствольных орудий дали первый залп саргийскими разрывными ядрами по защитникам, пехота вновь востепенелась, скидывая пелену оцепенения. Еще пара десятков минут, и лестницы уже начали неспешно ползти по стене, стремясь закрепиться промеж амбразурных щелей парапета. К моменту подхода основных сил равенцев к массиву стены, орудия сместили огонь сильно за стену, опасаясь нанести удар по своим, но и того обстрела, что уже был произведен по настенным силам, хватило, чтобы растрепать и ввести серпийцев в уныние.

— Ты смотри, полезли! — с детской искрой радости в голосе начал указывать пальцем на осажденную стену Артемир.

— Того гляди, обед уже будем справлять внутри! — с не меньшим интересом наблюдал за ходом штурма Датокил.

Однако, несмотря на подавляющий артиллерийский огонь и эффект полной неожиданности, серпийцы не захотели сдаваться совсем уж запросто: некоторые из осадных лестниц равенцев они свалили, штурмовиков окидывали камнями и заливали раскаленным маслом, которое к этому моменту успели вскипятить. Оставшиеся в строю стрелки и лучники не жалели боеприпасов, а мечники — сил. Потери равенцев были весьма ощутимыми.

Но усилий серпийцев было недостаточно, особенно в свете пришедшей на смену непроглядной ночи кровавой зари. Нежная, но настойчивая аль ранней Звезды непредвзято и жестоко показала всем ужасы войны: поврежденные оборонительные сооружения, разорванные на части ядрами окровавленные трупы солдат, грохот орудий и ружей, плотный дым сожженного алого угля, лязг мечей и стук щитов... А корабли, что расположились не самой стройной, но достаточно эффективной кучей на воде неподалеку от Десны, примыкающей к замку! Увидев их множество, слепящее блеском грохочущих орудий и ужасающее развивающимися черными полотнами на месте нордиктовских вымпелов, серпийцы дрогнули, оголяя вверенную им часть Десны. Воспользовавшись этим, к доку со

стороны кораблей на лодках пошли заголовские моряки с арбалетами и кинжалами, хоть этого и не было по плану битвы.

— Это еще что такое?! — не зная, злиться ему или радоваться, воскликнул Артемир, прищурено глядя на исчезающие во чреве дока лодки с воинами. — Им было приказано стрелять из корабельных орудий, а не брать замок штурмом, что они делают?!

— Вот пронырливые собакины дети! — деланно возмущенным тоном вскричал Датокил, а следом расхохотался и возопил. — Ты только посмотри, что вытворяют!

И действительно, заняв док, моряки не успокоились, устремившись на стену. Не выдерживая напора с двух сторон, защитники начали спешно, но упорядоченно отступать вниз, за стену, а потом и в сторону цитадели, обнесенную внутренней изолированной стеной и отделенную от внешней складами, казармами и прочими постройками, уже разрушенными тяжелым обстрелом. Опьяневшие от успеха рavenцы бросились за ними, огалтело размахивая оружием.

— Я думаю, пришло время спустить с цепи гвардейцев Хрграра. — решительно заявил Датокил, с удовольствием провожая глазами отступающих серпийцев. — Эти громилы помогут поставить в этом бою кровавую точку гораздо быстрее.

— Я согласен. — кивнул ему Артемир, потом повернувшись назад, к резервам и гвардии. — Хрграр, выступайте же, несите им страх и смерть!

Немой и одноглазый воитель склонил голову, принимая приказ, и приподнял в руках свое любимое оружие — тяжелую двуручную секиру. Задрав вверх и резко опустив левую руку в беззвучном призыве, Хрграр повел вперед вверенные ему батальоны пехотной гвардии с новыми, красиво окрашенными в пурпур конскими хвостами на шлемах. Вскоре они стройно вошли через открытые рavenцами ворота серпийского замка и исчезли внутри.

— Смотри, Салатор уже ввел в бой свою конницу. — Артемир увидел верховые подвижные отряды, затекающие в замок. — Не рановато ли?

— Вполне себе вовремя. — Датокил приосанился в седле, разминая и потягивая затекшее тело. — Врата при стенах цитадели тонкие, их можно быстро разломать стрельбой из пушек. А потом ударная сила салаторской конницы будет весьма кстати. — Улыбнувшись тому, что он увидел сразу после своих слов, Датокил указал рукой на стену и протянул. — Догада-ались.

Воплощением видения боя Датокила стали рavenцы, развернувшие уцелевшие настенные орудия вовнутрь и начавшие пальбу в сторону цитадели.

— А ты был прав, когда порекомендовал обучение основам ведения пушечного огня для всех. — с восхищением сказал Артемир. — Я уже чую вкусные плоды от этого дерева.

— Ну разумеется... — с едва скрываемой тенью самодовольства ответил Датокил. — Надеюсь, этих основ хватит, чтобы они не взорвали себя.

И они не взорвали. Даже наоборот, после непродолжительной пристрелки ядра начали неделикатно стучаться в двери стен цитадели, которые вскоре не выдержали напора стремительного железа и треснули, открыв широкий проход, в который устремились заждавшиеся рavenские войска, до поры прятавшиеся от обстрелов защитников цитадели в развалинах серпийских построек.

— Осталось недолго, прорыва обороны цитадели они едва ли выдержат. — смакуя каждым словом, предположил Датокил.

— Твоими бы устами, Датокил... — с надеждой высказал приор.

И здесь Хитрейший оказался прав — лишь только бой бесцеремонно вломился в

цитадель, не прошло и получаса, как с вершины последнего рубежа обороны замка было низвергнуто знамя со змеями Серпийского Альянса. Вновь равенские войска одержали уверенную победу против ошарашенного противника. Как только равенские солдаты начали с пинками и толчками выводить пленников, Артемир, Датокил, Салатор, Кориган и Кипар объединились и прошли сквозь ворота замка.

— Все целы, раны не настигли? — заботливо поинтересовался приор у своих подчиненных под цоканье конских копыт по выкорчеванной обстрелом каменной плитке.

— Как можно было? — с усмешкой выпалил Салатор. — Мы даже не участвовали в кровопролитии!

— Я не нашел себя в бою... — сокрушенно выдавил из себя слова Кипар. — Я хотел бы вернуться к тому, что окружает меня с моего самого рождения — плотничество и водные суда. На суше я бесполезен.

— Что ж, если твоему сердцу это ближе, ты можешь поступить в Южный флот. — вздохнул Артемир. — Мне будет не хватать твоей компании, Кипар, но я уважу твою просьбу.

— Спасибо тебе, приор. — с благодарностью склонил голову Кипар и с энтузиазмом улыбнулся. Лицо его озарилось облегчением и радостью.

— Добро пожаловать в Серпию, приор равенский!

Перед Артемиром и его спутниками из-за угла одного из зданий вырос какой-то молодой человек с короткими, огненно-рыжими волосами, торчащими во все стороны, и бледным лицом, покрытым непонятной сыпью. Одет он был в грубые одежды моряка — рубаху с закатанными рукавами и короткие штаны. В его ярко-зеленых, горящих непонятным злобованием огнем ясно читалось высокомерие. Артемир, в ступоре заглядевшийся на экзотическую внешность незнакомца, невольно сравнил его с бедным Вадупаром, недавно умершим. Только если высокомерие Вадупара было забавным продуктом его юношеского гонора, временного, нескладного и безобидного, то здесь выражение лица чувствовалось, как отпечаток его души. Абсолютно неприметные остальные черты лица его еще более усугубляли его мрачный образ, внося элемент сокрытости.

— Ах, друг Салли, ты здесь? Какими судьбами покинул свой флот? — ответил на приветствие рыжего, не адресованное ему, Салатор.

При слове «друг» лицо рыжего Салли вытянулось от неприязни, но он сдержался, лишь монотонно отрапортовал:

— При поддержке вашего штурма я высадился со своими моряками в порту, а по окончании битвы вышел встречать стяжателей победы.

— Так это ты — флотоводец Южного флота??? — с трудом осознав, наконец, кто перед ним, спросил Артемир, от удивления сорвавшись на фальцет.

— Да, это так. — юный флотоводец неспешно повернулся всем телом к Артемиру. — Имя мое — Салли, и я занял должность командующего Южным флотом по договору с комендантом Салатором.

— Какому договору? — Артемир, нахмурившись, обратился к Салатору. — Ты сказал, что просто назначил флотоводца. Ни о каких договорах речи не было. Что ты ему обещал?

— Понимаешь... — неуверенно начал Салатор. — Салли — изгнанный аристократ одной из нордиктовских провинций... Этой, как ее бишь...

— Лития... — чуть ли не скрежеща зубами процедил Салли.

— Да, Лития! — озарено повторил Салатор. — Так вот, при образовании

Нордиктовской Лигисарги богатый род Салли изгнали из Литии в Равению...

— За что ты затаил злобу в своем сердце... — понимающе закончил Артемир. — И хочешь за остриями наших копий вернуться домой и изгнать оттуда оккупантов?

Брови Салли дрогнули от стремления поползти наверх, он кивнул.

— Я понял суть вашего с Салатором договора. — Артемир соскочил с коня, протянув Салли руку, с которой снял перчатку. — Я гарантирую тебе трон правителя Литии, если путь наш будет проходить через нее.

Салли слегка улыбнулся, удивленный таким пониманием со стороны равенца-варвара(по его представлению, вбитому в его голову за годы детства), протянул свою руку и скрепил рукопожатием приора договор, заключенный с Салатором.

— И уж коли так совпало, то прими к себе в подопечные этого славного человека — Кипара, равенца, плотника, и просто хорошего друга. — указал на Кипара Артемир, вернувшись в седло.

— Исполню. — покорно склонил голову Салли, потом обратился к Кипару. — Отправишься со мной на корабли, как только нужно будет сниматься с якорей.

Кипар с готовностью согласился, спешил с ненужного ему теперь коня и присоединился к Салли, который тут же устремил свой мрачный взгляд на приора, ожидая приказа.

Но приказа он так и не дождался, вместо него с верхней площадки захваченной цитадели раздался вопль:

— Войско идет к нам! Войско идет к замку с запада!

— К своим людям, бегом! — выпалил взволнованный Артемир генералам, его сопровождающим. — Прикажете им занять стены и готовиться к обороне. Потом — мигом на вершину цитадели с посыльными адъютантами!

Приказ Артемира мгновенно был исполнен, и уже спустя десять минут равенские войска спешно растекались по стенам, а Артемир, Салатор, Датокил и Кориган с посыльными стояли на верхней площадке цитадели, всматриваясь в западные равнины застенков замка, откуда к ним шло несколько конных отрядов(«Пф-ф, войско, даже на конный полк не хватит...»). Салли с Кипаром отправились на корабли, ожидая сигнала к обстрелу возможного противника. Все серпийские пленные были согнаны к внешней стене, обращенной к Равении, и взяты на прицел многими стрелками и пушкарями, зарядившими настенные орудия картечью. Настала томительная минута неопределенного ожидания.

— Что ты сказал?! А ну повтори! — Альзорий, не веря в доклад генерала-легата (III) — ей группы легионов о восстании равенцев, стоял, как вкопанный, с приоткрытым ртом.

— Равенские орды уничтожили Надзор и захватили один из замков Серпийского Альянса, часть укреплений Нордиктовской Десны, как доложил посыльный от старшего герцога Альянса. — несмотря на ужас пересказываемой им новости, генерал-легат сохранял свое скрипучее спокойствие, которое в известной степени раздражало Альзория. — По докладу, бунтовщики обладают внушительной артиллерийской мощью, и... — тут генерал едва заметно смутился, — они захватили, судя по всему, наш Южный флот.

— Ну разумеется! — с истерически нервным смешком выпалил Альзорий. — Ведь флот стоял на равенских причалах... Эти идиоты капитаны даже не удосужились затопить, или сжечь корабли...

— Видимо, равенцы напали внезапно... — удачно предположил генерал-легат. — Да и не стоит забывать, что большая часть моряков Южного флота набрана из равенцев...

— Проклятые крысы... Как же не вовремя... — Альзорий в исступлении стукнул сжатым кулаком по столу с картой Гептархии, отчего все фигурки, изображающие войска, синхронно упали набок. — Нас и так сковывает эта треклятая война с гептархийским отродьем, не ведающим, что лучше для них... Но что же наши легионы на юге? Они не могли воспрепятствовать? — Альзорий все еще недоумевал от подобного военного неуспеха, граничащего со всеобъемлющей катастрофой.

— Легионы из (V) — ой группы расквартированы севернее серпийских рубежей, и на помощь не успели. — пояснил (III) — ий, бегло оглядев свои сапоги с видом явного неодобрения своим коллегой из группы легионов (V). — В замковых гарнизонах наши солдаты присутствовали лишь в единичных отрядах.

— И как же это понимать? — Альзорий начал набухать от злости, для которого такое количество ошибок высших военных чинов стало пределом понимания.

— Герцогский совет Серпийского Альянса настоял на неприсутствии наших легионов на территории их замков. — развел руками (III) — ий. — Генерал-легат (V) — ой группы подчинился.

— Жирный недоумок! — Альзорий окончательно сорвался, опрокинув стол под оглушительный вопль своих накалившихся до предела голосовых связок. — С каких это пор какой-то сраный серпийский совет для саргийского легата стал выше, чем королевский указ?! Почему он никого не уведомил о своем маневре?!

— Видимо, он хотел избежать ненужного напряжения на фоне гептархийской гражданской войны. — (III) — ий неуверенно попытался оправдать (V) — го, хотя по голосу было понятно, что он сам себе не очень верит.

После воплей принца в палатке наступила звенящая тишина, по смысловой наполненности не уступающая громким дебатам.

— Из свободных войск у нас только (IV) группа легионов, и она нужна для сдерживания Златной Коммуны, отношения с которой у нас не самые гладкие... — попытался приподнять кровавую пелену с глаз Альзорий. — Но уж если выбирать меж двух зол... И да, придется стянуть осадные батальоны из Фортрезии...

— Кто-то с Вами бы не согласился... — усмехнулся генерал-легат.

— Плевать я хотел!.. — безапелляционно отрезал Альзорий. — Настало время решительных действий.

Бурная, беспокойная деятельность, которую родила решительность Альзория, охватила саргийские армии: почти вся (IV) — ая группа раздобревших от бездействия легионов снялась с западной части Нордикта, собираясь в один кулак для удара по равенским бунтовщикам. Пристрастившихся к довольной жизни легионеров пришлось буквально отдира́ть от насиженных мест, многие даже умудрились обзавестись семьями с местными женщинами («Как обрюхатилась?!. После одной ночи?!. Эх-х, командир заставит жениться...»). На территории Златной Коммуны, бароны которой вечно были недовольны поборами метрополии, осталось лишь несколько малочисленных гарнизонов в еще более малочисленных укреплениях Нордиктовской Лиги. Из Фортрезии, Чернильная Цитадели которой была неприступным источником опаски для всего центрального Нордикта, отвели все осадные батальоны, богато оснащенные артиллерией. Половина была приписана к (IV) — ой группе легионов, половина — отправлена в ставку саргов в Гептархии. С ее помощью Альзорий планировал принудить к миру разболтавшееся графство, истекающее собственной кровью и саргийским золотом. Причем Альзорий более беспокоился за плачевную утрату второго.

Как известно, свято место пусто не бывает, потому на освободившихся от саргов землях началось брожение. Однако, в большинстве случаев это брожение было разбавлено слабостью нордиктовских государств, на что и рассчитывал Альзорий, стягивая войска. Даже фортрезский князь, который не чтит свое членство в Нордиктовской Лиге, регулярно забывая присылать своих делегатов на собрания Лиги и пропуская налоговые сборы, не почесался. Лишь безразличное наблюдение за марширующими легионерами, катящими свои пушки и понуро покидающими границы гористого княжества с двух противоположных сторон.

Исключения из правила лишь подтверждают силу правила, потому барон Златной Коммуны, решивший воспользоваться демилитаризацией его земель, надеялся на то, что аккуратный и скрытный сбор собственного, златнокоммунного войска, будет оставлен без внимания со стороны Каstelата.

— Сколько за сегодня успели вооружить?

— Нисколько, господин, добровольцев сегодня не было...

— Вот же трусливые лентяи! Неужто в наш главный праздник ни у кого не случилось подъема патриотизма?!

Барон Златной Коммуны, которая отмечала в тот день праздник объединения независимых гильдий золотодобытчиков в единое государство, был подавлен. Действительно, день, который должен побуждать к проявлению активной любви к своему дому, ни к чему никого не побудил...

— Возможно, господин, все празднуют, и не хотят омрачать сей день думами о войне?.. — предпринял попытку защитить соотечественников начальник милиции, с которым беседовал барон.

— Эх-х, в топку!.. — выругался раздосадованный глава Коммуны, махнув рукой. — Сколько вообще удалось собрать за эти недели?

— Двенадцать полных батальонов пехоты и три неполных батальона всадников, господин.

— Не хватит даже для противостояния одному легиону саргов... — полноватый барон

совсем скис от численности ополчения, хотя и предполагал, что едва ли за пару недель удастся собрать несметное войско. — Своими силами нам не сдюжить, а из соседей никто не осмелится... Эти жалкие червяки...

— Своими силами — нет, но есть же равенцы... — намекнул начальник милиции, бросив хитрый взгляд исподлобья.

— Объединиться с этими бунтовщиками? — барон крепко задумался. — Даже если их безрассудица и удастся, то зачем нам менять одного хозяина на другого?.. Да еще и неведомо, насколько жестоки будут ко мне... к нам эти варвары... — последние слова с оговоркой барон пробурчал с особой обеспокоенностью. Обеспокоенностью, разумеется, за свой народ.

— Потому, дабы не пасть жертвой их произвола, нам бы заключить с ними союзный договор, да и выпросить определенные преференции на будущее... — развивал свою идею милиционер.

— А если их постигнет неудача? — барона передернуло. — Что будет со мной... с нами? Сарги отомстят куда как жестче, если я примкну к равенцам... Это клятый принц, Альзорий, живьем с меня шкуру стянет. — все-таки, барон был трусоват, определенно.

— Выбирать Вам, господин... — смиренно склонился собеседник барона, но из глубины поклона пророчески изрек. — Но лишь умная инициатива и смелый риск помогут Вам стать в один ряд с возможными новыми правителями этого мира.

— Ах ты ж... Говорун экий! — усмехнулся барон и заерзал в своем престольном кресле, подтачиваемый соблазнами, которые грамотно вложил в него хитрый начальник милиции.

Тут массивные дубовые двери престольной залы распахнулись, и уверенной походкой внутрь зашел уже знакомый читателю темно-русый рыцарь с козлиной бородкой, извечный чемпион рыцарских турниров от Златной Коммуны, и, по совместительству, сын барона по имени Исхилий.

— Что ты хотел, Исхилий, сынок? — ласково спросил барон. Он очень любил сына и дорожил им.

— Я привел к тебе гостя, отец. — ответил с легким поклоном Исхилий. — В свете последних событий, я посчитал, что тебе будет интересно его выслушать.

— Ну так зови его, посмотрим, что за фрукт такой... — зазывающее махнул рукой барон.

Исхилий опять поклонился, и молча вышел из залы. Как только двери закрылись за наследником барона, они открылись для другого человека. Нежданный гость бесшумно зашелестел подолами своей темной, грязной и поношенной мантии к престолу барона, склонив голову, сокрытую капюшоном.

— Ты кто таков? Чего ты от меня хотел? — грубовато выпалил барон, удивленный тем, как такой замшеловец смог убедить его сына в своей интересности барону.

Неприглядный посетитель остановился, скинул капюшон, оголив свой лысый череп, который некрасиво был обтянут бледной кожей, и глубоким, монотонным голосом представился, пристально буравя своим бесстрастным взглядом блеклых глаз фигуру барона:

— Господин, меня зовут Пириус, и мне есть, что сказать Вам.

— Дайте пару холостых предупредительных... Пусть знают, что замок и его укрепления уже наши. — решительно отрезал Артемир одному из своих адъютантов, который пришел доложить о том, что войска заняли стену и готовы открыть артиллерийский огонь по приближающимся серпийским силам.

Приняв приказ приора, молодой адъютант шмыгнул обратно на лестницу, ведущую вниз, дабы донести его до капитанов.

— В тебе все более решительности, мне это по душе. — с улыбкой похвалил Артемира Датокил.

— Когда передо мной появляются простые решения, я просто хватаю их за хвост. — пожав плечами, просто объяснил Артемир.

— Что ж, с опытом ты изловчишься схватывать так же скоро и решения посложнее. — Датокил одобритительно похлопал по плечу товарища.

В этот момент несколько настенных орудий выстрелили холостыми зарядами в воздух. словно напуганное затихающим раскатом стрельбы, серпийское «войско» остановилось, и из этого озерца верховых солдат вытекло несколько капель — всадники с поднятыми вверх пустыми руками. Артемир воспринял это, как призыв к переговорам, и с готовностью спустился с цитадели. Оседлав коня, в сопровождении генералов и Датокила приор вышел из задних ворот захваченного замка навстречу переговорщикам.

— Эти из высшей знати... Посмотри только на их доспехи... — с восхищением пробормотал Кориган, замороженный роскошью облачений всадников, которые приблизились достаточно, чтобы рассмотреть их.

— Это, ни дать, ни взять, сам старший герцог Серпийского Альянса со свитой. — с удивлением в голосе проговорил Салатор. — Я думал, этот старый пердун уже достаточно немощен, чтобы возглавлять войско.

Не слыша оскорблений Салатора, к равенцам на расстоянии метров пяти подъехали всадники Серпии. Во главе группы был седой и старый, но сохранивший надменность и величие во взгляде и осанке человек, облаченный в богатый доспех с позолотами и инкрустированный драгоценными камнями. Голову его защищал кольчужный капюшон, на котором плотно покоился железный обруч в виде змеи. Вместо глаз у символа Альянса поблескивали изумруды, судя по зеленоватому блеску. С плеч его ниспадал богато расшитый золотистым узором зеленый плащ, под правой наплечной пластиной красовалась зеленая повязка Нордиктовской Лиги.

— Кто вы, и по какому праву вы, без объявления войны, захватили собственность Серпийского Альянса и навредили множеству моих людей? — первым заговорил старший герцог, в голосе которого чувствовалась сила и вера в свою правоту, хоть он и был постарчески сухим и сдавленным.

— Мы — равенские воля и сила, пожелавшие сбросить ярмо Нордиктовской Лиги! — громко выкрикнул Артемир, сам не ожидавший от себя такой смелости.

— Хм, и вы действительно верите в успех своей... миссии? — скривился в издевательской усмешке герцог.

— Да, верим, и будем сражаться за свою веру до конца! — заразившись героической бравадой Артемира, выпалил Салатор.

Презрительно переведя взгляд на Салатора, герцог спросил:

— Кто вас возглавляет, с кем мне стоит говорить? Не хотелось бы перекрикиваться со всем вашим кодлом одновременно.

— Говори со мной, я — Артемир, приор равенского Приората, пришедшего на смену Триумвирату. — представился Артемир.

— Я — Альвидес, старший герцог Серпийского Альянса, и требую от тебя, «приор», сдать на милость Нордиктовской Лиге, которой я служу! — внушительно и угрожающе закричал герцог. — Иначе мое войско, собираемое воедино сию секунду, и войска Лиги сотрут твой «приорат» с лица Вирида, уничтожив каждого убогого равенца, которого коснется жестокая длань справедливости Нордикта!

Слова Альвидеса разбередили в сердце Артемира все более и более разгорающийся с каждой секундой общества герцога очаг ненависти, но не страха, на что рассчитывал правитель Серпии. Едва сдерживая в узде свой дрожащий голос, Артемир процедил:

— Я не вижу в твоём распоряжении того большого войска, про которое ты сказал, герцог. Ты со своей оравой можешь сойтись со мной в битве, но если ты вдруг стерпишь поражение до того, как придет помощь саргов?

Не рассматривавший даже и на секунду мысль о своем поражении от грязных равенцев, Альвидес недоверчиво прищурился, но промолчал, давая возможность Артемиру высказаться, который продолжил:

— Тогда мои люди, ведомые искренней ненавистью против серпийцев, сожгут все дома, скот и урожай, которые сможет воспламенить равенский факел, убьют всех: мужчин, женщин, детей и стариков, без разбора и пощады. Мои воины заполонили твой замок, а мои корабли уже могут начать бить ядрами твоих солдат! Я уничтожу Серпию! — постепенно повышая голос, Артемир в конце своей речи достиг крика. Если бы у него на затылке были глаза, он бы увидел, с каким удивлением вытаращились на него Салатор и Кориган. Датокил же с мрачным одобрением улыбнулся.

Совсем не ожидавший такой тирады, Альвидес побледнел и невольно отклонился в седле назад. Мысль о геноциде его сильно напугала. Теперь он стал не более, чем стариком, который бессильно страшился за своих детей и внуков...

— Чего ты хочешь? — сдавленно прошипел Альвидес.

Почувяв слабину своего герцога, всадники из свиты предприняли попытку остановить его, но Альвидес с яростью поднял вверх сжатый кулак, мгновенно утихомирив своих подчиненных.

Успокоившись и узрев, что его угроза достигла цели, Артемир сменил гнев на милость в тоне своих слов:

— Пропусти мои войска по своим землям, герцог, дай мне небольшую часть своего войска и снаряжения, и в качестве залога ненарушения договора, хм-м... — Артемир ненадолго задумался, но быстро нашелся, — отпусти со мной кого-нибудь из своих внуков, или же детей, коли внуков нет.

— Можешь брать мое войско и оружие, топтать мою землю, но моей внучки ты не получишь, мерзкое животное! — в исступлении завопил, брызжа слюной, Альвидес, один пес знает, что себе напредставлявший.

— Мне нужна гарантия, что ты не ударишь меня в спину, герцог. — спокойно и резонно проговорил Артемир. — Я не причину вреда твоим потомкам, делать из тебя своего кровного врага — не в моих интересах. Клянусь именем своего рода — рода Артов.

— Рода Артов?.. — Альвидес с удивлением и страхом уставился на Артемира, припоминая истории о его грозных предках. — Тех самых Артов, к которым принадлежал и Артакан?.. А ведь ты и правда похож, если верить историям моего отца... — Альвидес невольно сглотнул.

Артемир кивнул. Рассудительность приора вкупе с его высоким некогда именем убедили Альвидеса, и старший герцог вынужденно согласился:

— Хорошо, я отправлю с тобой мою прекрасную Монну, но только в сопровождении моего личного писца, с обязательством каждый день отправлять голубиной почтой извещение о ее состоянии тем неповторимым почерком, которым он владеет.

Артемир с радостью согласился на условия Альвидеса, и они рукопожались. Напоследок, расходясь каждый восвояси, Альвидес крикнул:

— Помни о своей части договора, потомок Артакана, и не посрами нарушением его своих героических предков!

Артемир с согласием и почтением склонил голову.

* * *

— Невероятно! Ты сделал то, что сделал бы я, и даже не руководствовался ничьими советами! — восхищался Датокил Артемиром в цитадели захваченного серпийского замка, где они в компании генералов и Салли праздновали заключение договора с Альянсом. В процессе празднования с продуктовых складов замка совсем не таинственным образом испарился почти весь запас разносолов и мяса.

— Твое влияние начинает отражаться на мне, мой Хитрейший друг. — утирая блестящие от жира губы, улыбнулся Артемир.

— Что ж, тогда я буду держаться еще ближе, и нас скоро начнут путать. — довольный последними событиями Датокил развеселел.

— А ведь мне не помешает двойник для защиты от коварства моих будущих врагов. — засмеялся приор, довольный шуткой, которую он в винном заливе посчитал остроумной. Ответный хохот Датокила и остальных убедил его в этом.

— Я нисколько не сомневался в слабости и трусости серпийцев, потому их поражение абсолютно заслуженно, и я, даром, что нордиктовец, приветствую тебя с этим, приор! — поднял позолоченный кубок Салли, не изменяющий себе и в состоянии мления. Все остальные поддержали его тост. В момент выпивки Артемир склонился к уху рядом сидящего Датокила и шепнул:

— Найди кого-нибудь, кому ты доверяешь, и отправь завтра поутру к Альвидесу за его внучкой. Только пусть не ошибется!

— Я пошлю туда самого доверенного человека — самого себя. — с хитрой улыбкой и мимолетной искоркой в глазах ответил Датокил. — Поверь мне, я никогда не спутаю потомственную герцогиню с крестьянкой, или же с придворной нахлебницей.

— Будь осторожен... — с опаской посоветовал Артемир.

— Не беспокойся, Альвидес не пойдет ни на какой риск. — отмахнулся Датокил. — Салли отчасти прав — серпийцы не настолько смелы и уверены в себе, да и помощи от саргов пока не предвидится. Мы спокойно сможем пройти через их земли.

— Верю тебе, потому отпускаю. — дал добро приор.

— Хватит там шушукаться! — уже вязнущим от пьянки ртом прикрикнул Салатор. — Давайте пить и есть, а политикой займемся поутру, когда и так будет не сладко!

Под общий смех и звон посуды Артемир и Датокил вернулись в беззаботное лоно

победившего увеселения.

* * *

На следующее утро от запасов вина серпийцев остались лишь легенды, эхом отдающиеся в болеющих головах равенцев. Если бы в этот момент на них напал бы один-другой батальон серпийцев, то победа последних была бы легкой. Но, к счастью, пошедший на попятную Альянс держал слово своего старшего герцога. К слову о сдерживаемых обещаниях: после завтрака, как только Артемир начал постепенно избавляться от последствий вчерашних празднеств, в цитадель, где он остался ночевать, пришел завидно бодрый Датокил в сопровождении Хрграра и нескольких гвардейцев, которые вели перед собой двух человек. Сияя довольной улыбкой, Датокил чуть ли не пропел:

— Дружище, у меня к тебе гости!

Первым из них был молодой парень, в испуге оглядывающий Артемира. Одет он был просто, но с претензией: простые черные сапожки на ногах, на теле — тканевые штаны и рубаша, окрашенные в густо-зеленый цвет, на высоком воротнике и рукавах красивой позолотой сверкала узорчатая вышивка, на спине красовался бледный герб Серпийского Альянса со змеями. Лицо его было невыразительным, но по-детски нежным: гладкая бледная кожа, правильные карие глаза, курносый нос, маленький рот, изломом своим выражающий испуг. Голову его венчала копна недлинных, аккуратно причесанных темных волос. Вторым приведенным была совсем молодая девушка, лет восемнадцати, по сравнению с которой парень был лишь жалкой тенью: безраздельный ужас, который обелил ее кожу, ничуть не портил ее образ, скромно блистающий невиданной красотой — густые темные волосы, волнистой бурей горных рек низвергающиеся до самого пояса, большие темно-зеленые глаза, широко распахнутые и окаймленные густыми, длинными ресницами, почти достигающими ровных бровей. Маленький, аккуратный носик ее усиленно гнал туда-сюда проспиртованный воздух, отчего на ее бледнейшем лице начал проступать едва заметный, как самое зарождение рассвета, румянец. Ротик ее, ограниченный подрагиваниями чувственных, полных губ, был слегка приоткрыт. Одетая она была в богатое зеленое платье, приталенное и расписанное традиционной для серпийцев позолоченной вышивкой. Детские ее плечи прикрывал длинный серый воротник из чьих-то пушистых шкур. От вида такой красоты у Артемира сжалось сердце, стиснутое чувством вины за то, что такого невинного птенца он вырвал из родительского гнезда. Конечно, он сразу понял, кого привел Датокил. Взяв себя в руки, приор покровительственно поприветствовал заложников:

— Ничего не бойтесь, вам здесь никто и ничего не угрожает, ручаюсь вам за это, как приор Равении. Ты же Монна, наследница благородного герцога Альвидеса? — Артемир обратился к девушке.

Внучка старшего герцога испуганно кивнула, но неожиданно ласковый голос Артемира ее успокоил.

— А ты писарь?.. — Артемир растянул слова, давая понять, что хочет услышать имя парня.

— Ц-цапля, меня зовут Цапля... — смущенно пролепетал писарь.

Один из гвардейцев прыснул.

— Цапля?.. — дрожащим от сдерживания смеха голосом переспросил Артемир.

Совсем осмелевшая и зарумянившаяся Монна с улыбкой объяснила нежным голоском:

— Его отец, бывший писарем до него, любил стоять на одной ноге, за что дедушка прозвал его Цаплей, а потом и его сына. Теперь он Цапля, сын Цапли.

Цапля покраснел и нахмурился под озорной смешок Монны.

— Что ж, мне все ясно. — с веселой улыбкой сказал Артемир. Обратившись к Датокилу, он попросил у него:

— Размести их у нас как можно комфортнее, как подобает благородным людям. Подобное отношение поможет нам быстрее завести друзей среди нордиктовских элит.

— Это будет несложно, учитывая тот обоз со слугами и скарбом, что старик Альвидес отправил вместе со своей любимицей. — рассмеялся Датокил в ответ.

С момента прибытия серпийских заложников в расположение равенцев прошло несколько дней. За это время Монна и Цапля свыклись со своей участью, даже сочтя ее весьма захватывающей. Обхождение с пленными было весьма радушным, и даже самые грубые и неотесанные из равенских солдат, проходя мимо балкона здания, где поселили Монну, смягчались в лице, бросая на нее восхищенные взгляды. Цапля за это время регулярно извещал Альвидеса о благоприятных условиях содержания его внуки, а один раз герцог даже лично прибыл в замок для свидания. Убедившись, что все в порядке, Альвидес проникся к Артемиру толикой уважения и даже отправил ему обоз с неплохим военным снаряжением, дополнив его батальонами наспех собранных добровольцев, ненавидящих господство саргов более, чем идею о гегемонии равенцев. Добровольцев было не очень много, да и те смотрели на Артемира искоса, но приор все же был доволен и этому. К тому же, с Гунталя на кораблях Салли прибыло небольшое подкрепление из оставшихся равенцев, для которых серпийское оружие оказалось незаменимым. Для самого же себя Артемир избрал следующее походное обмундирование: его прежние черные сапоги, широкие штаны и рубаху он дополнил короткой безрукавной кольчужгой, легкой кираской с наплечниками и нарукавниками, защищающими предплечья. На руки он надел кожаные перчатки, кольчужку под кирасой подвязал крепким ремнем, на котором висели подсумки с зарядами для пистолей. Через плечи были перекинуты четыре кобуры с самими пистолями на алом угле, а также португеза с равенским мечом в ножнах. В качестве верхней одежды Артемир избрал длинный халат из сшитых промеж себя шкур гунтальских лисиц, откидной ворот которого, полы и короткие рукава по локоть были окантованы светлой и кустистой шерстью тех же самых лисиц. Хоть халат и не выглядел по-царски, Артемир полюбил его за комфорт и тепло, которыми этот неприглядный элемент одежды щедро одаривал своего хозяина. Подаренная Салатором красивая двубортая шапка из черной овечьей шерсти с окрашенным в равенский пурпур пером в качестве плюмажа завершала приорский образ Артемира. Свою традиционную пурпурную ленту триумвира он снял, быстро засалив полоску ткани, отчего она стала некрасиво лосниться. А, как известно, символы власти не должны компрометировать саму власть, демонстрируя свое несовершенство.

* * *

После отдыха и пополнения потерь пришло время выдвигаться дальше. Артемир не тешил себя глупыми надеждами на то, что о его военизированном присутствии в Нордикте сарги еще не знают, а потому готовился к генеральному сражению с их южными легионами. Он даже верил в то, что враги нападут на него, пока он еще находился в серпийском замке, но такого не произошло, а выжидать дальше роптающие равенцы не захотели. Дорога на север уже готовилась испытать на себе бойкую поступь равенского воина. Закончив все приготовления, черная походная колонна стройной, щетинистой массой начала выходить из задних врат замка, предварительно отпустив всех пленных из гарнизона. Некоторые из отпущенных, впечатлившись боевой удачью равенцев, решили присоединиться к войску

Артемира, взяв с приора разрешение грабить мертвые тела саргийских солдат после грядущей и неотвратимой битвы. Первым маневром пришедшего в движение войска стал переход на запад, совершенный из нежелания идти через Гептархию. Гниющая рана гражданской войны удерживалась от распространения огромными армиями саргов, которые посоветовали растянуть по всему Нордикту Датокил и Салатор. Приняв разумный совет своих товарищей, Артемир свернул от восточного побережья.

Во время перехода оба — Артемир и Альвидес — соблюдали свои обязанности по договору о беспрепятственном проходе: равенцы не причиняли ненастий местному населению, а серпийцы не строили препятствий войскам приора (помня, в чьих руках находится его любимая внучка, старший герцог под угрозой казни запретил вредить равенцам). Так, быстро и беззаботно, войска Приората пересекли северную границу Серпийского Альянса, где их уже с распростертыми объятиями (разверзнутыми из страха лишь, да по примеру южного соседа) ожидали другие народы Нордиктовской Лиги, еще более слабые и неспособные к патриотическому единению, чем серпийцы. В целом же можно сказать, что история этих несостоятельных «государств» совершила очередной серый виток, в котором они безропотно позволили попать свои границы новой силе.

Проходя один клочок земли за другим, принимая бескровные капитуляции от очередных царьков, Артемир все более и более охватывался тревогой: где сарги, почему они отдают свои жалкие протектораты без боя? Неужто они заманивают его в ловушку? Или же конфликт в Гептархии настолько лихо закручен, что оставление его полей даже парой батальонов станет критичным? Беспокойство приора передавалось и его подопечным, один лишь Датокил сохранял стойкую невозмутимость, мистически уверенный в том, что скоро их перехватит войско Лиги. За время похода количество заложников значительно увеличилось, но Монна по-прежнему оставалась главным источником восторженности среди всех. Правда, оставление родных просторов не могло не оставить на ней тени тоски, которую по возможности старался развеять Артемир. Частенько заходя в гости, приор проводил с ней вечерние беседы, на протяжении которых интересовался бытом и историей ее народа и соседних земель. Образованная девушка знала обо всем, что интересовало Артемира, потому он с нетерпением наносил ей визиты, чему она не препятствовала.

Однако скоро сарги напомнили о том, что поход равенцев не будет отселе носить праздный характер. Первые донесения о лазутчиках врага, ознаменовавшего свое присутствие, появились, но спустя аж три недели после ухода Артемира из Серпии, когда он был недалеко от Златной Коммуны! Равенские разведчики, в свою очередь, докладывали о появлении на северо-востоке огромного войска, в большинстве своем сияющего доспехами при алых облачениях.

— Наконец, сарги собрались для генеральной битвы и идут нам наперерез... — Артемир нервно двигал желваками, устремив невидящий взгляд в сторону намета палатки, в которой он с Датокилом окончили обеденную трапезу. Войско равенское вот-вот должно было окончить привал, один из двух в день на марше.

— Да... — беззаботно ответил Датокил. Окинув взглядом Артемира, он заметил явный неуют приора. — Ты напуган? Ты же знал, что это неизбежно.

— Да, но... — Артемир замялся, не желая проявить себя трусом. — Теперь, когда побоище уже так неотвратимо скоро, мне страшно.

Датокил по-отечески улыбнулся и успокаивающим голосом умастил слух Артемира:

— Так и должно быть, приор. Это серьезнейшее испытание проверит на прочность

укрепленную последними событиями веру равенца в свою свободу и его стремление добыть ее в крови и смерти. — тут Датокил добавил издевки в голос. — К тому же, по описаниями разведчиков, их войско куда меньше, чем я рассчитывал.

— Правда? — удрученный вид Артемира разбавился легкой веселостью. — Но все же их рать больше нашей...

— Зато у наших воинов больше огненных орудий и ружей, чем у саргов. — не терпящим возражения тоном отрезал Датокил. — Этого более, чем достаточно, чтобы победить.

— Что ж, если ты так уверен... — Артемир встал с циновки, на которой они сидели. — Значит, время пришло.

Свернув стоянку, рavenское войско выступило. Пройдя вдоль западных нордиктовских гор до вечерней сумеречной гущи, Артемир остановил свои армии близ узкого склона, уводящего наверх, на ровное плато в преддверии непроходимых горных хребтов. Там планировалось установить батареи дальнобойных орудий и расположить серпийские добровольческие резервы, а также обозы с заложниками, дабы держать их подальше от кровавых и непредсказуемых поворотов схватки. На следующее утро Артемир уже слышал гул сигнальных труб саргов. Время битвы действительно пришло.

Наскоро построив войска в три широкие оборонительные колонны тылом к плато, командиры армий сошлись в штабе наверху. Высота давала отличный обзор на свои войска и равнину внизу, которой предстояло вдоволь напиться кровью равенских и саргийских солдат. Вдали уже виднелись боевые порядки саргов, с непоколебимой уверенностью несущих свои алые знамена вперед. В воздухе повисла напряженная, тянущаяся тишина, будто все внезапно очутились под водой.

— Эх-х, как же не хватает Салли и парочки-другой кораблей с пушками... — разрядил атмосферу Салатор голосом, преисполненным необычной смесью фатализма и бодрости.

— И так несколько кораблей раздели догола, дабы упитать полевую артиллерию, пускай уж охраняет Равению от Северного Флота. — раздраженный такой легкостью своего сородича, чуть ли не прорычал Артемир, закутываясь от нервной зябкости в свой халат.

— Хм, судя по всему, они не будут вступать с нами в орудийную перестрелку — они выставили в авангард своих тяжелых коней. — не обращая внимания на пустословье своих товарищей, пробурчал Кориган. Конь под грузным генералом задумчиво переминался с ноги на ногу, под стать своему немногословному седоку.

— Это разумно с их стороны. — согласился Датокил. — Они знают от лазутчиков, что у нас пушек больше. В их же интересах как можно скорее сократить с нами дистанцию, вступив в ближний бой.

— В таком случае, предлагаю прямо сейчас перестроить войска в ежей. — обратился к остальным Артемир.

Еж — это доработанное с учетом оружия на алом угле старое равенское построение, ориентированное против излюбленной саргами тяжелой кавалерии. Было оно простым: в круг пиками наружу становились пикинеры тремя рядами, внутри же шипастой защиты прятались арбалетчики и стрелки с ружьями. Единственной доработкой же было расширение пикинерского круга, дабы стрелки не оглушали своих защитников и не застилали дымом их обзор.

— Ежи, действительно. — поддержал Датокил. Остальные также выразили согласие. Трубачи-сигнальщики, преобразив эту солидарность в грозный, но не совсем стройный в силу неопытности звук, прогудели фанфары нужного построения. Войска бросились выполнять этот звонкий приказ.

К моменту, когда сплошные ряды равенцев превратились в крупные ячейки, оторвавшиеся от основной массы войск саргийские всадники рассредоточили свои линии и перешли на галоп, выставив свои пики к бою. Несмотря на то, что артиллерийский огонь против редкого строя не очень то и эффективен, с плато равенцев начали одна за другой выдавать шумные залпы орудийные батареи. Ядра со злобным свистом устремлялись в сторону врагов, стучаясь и рикошета об сухую землю, дробя бедных коней саргов и убивая их хозяев.

Не обращая внимания на своих убитых товарищей, сарги продолжали фанатично стремиться вперед, сотрясая латами и сверкая остриями пик в ярком свете осенней утренней Звезды. Это зрелище вызвало у Артемира чувство благоговения, как неволью он отметил. Понеся незначительные потери от пушек, сарги прямо перед равенскими ежами сократили дистанцию между всадниками, став монолитным строем, и с разгона въехали в противника.

Первые ряды ежей смялись, не удержав тяжести удара саргов. Воспользовавшись этим, всадники бросили пики и оголили мечи, рубя ими направо и налево беззащитных стрелков. Стоящие следом ежи начали отстреливаться, перемалывая пулями крупные цели. Причем стрелки предпочитали бить лошадей, хуже защищенных, нежели всадники.

Лишенные ударной силы тяжелые всадники уже не смогли опрокинуть построения равенцев, в свою очередь те роняли своих внушительных противников оземь с завидный успехом. Осознав свою уязвимость, конные сарги начали отступать, теряя коней от пуль и тяжелых арбалетных болтов. К этому моменту подошла потрепанная саргийская пехота, натерпевшаяся куда больше от неумолкающих равенских пушек, нежели их предшественники. И сошлись две пехотные силы в ближнем бою. Хоть саргийские легионеры и были значительно прорежены тяжелым огнем, в схватке с равенцами их не просто уравнивали, но и придали преимущество крепкая броня, богатый боевой опыт и отточенная годами дисциплина, опробованная гражданской войной в Гептархии. Медленно, но уверенно сарги отталкивали разъехавшиеся равенские ежи назад, к тылам.

— Нужно всадников выпускать! — выкрикнул Артемир, стискивая вспотевшими руками поводья своего коня. — Пехота не справится! — резко повернувшись к Салатору, он тревожительно затараторил. — Салатор, твои стоят на левом фланге, выпускай своих ударных коней, пусть проколют бок саргам!

Молчаливо кивнув в ответ, Салатор напряженно отдал соответствующий приказ, и адъютант ринулся передавать его капитанам всадников. Не прошло и трех минут, как из тыловых частей вспорхнула и полетела бойкая стая заголовских всадников с пиками наперевес. Готовые к такому маневру, фланговые части саргов изготовились к удару, потому сокрушающего эффекта от захода во фланг не вышло. Но, тем не менее, часть саргийской пехоты перетянулась для сдерживания всадников, оттого удушающее сдавливание саргийской пехоты ослабло. Завидев подготовку к их броске, смекалистые заголовские капитаны оторвались от угнетаемых ими саргов и отделились, не ввязываясь в тяжелые бои. Легионерам только и осталось, что оставаться на месте и охранять тылы товарищей. К моменту, как на выручку своим подошли саргийские стрелки, всадники уже вернулись в тылы с минимальными потерями. Совершив таким же образом еще одну вылазку с правого фланга Коригана, Артемир дал возможность своей пехоте перестроиться и заткнуть образовавшиеся дыры. Ситуация выровнялась.

— Что ж, не так все и плохо, как мне казалось. — с облегчением выдохнул Артемир, неотрывно следя за ходом сражения.

— Рано расслабляться... — предостерег Датокил. — У них все еще огромные резервы, не сравнимые с нашими.

— По крайней мере, они не могут окружить нас, благодаря нашим неумным и точным батареям и стрелкам, а также моим всадникам. — игриво подмигнул Салатор, которого успешные маневры конных заголовцев не просто успокоили, но и вернули в привычный веселый настрой.

— Они и не пытаются... — неизменно серьезно парировал Датокил. — Они поступают умно и надеются перекрошить нас в лобовой сцепке, пользуясь преимуществом в людях и защите, и не дают возможности реализовать нашу силу в алом угле. Тяжелые всадники, которых они уберегли от полного разгрома, теперь не дадут нам беспрепятственно зайти в их тыл.

— И что же нам тогда делать? — легкая тень на лице Салатора выдавала его согласие с

выводами Датокила. Артемир в унисон своему генералу вопросительно уставился на Хитрейшего.

— Нужно с боем конницей прорваться к ним в штаб и дать бой генералу. — Датокил кивком головы указал вдаль, где стоял недоступный для пушек гвардейский отряд генерала-легата. — Он у них один, судя по всему, и его потеря может сказаться губительно на легионах. Другого пути я не вижу. Нет смысла ждать, когда сарги совершат ошибку. Они этого не сделают...

— Потери буду-у-уг... — протянул немногословный Кориган. — Мы, конечно, сможем поддержать ударную группу пушками, но наших поляжет при этом...

— Поляжем все, если не решимся хоть на что-нибудь. — пожал плечами Датокил, томительно устремив взгляд на небеса, яркой своей синевой провожающие неспешно ползущие перистые облака, которым не было никакого дела до вопросов жизни и смерти, вздохнув решавшихся далеко внизу.

— Я согласен с Датокилом. Выделим всю нашу конную гвардию и большую часть рядовых всадников им в поддержку. — решительно отрезал Артемир.

— Что ж, по велению приора... — вяло согласился Кориган, отдавая своих всадников под команду капитана артемирской конной гвардии. Его примеру последовал и Салатор.

Таким образом, в тылу бьющегося насмерть равенского войска образовался могучий конный костяк во главе с гвардейцами. Три капитана, излучая воинственный энтузиазм, выслушивали последние инструкции своих генералов и Датокила, вверяющих судьбу всей Равении в их могучие руки.

— Ты думаешь, им под силу выполнить такую сложную задачу? — осторожно спросил Артемир у Датокила, провожая взглядом густое облако пыли, скрывающее его конницу.

— Даже если их постигнет неудача, они отвлекут на себя часть войск с передней линии, давая возможность... — Датокил застопорился.

— Возможность чего? — Артемиру не понравился такой словесный обрыв.

— Я уже не знаю... — Датокил понизил голос, чтобы его услышал только стоявший рядом приор, не Салатор и Кориган. — Я все же не думал, что превосходство в огне даст так мало толку в бою с Лигой. Они численное превосходство поставили выше совершенства оружия, и весьма умело...

— И что же теперь делать?.. — приотчаялся Артемир.

— Меньше рассчитывать на алый уголь в дальнейшем. — вздохнул Датокил. — А сегодня же, сражаться. — сжав яростно кулак, Датокил ударил им о колено в такт слов. — Сражаться, сражаться!

— Что ж, этого у нас не отнимешь... — подытожил Артемир.

Лишившись возможности без конницы проводить крупные маневры, равенцам пришлось ограничиться лишь малыми мазками, которые не могли внести изменения в картину боя, которая играла все более темными красками для них. Смелый удар равенских всадников вызвал переполох в штабе саргов, которые выставили все оставшиеся резервы для охраны генерала-легата. Однако, одной лишь смелости оказалось недостаточно... Пользуясь высочайшей маневренностью легких и выносливых равенских коней, всадники лавировали промеж саргийских линий резервистов, как птичка, которую неловкие коты пытаются прибить к земле. Но котов этих было слишком много, уж не говоря о том, что стянувшиеся с линии основного боя застрельщики поливали стрелами и пулями скакунов, иногда задевая и своих. Теряя все больше и больше всадников убитыми, конница оказалась разорванной на

несколько малых групп, вокруг которых стискивалось стальное кольцо вражеской пехоты и тяжелой кавалерии из тех, чьи кони от усталости и тяжести ноши не задохлись на ходу. В отчаянной попытке прорваться погибла почти вся верховая гвардия, потому ни о какой попытке уничтожить штаб речи и быть не могло. Те всадники, которым посчастливилось освободиться, спасались бегством на юг, оставив своих товарищей биться без них.

Наблюдая за происходящим поражением с нарастающим отчаянием, Артемир не знал, что делать теперь. Он не смотрел на Салатора с Кориганом, страшась увидеть на их лицах маски страха, которую он примерял на себе сейчас. Не приученный к поражениям, стяжавший только победы, хоть и несколько лишь их было, приор крепко удручился. В его опустившуюся голову даже закралась мерзкая мысль бежать на своем стремительном коне с поля боя. Однако, не был бы он Артом, если бы его патриотизм и любовь к соотечественникам не свергли в небытие эгоизм и страх за живот свой. Чтобы не оставаться долее наедине с собой, Артемир вновь обратился к своему учителю, Датокилу:

— Возможно, стоит попробовать переговоры?

— Переговоры?! — рявкнул сторбившийся в седле Датокил. — Одно только упоминание о подобной слабости перед саргами ускорит нашу гибель. Лучше погибнуть в бою, чем от пыток...

— Похоже, именно это сейчас и произойдет! — перебил криком Артемир, увидев надвинувшуюся катастрофу: передовые равенцы не выдержали и дрогнули, увлекая за собой сзади стоящих. Артемир уже по опыту своему знал, что такую волну паники можно было остановить только в зародыше. Долго не раздумывая, приор выхватил из кобур по пистолю и крикнул своей личной конной охране, ожидающей позади него:

— К оружию! Разбавим обильно истекающую кровь товарищей нашей кровью!

Сорвавшись с вершины плато вниз, как пес с цепи, Артемир преодолел весь спуск за полминуты, успев как раз вовремя, чтобы застать переходящие в отступление последние части колонн пехоты — лучников. Его ошарашенная охрана за ним не поспевала. Для зрелищности вскинув коня на дыбы, еле удержавшись при этом в седле, но выронив один из пистолей, Артемир как можно более грозным голосом рыкнул на беглецов:

— Не остановитесь сейчас сами, вас остановит и навеки покроет позором смерть трусов! Мы пришли сюда вместе, вместе и покинем эти земли, или же весь этот мир! За мной, бейтесь бок о бок с вашим приором!

Пристыженные призывом равенцы замедлили отступление, а потом, увидев Артемира среди них, и вспомнив, как он бился с ними на гунтальском берегу, развернулись лицами к уже празднующему победу противнику. Сарги и прочие нордиктовцы из войска Лиги, не ожидавшие внезапного сопротивления воодушевленных равенцев, смешались. В пылу преследования отступающих легионеры нарушили свои боевые порядки и теперь эта расслабленность сыграла против них — опомнившиеся равенцы начали бить по многочисленным брешам в линиях легионов, вычлняя и уничтожая разрозненные группки.

Довольный Артемир, спрятав не пригодившееся оружие, в боевом раже завопил и вскинул сжатую в кулак левую руку, сотрясая ей, как булавой победителя. Эйфория настолько бурно захлестнула Артемира, что произошедшее следом поначалу не вызвало у него даже тени эмоций...

Прогремовший будто бы в отдалении залп ружей, трепетно всколыхнувшееся облачно дыма, рожденное разгоряченными стволами вскинутых в прицеле ружей, и странное чувство, будто Артемира сильно толкнули. Недоумение приора сменилось дезориентацией и

пониманием того, что он летит вниз... Как, почему? Он же жив, он даже не чувствует боли, значит, его не ранило! Настигнувший на середине мысли удар оземь ошеломил и одновременно внес ясность в думы Артемира, он понял: его конь упал, это конь ранен, а не он сам. Придавленную боком коня ногу и ушибленный бок зажгло сильной болью. Порываясь освободиться, Артемир потянулся руками к ноге, желая вытянуть ее, и его глазам открылось то, чему он сначала не поверил, в нагрянувшем отчаянии ссылаясь на шок: вместо его левой кисти на руке болтался разорванный и окровавленный обрубок, болтающаяся мешанина из нескольких пальцев, порванной ладони, крови и грязи, прилипшей к этому ужасающему увечью. Внутри Артемира будто надули огромный воздушный шар, появилась легкость, но легкость тянущая, неприятная, лишаящая возможности дышать, жить... Боль начала утихать, а сознание отдалялось от тела, все покрыл мерцающий мрак...

Где его конь? Где солдаты, звон оружия и хлопки выстрелов, грохот пушек? И что это за серая муть на месте неба?.. И боль, сильная боль в боку, в голове, в руке... Рука...

— Он еще не пробудился? Хм, давно пора бы, раны не настолько серьезные. Он просто обязан выжить.

Артемир узнал где-то неподалеку голос Датокила. Начиная понемногу приходить в сознание, Артемир обнаружил себя лежащим в комфортной кровати, а серая муть, из-за которой он потерял небо, была крышей внутреннего намета теплой палатки Монны. Он же бывал здесь так часто... Рука... И вновь боль цепкой хваткой перетащила внимание приора на себя. Страшась того, что он может увидеть, Артемир вытащил из-под тяжелого шерстяного одеяла левую руку, и... горько и судорожно охнул... На месте его левой кисти жестоко и неотвратимо предстала перебинтованная чистыми тканями с красными вкраплениями культи.

— Артемир! Ты очнулся! — над головой Артемира нависло личико Монны, смотрящее на него со смесью нежности и тревоги сквозь пелену слез.

— Монна... — Артемир умилился. — Тот, кто стал по собственной воле твоим мучителем, не должен получать столько заботы и тепла в ответ.

— Не говори так! — вскинулось дитя. — Ты не мучитель мне. Мой дед, держа меня взаперти моих покоев, причинял мне куда больше страданий... С тобой в походе мне интересно!

— Но ведь в битве ты могла пострадать... — и тут Артемира накрыл оползень мандража. — Битва... Что случилось, кто одержал победу?..

Монна не ответила, только ее глаза молнией разорвали зрительную связь с Артемиром. У того защемило в груди.

— Мы потерпели поражение. — подошедший Датокил словами разрезал сердце Артемира пополам. — Но я рад, что с тобой... все в порядке... — перед последними словами Датокил замялся.

— Поражение... — Артемир начисто забыл о своем телесном лишении, пораженный ужасной новостью. — Но почему мы живы, или хотя бы не в плену???

— Отчасти благодаря твоей горячности. — неожиданно тепло улыбнулся Датокил. — Твой порыв вдохновил равенцев, и они смогли упорядочиться. После того, как саргийские застрельщики ранили тебя, воины пришли в неистовство от подобной несправедливости, и даже отбросили ошарашенных нордиктовцев. — Датокил помрачнел. — Но этого оказалось недостаточно, и новый напор противника вынудил нас в порядке отступить наверх, на плато, сюда...

— Значит, мы все еще на плато, над местом схватки... — заключил Артемир. — А высота эта для понесшего тяжелые потери сарга, по сути, недоступна...

— Но и для нас это место таит лишь тихую и спокойную гибель: здесь нет еды, нет и воды, нет выхода, кругом лишь неприступные и промозглые горы... — Датокил омрачился пуще прежнего. — Я, Салатор и Кориган лишь отсрочили момент нашей смерти.

— Может, я смогу убедить их отпустить нас?.. — робея и стихая с каждым словом, предложила Монна.

— Нет, это бессмысленно. — покачал головой Датокил.

— Но ты можешь убедить их генерала взять тебя и остальных заложников под опеку и сопроводить домой. — обратился к Монне Артемир, делая вид, что не замечает резкого, неодобрительного выражения лица Датокила. — Уж коли наше предприятие потерпело крах, нет смысла далее томить вас неволей.

— Ни за что! — выкрикнула Монна, но смутившись от своей же вспыльчивости, скромно опустила глаза. — Я с вами до конца...

— Вот же горячая кровь! — с облегчением и одобрением рассмеялся Датокил. — С уверенностью заявляю, что ты теперь — настоящая равенка.

— А что же остальные? Если они не согласны? — давил свою линию Артемир.

— А остальные заложники настолько незначительны, что их мнение рассмотрению не подлежит. — грубо обрубил Датокил, которого неуместная, по его мнению, гуманность Артемира начала язвенно подъедать.

Хмуро проворчав в ответ, Артемир не стал спорить далее, ибо усталость дала о себе знать. Он медленно повернул голову и перевел взгляд обратно к потолку.

Верно истолковав движение приора, Датокил с кивком головы на прощание вышел из палатки. Монна тоже засобиралась, перед уходом повернулась к Артемиру и сказала:

— После полудня я пришлю лекаря для смены перевязок твоих ранений.

— Ранений? — удивленно переспросил Атемир. — У меня всего лишь одна.

Монна в удивлении округлила глаза и указала пальцем в сторону торса Артемира:

— Разве ты не чувствуешь дыру от пули в своем боку?

С недоверчивой улыбкой откинув одеяло и кинув взгляд на свои бока, Артемир действительно увидел перевязь с пятнами крови на левой стороне.

— Невероятно, и правда рана... — осторожно напрягая косые мышцы живота, Артемир поморщился — боль огрызнулась в ответ на ненужное беречение. — Твой лекарь чудодей, я ее даже и не заметил поначалу.

Озарившись радостной улыбкой, Монна пояснила:

— Лекарь сказал, что рана легкая, никакие святилища жизни не потревожены, и после извлечения пули дыра зарастет быстро.

Монна ушла, а Артемир с усмешкой погладил себя по животу и пробормотал:

— Святилища жизни... Хех, это кишки-то мои, что ли?..

* * *

Прошло еще несколько дней до того момента, как Артемир осторожно, при помощи добрейшего старичка-лекаря Монны, смог осилить подъем с кровати. Помимо пулевого ранения бока и лишения кисти левой руки, Артемир страдал от сильно ушибленной и придавленной левой ноги и головных болей из-за удара при падении коня. Все это время равенский поход стоял боеготовым лагерем на плато, выкатив в сторону подъема все имеющиеся орудия. По словам Датокила, после горячей фазы боя остатки легионов предприняли штурм, но были стихийно отброшены назад пушками. Убежденные в том, что у равенцев после такого плотного огня боеприпасы на исходе, попытки взятия были возобновлены. Раз за разом, попытка за попыткой, легионеры щедро засыпали подъем своими изувеченными телами, а дула равенский орудий триумфально сверкали отблесками Звезды, побеждая настойчивость саргов. Обескураженные избыточными запасами у противника ядер и алого угля, легионы бросили тщетные свои терзания, ограничившись терпеливой блокадой на безопасном расстоянии. Таким образом, была выбрана единственно верная стратегия — культивация голодного издыхания противника, ибо, в отличие от

боезапасов, провиант у равенцев таял, как последний снег теплеющей весной. Единственной отрадой мрачнующих равенцев стал их доблестный приор, вырвавшийся из лап смерти.

— Что у нас по воде? — крепко опираясь правой рукой на импровизированную трость из обломка пики, спросил Артемир, не пряча тревоги в голосе.

— Хватит на бережное питье в течение недели, не более. — со вздохом ответил уставший от беспокойства Датокил. — Если не протухнет ранее положенного...

— Почти все мои раненные погибли из-за экономии воды и еды... — с дрожью в голосе прошептал бледный Салатор со впалыми, оттененными глазами, безвозвратно утратив свои жизнелюбие и оптимизм. — Промывать гниющие раны нечем...

— Сейчас осень, а в этих землях осенью часто случаются дожди... — с учительской эрудицией загнул Кориган, смотрящий на безупречно ясные небеса, зажмурив один глаз.

— Негоже нам полагаться на стихию... — покачал головой Артемир. — Нужно что-то делать.

— Что же? — спокойно, но с явной нотой раздражения спросил Датокил. — Горы эти для наших обозов непроходимы, сил наших, чтобы пробить блокаду, не хватит. Крылья отрастить и улететь нам поможет лишь невоплотимая сила воображения.

Пропитавшись негативом издевки Датокила, Артемир хотел было огрызнуться, напомнив, кто был инициатором их освободительного похода. Осознав, правда, что эти склоки не принесут ничего хорошего, лишь вздохнул. Выход он видел лишь один...

— Будем пробиваться. — железом отлил слова Артемир, с силой ткнув землю тростью.

— Я же говорил... — заунывно начал было Датокил, но Артемир грубо перебил:

— Выставим в авангард наступления все орудия, будем заливать их огненным дождем.

— При такой артиллерийской атаке во фронте мы потеряем всех пушкарей и поломаем все пушки. — возразил Кориган. — Пока мы будем разворачиваться и выбирать угол стрельбы, их расчеты будут бить по нам изготовленные, без промаха...

— Значит, потеряем. — несмотря на гибельный прогноз, металл в голосе Артемира становился лишь крепче. — Зато ответным огнем убьем достаточно их, чтобы хватило для победы в ближнем бою.

— Мы, конечно, потеряем боеспособность после такой победы, лишившись огня и почти всех воинов, но сможем бежать обратно в Равению, и кто знает... — выдавив из себя жалкую тень прежней улыбки, размыслил Салатор. — У нас еще остается флот Салли.

— Если народ наш не потеряет в нас веру, сможем собрать новое войско. — закончил за Салатора Артемир. Конечно же, он не верил в свои слова, ибо собрать новые армии из истощенного народа, да еще и обучить, снабдить их орудиями и ружьями, неведь откуда взявшимися в новых условиях, было в скорости невозможно. А сколько нужно времени, чтобы саргам стянуть воедино готовые легионы с севера? Неделью-другую, не более того, плюс еще пару месяцев для маршевого пересечения Нордикта...

Прочитав мысли Артемира в его глазах, Датокил печально улыбнулся, но поддержал идею приора:

— Значит, будем прорываться. В таком случае, начнем же пораньше, пока есть припасы для отступления на юг.

* * *

Передав войскам приказ о подготовке к бою, равенский штаб распределил большую часть запасов войскам для пополнения расшатавшихся сил и нервов. Получив вдоволь провианта и четкую, хоть и самоубийственную, цель от своего поправляющегося, не без

опоры на трость, приора, равенские бойцы сбросили мрачное оцепенение и вернулись к боевому расположению духа. Прорыв планировалось осуществить через два дня, когда Артемир придет в подобающую не для боя, но хотя бы для перемещения в седле, форму.

На исходе второго дня, за десять часов до «лавины», как отчаянную атаку прозвали в войсках, Артемир со своим штабом осматривал позиции саргов, из которых почти полностью состояли легионы после потерь прошлых боев. Рассмотреть детали было сложно, но огоньки факелов ночных дозорных неустанно порхали от одного лагерного костерка к другому, словно мотыльки, следующие манящему зову смерти.

— Как же хочется ударить сейчас, в момент их слабости... — с остервенением прошипел Салатор, сжимая рукоять меча в ножнах с такой силой, что заскрипела ладонь.

— Их слабость разделим и мы. — спокойно возразил Датокил. — Ночные атаки хороши против совсем ничего не подозревающего противника, а так... Будут два истерзанных войска метаться впотьмах, как слепые щенки.

В ответ Салатор лишь злобно прохрипел. Артемир, разделяющий ненависть заголовца к саргам, ободряюще похлопал Салатора по плечу. Не увидев ничего выдающегося и достойного замечания, он сказал:

— Что ж, нам нужно отдохнуть перед боем, отправляемся спать, если что, дозорные разбудят нас.

— Как будто я смогу сомкнуть глаз... — по-старчески пробурчал Кориган, поглаживая свою лысую голову.

— Возможно, и не придется... — с неожиданной тревогой в голосе проговорил Датокил, устремив взгляд вдаль и в сторону от лагеря легионеров.

— Что ты там увидел? Какую-то новую напасть? — забеспокоился Артемир.

— Я... Я не понял... — Датокил смешался, явно не зная, что он сам видел. — Это что там, палатка горит, что ли?..

— Ты устал, друг, пойдем спать. — понимающе успокоил товарища Артемир, уже было повернувшись к лагерю.

Сделать и шага в сторону своей палатки, куда он переехал из покоев Монны по выздоровлении, он не успел. Резкие хлопки, донесшиеся со стороны лагеря саргов, заставили его молниеносно оглянуться, рискуя свернуть шею. Он не понял, что происходит, но видел, что в лагере противника началась суматоха: факела дозорных забежали с огромной скоростью, до ушей Артемира начали доноситься отдаленные всполохи криков, вдруг действительно вспыхнули несколько палаток...

— На них кто-то напал?.. — неуверенно выдавил из себя Салатор. — Что там происходит?

Еще несколько хлопков с яркими вспышками, крики и новые очаги пожаров.

— Гранаты с зажигательным маслом... На них напали. Это наш шанс! — Датокил с радостным возбуждением завопил на весь лагерь. — Тревога! Общий подъем! ВСТАВАЙТЕ ВСЕ!!! Готовьтесь к бою!

Суматоха перекинулась с загорающегося лагеря саргов в расположение равенцев. Из палаток начали выскакивать перепуганные спросонья солдаты в одном исподнем. Некоторые вылетели вообще в чем мать родила, да еще и в компании таких же одетых в естество девок из сопровождения заложников. Видимо, солдаты перед нависшей над ними смертью решили отбросить ненужные скромность и целомудрие... Среди всего этого хаоса бегал Датокил и разрывал тишину ночи своими криками. Осознав правоту его мышления, к

нему присоединился хор воплей Артемира, Салатора, Коригана и ночного дозорного рвенцев.

Спустя пятнадцать минут рвенские бойцы были подняты и экипированы, но обрести абсолютное самообладание удалось не всем: многие с вытаращенными глазами крутили головами, пытаясь понять, что происходит. Перед наспех построеными воинами и стоящими за ними перепуганными заложниками вышли приор с генералами. Слово взял Артемир:

— Мои смелые воины! — вскинул правую руку приор, оставив культю за спиной. — Простите нас за этот внезапный подъем посреди ночи, но сама судьба благоволит нам! — вытянув руку позади себя, указывая на лагерь саргов, Артемир продолжил. — В стане наших врагов паника и разлад — произошло нападение враждебных им и, видимо, союзных нам сил. — по строю рвенцев пробежала волна шепотков, а над ухом Артемира пронеслось коригановское «союзных ли?..». — Это наша возможность нанести сокрушительный удар по обескураженному противнику и уничтожить его!

По завершению речи Артемира многие рвенцы, уверовавшие в свое чудесное спасение, вскинули оружие в боевом запале.

— Командиры отрядов, стройте людей в боевые колонны, мы идем в бой! — сурово прорычал взъерошенный Салатор, которому привели коня. Весь рвенский штаб верхом изготовился командовать (Артемиру предоставили одного из коней, вернувшегося после провала рвенской конницы. Седок этого коня был убит).

Неожиданность течения событий вынудила отказаться от планируемой артиллерийской перепалки: неповоротливые батареи выходили бы на боевые позиции слишком долго. Полностью предавшись будоражащей спонтанности, рвенцы в скором порядке устремились на саргов, лагерь которых к моменту спуска чернознаменного войска с плато уже полыхал.

— Это еще кто? — крикнул Артемир Датокилу, завидев по приближении к раздираемому противнику, как со стороны севера в границу румяного света пожарища начали влетать всадники в черно-золотых накидках, с дикими криками размахивая мечами.

— Это... это цвета Златной Коммуны... — вместо Датокила ответил Салатор, прискакавший в колонну Первой армии к Артемиру. — Но... они члены Нордиктовской Лиги... Я не понимаю...

— Возможно, не только наш гордый народ остро воспринял лишение суверенитета. — усмехнулся Датокил. — В любом случае, враг нашего врага — друг наш.

— Согласен. — кивнул Артемир, повернулся к посыльному и скомандовал:

— Передай командирам, чтобы в пылу схватки не вступали в бой с угольно-золотыми воинами.

Посыльный приора юркнул в войска с приказом, а те, в свою очередь, вступили авангардом на территорию лагеря. Хрграр, ведущий пехотную гвардию в первых рядах, понесшую меньшие потери в прошлом бою, почти не встречал никакого сопротивления: легионеры, абсолютно не готовые к внезапной атаке с двух сторон, не могли даже собраться в единую силу. Кони тяжелых всадников с испуганным ржанием разбежались, несколько бочек с алым углем взлетели на воздух, забрав с собой нескольких пушкарей и с десятков стрелков, генеральский штаб оказался отрезанным от легионов златнокоммунами. Едва только саргийская пехота образовала упорядоченный строй и изготовилась дать отпор, безнадежная обреченность остудила их запоздалую решимость — войска Нордиктовской Лиги были окружены, их генерал-легат бежал. И вновь живительно необходимая рвенскому

Приорату удача повернулась к нему лицом, совсем было забыв о нем ненадолго.

— Быть того не может, мы победили! — донесся расплескивающий эйфорию вопль в рядах равенцев.

— Это еще кто тут победил? — грубый северный выговор с черно-золотой стороны заставил равенских солдат поднять уже опущенное оружие. Две силы напряженно стояли друг против друга, разделенные сложившими оружие саргами, с ненавистью и страхом поглядывающими на своих врагов по обе стороны.

— Спокойно! Спокойно, негодяи! — из рядов златокоммунцев вальяжно выплыл на своем сером коне всадник с темно-русой козлиной бородкой, голосом командира успокаивая своих воинов. Облачен он был в богатый, украшенный золотыми четырехконечными звездами доспех, что только упрочило восприятие его, как лидера войска.

— Привет тебе, доблестный рыцарь! — Артемир без оружия и верхом вышел на нейтральную полосу, дабы поприветствовать своих нежданных помощников и сбросить нарастающее напряжение. — Я искренне рад видеть смелых и отчаянных златокоммунцев в столь нужный час на нашей стороне! Ведь не ошибся я, так размышляя?

— Ах, видимо, ты и есть вождь этого равенского восстания? — быстро окинув взглядом равенцев, небрежно воскликнул рыцарь, чем вызвал тень хмури на лице вежливого Артемира. — Что ж, меня зовут Исхий, я — сын барона Златной Коммуны и его наследник. — прищурился, остановленные на Артемире, Исхий спросил. — А тебя как величать?

— Я — Артемир, потомок доблестного и мудрого Артакана, приор великой Равении. — высокомерно ответил в тон Исхилию охладевший Артемир.

— Хах! Ладно же ты сказанул! — внезапно развеселился Исхий, запрокинув голову назад и качнувшись в седле. — Но к черту эту бестолковую словесную сутолоку. Для нас, воинов, лучшее слово — это веский удар мечом. И вы в своем умении красиво «говорить» меня убедили! Вместо огромного саргийского войска оставили мне несколько потрепанных отрядов...

— За все их армии мы заплатили огромную цену... — пропитанным болью и печалью голосом прошелестел Салатор, армия которого понесла наибольшие потери.

— Так вот, я здесь, дабы помочь вашему... как там... Приорату преодолеть эти трудности. — посерьезнел Исхий.

— Что ты имеешь ввиду? — заинтересовался Артемир, недоверчиво прищурился. Он уже понял, что ему не нравится этот тип.

— От имени отца я предлагаю вам заключить союзный договор, по которому я передаю почти все наши войска в твое распоряжение, в обмен на независимость и удовлетворение... некоторых наших территориальных претензий к соседним государствам, членам Нордиктовской Лиги... — под конец Исхий замялся, явно не желая детализировать свое предложение, пока не возникнет острая необходимость.

— А что же мешает тебе прямо сейчас ударить своими превосходящими силами по нам и избавиться от необходимости союзничать, а? — требовательно спросил Кориган, от вопроса которого Артемиру стало неуютно.

Исхий поначалу встал в тупик от такой прямоты, но быстро нашелся, неловко засмеявшись:

— Да какая, к псам, разница?! Я уже выступил войною против Лиги, и в любом случае враг королю Авроруму и его отпрыску. А биться на два фронта отец не собирается... — сбросив остатки неловкости после своего ответа, Исхий возобновил тему с настойчивостью кузнечного молота:

— Так что, вы согласны договариваться?

Глубоко вздохнув, Артемир ответил, всячески стараясь убрать из голоса безысходность:

— Недальновидно мне так скоро принимать такие решения, но войска твои не будут лишними совсем... Показывай свой договор.

Бегло изучив свисток с договором, Артемир выяснил, что барон Златной Коммуны по этому документу отхватывал значительные земли у своих соседей, и, благодаря сведущему Салатору, узнал, что именно в этих провинциях располагаются богатые золотые рудники. Получив эти рудники в свои заgreбушие руки, барон бы стал практически монополистом Нордикта по добыче золота, так многими богачами любимого. Стоит ли говорить, что оно нужно всем для чеканки монет высоких достоинств... От Равении барон требовал согласия с его внешней политикой, невмешательства в его внутренние дела и скромных налоговых притязаний, в случае победы Артемира и получения господства над всем Виридом. Скрепя сердце, Артемир согласился на эти вседозволенности, ибо войсковая помощь златнокоммунцев была ему нужна, как вода заблудшему путнику в сердце Каматы. Довольный податливостью Артемира, Исхилий спрятал подписанный договор и отправился обратно к отцу, на прощание передав свои войска в подчинение приора и предоставив ему грамоту на свободный проход по землям Златной Коммуны.

— Что ж, мы вышли из поистине гибельной ситуации почти победителями... — на фоне громкого шума радостных рвенцев проговорил Артемир в одной из уцелевших палаток саргов, едва только проводив Исхилия. Несмотря на искреннее счастье выживших солдат, он чувствовал мрачную пустоту внутри себя, выеденную недавними событиями и их последствиями. И он даже забыл об утрате кисти руки, иногда просто не замечая сей досадной потери. Быстро и достойно восстановившийся после ранений, перед Исхилием уже предстал гордый и сильный рвенский лидер, теперь терзаемый сомнениями о будущем, ранее так ему привычными.

— Я слышу по твоему голосу, что ты в это не веришь... — продемонстрировал проницательность хмурый Салатор. — И я тебя понимаю... Потерять столько родных людей... Разве же это победа?

— Ты излишне драматизируешь, друг мой. — недовольный меланхолическими метаморфозами заголовского генерала, нахмурился Датокил. — Да, мы понесли серьезные потери, разбавили наше надежное патриотическое воинство незнакомыми инородцами... Но при этом разбили превосходящие легионы Лиги, укрепив в их сердцах страх перед нашими черными знаменами!

Не ответив на натянутое, но все же справедливое замечание Датокила, Салатор лишь послал ему скептический взгляд, тут же его затупив, впрочем.

— Что ж будем делать с пленными? — напомнил о выживших саргах спокойный и уравновешенный Кориган.

— Ох, я и думать про них забыл... — спохватился Артемир.

— У нас нет припасов для их содержания, и нет лишних отрядов для конвоирования на юг... — однозначно намекнул Датокил, ограничивая принятие решения одним лишь доступным вариантом.

— Я не хочу их убивать! — вспыхнул Артемир. — Да, страх в глазах противника — это тешит мою гордость... — приор решительно покачал головой. — Но вселять в них ужас, что заставит отчаянно сопротивляться нам, как стихии, несущей лишь смерть — не мой путь! К тому же, пленные помогут нам собрать тела павших товарищей.

Вздыхнув и закатив глаза, Датокил договорился с остальными взять их с собой, но на пониженном обеспечении.

Решив воспользоваться выданной Исхилием грамотой, Артемир повел чернознаменное войско вдоль западных горных хребтов на север — в Златную Коммуну. С каждым пройденным днем становилось все холоднее, как со стороны грубеющей погоды, так и со стороны местного населения. Если централы встречали равенцев довольно сухо и безразлично, не будучи жертвами их прежних набегов, то располагающее влияние саргийского королевства на северян было значительным, и все чаще дозорные ловили всякого рода диверсантов и лазутчиков из рядов озлобленных аборигенов. Отпуская восвояси всех неудачливых злопыхателей, вопреки желаниям Салатора и Датокила, Артемиру кого-то удалось убедить в своей цивилизованности, а кого-то — в своей слабости... Так или иначе, к началу холодной северной зимы походные колонны Приората ступили на земли отца Исхилия без особых потерь и организованных сопротивлений, ограничившись несколькими дезертирами из рядов златнокоммунного ополчения, которые не рассчитывали воевать на стороне равенцев.

Встреченные высокими чинами довольно благожелательно, равенцы на землях своих новых союзников получили провиант и кров, представленный в виде заброшенного поселка на далекой окраине какого-то города. Ряды огромных скотных стойбищ, окруженные обветшалыми хижинами с заросшими дворами, вполне сошли за бараки. Учитывая то, что уже начал выпадать снег, и останавливаясь, судя по всему, не планировал, равенский штаб решил остаться до начала весны на своих новых квартирах. Помимо пощадки неподготовленных к таким холодам южан, местное ополчение получало возможность общаться с родными, живущими неподалеку. Барон Златной Коммуны, общающийся с Артемиром через Исхилия, встретил решение союзников объедать его целых три месяца без особого энтузиазма, но успокоился тем, что его прикроют в случае нападения саргов. Да и отряды пленных, преподнесенные Артемиром в дар, скрасили негостеприимную кисль. В качестве жеста доброй воли он даже отправил равенским солдатам теплые накидки из волчьей шерсти, принятые замерзшими бойцами с чистосердечной благодарностью.

Артемир несколько не сомневался, что Саргия и ее «лигавые» приспешники не оставят равенцев в покое после грандиозного поражения близ плато западных хребтов, потому на зимовке неустанно совершенствовал свою физическую подготовку, и требовал того же от своих солдат и командиров. В пример остальным он ставил могучего Хрграра, которому не было равных в ближнем бою. Многие этим были недовольны, ибо требовать от камушка увесистости булыжника — та еще несправедливость. Тем не менее, боевые навыки и дисциплина в равенском войске выросли, во многом благодаря военным советникам, которых с собой как-то раз притащил Исхилий, да и оставил Артемиру. Один из ветеранов, потерявший правую руку по плечо в бою со стаей голодных волков, и чудом выживший после такой потери, обучал Артемира лично приемам верховой езды и боя с такой неполноценностью. Украдкой поглядывая на своего пожилого наставника, Артемир даже научился радоваться тому, что его телесная утрата не так уж драматична...

Так прошла почти вся зима, в покое и достатке. Поначалу Артемир с тревогой ожидал проявления своих врагов, но с каждым днем их отсутствия его беспокойство размывалось, и в итоге он почти забыл, что его народ находится в состоянии войны. Пару раз он даже получил подкрепления из Равении, прибывавшие с его посыльным. Довольный тем, что, помимо спокойных вестей из их прежней невольничьей родины, он помог доставить и новые силы, посыльный светился от гордости.

Морозы уже начали сходить на нет и местная природа подавала первые признаки оживления, посылая с доброй песнью своих маленьких эмиссаров — трепетных птичек, довольно щебечущих и вселяющих во всех предчувствие приходящей скоро весны. С каждым новым днем о приходящей оттепели напоминал и барон Златной Коммуны, всячески намекая на скорейший исход равенцев с его земель. Артемир и так это понимал, потому за примерно три недели до наступления тепла начал сбор походных припасов. Занимаясь провизией, приор вновь начал терзаться беспокойствами по поводу будущего их кампании. Чудовищные потери, нанесенные прошлой пирровой победой, не удалось полностью восстановить: равенская конница была вопиюще прорежена, а несколько отрядов верховых златнокоммунцев не шли ни в какое сравнение с почившими героями. Да, артиллерия осталась нетронутой, стрелков с новыми ружьями и простых застрельщиков было много, но тактику их применения нужно было менять, как показало тяжелое прошлое. Даже если брать обычную пехоту ближнего боя, не осталось почти ни одного отряда, в котором было бы больше половины бойцов. Судя по молчанию Нордиктовской Лиги, удар для нее был таким же болезненным, как и для равенцев, но ее ресурсы были куда более обширными, чем у Приората, и все это знали. Несколько облегчить эту ситуацию смог визит старых друзей почти в день выхода равенцев с их зимовок...

— Марий! Не может быть! — воскликнул Артемир, при виде знакомого сарга с блестящей лысиной выронив мешок с меховыми одежками для солдат.

— Дорогой мой Артемир! — старик расплылся в ласковой улыбке и протянул руки для приветственных объятий, на которые Артемир тут же ответил. — Я думал, что ты уже забыл обо мне.

— Я? Да как же я мог?.. — с кислой улыбочкой выдавил из себя Артемир, пробитый насквозь тяжелым копьем вины. Действительно, одного из главных спонсоров их освобождения он забыл, при первой встрече обещая забрать его с одинокого острова. Стоит ли говорить, что приор так и не воплотил своего слова. Однако, Марий стоял здесь, да еще и рядом с конем на поводьях, и это породило закономерный вопрос:

— А как ты здесь оказался, любезный Октавиус?

— А ты разве не знаешь? — удивился Марий. — Ведь это твой друг приплыл за мной на корабле, правда, не на том, на коем вы прибыли ко мне впервые.

— Кипар... — догадался Артемир. А про себя подумал: «Живи вечно, мой внимательный и учтивый друг...».

— Да, один из братьев. — кивнул Марий, помрачнев после своих слов. — Он рассказал мне об утратах, понесенных вами на Гунтале. Мне очень жаль, друг мой.

Скорбно покачав опущенной головой при воспоминаниях о куда более тяжелых потерях последнего боя, Артемир вдруг увидел, что Марий одет в одежды обычного равенского солдата. Проследив за взглядом равенца, Марий усмехнулся и неспешно повернулся вокруг своей оси, весело спросив:

— Ну что ж, идет ли мне эта форма?

— Ты решил сопутствовать мне? — Артемир поднял брови. — Это чревато смертью, но, все же, я буду рад тебе, дорогой Октавиус.

— Этот старик уже достаточно пожил. — со смехом махнул рукой Марий. — Я уже и не надеялся, что вновь смогу ступить на берега Нордикта, и надеюсь умереть здесь, на землях моих предков, в компании друзей.

— Я сделаю все, чтобы отсрочить этот момент. — заверил Артемир, положив ладонь на сублильное плечо Мария.

— Я же прибыл не с пустыми руками! — спохватился Марий. — Твое прибытие тогда послужило сильным толчком в моем вдохновении, и я сделал еще несколько открытий, которые уж точно помогут тебе!

— Правда? — воссиял Артемир, для которого любая хорошая новость была сродни светочу в непроглядной пещере.

— О да, я исключительно в этом уверен! — напомнив о своей деловитости исследователя, Марий с важностью ткнул указательным пальцем в небо. — Я расскажу про них вечером, тебе все равно придется принимать других гостей, которых я, гонимый нетерпением встречи с тобой, обогнал.

— Других? Что?.. — недоумевал Артемир.

Не успел он предположить, о ком говорил Марий, как в расположение зимнего лагеря въехал посыльный, доложил дозорному и направился со словом к приору, как обычно.

— Приор, под твою команду прибыли новые воины с земель Равении!

— Новые? — нахмурился Артемир, отпуская посыльного на отдых. — Хоть кто-то остался для земледелия и оберега домашних очагов? Если нас постигнет новая неудача, некому будет восстанавливать наш народ...

— И не придется. — грубовато влез в устные размышления Артемира Датокил, привлеченный из штабной хижинки прибытием посыльного с новостями. — Если нас постигнет неудача, наш народ будет истреблен моментально.

— Что ж, я до последнего буду рассчитывать на милосердие саргов к побежденным... — вздохнул Артемир.

— Ты его не дождешься. — отрезал Датокил. — Исхилий принес вести из стана врага: Король Саргии и Протектор Нордиктовской Лиги, Аврорум Латник XIII умер, его власть узурпировал Альзорий, его сын.

— Я не ведаю даже, повод ли это для радости, или же для печали?.. — не зная, как реагировать на неожиданную новость, пробормотал Артемир.

— Ничего благого нет в этом. — уверенность Датокила в своих словах удручила Артемира. — Этот Альзорий... — Датокил остановился и подавленно покачал головой. — Он жесток и беспощаден к врагам своей родины. Он — верный сын Саргии, ради своей страны совершит любое преступление.

— Есть ли надежда на то, что новый король изменится, взвалив на себя такую ответственность?.. — с отчаянной верой спросил Артемир.

Датокил лишь скептически ухмыльнулся в ответ.

— Мы не можем знать этого наверняка... — неуверенно промямлил Артемир, прекрасно чувствуя правоту Датокила.

— Ты сам чувствуешь, как оно будет. — улыбнулся проницательный Датокил. — Так что нам теперь противостоит юнец, ведомый дюжей жаждой крови своих врагов... На одно надеюсь я...

— На что же? — нахмурился Артемир, расстроенный выкладками товарища.

— Что Альзорий этот, яростно махая мечом, помимо нас заденет и своих союзников. — хитро сузив глаза, Датокил перешел на зловещий шепот. — И таких Златных Коммун, идущих к нам в объятия, ведомых страхом и подспудной жадностью, будет много.

— Твои злые слова вселяют в меня надежду. — усмехнулся Артемир.

— Надежду?.. — отстраненно переспросил Датокил. — Что ж, пусть эта надежда передастся нашим воинам, которых теперь будет больше. — заканчивая говорить, Датокил с улыбкой посмотрел за плечо Артемиру, в сторону ворот в зимний лагерь.

А в ворота уже входили первые отряды новобранцев, да не просто входили, а въезжали верхом. Правда, как отметил обернувшийся после слов Датокила Артемир, новобранцы эти были совсем не новы, а верхом они въезжали на конях и лошадях, полностью соответствующих всадникам, на головах которых то и дело блестела в свете веснеющей Звезды седина.

— Отцы, как же... — схватился сердобольно Артемир, обращаясь к первому в отряде всаднику. — Неужто не осталось никого из мужчин среди мирного равенца?

— Мирный равенец сгинул. — браво отрапортовал пожилой кавалерист, явно стараясь мужаться в своем седле. — Почти вся наша молодежь пошла за тобой, приор, так чем мы хуже?

— Кто же будет хозяйничать дома, да род восстанавливать?.. — не унимался Артемир.

— Да как вернемся с победой, и ка-а-ак начнем восстанавливать! — скабрёзно пошутил равенец, повернувшись к своим товарищам за поддержкой, которые в ответ пустили смехотки. — Ты не беспокойся, молодец, за домом и женщины присмотрят, а мужчины тебе шибче нужны, чем миру. — эти слова были произнесены тихо, искренне и серьезно.

— Что ж, добро, отцы... — удовлетворенный успокоительными речами равенца, пробормотал Артемир, возвращаясь к своему мешку с накидками. Но мешок уже кто-то унес...

— Знаешь что? — вернулся к Датокилу Артемир. — Я больше не хочу получать подкреплений из Равении.

В ответ Датокил горестно и с пониманием усмехнулся.

Новые отряды прибывали в расположение войска в течение часа, еще на протяжении нескольких часов подкрепления распределяли по армиям и доснаряжали. Новый удар Артемир получил при наблюдении за распределением: среди новых сил мужской состав сильно был разбавлен женской прелестью. Одну из «разбавительниц» он будто бы даже узнал...

— Алила?! — Артемир чуть не задохнулся от возмущения, стоя среди офицеров своей армии. — Не отворачивайся, я же вижу, что это ты!

Юная девушка, стараясь остаться неузнанной, признала поражение и повернулась пунцовым личиком к приору, который принялся ее распекать:

— Да что ты здесь делаешь?!. Как тебя родители отпустили?!. Ты разве не понимаешь, что можешь умереть?!. —

Недовольная такой трепкой, Алила, гордо задрав подбородок нанесла достойный контрудар:

— Мой отец сопровождал тебе еще с Гунталя и погиб в прошлом бою, как сообщил твоему посыльному его друг и сослуживец. Мать, не выдержав удара этой новости, умерла в скорости. Лишь ты, вернувшийся из мертвых на Гунтале, явился доброй весточкой среди боли и скорби. Я буду мстить саргам за эту скорбь до конца!

Заткнутый Артемир несколько раз открывал и закрывал рот, не зная, что сказать. Наконец, справившись с собой, он в удручении крикнул через весь двор:

— Салатор, возьми к себе в застрельщицы одну юную деву, умело обращающуюся с луком, отвечать за нее будешь головой!

Салатор крикнул в знак согласия, а Алила загорелась в сопротивлении:

— Я хочу к ТЕБЕ в службу!

— Мое решение не обсуждается... — угрюмо буркнул Артемир. — Ты будешь служить в равенском войске, но не в моей Армии, это решено.

Не решившись более противиться, Алила громко хмыкнула и, резко развернувшись, направилась в колонну Третьей Армии Салатора.

— Что у тебя с рукой, дитя? — после распределения новобранцев в квартиру к уединившемуся Артемиру зашел Марий и напрямую задал этот вопрос.

— А, заметил таки. — печально улыбнулся Артемир и стянул перчатку со своей отсутствующей кисти.

Заботливо и сердобольно охнув, Марий принялся осматривать культю, а Артемир рассказал историю своего увечья.

— ... И если остальные раны остались лишь памятью в голове и призрачными шрамами в теле, то с этим приходится мириться. — завершал рассказ Артемир. — Благо, что с набитой шерстью перчаткой это не так заметно: та же Алила вообще ничего не поняла.

— Алила... Это та бойкая девчушка? — с лукавой улыбкой проворковал Марий. — Всем было заметно, что она к тебе неравнодушна.

— Хах, заметно... — усмехнулся и сокрушенно качнул головой Артемир. — Стоит благодарить ее хотя бы за то, что она не кричит об этом во всеуслышание каждую минуту...

— В такое сложное для твоего народа время это чувство — единственное, что может согреть ее раненую лишениями душу. — строго отчитал приора Марий. — Не лишай ее этого.

— Я не отвечу ей взаимностью, но и отвадить ее раз и навсегда не смогу... — лицо Артемира выразило безысходную скорбь. — Возможно, это куда более жестоко, чем прогнать ее ни с чем обратно в тыл...

Осознав, что эта тема Артемиру не очень приятна для обсуждения, Марий поспешно сменил материю разговора:

— Стало быть, сейчас подходящее время для демонстрации моих новых образцов, которые ты найдешь занимательными? — подмигнул Марий.

— О да, было бы крайне интересно посмотреть, что ты там накумекал! — целиком переключившись на интерес, приободрился Артемир.

— Один из них труден в изготовлении, потому смастерить его я не смог, но другой... — посмаковав драматической паузой, Марий продолжил. — Другой я привез с собой.

— Что ж ты томишь, показывай! — вскрикнул доведенный до азарта приор.

Выведя Артемира во дворик хибарки, Марий отлучился и вскоре вернулся, тягая на веревке деревянную конструкцию на лафете.

— И что же это?.. Какая-то пушка?.. — недоуменно спросил Артемир, с искривленным от непонимания лицом осматривающий «новинку».

— Гораздо лучше. Семь пушек! — с гордостью выпятил грудь Марий, для наглядности показав Артемиру семь оттопыренных пальцев рук.

И действительно, на лафете были продольно установлены семь цилиндрических трубок, довольно широких в диаметре, таким образом, будто кто-то в охалке сложенных полений выдолбил все нутро, оставив лишь кору. С казенной стороны этой конструкции у каждого цилиндра имелся небольшой шип, одиноко смотрящий в проем, словно ружейная мушка. На этом все. И эта простота смутила приора.

— Это, разумеется не все. — видя по лицу Артемира, что он в недоумении, Марий поспешил к следующему этапу. — Смотри же.

После этих слов он начал доставать из деревянной коробки, которую приволок вместе с

лафетом, такие же цилиндры, только замкнутые с концов. На одном конце красовалось коническое навершие, на другом — плоское дно с торчащими из него двумя веревками. «Неужто фитили?.. Только избавились от этого неудобного пережитка, и тут вновь...», — с легким разочарованием подумал Артемир.

Пока Артемир предосудительно размышлял, Марий вложил замкнутые цилиндры в полые. Деревянные шипы удерживали дно деревянных «снарядов», не давая им выпасть из «выеденных полен», направленных лафетом под углом. Все фитили Марий связал в один узел позади установки, причем таким образом, что расстояние от узла до начала фитиля в днище «снарядов» было немного разным у каждого. Артемира заинтересовала подобная выборка, но он решил хранить молчание до конца демонстрации.

Почувствовав в молчании Артемира безмолвный интерес к дальнейшему, Марий забежал в хибарку Артемира и вернулся оттуда с зажженным факелом. Поделившись огнем с узлом фитилей, Марий спешно развернул лафет в сторону пастбища, что раскинуло свои перезимовавшие поросли близ равенских квартир, и рукой дал знак Артемиру отойти.

— Но Марий, если там алый уголь, не разорвутся ли эти болванки вместе с этой деревяшкой? — с деликатной опаской поинтересовался Артемир, делая несколько шагов назад, к стене своего дома.

— О, ты сейчас все увидишь! — в предвкушении реакции приора затаил дыхание Марий.

Как только пламя первых фитилей неспешно достигло днищ снарядов, раздалось угрожающее шипение, следом за которым вспыхнуло яркое пламя, и, друг за другом, по очередности длин фитилей, деревянные снаряды стремительно вылетели из своих «домиков», оглушительным свистом оповещая испуганных людей о своем освобождении.

— Ох, как!.. — с восторгом воскликнул Артемир, провожая удаляющиеся снаряды вытаращенными глазами. — А как они так горят и не разрываются?

— Если грамотно вырезать внутри деревянных снарядов каналы и правильно начинить алым углем, то они не взорвутся, и лететь будут далеко-о, дальше, чем ядра пушек. — довольный своей работой, пояснил гениальный саргийский изобретатель. — А дополнительный желобок, который выплевывает огонь сбоку, снаряд еще и закручивает, придавая ему уверенности в полете и точности по приземлению.

— Невероятно! — все еще захлебываясь в восторге, выкрикнул Артемир. — Как же нам повезло, что твой непостижимый и несравненный ум на нашей стороне!

Украдкой смахнув слезу радости и гордости, Марий широко улыбнулся, давно отвыкнув даже от таких незамысловатых похвал в свой адрес.

— Я незамедлительно найду лучших резчиков по дереву в моем войске, передам их в твоё командование, и можете начинать производить эти... — Артемир запнулся, не зная, как назвать установку, изобретенную Марием.

— Я назвал их «осы». — поняв заминку Артемира, ласково вымолвил Марий, с любовью глядя на свое детище.

— Ах, действительно удачное название! — осенился Артемир. — И отверстия эти похожи так на соты осиних ульев...

— Остальные свои изобретения здесь я показать не могу. — слегка встревоженным голосом вдруг скупился Марий, беспокоясь, как бы этот факт не разочаровал приора.

— Не беда, одни только «осы» чего стоят! — ободряюще облегчил тяготу Мария Артемир. — Уж настрадаем их поболее, и засадим саргу жалом в глаз!

— Заряжать головы «ос» можно чем угодно, но лучше всего заливать туда масло, с такой легкой ношей они пролетят дальше. — вернувшись к образу ученого, посоветовал Марий.

— Жестоко и эффективно. — резюмировал Артемир, согласно кивая. — Огонь наших сердец мы отправим врагам вместе с новыми «осами».

Когда Артемиру принесли разломанные остатки пустых тестовых «ос», да из такого далека, какого обычным пушкам и не ведать, он, как и обещал, немедленно собрал всех ремесленников по дереву из трех армий, и направил их в новообразованный «ученый полк», командиром которого назначил Октавиуса Мария. Приор также разрешил полковнику Марию отбирать из армий людей, которых он посчитает полезными для работы руками и головой. Стосковавшийся по официальной службе отшельник сразу же окунулся с головой в омут бурной деятельности, чем умилил и обрадовал Артемира. Первым же изобретением Мария на его посту стал протез для Артемира, который крепился кожаными ремнями за локоть и плечо, а заканчивался железной чашечкой, которая изнутри была обита шерстью под слоем кожи для удобства культи, а снаружи по центру имела торчащий винт с невероятно филигранной для того времени резьбой. Зачем он нужен, Артемир понял, когда Марий принес ему набор из «насадок» на винт: острый крюк, тупой крюк, и самое любимое приору окончание — недлинный иглообразный пик, которым искусно можно было пользоваться в ближнем бою. Артемиру настолько захотелось пощеголять перед своими воинами в этой обновке, что он сразу же ее закрепил, облачился в парадное одеяние и прошелся с ревизией по армиям. Когда он добрался до Третьей Армии Салатора, Алила усмешкой отметила его новое дополнение. Зная, что Алила не ведает об увечье, а остальные солдаты давно уже не обсуждают его лишение, он открепил чашу и продемонстрировал ей свой боевой недостаток. Бедная девушка побледнела, ойкнула и грохнулась в обморок. Довольный своей детской выходкой, улыбающийся Артемир вернулся в свой домик.

Так, суд да дело, началась настоящая, мягкая и теплая весна. Артемир, не без помощи Исхилия, понял, что пора бы заканчивать сборы и выступать на северо-восток, уж коли Лига в нерешительности передала поводья колесницы судеб в его руки(вернее, руку). Почему же северо-восток, а не прямая дорога на север, к границе Саргии? Исхилий объяснил это в своем письме, присланном Артемиру незадолго до исхода равенцев. В письме этом он в приподнятом настроении и изящным слогом расписал благую весть, заключенную в появлении нового союзника — князя Фортерезии. Мол, этот правитель сепаратно покинул Нордиктовскую Лигу после вывода из его земель саргийских легионов. На переговорах с бароном Златной Коммуны князь выразил солидарность с ним и равенским свободоносным порывом, предлагает безопасный переход чернознаменного войска через свои земли и готов передать несколько добровольческих подразделений в состав равенских армий. Сведущий в местной географии Исхилий настоятельно посоветовал Артемиру согласиться с предложением князя Фортерезии, ибо на его землях безопасность марширующих армий будет обеспечена испещренным скалами гористым ландшафтом, не дающим ни нанести скоординированный неожиданный удар, ни совершить фланговый обход с губительным охватом. Все возможные конфликты ограничивались лишь узкими лобовыми столкновениями, на которые Саргия, в свете недавнего поражения, не пойдет, ибо напугается новых ужасающих потерь. Хоть и не сразу, но все же доверившись суждениям Исхилия, Артемир согласился на переход по Фортерезии. Несмотря на то, что равенцам для попадания в Фортерезию придется проделать долгий путь к востоку, остальные также

поддержали скорейший исход из Златной Коммуны. Итак, не растягивая времена, равенский штаб собрал войска, готовые к новым свершениям, и выступил все еще прохладным утром одного из дней в поход, воинственно бряцая оружием и гордо меряя землю своими широкими шагами.

Пока отдохнувшие за зиму рavenцы бодро покидали земли Златной Коммуны, вернемся назад во времени, дабы прояснить несколько непонятных, в силу отсутствия объяснений, событий. Еще до того, как Исхилий пришел на помощь отчаявшимся рavenцам, зажатым на плато, Альзорий планировал решающую военную операцию, по результатам которой гражданской войне в Гептархии должен был прийти конец.

— ...И, наконец, сходящимися ударами мы соединимся и окружим всех оставшихся противников сразу. — подытожил Альзорий свою речь, состоявшую в том, чтобы собрать все силы саргов в два кулака, на северо-западе и юго-западе, и взрезать ими воюющие между собой группировки, сойдясь в сердце графства.

В штабной палатке, где перед генералами-легатами (III) и (IV) разложил будущие действия Альзорий, воцарилась тишина. Генерал-легат (III), далеко не глупец, давно осознал сложившуюся обстановку «наверху», поэтому безмолвствовал, не желая навлечь на себя гнев безраздельного распорядителя войны. (IV) же, войска которого были растащены по разным целям и командирам, фактически лишенный легионов, просто был безразличен ко всему, в прострации смотря пустыми, жидкими глазами на карту Гептархии.

— Что ж, приму это молчание, как знак согласия с моим планом. — довольно улыбнулся Альзорий, не введенный в заблуждение относительно истинных причин безмолвия. — Наступление начнем завтра, ведь я уже озаботился подготовкой войск в соответствии с моей стратегией. Через неделю мы будем праздновать победу!

— Да здравствует Саргия! Да здравствует Лига! — вытуживая из себя весь энтузиазм и горячность, на которые был способен, проскандировал (III) — й, сотрясая кулаком воздух над своей головой. Его поддержал и (IV), прилагая еще меньше усилий, но Альзорию этого хватило. Его аппетит до честолюбия был полностью утолен той властью, что он получил в свои руки, а остальное — лишь излишняя закуска. Пока что, во всяком случае...

На следующее утро рев труб и бой барабанов возвестили о коренном переломе в поведении саргов на границах Гептархии. Один из пунктов в Основополагающем Своде Нордиктовской Лиги гласит: «члены Лиги не должны без просьбы вмешиваться во внутренние дела друг друга, если они не препятствуют исполнению обязательств перед Протектором и не несут прямой угрозы для остальных». Борцы за трон почившей Оловянной Принцессы с присущей им осмотрительностью и грамотностью не выносили сора за границы своего графства. Более того, со всех уголков противоборствующих сторон собирались необходимые подати в казну Лиги, и всякая стычка останавливалась, дабы пропустить повозку с данью, направляющуюся к границе. Альзорий, уставший от щепетильной хитрости гептархийцев, пренебрег Сводом, вводя саргийские легионы. До последнего верившие в мудрый консерватизм правления короля Аврорума, гептархийцы были обескуражены безоглядной и бесстрашной агрессией его сына. Альзорий же именно на это и надеялся, и когда его воинства проходили область за областью, не встречая борьбы от струсивших гептархийцев, не торжествовал опьянело, но был совершенно доволен. Наконец, как принц и планировал, его легионы сошлись в столичной области Гептархии, принеся долгожданный мир загноившему графству. Все стороны гражданской войны были принуждены к сдаче, отрезанные друг от друга. Победитель же, в порыве великодушия, отослал гонцов ко всем гептархийским главарям с заверениями о том, что пленные будут

отпущены, а их лидеры — избавлены от преследования. Итог же конфликту было решено подвести на саргийско-гептархийском совете. Совет сей должен был начаться с минуты на минуту, и саргийская сторона уже томилась в ожидании, подготовив просторный шатер в своем лагере на расчищенном от недавно выпавшего первого снега поле, неподалеку от столицы.

— И мы потратили столько времени на то, чтобы танцевать вприпрыжку вокруг этих бунтовщиков! — с издевательской укоризной затянул Альзорий, с удобством развалившись в головном кресле за столом переговоров. — А всего-то и надо было как следует надавить силой, и они даже отказались сопротивляться!

— Едва ли гептархийцы будут довольны таким принуждением. — прошелестел как можно лояльнее генерал-легат (III). — Они очень горды и свободолюбивы. Один такой народ уже принес нам неприятности, если к нему присоединится и это графство...

— А, с равенцами уже, наверняка, покончено. — небрежно отмахнулся Альзорий. — Гонцы от этого жирдяя (V) должны были уже давно прибыть и озарить нас приятными вестями.

Словно дождавшись этих слов, в шатер осторожно вошел саргийский капитан и учтиво поклонился. Все взгляды мгновенно были переведены на него.

— Ваше Высочество, генералы, прибыли Его Величество, король Аврорум. — офицер обратился ко всем присутствующим, но подчиненно смотрел лишь на Альзория.

— Что ж, это неожиданно, я не предвидел здесь отца... — слегка растерявшись, пробормотал Альзорий, но своевременно нашелся, обратившись к вестнику раздражения. — Проси Его Величество внутрь, капитан. Коли прибыл он, то это знак к тому, что он чувствует себя ладно и нам есть, что обсудить.

Приняв приказ, капитан поклонился и покинул высокопоставленное собрание. С минуту палатку нагнетал вакуум тишины, выровненный лишь неспешным и величественным появлением короля Аврорума.

— Отец, для все нас твое... — начал было с дежурных вежливостей Альзорий, но Аврорум грубо прервал его махом руки, обратившись к генералам: — Господа генералы-легаты, покиньте нас.

Удивленно переглянувшись, генералы неспешно поднялись со своих мест.

— Живее! — рявкнул Аврорум.

Пропитавшись всей серьезностью тона своего короля, генералы ускорились и выскочили наружу, лишив августейшую семью своей компании.

Оставшись наедине с резко ощутившим дискомфорт сыном, Аврорум печально вздохнул, чем еще больше вогнал Альзория в уныние. Было ясно, что беседа не будет изобиловать сладостью.

— Помнишь ли ты, сын мой, наш разговор, когда тело мое было дряхлее, нежели нынче? — печально спросил Аврорум, уставившись на свои стиснутые руки.

— Да, отец. — задавлено пробубнил Альзорий. — Ты просил меня тогда занять твое место на Деятельном Совете...

— ...И это должно было стать твоим первым шагом на пути к моему трону. — закончил за стушевавшегося принца отец. — И военный советник, хоть и неуверенно, но все же поддержал мои грезы... — Аврорум сокрушенно покачал головой. — Теперь я понимаю причины его смятений. Твоя мать была слаба и мягкотела, ты же вобрал в себя ее недостатки и обратил такую силу вспять, что превратился в жестокого тирана.

Испытывая поначалу лишь сдавленность отцовским нажимом, Альзорий сменил оттенок своих эмоций на разгорающуюся злость. И он не удержал ее внутри себя, исступленно зашипев на отца:

— Не смей порочить память о матери! — страсти, обращенные поначалу внутрь самого Альзория, развернули свои пики на Аврорума. — Ты знал давно, каков я из себя, но все же дал мне вкусить сладких плодов власти! — Альзорий начинал с удовольствием упиваться своей ненавистью, разбухая, как очковая кобра перед броском. — Ты виноват в том, что случилось с Гептархией и слабеющей Лигой, ты виноват в том, что не воспитал меня тем королем, что хотел видеть сам, виноват в безвременной кончине матери... — Альзорий усмехнулся, и в усмешке этой смешались горечь и издевка. — Едва ли ты хороший король, и уж точно никудышный отец.

Не ожидавший такой откровенной тирады, Аврорум стушевался, смотря на сына изумленным взглядом. Так и не найдясь, вместо связного ответа он прохрипел:

— Вон!.. Вон с глаз моих! Убирайся!

Смутившись в свою очередь, Альзорий скопировал изумленное лицо отца. Но, в отличие от Аврорума, принц нашелся очень быстро, накинул решительную маску, резко кивнул головой и вылетел из палатки, оставив отца пожинать плоды их диспута в одиночестве.

Оказавшись снаружи, Альзорий отбежал лишь на десяток метров от палатки, но все равно запыхался. Чуть ли не сложившись пополам, принц стиснул руками свои колени. Любой другой бы долго отходил от такой ссоры с родным человеком, но не Альзорий. Все сильнее сдвливая пальцами коленные чашечки, он болью вогнал себя в ярость вновь. А если сию минуту придут лидеры гептархийцев? В каком виде застанут они своего победителя?! Нет, ни в коем случае нельзя проявить перед этим отребьем слабинку! Гордо распрямившись, Альзорий решительно вернулся в палатку.

Услышав шорох палаточной створки, Аврорум, опирающийся кулаками на столешницу спиной ко входу, резко обернулся, залепетав:

— Альзорий, сынок...

Никак не восприняв подобную перемену отца, Альзорий раздраженно заявил:

— Отец, сейчас должны прибыть представители гептархийских банд, следует встретить их единым фронтом, и...

— Они не придут. — увидев, как брови сына безудержно поползли вверх в ответ на его слова, Аврорум пояснил. — Я перехватил их до того, как они достигли твоего лагеря, заверил их в том, что Саргия не будет вмешиваться в их дела, и выплатит репарации выборному правителю графства, который обретется без всякого влияния с нашей стороны.

— Ты... Как ты... — Альзорий захлебнулся своими словами.

— Жаль, что я узнал о твоей интервенции от доверенных мне офицеров слишком поздно и не успел остановить тебя. — Аврорум мягко вздохнул, извлекая уроки сдержанности из их ссоры. — Прости меня, сын.

— Прости меня... — слепо повторив последнюю фразу отца, побуревший Альзорий забежал глазами по придавленной траве, пробивающейся промеж ковровых настилов. Он чувствовал, что теряет самообладание. — После всех усилий, направленных на стабилизацию ситуации в этой мятежной... А еще и поганые равенцы... Они посмели...

— Эти самые поганые равенцы разбили твое воинство в пух и прах близ западных горных хребтов с помощью Златной Коммуны. — Аврорум не щадя бил молотом истины по треснувшему сознанию своего сына. — Учитывая то, что не так уж далеко на севере

находятся саргийские границы, я отправлю гонца лидерам их восстания с просьбой о мире, что нужно было сделать еще раньше, и чего ты не сделал. И чего я не сделал... — Вновь обернувшись потупившимся взором к своей деревянной опоре, Аврорум пробормотал. — Похоже, есть правда в твоих словах о том, что я не только плохой отец, но и неубедительный король.

— О да, теперь я это вижу воочию и ясно! — выпучив разъяренные глаза, повысил голос Альзорий. — Большой глупости и помыслить невозможно! Унизительный мир с этим отребьем!

— Молчи! Молчи, безумный! — отец был задет агрессивным запалом сына, и отвечал соответствующе. — Тебе ли, опьяненному слабоумной злостью и жестокостью, судить о достоинствах короля? Не бывать тебе им никогда!

Резкий и глухой металлический скрежет, яркий световой блик. Аврорум не успел среагировать на молниеносный порыв Альзория. Расплатой за несобранность стал брызг темной крови, теплоту которой почувствовала рука короля, судорожно сжимающая глубокий порез на шее. Осознав произошедшее куда быстрее Альзория, который застыл с окровавленным кинжалом в руке и вздымался от тяжелого невротического удушья, Аврорум схватился обеими руками за шею, хрипя и сковывая отцеубийцу испуганным взглядом. Но такое кровотечение руками не остановить, и король, угасая с каждой секундой, медленно съехал спиной по ребру стола, сев на ковер. Потоки крови все свободнее и свободнее перекрашивали золотистый парадный кафтан Аврорума, и, наконец, король отпустил горло и уронил руки на пол, как утверждение безоговорочной капитуляции перед вечностью.

В палатке воцарилась мучительнейшая для Альзория тишина, нарушаемая лишь его тяжелым, страдальческим дыханием. Думать. Судорожно думать — это все, что мог сейчас принц. Как оказалось, ему этого было достаточно, и он пришел в себя. Правда, пару раз ему привиделось, что бледнеющий труп отца двигался, но, переводя взгляд на остывающее тело, он убеждался, что это лишь его воспалившееся воображение. Сведя одни концы своего рассудка с другими, Альзорий с суеверным страхом и скорчившимся лицом наклонился к отцу и тщательно стер кровь со своего кинжала и рук о позолоченный с вышивкой плащ Аврорума. Убедившись, что на его одежде и оружии нет следов тяжкого преступления, за которое даже принцу светила казнь, Альзорий вернул кинжал в ножны и аккуратно приоткрыл створку палатки, оглядывая ближайшие окрестности. Слава удаче, никого, кроме двух королевских гвардейцев, что-то весело обсуждающих на небольшом отдалении. Разумеется, они были уверены в безопасности своего суверена в палатке принца, потому о страшном провале их долга они и не догадывались.

Довольно улыбнувшись так удачно складывающимся обстоятельствам, Альзорий с силой натянул на себя маску спокойствия и резко вышел из палатки. Обернувшись на него неудачливым гвардейцам он крикнул:

— Не смей беспокоить Его Величество!

Быстро кивнув в ответ, гвардейцы не посмели вернуться к беззаботной болтовне, но и нарушать приказа принца не стали, безмолвно оставаясь на том же месте, где и были.

Альзорий тем временем добрался до офицерских палаток, нашел одну и бесцеремонно вошел внутрь. Спустя пару секунд он вышел в компании одного известного капитана — Мобуса. «Пришло время проверить, что им движет: подхалимаж и приспособленчество, или же истая верность...», — размыслил Альзорий, ведя капитана к зловещей палатке.

Настал момент истины. Пропустив Мобиуса внутрь перед собой, Альзорий незаметно

достал из-под плаща спрятанный пистолет с тлеющим фитилем, заряженный перед посещением капитанского обиталища. Направив дуло на спину своего адъютанта, увидевшего результат темных деяний принца, Альзорий осторожно спросил:

— Что же ты думаешь по этому поводу, капитан?

Поначалу ответа не последовало, что заставило Альзория положить палец на спуск и изготавиться к выстрелу. Но, спустя вполне понятную паузу, Мобиус повернул бледное в испарине лицо и, даже не заметив направленное на него оружие, дрожащим голосом проговорил:

— Нужно все обустроить так, будто его убил кто-то из наших, или же какой-нибудь шпион-убийца, а не... Ваше Высочество...

— Значит, ты все понял, как я и предполагал, так? — Альзорий слегка расслабил палец на спуске.

— Я давно знаю и уважаю Ваше Высочество, потому понял, что, хоть Вы и совершили... это, но совсем не со зла. — еще быстрее Альзория приходя в себя, уверенным голосом ответил капитан.

— Что ж, не зря я выбрал тебя своим доверенным лицом, и первым моим действительно доверительным приказом будет оказать помощь в сокрытии истины по этому делу. — кивнув головой в сторону трупа отца, чуть ли не торжественно провозгласил Альзорий, убирая пистолет.

— Что ж, для начала следует убрать гвардейцев снаружи, ибо они поймут, что никаких убийц, кроме Вашего Высочества, в палатку войти не могли. Палатка-то посреди голого поля. — деловито засуетился Мобиус, цинично рассудив приговор бедным королевским гвардейцам.

— Да, пожалуй, ты прав... — сощурившись, медленно кивнул еще не до конца отошедший Альзорий. — Тогда, майор-адъютант Мобиус(Мобиус оживился, услышав о своем повышении), я призову их сюда, а ты поможешь мне одновременно с ними покончить. — вновь оголив вкусивший благородной крови кинжал, задал тон дальнейшим действиям Альзорий.

* * *

— Не знаешь, что еще за шумиха такая? Зачем тревога? Напали гептархийцы?

— Да вроде убили кого-то знатного, толь генерала, толь еще кого такого...

По всему саргийскому лагерю тревожно пролетели громовые гулы горна, беспокойно сливающиеся в тревожный сигнал, и один из взбудораженных солдат, вывалившись из казарменной палатки, проявил закономерный интерес, направленный к лейтенанту. Правда, судя по ответу, младший офицер еще и сам не знал толком, что стряслось, поэтому направился прямо к источнику тревоги — палатке, которую верховное командование поставило для собрания с гептархийскими главарями.

А там, у этой палатки, уже вовсю кипели шум да гам: сновали туда-сюда генералы, какие-то из солдат и офицеров бились в истерике, проливая целые реки своей скорби, палаточный периметр оцепила гвардия. Принц Альзорий с чрезвычайно серьезным видом в сопровождении своего адъютанта раздавал указания. По всему было понятно, что стряслось что-то злое. Многие из тех, до кого еще правда не дошла своим избирательным шагом, не поняли, да и не поверили бы, что был убит сам король Саргии. Однако, то тут, то там начали раздаваться вопли, одни горестные, другие негодующие: «Король мертв!», «Короля убили!», «Клятые гептархийцы предали и убили нашего короля!».

До офицеров донесли следующую информацию, которые, в свою очередь, передали ее солдатам, щедро сдобрив своими эмоциональными приправами: король Аврорум, преисполненный великодушия, заявил о невмешательстве в выборы нового правителя Гептархии, а также согласился поддержать свободное волеизъявление золотом, компенсируя излишнюю рьяность своего воинственного сына. Прибыв в Гептархию, он хотел проследить лично, чтобы его слова были закреплены честным делом. Однако гептархийская клика, приняв безмерную доброту монарха за слабость всей Саргии, подослала к нему убийц, перерезавших королю и его гвардейцам глотки. Целью же сего низкого и предательского деяния были смятение неготового к трону принца и общее падение боевого духа нордиктовского войска. Воспользовавшись этим, гептархийцы планировали выбить Саргию из своих земель и начать свою экспансию за счет слабых соседей. Но принц Альзорий не допустит подобного, и во имя восстановления справедливости и чистоты власти займет место своего убиенного отца на троне Саргии и кресле Протектора Нордиктовской Лиги.

Слова были подобраны и преподнесены верно, и уже к вечеру того же дня лагерь кипел от возмущения и националистических настроений, которые легко было пробудить у гордых и высокомерных саргов. Бойцы, неистово желающие возмездия, были готовы разорвать Гептархию хоть сей же час, проливая реки простой крови в обмен на капли благородной. Этому факту был искренне рад Альзорий, сидящий в своей личной палатке за столом с картой Гептархии и сдержанной улыбкой освещая ее масштабированные просторы. Компанию ему составлял прошедший проверку на верность майор Мобиус.

— И все еще нет вестей от этих гептархийцев... Чего же они так тянут с мольбой о пощаде? — издевательски тревожился Альзорий, крутя большими пальцами рук друг вокруг друга.

— Полагаю, на вестях о смерти Его Величества они решили скоординировать новую линию своей политики. — резонно предположил Мобиус.

— Я теперь Величество, Мобиус, запомни это. — раздраженно одернул адъютанта Альзорий. — Но, если Гептархия не идет к Саргии, то...

— Я немедленно разошлю Ваши требования ко всем окрестным капитанам, Ваше Величество. — ладно справился Мобиус.

— Да, чудно... — неспешно кивнул Альзорий, поощряя довольного Мобиуса. — Сначала окончательно «склоним» на нашу сторону Гептархию, а затем уже займемся равенцами... — Альзорий положил нахмуренное лицо на сложенные замком руки, мрачно размышляя о своих следующих словах и том, что за ними стоит. — Я их недооценил, и этой ошибки более не повторяю. — утвердив это, принц покопался на столе среди карт, достал несколько чистых листов пергамента и наточенное перо, начал корябать на них чернилами и сопутственно указал. — Проследишь, Мобиус, чтобы эти обращения попали точно адресатам в руки, от этого зависит успех наших деяний и будущее всей Лиги.

Выждав, пока принц закончит выводить письма, майор-адъютант бережно принял пергаментные свертки, скрепленные королевской печатью, выслушал имена адресатов и, понимая кивнув, с энтузиазмом преданного своему делу человека вышел из палатки Альзория.

— Скоро достигнем границы Фортерезии, Артемир.

— Что ж, наш поход оказался куда короче, чем я себе представлял, ибо за Фортерезией уже простирается Саргия...

— Стало быть, Нордикт куда меньше, чем ты грезил.

В походном караване Монны и Цапли Артемир проводил все больше времени, находя беседы с умной и образованной внучкой старшего герцога Серпии лучшим развлечением. Монна с прежним упорством отказывалась вернуться домой, бойко сотрясая головой воздух на любое убеждение Артемира, что того втайне радовало. С каждым днем он все более и более осознавал, что влюбляется в молодую и красивую девушку, блестящую свежестью тела и ума, потому искренность просьб приора к Монне оставить его войско переросла в тягостное противоречие тревоги за жизнь пассии с желанием видеть ее ежедневно. Цапля, то ли по собственной проницательности, то ли по заочным просьбам своей госпожи, на время визитов Артемира покидал Монну по различным надуманным предложениям. Оставаясь наедине, тепло беседующие молодые люди сближались все сильнее... Что ж, страх старшего герцога за невинность своей внучки наконец обрел под собою твердую почву, но совершенно по-иному, нежели тревожился сердобольный дед. Впрочем, Артемир вел себя предельно благородно, вопреки всем представлениям и предрассудкам нордиктовцев о равенцах. Вот и на этот раз, несмотря на алеющие ланиты Монны и ее неровное, подрагивающее дыхание, согретое теплом молодого сердца, Артемир покинул свою собеседницу и направился верхом во главу колонны своей армии.

— Что ж, вот наконец и ты. — Датокил смерил приора лукавым взглядом, прекрасно зная, где он провел последние пару часов.

— Твоя насмешка неуместна! — огрызнулся Артемир, выдав смущение легкой краснотой нахмурившегося лица.

— Уж куда там... — едва удержал смешок Датокил, знатный любитель играть чужой неловкостью. Однако, на этот раз он решил не развивать свою едкость, вместо этого жадно вздохнув. — Воздух стал холодным и скупым... Мы уже несколько дней идем в гору, дышать все тяжелее... Еще и этот странный туман...

Действительно, с момента ухода с зимовок армии Приората неуклонно поднимались вверх. Хоть и плавно, но все же заметно начали меняться растительность и воздух. Зелени становилось все меньше, а воздуха... По ощущениям-то судя, его тоже становилось меньше, а его место замещал прелый туман, дышать которым было невыносимо густо и тяжело. Что делает туман при отсутствии болот, да еще и в нарастающем низкогорье, не было понятно, но с этой мистикой приходилось мириться, как и с любой всевластной стихией, с которой человек еще не научился бороться.

— Пехота, знамо дело, страдает еще пуще нашего. — Артемир всерьез встревожился за своих бойцов и указал одному из своих адъютантов передать командирам войск о замедлении темпа перехода. Если б он только знал, с какой благодарностью восприняли приказ задыхающиеся и замыленные солдаты. Обливающие своим потом доспехи, при высыхании разрисованные неприятными солевыми разводами, пехотинцы действительно оставили надежды хотя бы разок сладостно вдохнуть теплый, свежий равенский воздух...

Даже несмотря на замедление скорости похода, равенцы довольно быстро достигли

границы между Фортерезией и Златной Коммуной. Верно говорят: «Тише едешь, дальше будешь». Про то, что посреди одинокого каменистого тракта находится граница, равенцы узнали лишь благодаря небольшому посту, над деревянной коробкой которого развевались два знамени: златокоммунная звезда и фортерезский стяг, на котором посреди темно-серого фона узнавались символически изображенные вершины гор, а над ними гордо высилась зловещего вида черная башня. Так называемая «Чернильная Цитадель» еще не была видна на фоне вековых горных хребтов, скромно прячущихся за туманом, но ее мрачное влияние уже чувствовалось приунывшими равенцами. «Бедные фортерезцы, как же им тяжело тут жить..., - пожалел местных жителей, которых они еще не встречали, Артемир.

— Равенцы, стало быть? — из поста вышли два пограничника в легких доспехах и с короткими мечами в ножнах. Говорил тот, на левом плече которого красовалась фортерезская повязка. Шлема он не надел, потому Артемир с удивлением отметил его черные, как смоль, короткие волосы. Неожиданно было видеть на обитателях северных земель континента такую-то роскошь, народы которых носили куда более светлые шевелюры. — Князь велел пропустить вас безо всяких волокит и вопросов. Так что, воля ваша, идите, коль хотите.

Артемир с улыбкой отметил его бесстрашие и безразличие перед воинством, которое уперлось в его службу. Видимо, князь заверил своего служаку в безобидности равенских армий, и Артемир решил не рушить представления, заселившие голову фортерезского пограничника, потому просто вежливо и молча склонил голову в приветствии и ступил на земли княжества.

* * *

— Это чудеса какие-то... Такого ни на Гунтале, ни в Равении не увидишь... — забыв о своей простецкой безэмоциональности, крутил головой Кориган, разинув рот и сверкая лысиной на вышедшей встречать рвенцев Звезде.

И было с чего! Спустя сутки после пересечения границы, окружающая равенцев природа резко поменялась: исчез туман, воздух стал чище, но не легче, уклон ландшафта выровнялся, появилась растительность, причем очень яркая и красивая. Выйдя на межгорное плато, на территории множества которых и располагалась Фортерезия, равенцы услаждали свои очи многочисленными цветочными лугами и зелеными травянистыми полями, горными ручьями и чистыми озерами. Окружали всю эту красоту высокие горы со снежными шапками, перевалы между которыми связывали воедино все восхитительное горное княжество. Появилось, наконец, и столичное чудо: Чернильная Цитадель, выполненная из черного камня и скрепленная металлом, торжественно объявила о своем существовании, плавно проявившись на фоне светло-голубого неба. Одиноко и величественно смотрела она на окрестности гор, между хребтами которых отважные и трудолюбивые фортерезцы ее воздвигли, желая достичь самого небесного свода. Наблюдая все эти виды, Артемир получал исключительное эстетическое удовольствие и стыдился своих прежних мыслей о «бедных фортерезцах».

На время перехода по Фортерезии князь прислал Артемиру проводника с письменным приветствием, в котором выразил сожаление о том, что пока не может предоставить добровольцев в распоряжение приора. Не особо рассчитывавший на малочисленных и ненадежных ополченцев, Артемир радушно встретил проводника, который сразу же повел равенские колонны по кратчайшему пути до южной границы Саргии.

К счастью для всех без исключения, на всем протяжении перехода по скачущим вверх-вниз землям княжества никаких хоть сколь заметных происшествий не случилось. Проходя

мимо маленьких и уютных деревень, стоящих близ источников кристально чистой воды, равенцы не встречали практически никого из местных жителей. То ли из опаски, то ли по указу своего князя, селяне прятались по домам задолго до приближения чернознаменных колонн. Артемир был нисколько не против такой осмотрительности, просто без суетливой деятельности людей все эти деревни были похожи лишь на скромные плоды беспретенциозного архитектурного искусства, разбросанные по куда более значительным и естественным произведениям искусства природного.

Периодически для равенцев осуществлялся подвоз продовольствия и воды. Артемир забавно отметил, что походный рацион фортерезцев не сильно отличался от равенского: ржаные сухари, вяленое мясо, да сушеная рыба. Разумеется, от таких, даже столь скромных, даров равенский солдат не отвернулся. Единственное подношение, которое почти никому не пришлось по вкусу — это жесткий, выдержанный, и невероятно вонючий сыр. От одного только зловония, напоминающего вывернутое содержимое желудка, можно было утратить аппетит на весь день. Датокил со смехом и издевательской миной на лице заставлял солдат съедать порции этой кулинарной пытки, уверяя их, что в этой благородной пище кроется необходимая сила для дальнейших побед. «Такие победы нам и за золото не нужны...», — усмехнулся один из пожилых солдат после ухода Датокила, выплюнув свой сырный паек и кинув остатки оземь.

Все прониклись радостью мира и спокойствия, вдыхая их с чистым воздухом, запивая их освежающей водой и закусывая прекрасным сыром. Однако, не все проявления светлого настоящего радовали Артемира: Алила, молодое и любящее сердце которой обратило всю прелесть фортерезского естества в романтическое опьянение, начала досаждать приору своими выходками, регулярно навещая его во главе колонн. Вся покрытая луговыми цветами, словно пустынный кочевник — песком, Алила всячески пыталась соблазнить Артемира на свидание. Поначалу сдержанно, потом с нарастающей грубостью, Артемир отказывал ей. Его чувства к Монне извратили восприятие Алилы, и теперь в ее компании он начал чувствовать отторжение, а иногда и отвращение к бедной равенской девушке. Совершенно этого не желая, Артемир страдал от подобных терзаний, и потому решил навсегда отстраниться от Алилы и эмоций, ею вызываемых, как-то раз выпалив, что он и Монна помолвились и в будущем намерены заключить политический брак. Приняв это лукавство за чистую монету, Алила залилась слезами и убежала, так после этого и не объявляясь Артемиру на глаза. Облегчив разум, но отяготив сердце, Артемир все же вздохнул свободнее, решив провести остаток пути без подобных эмоциональных надломов.

* * *

А путь через Фортерезию и вправду подошел к концу. Одним погожим весенним деньком равенские колонны встали перед достаточно пологим спуском, который далее расщеплялся на три дороги, исчезающие в трех зловещих, темных и узких ущельях, червоточащих низенькое плоскогорье — условную границу с Саргией.

В недоумении Артемир вопросительно уставился на своего проводника. Тот с готовностью поспешил утолить неведение приора:

— Ваши воинства, пройдя по центральному ущелью, выйдут к заключительному спуску с фортерезских гор, который приведет вас в Саргию.

— Но почему же именно центральному? — недоверчиво поинтересовался Датокил, стоявший верхом рядом с Артемиром. — Отчего не через все сразу?

— Два других... завалены оползнями в глубине своей, господин. — несколько

уклончиво ответил внезапно заволновавшийся проводник.

— Завалены, значит?.. — подозрительно сузил хитрые глаза Датокил. — Что ж, ясно. — обратившись к Артемиру, Датокил неожиданно предложил. — Остановимся здесь и отправим в ущелья разведчиков.

— Но говорю же вам, остальные ущелья непроходимы. Зачем вам тратить время на них? — запротестовал проводник, все более оправдывая то подозрение, которым его наградила Датокил.

— Согласен с тобою. — кивнул головой Артемир, выбив этим кивком со лба проводника порядочную испарину. — Если там и вправду завалы, разведчики вернутся и доложат об этом.

— Что ж, воля ваша, господа равенцы. — замямлил проводник. — В любом случае, я вам более не нужен. Мне стоит вернуться на основную службу.

Резко достав из ножен меч, Датокил приставил его к горлу вскрикнувшего от неожиданности и ужаса проводника и холодно процедил:

— Ну уж нет, дружок, ты останешься при нас до тех пор, пока мы не выйдем в целостности и сохранности к границе. Дерзнешь к побегу — и к службе вернешься по частям, понял?

Смирившись с волей Датокила, проводник уныло кивнул, нервно прогнав комок в горле дальше по пищеводу.

— Отправляйся в колонны и передай приказ о боевой развертке, всю пушечную артиллерию ко мне, на переднюю линию! — Артемир обеспокоил своего адъютанта приказом и повернулся к Датокилу. — Все же надеюсь, чтоотревожу своих бойцов зря...

— Лучше лишить их покоя, чем жизни. — вздохнул Датокил. — Но, боюсь, тревога обоснована. У меня давно не было такого дурного предчувствия.

Проверить интуицию Датокила выслали шестерых конных разведчиков, вооружив их заряженными пистолями. Указав им не ввязываться в бой, в случае угрозы отстрелять заряд и бежать, Артемир проследил, как три ущелья жадно проглотили по два всадника каждое. Снедаемый волнением и неопределенностью, Артемир заразил ими всех остальных. Офицеры с тревогой на лице перестраивали свои подразделения в боевое положение, а солдаты, протрезвев от благодати Фортерезии, мучились похмельем неопределенности.

Мучения пали быстро, убитые двумя выстрелами, негромкий гул которых дошел до ушей всей первой линии. Словно в попытке догнать этот гул, из ущелий, поднимая облака пыли, на полном ходу выскочили разведчики, выкрикивая легко разбираемые слова «Сарги!» и «Засада!». Мгновенно преобразившись, Артемир нырнул в разворачивающиеся колонны, подгоняя расторопных равенцев и подбадривая их перед «неизбежной битвой». Несмотря на то, что он не знал, сколько саргов участвуют в засаде, и будут ли они атаковать, осознав провал своего замысла, глаза Артемира блестели ясностью видения грядущего. Этого хватило, чтобы вселить уверенность в свои полки, в рядах которых уже начинали звучать едкие шуточки про саргов и подбадривающие тычки от младших командиров.

Получив доклад от искаженных волнением разведчиков об отрядах саргов в глубине крайних ущелий, Артемир поблагодарил их за то, что они смогли невредимо ускакать оттуда. Отпустив выполнивших свой долг всадников, приор быстро экипировался в доспехи и занял передовую линию, разделив ее с Салатором, Кориганом, Датокилом, а также батареями еще не до конца развернутых орудий.

— Сарги бежали, или же просто вежливо ждут, пока мы не будем готовы размолотить их ядрами наших пушек на выходе из ущелий? — недоумевал Артемир, всматриваясь с

прищуром в сторону угрозы.

— Мне неведомы мотивы их бездействия. — лаконично озвучил всеобщие мысли Кориган.

Развенчал мифы о военной вежливости саргов еще один герой равенской разведки, на этот раз принесший доклад с тыловой части войска.

— Приор, к нам с тыла идут тяжелые конные войска саргов и фортерезцев. — Разведчик был бледен и тяжело дышал, его тяготила гибельность информации, которую он нес. — Их очень много, они идут боевыми рядами. Судя по всему, пехоты и артиллерии при них нету. Дойдут до нашего тыла они примерно через час.

— Заметили ли они вас? — выдохнул взбудораженный Артемир.

— Не похоже, они даже шагу не прибавили. — достаточно уверенно ответил разведчик.

— Что ж, если мы переживем эту битву, всю конную разведку ждут крупные награды. — хлопнул по плечу всадника Артемир, пытаясь взбодрить его и себя улыбкой, которая более напоминала болезненную гримасу.

— Что ж, вновь мы меж молотом и наковальней. — печально улыбнулся Артемиру Салатор, когда тот отпустил разведчика. — По крайней мере, теперь ясны причины их промедления: они ждут, когда ударные эскадры сомнут наши тылы.

— У нас нет выбора, придется атаковать ущелья. — решительно сжал оставшийся кулак Артемир. — Каждая армия займет одно, и будем пробиваться до границы. Узкие горные проходы спасут нас от тяжелых коней.

— Что ж, это наиболее разумный ход — попытаться разбить их по отдельности. — встряхнулся в седле Датокил, выдавая этим волнение перед боем, которого не ждал и опасался. — Но нужно выбивать ущелья как можно скорее, или этот маневр угробит нас!

И еще... — неуверенно замялся Артемир. — Похоже, пришло время спустить на их всадников «осиный рой».

— Осиный... А, это то самое дальнобойное оружие Мариуса? — недоуменно задрал брови, спросил Датокил.

— Да. — утвердительно кивнул Артемир. — Хотя, я думал огорошить им саргов гораздо позже...

— К тому времени мы либо будем кормить фортерезских червей, либо Марий придумает какую-нибудь новую приبلуду, так что если есть, чем козырнуть сейчас, то будь добр, заставь саргов злобно сбросить монеты! — опытный в игорных делах по прошлой жизни, воскликнул Салатор.

Вдохновленный салаторскими метафорами, Артемир скомандовал войскам ускоренно атаковать ущелья, перестраиваясь по ходу наступления в колонны по армиям. Вперед пустили по несколько пушек, дабы они подрасчистили картечью проходы от саргийских «затычек», потом шли цепочки стрелков, призванные расширить брешь, ну и замыкали колонны пехотинцы ближнего боя. Ядрами стрелять Артемир строго-настрого запретил, дабы не разрушить стены извилистых ущелий и не вызвать затор, способный помешать продвижениям равенцев. От саргов он ждал такой же щепетильности, ибо разрушенные ущелья лишали возможности двойного удара и соединения со своей конницей.

— Пикинеров лучше оставим снаружи и организуем баррикады из телег с провиантом и повозками заложников в несколько эшелонов. — решительно предложил Кориган, бросая задумчивые взгляды на отряды ошестинившейся пехоты, топающие в конце колонн.

— Согласен. — кивнул Артемир. — От пикинеров в извилинах ущелий толку не будет.

— А еще так мы сможем поддерживать сообщение между армиями в ущельях, перебрасывая силы куда необходимо. — задрал указательный палец Датокил. — Отличная идея, любезный Кориган.

— Оставим им в поддержку лучников и арбалетчиков, того гляди, слабо защищенных фортерезских скакунов смогут уложить. — пожал плечами Салатор.

— Что ж, как вижу, все способны мыслить холодным рассудком, а не ледяным страхом, а это значит, что шанса на победу мы не упустим! — боевито выкрикнул уверовавший в успех Датокил, подбадривая своего подрагивающего коня хлопками по лоснящейся шее.

Первые равенские воины вошли в зловещие туннели, и почти сразу же оттуда раздались пушечные разрывы и беспорядочная стрельба. Из немногочисленных сквозных щелей над плоскогорьем начали неспешно исходить густые клубы дыма. К нестройному хору стрелкового оружия скоро добавился оркестр металлического скрежета и задушенного кашля. Видимо, дым от горения алого угля не успевал покидать ратные теснины и накапливался едким туманом, облака которого вынуждены были вдыхать солдаты обеих сторон.

Пока в ущельях солдаты выясняли, кто из них способен долее продержаться без воздуха, перед входом были организованы баррикады из телег. Промеж незамысловатых укреплений плотными рядами встали пикинеры, обратив острия своих пик в сторону спуска. Пехота изготовилась ко встрече в скором времени с поблескивающими тяжелым металлом всадниками врага.

Артемир не отказался от идеи засыпать конницу противника горящими дальнебойными снарядами, потому выставил на вершине спуска разведчиков с указанием подать сигнал о приближении противника на оговоренное расстояние. Ожидая этого сигнала, в тылу баррикад, сразу за застрельщиками, выстроились батареи деревянных «сот», несложные сочленения которых умельцы успели вырезать достаточно много. Заряженные горючим маслом, в сотах в нетерпении засиделись сами «осы», связанные воедино узлом из фитилей, готовые обрушить свой «яд» на тех, кому не повезет встать на пути их «жал» со взрывателем Мария. Сразу за батареями плотной толпой сгрудились заложники, испуганно и безуспешно ограждаясь от окружающего их антуража войны. Артемир оставил их под присмотром лишь доблестной Монны, ибо знал, что бежать им отсюда некуда. Да и то, Артемир назначил Монну старшей по когорте заложников лишь оттого, что сама она глупо, но чистосердечно, рвалась в бой на стороне приора, и ее нужно было срочно отвлечь хоть какой-нибудь ответственностью в тылу. Сам же Артемир и остальные генералы заняли позиции недалеко от входов, окруженные своей конной гвардией и остальной кавалерией. В командовании наступлением внутри ущелий не было необходимости, потому генералы отдали управление там командирам отрядов и ограничились наблюдением за предстоящим боем с конем врага.

— Я обязан на это взглянуть! — не выдержав жадного напора любопытства, сорвался со своего места Артемир, под топот копыт своего коня прокричав недоумевающему Датокилу. — Пока я буду на вершине склона, прими здесь мое командование!

Не дожидаясь возражений, Артемир миновал батареи «ос», все линии баррикад и фаланги пикинеров, бойцы которых суетливо и почтительно расступились, предоставив своему приору удобную брешь для проезда. Оказавшись перед оборонительным фронтом, Артемир въехал на вершину спуска перед ущельями и, представ перед удивившимся такой компании разведчиком-сигнальщиком, увидел боевые порядки вражеской конницы в отдалении, находясь сокрытым от ее взоров высокими кустарниками.

Широченным фронтом, занимая весь тракт и его далеко простирающиеся травянистые обочины, сотрясали всадники в доспехах застонавшую от такой тяжести фортерезскую землю. Большую часть составляли воины Саргии, гордо несущие на себе ее цвета, но по флангам кровавую саргийскую аль омрачали темные фортерезцы, вышедшие на союз с протектором в своем национальном облачении, представленным черной стеганкой-

комбинезоном с капюшоном.

Никогда доселе не выдавший таких скоплений конников, Артемир струхнул, но остался на своем месте, прекрасно зная, что он еще в безопасности. Но вот нужный момент настал, и приор отослал разведчика к войскам с долгожданной командой «Огонь!». Как только фигура разведчика поглотилась спуском, Артемир с нетерпением оглянулся назад в ожидании увидеть залп. Застав его в самом расцвете, приор с готовностью прикрыл уши от пронзительного свиста, окатившего обслугу пусковых установок дымом. Вверх устремились, одна за другой, «осы». Преисполненные презрением ко всему приземленному, они неуклонно набирали высоту, небрежно застилая своими трассерами небеса. Но вот их залп иссяк и, разочарованные недостижимостью своих высоких идеалов, снаряды потухли, продолжая полет под собственными весом и скоростью.

Не только Артемир и его равенцы с открытыми ртами следили за дерзновенным полетом шумных «ос», но и всадники, против которых усилия этих снарядов и были направлены. Увидев такое чудо впервые, конники резко повставали, нарушив прямую линию фронта, в мгновение обросшую неровностями и складками. Поняв, что это оружие, и что оно обращено против них, встревоженные рыцари предприняли хаотичную попытку рассредоточиться, но не успели. Первые снаряды упали перед всадниками, остальные — вглубь верхового строя. Подорванные взрыватели подожгли заряды алого угля и масла, разбрызгивающего свои раскаленные капли вокруг.

Убежденные в том, что ни одно современное оружие не способно поразить их на таком расстоянии, сарги и фортерезцы не были готовы к обстрелу. Объятые нетушимым огнем, всадники пытались сорвать с себя доспехи, разворачивали паникующих коней, те врезались друг в друга и создавали свалку. Неуверенные фортерезцы вообще развернулись и дали деру, оставляя после себя лишь клубы пыли. Более дисциплинированные сарги старались помочь своим пылающим соратникам и остановить сумятицу, восстановить устойчивость строя, но новые разрывы выплескивали пламя и на них. Наконец, последняя «оса» отдала свой яд, но боевой дух противника не был отравлен окончательно.

— Вот же стойкие люди, эти сарги... — пробормотал со смесью восхищения и досады Артемир, наблюдая, как после тяжелых потерь в силе и воле восстанавливается боевой порядок потрепанной конницы. Поняв, что пора вернуться под защиту своих войск, Артемир спешно развернул коня и поскакал вниз по склону.

— Изготовьтесь к приему верховых гостей! — прокричал приор передовым пикинерам, достигнув их фаланги. — Но не будьте чересчур настойчивы с угощением, они уже отобедали сполна жареным мясом!

Ответив на черную шутку Артемира довольным гоготаньем, равенцы взъярились, готовые дать отпор врагу.

— Оружие показало поразительные результаты, как я и ожидал. — Артемир вернулся к Датокилу, встретившему приора вопросительным взглядом. — Потери их ужасны, фортерезцы бежали сразу, но сарги удержались.

— Чего и стоило ожидать от саргов. — вздохнул Датокил. — Не думал же ты, что они все разбегутся, как ящерицы от хищного взгляда сыча?

— Едва ли ожидал, но мечтал уж точно. — усмехнулся Артемир. — Есть ли успех в ущельях?

— Успех — есть, победа — нет. — лаконично отрапортовал заскучавший Датокил. — Будь эти плоские каменные великаны хоть чуть меньше, можно было бы залезть на них, и

расстрелять саргов сверху...

— Да, я думал об этом... — мечтательно задрал голову Артемир, прищурено смотря на полуденную Звезду, озорно выглядывающую из плоскогорной вершины. — Но у нас даже веревок такой длины нет...

Не успел Артемир представить, как его ловкие бойцы карабкаются по отвесным скалам, словно горные козлы, реальность, верхом на которой прискакали сарги, вернула его внимание. Первые ряды всадников, показавшиеся на вершине склона, остановились. Артемира даже посетила шальная мысль, что их напугал уровень готовности равенцев к их атаке. Эта глупость тут же выветрилась, когда он увидел формирование ударных конных клиньев, каждый из которых приходился напротив бреша в баррикадах, занятой пикинерами.

— Огонь! — на крики равенских батарейных командиров отзывчиво ответили грохотом обычные пушки, занявшие место «осиных ульев». Ядра лихо ворвались в гущу саргийского строя, разметав ряды, на которые пришелся удар, но их место тут же заняли сзади стоящие. Не став дожидаться продолжения артиллерийского обстрела, тяжелые клинья с воинственным воплем ринулись вниз, выставив вперед пики. Неся в своем оглушительном крике боль от потерь и ненависть пред врагом, им удалось даже обратить в бегство нескольких златнокоммунных ополченцев.

В целом же, умудренные предыдущей встречей с саргийским конем, равенские пикинеры встретили удар внушительного противника достойно: фаланги прогнулись, но не лопнули, хотя почти все первые пики с треском переломились прямо вдоль древесных волокон от страшного напора. Прорвать клиньями оборону равенцев саргам с ходу не удалось. Побросав ударные пики, всадники схватились за свои мечи. Началась рубка. На помощь равенским пикинерам подоспели стрелки: ружья вблизи хорошо пробивали доспехи и убивали всадников, арбалеты справлялись не хуже. Лучникам же приходилось довольствоваться лишь убийством коней, защищенных слабее, нежели их хозяева. Всадники, прижатые к баррикадам, вообще представляли из себя цель абсолютно безобидную: застрельщики поражали их с беззаботной улыбкой на лице. Часть всадников осталась на склоне и его вершине, и по ним продолжила работать артиллерия. Эффективность такого огня была низкой, но равенские пушкарки не жалели ядер, радуясь, даже если ядро убивало одного-двух всадников.

— Что ж, пока держимся... — тревожно прошептал Артемир, прекрасно понимая, что под таким яростным напором его пехота долго не устоит. Осмотрев всю линию обороны, он выкрикнул Датокилу, отделенному от него гвардейским отрядом, свои беспокойства. — Или ущелья пробьются в ближайшие минуты, или сарги растопчут нас своими конями!

— Я отправил Хрграра с гвардией внутрь. — лениво ответил Датокил, от замкнутости противником со всех сторон увязший в тревожной апатии. — С его пристрастием к саргам успех должен сам прыгнуть к нам в объятия, убоявшись его ужасной рожи.

— Приор! Сарги прорываются! Что нам теперь делать?! — уши Артемира прорезал вопль одного из пехотных капитанов, прибежавших с первой линии. Недоуменно посмотрев туда, куда указывал блестящий от пота и задыхающийся от усталости командир, Артемир охнул: всадники, прижатые к баррикадам, воспользовались кучей трупов своих соратников, как приступом, и переваливались через прежде неприступную для них преграду один за другим. Некоторые уже всю шинковали беззащитных стрелков, утративших строй и рассеянных. Другие зашли к пикинерам в тыл, создав угрозу немедленного уничтожения.

Осознав нависшую над его пехотой катастрофу, Артемир похолодел. Схватив в единственную руку стремя, он сорвался с места и поскакал к ломающейся линии обороны, увлекая за собой конную гвардию.

— Отступайте! Отступайте к следующему рубежу! — перекрикивая залпы оружейного огня, лязг металла и стоны раненых и умирающих, командовал Артемир своим бойцам. Заслышав приказ, солдаты начали планомерно отходить, прикрываемые огнем ружей стрелков и пистолей гвардейцев. В большинстве случаев коллапса удалось избежать, но правый фланг, за который отвечала Третья Армия, был сильно скомкан. Стремительно вклинившиеся между ним и отрядами Второй Армии сарги смяли пикинеров и раскидали стрелков очень быстро. Передовые смельчаки даже добрались до пушек и смогли заткнуть запальные отверстия нескольких из них гвоздями, лишив возможности вести огонь. Салатор заметил крах своего фронта и уже бился с противником во главе своей конницы, остановив молниеносное продвижение верхового врага. Артемир, горячо желая помочь своему отважному товарищу, призвал всю свою конницу для устранения отсечения и прорыва к отрядам Салатора. Всадники Равении и Саргии сошлись в ближнем бою. Конница Второй Армии также вступила в бой, и, мало-помалу, прорвавшегося противника остановили.

Не решаясь лично вступить в бой без необходимости, Артемир скакал по тылам своих конников, следя за схваткой и вовремя перекидывая силы в прогибающиеся строи. Хоть сарги и были остановлены, отбросить их назад сил не хватало, зато пехота Третьей Армии уже была сломлена и беспорядочно отступала. Остановились пехотинцы, лишь достигнув всадников противника, которые отделяли их от Салатора. Осознав полное окружение и отчленение от остального войска, бойцы вновь крепко схватились за оружие и начали яростно пробиваться к своему генералу. Но было уже поздно. Кольцо окружения всадников стискивалось все плотнее, организация окруженных становилась все жиже и тусклее. Некоторые бросили оружие и попытались сдаться, за что были наказаны смертью, принесенной беспощадным врагом.

Видя безнадежность салаторской пехоты, Артемир в исступлении приказал нескольким своим стрелковым полкам перетянуться с более-менее крепкой левофланговой обороны на поддержку правого фланга. Но даже этого оказалось мало, ибо сарги, почувствовав сокрушающую силу свою, перетягивали все больше и больше воинов именно туда, где эта сила наиболее действенна. Бедный заголовский генерал уже в поте лица бился с врагом, ибо его гвардия таяла с каждой минутой, и он все ближе и ближе отходил к горе, лишенный защиты. Замаячила опасность и для солдат в ущелье. Но, по изменчивой воле случая, спасительная новость пришла именно оттуда.

— Артемир, Хрграр выбил саргов из нашего русла в ущелье! — Датокил лично прискакал к приору, чтобы сообщить долгожданное известие. — На той стороне плоскогорья, оказывается, почти нет саргов! Громила с легкостью прорвал их оборону и уже зашел им в тыл. Оставшиеся ущелья будут нашими в считанные минуты.

Не сдержав улыбки облегчения, Артемир с глубоким придыханием простонал в ответ:

— Слава Хрграру! Теперь мы можем отступить туда, где от всадников не будет ни толики угрозы.

Скомандовав адъютанту передать всем командирам приказ планомерно отступать в освобожденные коридоры спасения, Артемир отошел к Коригану для совместного контроля за организацией отхода. Салатор еще не был отрезан от своего ущелья, потому приор был за него умеренно покоен.

Отступление началось с вывода с поля боя заложников, за сохранность которых пекся Артемир. Потом сквозь горные проемы просочились орудийные расчеты со своими пушками и боезапасом. Пришлось, правда, бросить то оружие, что уже отошло к саргийским всадникам в качестве трофеев. Более всего переживали солдаты за провизию, которая почти целиком досталась на хозяйство врагу, но ежесекундное балансирование на весах жизни и смерти не предусматривало перегрузку качающихся чаш излишествами, потому про свои животы пока пришлось забыть. Наконец, в ущелья начали отходить всадники и пехота, надежная оборона которых позволила сохранить порядок и избежать ненужных потерь при отступлении.

— Пехоту с пиками выставить на входах в ущелья, ружья им в поддержку! — Артемир на ходу раздавал указания, и его голос громовым хором отражался от стен неширокого коридора, прекрасно услышанный всеми. Оперативно отреагировав на приказ приора, уцелевшие пикинеры выставили надежный заслон, через который пробиться всадникам не было никакой возможности. Прикрытые неприступной щетиной длинных копий, стрелки с ружьями отстреливали вошедших в раж саргов, безуспешно силившихся продолжить наступление. Тем временем Артемир преодолел извилистое ущелье, заваленное телами жертв кровавой теснины, и вышел на другой стороне. Хрграр не встретил его, продавливаясь через зажатых с двух сторон саргов в ущелье со стороны Салатора.

Оглядев открывшиеся взгляду просторы, Артемир не увидел ничего, за что можно было бы зацепиться глазу: сразу на выходе из ущелий дорога под довольно большим углом уходила вниз, зажатая по бокам последними стражами горной Фортерезии — густыми хвойными лесами, в покоях которых не было ни тревог войны, ни сладостного увещевания мира. Лишь мертвенный покой безразличия зеленых игольчатых стариков, неподвижных от отсутствия любых воздушных дуновений и лениво довольных этим.

От отвлеченного созерцания лесных массивов Артемира оторвал подошедший Хрграр, весь забрызганный кровью, но, как и ожидалось, невредимый. Он смотрел на Артемира немим своим глазом, полным тревоги. Артемир сразу понял, что он принес дурную весть, но не способен передать ее. Переведя взгляд на речеспособного спутника громилы, приор вопросительно поднял брови. Ожидая вопроса, равенец с готовностью доложил:

— Мы побии сарга во всех трех ущельях, но в последнем не смогли встретить генерала Салатора. Видать, он не смог до нас пробиться и находится в окружении по ту сторону.

От слов «по ту сторону» в голове Артемира возник образ, вызвавший пробег мурашек по смуглой коже приора.

— Что ж, мы в относительной безопасности. — к Артемиру подошел Датокил, а следом и Кориган. Они еще не знали о ситуации с Салатором. — Оставим в ущельях заслон с остатками обозов, а сами соберем фураж в Саргии?

— Салатор не смог пробиться и все еще там. — вместо ответа сообщил Артемир, мрачно угостив тяжелым взглядом товарищей.

— Что ж, ему следовало быть менее нерасторопным при отступлении. — цинично посетовал Датокил, всплеснув руками.

— И что же, ты предлагаешь бросить его там умирать? — поразившись безразличием товарища, спросил Артемир.

— А что нам остается? — не стусевавшись от морально неудобного вопроса приора, холодно ответил рассудительный Датокил. — Мы не сможем прорваться из ущелий обратно, дабы спасти Салатора.

Несколько раз открыв и закрыв рот, Артемир не смог достойно парировать заявление Датокила, отчего разозлился и стукнул кулаком своему коню по спине. Бедное животное испуганно дернулось, не поняв, чем заслужило подобную грубость своего седока.

— Датокил прав, мы не сможем помочь Салатору. — кратко отрезал Кориган, склонил голову в покорности судьбе.

Лишенный возможной поддержки генерала Второй Армии, Артемир признал поражение. Едва мелькнувшая, как пуля, мысль провести голосование в войсках, угасла также быстро, как выстрел: уставших и едва избежавших верной гибели солдат было неблагоприятно ставить перед подобным выбором.

— Перед нами открывается незащищенная граница Саргии. — раздраженно постарался вытянуть Артемира из тяжкого задумья Датокил. — Едва ли сарги планировали допустить нас до нее, а потому нам нужно действовать быстро, пока они не заткнули зияющую брешь. Что же ты медлишь?

— Мы останемся до тех пор, пока они не уйдут. — решительно заявил Артемир тоном, не терпящим возражений.

— Мы потратим время, которое отберут у нас сарги. — без оглядки на тон Артемира прошипел Датокил, злобно стрельнув глазами в приора. — А если они разделят твой настрой и не уйдут? Мы же умрем с голоду.

— Они уйдут. — уверенно протянул Артемир, бросив косой взгляд в сторону ущелья, словно пытаясь просверлить его насквозь и поразить взглядом враждебного сарга. — Они несут потери, а ответить не могут — пехоты и пушек при них нет. Рано, или поздно, но они вернутся в Фортерезию.

— Что ж, воля твоя, приор. — с ложным смирением в озлобленном голосе прошептал несогласный Датокил, развернулся и отошел к войскам, ожидающим приказа. Кориган последовал его примеру, вернувшись к своей Второй Армии. Артемир же искал успокоения в компании Монны, которая кляла предательство фортерезцев всей той скромной бранью, которую только знала...

* * *

Артемир не зря поощрил в себе доверие к собственной интуиции. Всадники саргов, хоть и продолжили попытки прорвать ущелья, но абсолютно безуспешно, и постепенно их стремление сошло на нет. Поняв, что они просто теряют своих воинов зазря, к наступлению ночи они отошли, преодолев подъем и скрывшись в землях Фортерезии. Артемир выслал им вслед разведчиков, и они подтвердили истинность отступления врага. Вернулись они в крайне дурном расположении духа, и Артемир в страхе догадывался, что так сильно удручило его бойцов.

— Ох, Артакан, дай мне сил... — дрожащим голосом прошептал Артемир, миновав разоренные повозки с провизией и взобравшись на вершину спуска, ведущего к полю прошедшей битвы и входам в ущелья.

Сразу за изгибом вершины его взгляду открылась ужасающая картина того, что сделали сарги с поверженной Третьей Армией. По обеим сторонам дороги, уходящей вглубь горной страны, докуда только может достать глаз человеческий, лежали изувеченные трупы равенцев и союзных добровольцев. Почти каждого, даже самого незначительного солдата по-своему искалечили: кому-то выжгли глаза, кого-то лишили гениталий, кому-то вспороли живот и вырезали внутренности... Жестокость пыток и казней поражала до самых основ взбудораженное воображение Артемира и всех, кто решился присоединиться к нему в

осмотре окрестностей, многих вывернуло наизнанку.

Нашли и Салатора... Тело заголовского генерала лежало обезглавленное в траве. С него сняли все доспехи, дабы удобство кромсания плоти не было ничем ограничено. Его голова показательно была нанизана рядом на копье и обращена лицом к тракту. Некогда красивое и задорное равенское лицо было иссушенным и покрыто грязью, уже мутнеющие глаза закатились, не желая смотреть на мир, жестокость обитателей которого лишала жизни других с таким непревзойденным усердием...

Артемир, подавляя в себе мешанину из тошноты, великой скорби и всепотопляющего чувства вины, бережно снял голову Салатора и положил ее рядом с телом.

— От Третьей Армии мало что осталось, но распускать ее, предавая забвению, не хочу... — тихо проговорил Артемир рядом стоящему Датокилу. — Возглавишь выживших...

Безмолвно кивнув, Датокил принял ответственность над десятком обескровленных отрядов, оставшихся от Третьей Армии. Тех же воинов, что не пережили сражение, было решено ритуально сжечь, чем и занялись выжившие, собирая тела и складывая на месте будущего погоста. Никто не воздержался от акта уважения к своим павшим товарищам, даже Артемир. Он наравне со всеми носил почивших в веках воинов, но, узнав очередного убитого, пожалел об этом всей неудержимой силой своего равенского нутра. Этим убитым была бедная Алила, приписанная приором к армии Салатора. Совершенно подкошенный очередным ударом черствой судьбы, Артемир не удержал слез, и мертвая девушка начала расплываться и подрагивать в глазах равенца. Увы, эти, хоть и иллюзорные, но движения — единственное проявление жизни, которое можно получить от нее теперь.

Мало того, что Алила была убита, но то, как она провела последние мгновения своей жизни, заставило разрывающееся сердце Артемира пожалеть, что она не погибла в бою. Судя по источавшей некогда кровь ране в груди, сарги пленили юную красавицу без серьезного сопротивления. Пленители глумливо усладились прелестями девичьей молодости, что было заметно даже невнимательному взгляду. Враги не стали увечить Алилу из преклонения перед ее красотой, но чистоту этой красоты со всей возможной низостью попрали, под конец остановив навсегда чуткое биение некогда любящего сердца.

Рассматривая грязные дорожки на мертвом лице красавицы, оставленные потоками слез на пыли прошедшего боя, неподвижный Артемир вдруг понял, что мир, на самом-то деле, прост и состоит из всего двух частей. Одна его часть желает ему жизни и победы. Другая — поражения и смерти. Нерешительных он с готовностью приписал ко вторым. Совершенно неважно, что из этого добро, а что — зло. И, по собственной ли воле, или же из страха и принуждения, Фортерезия примкнула к вполне определенной стороне, и за это Артемир неистово желает ее жестоко наказать.

Отличные новости настигли Альзория на южной границе Саргии. После «вероломного убийства гептархийцами» короля Аврорума необходимо было устранить некоторые формальности правопреемства, важные для замшелой замковой аристократии. Не желая тратить драгоценное время на нелепые процедуры и балаканье со стариками, принц отправил из Гептархии в столицу несколько легионов. Судя по пришедшему свитку из Каstellата, сила убеждения Альзория оказалась решающей — теперь он является королем Саргии и протектором Нордиктовской Лиги.

— Ваше Величество, фортерезцы. — уже давно принимающий Альзория королем, майор-адъютант Мобиус указал пальцем вперед.

Из трех ущелий в пограничном плоскогорье неспешно, но с пиететом в каждом движении выплыли трое всадников в черных комбинезонах — пограничники фортерезского княжества.

— Вот он, наш эскорт до Чернильной Цитадели. — не скрывая пренебрежительной усмешки, проговорил Альзорий. — Надеюсь, в их нелепых одеяниях они прячут для нас дары.

— Лишь бы не их излюбленный сыр... — поддержал настрой нового короля Мобиус, сморщив лицо.

— Князь ожидает Ваше Высочество в Цитадели. — с поклоном в седле приветствовал, судя по всему, старший по званию всадник.

— Величество! — рявкнул Альзорий, породив мину испуга на лице фортерезца. — Я теперь король, знаешь ли!

— П-простите, Ваше... Ваше Величество... — испуганно пролепетал запинаящийся всадник. Судя по всему, ему было не в привычку общаться лично с правителями этого мира. — Не считите за грубость, прошу Вас!

— Что ж, прощаю... Пока что... — развеселился пуще прежнего Альзорий. — Так веди нас, нелепица!

Усердием напуганного проводника-фортерезца Альзорий со своими армиями уже к вечеру засвидетельствовали величие Чернильной Цитадели.

— Что ж, вблизи она не так внушительна... — Альзорий смерил оценивающим взглядом столичную постройку. Его армии разбивали лагерь на плато супротив Цитадели. Сам же принц, в компании Мобиуса и фортерезцев, стоял напротив узкого каменного моста, ведущего к величественной высотке. Чернильная Цитадель, в несколько устаревших традициях, была окружена естественным рвом — пропастью скальной расщелины. Но для орудий на Алом угле этот ров был смехотворным.

— Сразу становятся видны издержки времен. — Мобиус, в выработанной привычке во всем подражать своему сюзерену, склонил набок голову. — Цитадель во многих местах истерзана этим беспощадным врагом — везде выщерблины, а «чернила» уже изрядно поседали...

— Надеюсь, что внутри этого пика есть хотя бы намек на уют! — раздраженно сорвался Альзорий, рывками закутываясь в свой алый королевский плащ. Даже будучи северянином, он не привык к высокогорным ветрам, что пронизывали его со всех сторон, словно всепоражающая лавина ледяных стрел.

* * *

— Ваше Величество!.. Я искренне рад приветствовать...

— Прочь любезности, княже! Я здесь не для того, чтобы выслушивать лесть от человека, что меня и мой народ искренне ненавидит.

На первом же этаже Цитадели Альзория с Мобиусом встретил сам князь Фортерезии. Князь был уже сильно немолод, высок и сухопар, одет, по необыкновению, в длинную черную мантию, а не дорогие платья и плащи, в которых уже привык воспринимать нордиктовскую знать Альзорий. Темно-карие глаза князя были большие и выразительные, да настолько, что приковывали к себе все внимание, обрекая остальные черты его лица прозябать в незаметности.

Но королю Саргии было не до глубоких и выразительных очей своего «подзащитного». Едва князь вежливо, хоть и неискренне, приветствовал Альзория, тот грубо перебил его. Он нужен ему лишь для одного — победы над равенским восстанием.

— Как я понял из твоего доноса, один из моих свитков буквально вырвал Фортерезию из лап нашего общего врага? — Альзорий вперился глазами в князя, желая насытиться чувствами его вины и неловкости, ожидаемые к проявлению.

— Да, это так. — прямолинейность и простота ответа слегка разочаровали Альзория, недовольно сузившего глаза. — Некоторое время назад ко мне заявился какой-то лысый... человек в мешковатых и грубых одеждах, убеждая пропустить через мои земли войско равенское, и даже снабдить его провизией и добровольцами.

— Лысый человек в мешковатых одеждах?.. — отстраненно повторил Альзорий, углубившись в омут своей памяти. Молния резкой догадки пронзила его тело, заставив содрогнуться. — Да неужели...

— Равенский амбассадор. — не понял своего короля Мобиус.

— Едва ли он равенец... — мрачно проговорил Альзорий, вернувшись глазами ко князю. — Что ж, ты сделал правильный выбор, запросив нашей помощи.

— Я не желаю видеть свой народ жертвой гнева Саргии. — открыто признался князь. — Потому решил остаться на Вашей стороне, и надеюсь, Вы это оцените по достоинству.

— О, безусловно. — без тени уважения к этому достоинству, сбросил слова Альзорий.

— Прикажете собрать моих воинов и встречать равенцев бок-о-бок с Вашими легионами? — спросил князь.

— Н-нет... У меня идея получше. — хитро улыбнулся Альзорий, мечтательно погладив перо со своего шлема в руке.

* * *

— Ваше Величество, равенцы пересекли границу, с ними изрядное количество златнокоммунцев и прочих нордиктовцев!

Саргийский разведчик с ближайшего аванпоста доскакал до королевского штаба с докладом, оставив своего бедного коня всего в мыле.

— Нордиктовцы... — пространно повторил Альзорий, находящийся в компании Мобиуса, к которому прискакал докладчик. — Еще бы, этот барон со своим выскочкой сыном воспользовались случаем как никогда удачно.

— После победы над равенцами, окажите мне честь разобраться со Златной Коммуной лично. — подобострастно поклонился Мобиус.

— Возможно... Но сначала необходимо защитить нашу границу, потом рвать другую. Лейтенант!

Докладчик, к которому обратился Альзорий, молниеносно вытянулся по струнке.

— Передай легатам, чтобы разделяли войска и отходили с трактов по ранее оговоренному плану. — спешно засуетился Альзорий. — Гарантом приказа возьмешь это. — передав разведчику золотой медальон с гербом Саргии, король с ухмылкой добавил. — И скажешь, что отличившийся в грядущем бою легат станет новым генералом-легатом.

Кивнув с такой силой, что чуть не оторвал голову, разведчик вылетел из штабного шатра.

— Наконец, смогу заменить этих разномастных, зачерствелых стариков на новую кровь. — довольно прошептал Альзорий, натягивая на голову шлем.

* * *

— Вы думаете, Ваше Величество, что они не выставили за собой разведку?

На довольно значительном отставании от равенского войска следовала тяжелая конница Альзория. На флангах ей сопутствовали несколько легких отрядов фортерезских всадников, на которые, впрочем, никто всерьез не надеялся. В конце развернутой колонны шли сам король Альзорий и его адъютант Мобиус. Последний совершенно справедливо выказывал опасения относительно их эффекта неожиданности.

— Что ж, скоро мы об этом узнаем. — с фатализмом в голосе заключил Альзорий, мерно покачиваясь в седле и тихо, но угрожающе позвякивая доспехами в такт. — Мы практически дошли до ущелий, равенцы...

С вопиющим неуважением слова короля были перебиты каким-то душераздирающим визгом.

— Что это еще?.. — смутился Мобиус, приподнявшись в седле и сощурившись в сторону пугающего, неестественного звука. — Столбы дыма? Это наши, или?..

— Это снаряды... — упавшим голосом выдохнул Альзорий. — Снаряды! Нас обстреливают! Рассредоточиться!

Но было поздно, первые равенские «осы» ужалили плотные кавалерийские строи. Снаряды разрывались, разбрасывая горящую масляную смесь на всадников. Начался беспорядок. Не ожидавшие обстрела сарги, охваченные пламенем, срывали голоса в истошном вопле. Фортерезцы, деморализованные еще до наступления боя, сорвались, нарушили строй и бежали назад, в сторону Цитадели.

— Труссы! Предатели! — вопил вослед клубам пыли, бывшим ранее фортерезцами, Мобиус. — Возмездие за вероломство будет жестоким!

— Назад, назад! — схватил за рукав кольчуги Мобиуса Альзорий. — Иначе этот огонь достанет до нас!..

Словно услышав отчаяние в голосе короля и проявив жалость, снаряды стихли. Но тишина не пришла. В мареве пламенного жара, омерзительно смердящим жареным мясом, не угасали хрипящие голоса умирающих солдат.

— Кончено... — с облегчением, но безрадостно заключил Альзорий. — Соберитесь, вперед! Переходим на галоп, иначе нас опять накроет этот безжалостный огонь! — оглядев печальный итог обстрела, король куда тише приказал. — Ларгий, Колониус, Сворид, останьтесь, помогите умирающим, у вас есть навыки врачевания...

Несколько младших командиров остались проводить буквально зажаренных живьем саргов в последний путь... Живым же всадникам предстоял скорый путь вперед, до ущелий.

— Стойте, уплотнитесь, соберитесь в ударные кулаки и смойте грязных варваров с лица этой земли! — как только развернутый саргийский фронт достиг спуска к ущельям,

Альзорий с арьберггарда отдал последнюю команду перед началом боя.

Ответом от равенцев на слова Альзория стал залп артиллерийских орудий. Нижестоящее положение не позволило нанести существенный урон, но и этого хватило, чтобы сарги в яростном и мстительном порыве бросились вниз, выставив вперед ударные пики.

И нашла волна на скалу, и началась бойня.

— Они хорошо оборудовали свои позиции... — Альзорий перебрался к переднему краю с левого фланга, туда, где это было безопаснее всего. — Баррикады с плотными фалангами пикинеров в проемах... Грамотно.

— Ударная мощь наших всадников ушла в никуда... Мы несем потери. — тревога в голосе Мобиуса была связана не столько с тем, что их всадники несут потери, а с тем, что ему приходится сопутствовать Альзорию в опасной близости от врага.

— Да, но из трупов солдат выстилается дорога к победе. — Альзорий говорил куда спокойнее. — Смотри.

Переведя взгляд туда, куда указывал король, Мобиус охнул: трупов саргов и их лошадей набралось столько, что следом идущие за покойниками перебрались по ним, как по кровавой лестнице. Оказавшись за линией баррикад, всадники бросились развивать успех.

— Невероятно... — пробормотал Мобиус, не зная, как реагировать: ужасаться собственным потерям, или радоваться прорыву линии обороны врага. — И Вы так и планировали изначально?

— Нет, конечно! — вздорно фыркнул Альзорий, качнувшись в седле от выстрела орудия неподалеку. — Но глупо не воспользоваться смекалкой наших воинов. Смотри, их правый фланг посыпался!

Действительно, наибольшего успеха прорыв всадников достиг именно на правом фланге равенцев, где пехотные порядки уже были разделены на несколько оторванных друг от друга отрядов.

— Это еще кто? — с усмешкой удивился Альзорий, наблюдая за полем боя. — Это он, это их вождь?

Слова короля были обращены к Артемиру, бросившемуся со своей конницей спасать Салатора. Самоотверженность приора явно забавила Альзория.

— У тебя с собой пистолы? — в спешке поинтересовался Альзорий у Мобиуса.

— Один лишь, Ваше Величество... — едва успел он достать из кобуры свое личное оружие, как король вырвал пистоль из рук адъютанта.

— Не зажжен, проклятие! — сверкнул озлобленными искрами из глаз Альзорий. — И как бы ты им пользовался? Бил бы по голове рукоятью?

Мобиус виновато улыбнулся. Разумеется, он не планировал им пользоваться вообще, веря в безоговорочную победу их армий.

— Что ж, я более ответственно отнесся к происходящему. — с сильным укором пробормотал Альзорий, поджигая от фитиля своего пистоля фитиль одолженного оружия. — Вот та-ак вот. Что ж, посмотрим, на чьей стороне сегодня удача.

С этими словами он вскинул поочередно все три пистоля из его распоряжения и выстрелил. Первые две пули мягкосердечно избежали живой цели, третья же поразила одного из всадников Артемира, свалив его с коня.

— Ах ты ж везучий собакин сын!.. — задорно воскликнул Альзорий, швырнув разряженный пистоль Мобиуса вперед под недовольное восклицание хозяина оружия. —

Ладно же, пора с этим кончать. Капитан, берите свой резерв и разбейте остатки их правого фланга!

Бледная тень, незаметно приютившаяся позади Альзория, оказалась капитаном королевской конной гвардии. Услышав заветную команду, «тень» безмолвно развернулась и ускакала в войска, собирая гвардейцев для решительного натиска. Но Альзорий опоздал с решением: пока капитан готовил гвардию, войска рвенцев начали таять, но не так, как хотел бы король...

— Ваше Величество! — задохнулся от волнения Мобиус. — Рвенцы... Они просачиваются в ущелья! Они уходят!

— Стало быть, наше заграждение по ту сторону сломлено... — скрепя зубами от негодования, прошипел Альзорий. — Ну же, капитан телячий, пошевеливайся, успеете ж вы хоть их правый фланг отрезать от исхода!

Напуганный недовольством своего короля, капитан гвардии устремился в перерез, увлекая за собой изрядный конный костяк. И, несмотря на мешканье офицера, отрезать правый фланг злополучной рвенской армии удалось. В то время, как удачливый Артемир исчез, поглощенный жадностью плоскогорья, целая треть его войска оказалась промеж молота и наковальни. И молот уже был занесен, предвкушение тяжелого и решительного удара уже захлестнуло Альзория.

— Ну же, наседай! — чуть не выпрыгивая из седла, севшим голосом прохрипел Альзорий. — Бейте и тех, что у в ущельях схорониться думают! Достаньте мне этого Артемира, желательно живьем!

Обратив рвенцев к отступлению, молодой король уже окончательно уверился в своей безоговорочной победе, и даже ринулся на самый передок боев, к окруженным воинам-салаторцам.

— Сдавайся, рвенское отребье! — сквозь усмешку прокричал Альзорий. — И смерть будет милостивой к вам.

— Ваше Величество, вернитесь в тыл, это опасно! — с отчаянием провопил догоняющий Альзория Мобиус, в приступе осторожности прижавшись доспехами к шее коня.

— Величество?!

Непривычный для текущей ситуации явно девичий крик привлек внимание Альзория. Выискивая любопытным взглядом источник неведомого голоса, Альзорий в итоге нашел его...

Плотный строй рвенских пикинеров разжался, и из-за спин воинов выросла молодая рвенская дева в кольчужке. Она была настолько хорошенькой, что Альзорий приоткрыл слегка рот, покраснев в тон своего плаща. Даже когда эта красавица выхватила из-за пояса пистоль, он не поверил, что такое создание может занять дело с убийством. Его наивность разогнал громкий хлопок выстрела, а затем сильный удар в левое плечо.

— Альзорий! — впервые назвав своего суверена просто по имени, разъярившийся Мобиус выхватил из оторопевших рук саргийского всадника копье и с силой ударил им бедную Алилу. Девушка сдавленно завопила, схватившись руками за древко копья, вошедшего ей в грудь. На рвенцев это происшествие оказало влияние резво отрезвляющее. Передняя линия воинов, перейдя от глухой обороны к атаке, с криком бросилась бить саргов. Разжав непроницаемое кольцо из своих тел, рвенцы позволили Звезде в последний раз увидеть живым генерала Салатора, лежащего в пыли и испускающего последний вздох.

Сарги же, не ожидавшие такого напора, хоть запоздало, но образовали щит между равенцами и королем.

— Она... она меня ранила!.. — не веря в произошедшее, очумело завопил Альзорий, скосив голову и разглядывая пролом в наплечной лате. — Проклятье, я не могу поднять руку!

— И не пытайтесь, потеряете больше крови! — с искренней заботой прокричал Мобиус. — Отходите к Цитадели, там окажут помощь!

— Д-да, пожалуй, помощь не будет лишней... — начал бледнеть Альзорий, от которого уже ушел первичный шок, и начинали стремительно нарастать боль со слабостью. — Всех этих казни за меня, но перед смертью помучай!

— О-о, можете не беспокоиться, Ваше Величество, я не подведу Ваших ожиданий на этот счет. — плотоядно прошептал Мобиус, с особой хищностью уставившись из-за спин саргов на Алилу. Девушка лежала рядом с Салатором, но была еще жива, над ее раной хлопотал один из равенцев.

— Чудно... — все более отстраненно говорил Альзорий. — И если мои всадники не смогут пробить равенский затор в ущельях, отведешь людей... назад...

Далее говорить он не смог, опустив голову и завалившись на шею своему коню. Мобиус ухватил обмякшего короля, не дав ему вывалиться из седла. Доверив Альзория одному из гвардейцев, Мобиус остался на поле боя, который еще предстояло завершить.

— Ох, бедняжка...

— И девку тоже убили...

— Ну, они за такое кощунство заплатят...

Артемир нес на руках тело Алилы, частично завернутое в свой плащ. Он отер от грязи ее лицо, и оно обрело какую-то свою, мистическую красоту посмертия, лишаящую прелести живого румянца, но освежающую благородством безжизненной бледности. Только бедная Алила могла остаться так красива после утраты жизни, заставляя задерживаться на челе своем все взгляды еще живущих.

— Наши запасы еды и питья канули в небытие вслед за Третьей Армией. — принизив голос до шепота, пожаловался опять Датокил, пока они с Артемиром наблюдали за розжигом погребального костра.

— Я прекрасно об этом знаю. — раздражился, ощетинившись, приор, который уже устал выслушивать напоминания о том, что с самого начала занимало ум его. — И знаю также, где нам раздобыть фураж.

— Ты хочешь обобрать Фортерезию, не так ли? — пронизательно заметил Датокил, пристально посмотрев Артемиру в глаза.

— Их князь предал меня, и за это я его накажу. — злобно скрипнув стиснутыми зубами, прошипел Артемир. — За каждую отнятую у нас жизнь я взыщу с его народа сполна.

— Кто-то может сказать, что князь всего лишь не предал своих изначальных хозяев. — спокойно, но с известной издевкой отметил Датокил, для которого смерть Алилы не стала поводом для отказа от излюбленной манеры общения.

— В конце концов, меня не волнует, насколько справедливо, или же честно он поступил. — разошелся Артемир, которому не понравились предыдущие слова Датокила. — Он открыто пошел против моего народа, и я открыто пойду против его.

— Интересы своих подданных ты ставишь выше справедливости и всеобщего блага? — скорчил нарочито осуждающее выражение лица Датокил, тут же, впрочем, вернув серьезную мину. — Наконец-то ты усвоил урок.

Артемир промолчал. Датокил же не поддержал тишины:

— Полагаю, завтра мы выступаем на разорение Фортерезии?

— Да. — решительно согласился Артемир. — Во всех деревнях, что мы пересечем, заберем урожай, скот и прочие запасы, годные для похода. Потом насильно отберем важного для княжества заложника и уйдем так, как и хотели — через ущелья. — Артемир, довольный наличием четкого плана действий, улыбнулся.

— Отличный план. — поддержал приора Датокил. — Я сообщу командирам.

Только Датокил отошел, погребальный костер неистово обуял умащенные маслом тела убитых, сложенные огромной братской кучей. Собравшееся вокруг огнища войско неподвижно провожало обращение своих мертвых товарищей в ничто, отражая исступленно скачущее пламя жаждущими возмездия глазами.

— Приор, к нам вышел непонятный человек, возможно, лазутчик фортерезцев.

Артемир уже пребывал в прострации, невидящими глазами упираясь в кострище, и потому доклад дозорного долетел до него, будто из ускользящего сна. Медленно повернув голову к равенскому солдату, он непонимающе сморщил брови. Дозорный пояснил:

— Во время обхода окрестностей из леска на западе от этого тракта вышел человек в фортерезском боевом комбинезоне. Он сообщил, что хочет встретиться с лидером нашего войска, и что у него есть ценные сведения про саргов и их короля.

— Да неужто? — удивленно задрал брови Артемир. — Что ж, даже если он несет в себе ложь, выслушать его определенно стоит. Обыщи его тщательно и веди сюда.

Склонив голову, дозорный ушел. Артемир вернулся к созерцанию костра, но уже осознанно, размышляя об этом нежданном нарушителе периметра.

«Раз саргам хватило ума перехватить вероломную руку фортерезского князя, то и внедрить в мои ряды диверсанта им тоже ничего не будет стоить. Нужно будет внимательнее отнестись к визитеру». — так думал приор, когда дозорный вернулся в компании человека, о котором говорил.

— Ты же фортерезец, не так ли? — сразу подтвердил этническую принадлежность гостя Артемир, недоверчиво нахмурившись. — И ты думаешь, что я поверю в то, что ты мне скажешь?

Действительно, под своеобразным меховым фортерезским колпаком незваного гостя легко просматривалось лицо аборигена — темноволосое, черноглазое и смуглокожее, с коварной хитринкой в выражении. Артемиру, пребывающему в цепких объятиях предрассудков, это сразу не понравилось.

— Ты же — лидер восстания равенцев и командир войска? — спросил гость, и в его тоне едва, но различалось пренебрежение, выдающее отсутствие полной и безоглядной доброжелательности.

— Да, я — приор Равении и генерал Первой Армии, Артемир. — честно и без утайки ответил Артемир, прекрасно зная, что посетитель этот уже не уйдет из расположения его войска и этой информацией не воспользуется.

— Вот оно как... — как-то даже по-детски удивился незнакомец, внимательно и с почтением в лице рассматривая Артемира. — Я представлял тебя старше и величественнее.

— Что ж, зачастую наши хрупкие грезы крушатся о твердость и неприступность реальности. — поэтично парировал Атемир, не зная, обидеться ли ему на замечание гостя, или радоваться тому, что, несмотря на «невеличественность», достиг подобных высот.

— Прости, если обидел тебя, приор Равении. — поспешно извинился с поклоном гость. — И да, ты прав относительно моей крови, что есть бойкий поток с неприступных снежных вершин. Я — некогда благородный всадник фортерезской уланы, а ныне — вольный искатель.

— «Вольный»? — сдерживая неприязнь, подрагивающим голосом спросил Артемир. — Что ж, я это мигом исправлю!

— Постой, приор, не губи раньше времени! — покрылся испариной «вольный всадник», чутко уловив ненависть Артемира. — Я не бился с тобой намеренно, я...

— Да, трусливо сбежал с поля боя, когда мои «осы» начали жалить вас, словно ленивых коров. — язвительно перебил фортерезца Артемир. — Спасибо за подобное милосердие, о благородный фортерезский муж!

Тень ревностной до чести обиды промелькнула на униженном челе всадника, но он не переменил покорность на вражду, потому лишь пробормотал:

— Я... да, я бежал, и наблюдал за боем из близлежащего к тракту леска. И я видел саргийского короля, Альзория.

— Он был там?.. — потерял где-то свою ярость Артемир, в обмен найдя неподдельные

удивление и интерес. — И что же он, жив, али мертв?

— Он жив, но ранен. — довольный тем, что его расчет на свою пользу оправдывается, приободрился посрамленный. — Его ранил пулей кто-то из тех, кого сарги потом беспощадно казнили.

— И Алила?.. — пространно спросил Артемир. Быстро осознав, что фортерезец не может знать недавно убиенную по имени, болезненно уточнил. — Над молодой равенской девой тоже издевались без пощады и разбора?

— А-а... — затянув было гласную, фортерезец замолчал и потупил взгляд, не решаясь продолжить. Все было написано у него на лице, которое он постарался упрятать.

— ...Не говори ничего!.. — горестный порыв вылетел из уст Артемира, искаженный подрагивающим голосом. — Так что с их королем? — желая скорее сменить тему, приор вновь огрубел.

— Его адъютант увез его в Чернильную Цитадель, а потом вывел его войска в неизвестную сторону. — выдохнул на одной ноте фортерезец.

— В неизвестную сторону? — приободрился Артемир. — Так, стало быть, они уже далеко?

— Именно, приор. — молниеносно кивнул фортерезец. — При раненном короле остался лишь один гвардейский отряд.

— Что ж они бросили своего суверена без подобающей защиты? — с издевательской тревогой в голосе протянул Артемир. — Ведь так его и в полон взять могут.

— Дело тут нехитрое. — усмехнулся фортерезец, уже уверовавший в благосклонность приора. — Они страшатся, что ты захочешь продолжить сражение, а без жесткой руки короля биться они не хотят. Им нужно воссоединиться с пехотными и осадными частями для веры в безоговорочную победу.

— Что ж, значит, нам нужно действовать скоро, не дожидаясь их полнокровных сил. — тяжело вздохнул Артемир, предчувствуя в недалеком будущем новые кровавые боины.

— Ваше вел... Ваше... Приор... — осторожно начал подходить фортерезец к тому, ради чего вообще вышел из леса. — Могу ли я рассчитывать...

— И на что же? — поднял брови Артемир, сложив руки на груди в знак хозяйства своего положения.

— На то, что Ваше... Вы, приор, отпустите меня домой, не тронете моих жену и дочь, а также мое скромное жилище... — все тише и тише, словно страшась своей цены, выговаривал вероломный всадник.

— Высокая цена, учитывая недавнее... — ворчливо пробурчал Артемир, впрочем, довольный просьбой фортерезца. — Что ж, будь по-твоему, «вольный всадник». Коли твоя правда про короля, я тебя и семью твою не трону.

— Благодарю, господин! — склонился в неподдельном счастье всадник.

— Только сейчас не вздумай драпануть ко своим! — пригрозил пальцем Артемир. — А не то мои дозорные тебя мигом к тем саргам отправят, что под трактом лежат. А уж они тебя за твой донос-то встретят как следует.

— Уж куда там, когда отпустишь, приор, тогда и отпустишь. — слегка понурился всадник, который уже и раскатал губу в свою деревню немедля отправляться.

— Что ж, я все едино собирался Фортерезию растрясти, так почему бы не начать сразу и с Цитадели? — нарочито небрежно сбросил слова Артемир, устремив взгляд в небеса. А там облака, грязно смешанные с дымом костра, пепельной пеленой ревностно скрывали

нескромную столичную крепость княжества.

* * *

— Ты подобрал с фортерезской пыли любопытного персонажа, Артемир, сама судьба преподнесла тебе подарок. — с признанием поднимая чарку с остатками поминочного вина, подзаплетающимся от усталости и хмеля языком провозгласил Датокил. Три генерала сидели вместе на ковре в наспех разложенной шатерке посреди хаотично разбросанного палаточного городка равенцев.

— Правда. — коротко отрезал скупословый Кориган, возвышая над головой свою порцию кислого напитка.

— Если бы судьба при этом ничего не забирала в обмен, я был бы счастлив... — с понятной и разделяемой всеми горечью промолвил приор, вспоминая всех своих друзей и товарищей, навсегда покинувших его.

— И что же, ты веришь этому трусу? Веришь в его слова про короля? — поменяв тему разговора с поминальной на актуальную, махнул зажатым в руке вином Датокил, расплескав таким жестом на Коригана оставшуюся там жидкость.

— А откуда, собственно, ты знаешь про слова того всадника, тебя же не было рядом? — не уделяя особого значения собственному замечанию, в пьяном сощуре спросил Артемир.

— С другой стороны, наш путь все едино через Цитадель пролегает, так что его слова не имеют великой силы. — вновь задрал над головой уже пустой сосуд Датокил, пропустив мимо ушей слова приора. — Что ж, тогда завтра выдвигаемся к столице.

— Я раздам несколько указаний в своей армии и спать. — негромко произнес Кориган и неуверенно встал, покачнувшись, но, найдя поддержку в плече Артемира, устоял на ногах и на них же вышел из палатки.

Следующее утро для многих из равенцев и им сопутствующих, добровольно или насильно, было преисполнено сумрачным недружелюбием, несмотря на теплую и ясную погоду. Собрали все остатки еды из разломанных и сожженных повозок-баррикад, которые еще можно употребить, да и позавтракали ими. Есть было больше нечего, да и не разлитой воды осталось не более, чем на день.

Таким ненастным положением дел решил воспользоваться Артемир, грозной речью перед войсками раскармливая голодное недовольство пищей будущих налетов. «Вероломные фортерезцы предали нас, пронзив ножом разбойника в спину. Мы с трудом, но пережили этот удар. Теперь заставим их пожалеть об этом и покажем, почему в прежние времена нас боялись и ненавидели все соседи! Разграбим и разрушим все и вся, что встретится нам по пути к Чернильной Цитадели!», — так гремел Артемир, подавляя головную боль от хмельных поминок злобным прищуром. Прищур этот действовал на солдат, перед которыми приор распинался, внушительно. По окончанию слов Артемира бойцы, как один, завопили, зарычали и закричали от жажды, утолимой лишь кровью врага, и голода, утешаемого лишь его плотью.

Наскоро собрав оставшиеся пожитки и соединившись в походные колонны, войско Приората двинулось обратно в земли Фортерезии. Пропустив вперед разведку и получив от нее добро, воины выступили, как полновластные новые хозяева этой страны, познавшие слабость хозяев прежних. Оставив пехоту с артиллерией следовать позади и будучи за них спокоен, Артемир собрал конницу и небольшой, но оттого не менее смертоносной лавиной обрушился на попутные поселения. Нароком нагоняя на себя воспоминания о вероломных и трусливых фортерезских всадниках и мертвых лицах Салатора, Алилы и многих других, Артемир не смягчал ударов своего меча по мужчинам, защищавшим свои дома и семьи, не сдерживал в жадности руку, забирающую все припасы, оставшиеся у крестьян после холодной зимовки, не жалел искр огнива, разжигающих пламя факелов для сожжения домов. Всадники, в тягость навоевавшиеся с крепким, боеготовым противником, в сладость потешились, истребляя беззащитных селян и их средства к существованию, посвистывая и улюлюкая каждый раз, когда чья-то кровь проливалась на затоптанную копытами их коней землю. Едва ли хоть одна фортерезская дева тогда осталась неоскверненной: разъяренные равенцы жадно бросались на всех, даже едва переступивших нежную пору детства, многих лишив не только невинности, но и жизни, увлекшись безотчетно грязными, пошлыми потехами.

Артемир не участвовал в совсем уж низменных развлечениях, но и не сдерживал тех, чьи желания взяли верх над волей и человечностью. Он просто восседал на своем коне, с мрачной улыбкой наблюдая за гульбой своих воинов. Иногда разве что оголял приор оружие, призванное владельцем для убийства отчаянных мужей, знающих, что ожидает их родных.

Пехота неотступно шла по кровавым следам коней, собирая трофеи войны, необходимые для дальнейшего продвижения. Все воины были довольны, прекрасно понимая, что не лягут спать в конце дня на пустой желудок. Будучи сопровождаемым в пехотной колонне, фортерезский перебежчик не видел самого «действия фуражиров», но встречал последствия. С каждой новой разоренной деревней он дышал все тяжелее, а глаза его все более лезли из орбит... Наконец, он не выдержал и бросился из колонны в направлении

своей деревни, позабыв любые договоренности с приором, который так жестоко истреблял его народ. Разумеется, далеко он не ушел, будучи поражен сразу несколькими стрелами в спину. Так и умер «вольный всадник», не познав боли потерь, которых он так боялся. Выкрикивающие отчаянно его имя перед смертью женщина и девушка так и не дождались своего мужа и отца...

Остальные менее драматично восприняли текущие события. Марий был слишком занят работой, оттого пропуская все мимо своего внимания. Заложники Приората старались не покидать своих походных экипажей, отстраняясь от гнетущей их реальности. Монна... А что Монна? Она была влюблена, и этим чувством обуславливается ее слепота ко всему, что не было напрямую связано с объектом ее нежных девичьих терзаний. Цапля был полностью предан своей госпоже, потому никак не возражал.

Пройдя так с неделю по крупным поселениям, Артемир собрал неплохой запас провизии в виде каравана забитых доверху крепких повозок, отобранных у крестьян. Всей этой еды было достаточно для нескольких месяцев умеренного пропитания. К сожалению, на дворе была весна, а не осень, и урожая не было, зато так не полюбившегося равенцам сыра было в избытке. Да и голодные воины уже не воротили носа от непривычного лакомства, уплетая вонючий продукт за обе щеки. Впрочем, сытый сверх меры живот солдатам был не нужен, ибо сопротивление их агрессии было лишь символическим: местное ополчение, сметаемое конницей без потерь, да и иногда встречающиеся разрозненные полки фортерезских регулярных сил, для уничтожения которых Артемиру приходилось ждать пехоты с пушками и «осами». Видно было, что большая часть мужского населения находилась в составе многочисленных саргийских легионов, располагающихся в Гептархии и Саргии, и неспособна была защитить свою родную землю.

Так, неся страх, разрушение и смерть, которые совсем недавно были так чужды некогда гуманному Артемиру, равенцы подошли к Цитадели. Все, что осталось между ними и столицей Фортерезии — это небольшой хвойный лесок, покрывающий горный склон перед внушительным Столичным Плато. Само Плато было испещрено глубокими расщелинами и каньонами — лучшей защитой от организованного военного вторжения. Благодаря проводнику, который пережил бой, и которого позже равенцы в пламенном порыве мстительности убили, Артемир узнал, что Цитадель отделена от остальной части Плато глубоким и широким круговым каньоном, через который вел лишь один каменный мост без перил, легко простреливаемый со стен орудиями. На случай длительных осад в подвалах Цитадели были заготовлены огромные запасы еды, на которые Артемир хотел попутно наложить руку. Понимая прекрасно, что осаду его войско надолго не удержит, приор собирался обстрелять Цитадель из «осиных ульев». Дальности злых снарядов хватит, чтобы сжечь все, что не выложено основательно из камня и металла.

Собрав со всей Фортерезии обильную дань, кровавую и натуральную, равенцы уже вовсю готовились нанести последний удар. Довольные своим неудержимым разгулом, на который у местного населения не нашлось достойного ответа, воины наперед обсуждали следующие шаги: разорение Саргии, расформирование Нордиктовой Лиги, падение столицы последнего врага. Наивно и простодушно было в своих мечтаниях забегать всерьез так далеко, но уверенность в своих командирах, уже не первый раз доказывающих свою удачливость и врожденное чутье в ведении войны, наделяла чувством непобедимости поистине непоколебимым.

Артемир, хоть и видел будущее куда менее ясно, чем его воины, все же разделял их

легкость духа. Она неотвратимо вела их вперед, словно ветерок, бодро несущий оторванный от родного дерева лист. Злоба и печаль были размыты кровью, а под их раскаленными и марающими слоями осталась лишь источающая теплый свет благодарность к павшим, что позволили избежать поражения и гибели всех равенцев. Но прощать Фортерезию Артемир не стал, решив докончить то, что терзающими порывами почал. Он не знал точно, до сих пор ли находится раненый принц Альзорий в Цитадели, или же отправился вослед спешащим домой всадникам, и ранен ли он был вообще. Несмотря на неуверенность относительно своего главного врага, к кратковременной осаде столичного укрепления врага малого он подоспел ни рано, ни поздно, а именно тогда, когда следовало: его воины были сыты и довольны, боевой дух восполнился, хоть численность войска и уменьшилась почти на треть, опасность от оставшихся фортерезских защитников была уничтожена вместе с самими защитниками. Бой за выведение Фортерезии из войны вот-вот должен был начаться.

Сворачивая ночевку в подножии Столичного Плато, равенцы строились сразу в боевые порядки. Широкими рядами они собирались преодолеть небольшую высоту, узадоренную хвоей. Артемир, поднявшийся прежде всех и даже успевший подменить удивившегося дозорного в предрассветный час, наблюдал верхом за бодрыми сборами со стороны, неспешно перебирая в руке засаленные вожжи. Хоть взор его и бегал по взъерошенным головам его солдат, ум его тлел от легкой тревоги: вечером перед отбоем он послал несколько малочисленных отрядов для прочесывания окрестностей, ибо разрозненные группы фортерезцев могли нанести вред лагерю, устроив отчаянный налет. Так вот, отряды эти еще не вернулись, хотя должны были уже как несколько часов назад совершить доклад. Артемир боялся, что разведку могли перебить, и убийцы эти собирались вокруг его лагеря в решительной готовности напасть из засады на суетящихся солдат.

Но вот оно, облегчение: из-за холма к юго-западу от лагеря показались торопливо идущие равенцы, но были они не одни: взор Артемира различил нескольких связанных фортерезских крестьян промеж солдат. «Неужто не зря послал людей, лишив их сна, и они схватили налетчиков?», — поразился Артемир, направив коня шагом к возвращающимся.

— Приор, изволь принять достойное пополнение в наш лагерь заложников! — прикрыв лицо рукой от яркого света горной утренней Звезды, задорно выкрикнул командир группы, выдавая своим уверенным, чуть ли не наглым, голосом серьезный успех их операции.

— Ну и кого же вы привели? — склонил голову приблизившийся Артемир, рассматривая пленников, коих оказалось трое — крепкий высокий амбал средних лет, молодой парень и совсем еще маленький мальчик.

Во внешнем виде связанных были некоторые странности: одеты они были в какую-то рванину, типичную для небогатых местных крестьян, но выражение их лиц... Если злобное выражение лица фортерезского мальчика, пышущего воинственностью, можно было объяснить детской непосредственностью, то остальные два были необычны. Громила, при виде которого у Артемира в глазах возникал образ Хрграра, поникшей лысой головой и намеренно отупелым лицом выдавал собою самозванца: уж никак бедный, едва сводящий концы с концами человек мог так хорошо питаться, чтобы вырасти в такого... Да и сама лысина, выпячивая которую рослый мужик пытался укрыть свое лицо, говорила сама за себя: свежая, со следами небрежных царапин от неумелого бритья, со светлыми корнями не до конца удаленных волос. «Как есть, самый настоящий сарг, да еще и отменный воин, судя по всему», — уверенно предположил Артемир, пока переводил взгляд на последнего. С последним было гораздо интереснее: молодой парень, одетый в те же убогие лохмотья, едва

держался на ногах. Можно было бы принять его за напившегося пьянчугу, если бы не плотная перевязь на левом плече, которую пытались впопыхах скрыть под рубахой. Очевидно, что пленник был ранен и потерял много крови.

— Нам вести их к остальным заложникам, приор? — было заметно, что пленители сильно побиты усталостью и неистово желают прикорнуть хотя бы до конца сборов ночевки, что было написано на лице командира отряда и звучало в его нетерпеливом голосе.

— Обожди, воин... — безжалостно одернул Артемир, подняв ладонь, а потом вперившись очами в молодого пленного. — Ну-тка, подними голову, король Альзорий.

Голова плененного юноши дернулась в необоримом желании ответить на взгляд Артемира, и он несвоевременно, но все же удержал ее. Однако беззвучная борьба не осталась незамеченной для приора. Уловив мимолетную искру, Артемир довольно улыбнулся, в голове у него пронеслись слова о ранении молодого короля Саргии. Чьи были эти слова, приор уже благополучно позабыл, и вспоминать не намеревался.

— Вот значит как нас свела судьба? — Артемир наслаждался происходящим, смакуя каждое слово, будто заготавливал и выдерживал их долгое время, подобно хорошему вину.

Поняв, что смысла в этой неуклюжей маскировке больше нет, Альзорий неспешно поднял тяжелую голову и разлепил запекшиеся губы:

— Судьба? О, нет, это глупая девчонка задержала меня в этой высокогорной деревенской пародии на державу! Глупая и уже мертвая!

Услыхав столь нелестный отзыв о своем доме, фортерезский мальчик пнул Альзория по ноге. Не заметив удара, Альзорий продолжил:

— Да, ранение выбило меня из реальности слишком надолго, чтобы вовремя покинуть это место, до твоего разорения... — в голосе Альзория читалась такая горечь, что от нее у любого человека скрутило бы лицо. — Но, стоит отдать должное, ты провел завидную кампанию по устрашению этого сброда.

На секунду почувствовав, будто говорит с Датокилом, Артемир нахмурился и решил не продолжать разговор с Альзорием, повернувшись ко второму саргу. Правда, задерживать взгляд на нем он не захотел, уж слишком тупое выражение лица на нем читалось. «Не кто иной, как телохранитель этого подранка, нечего на него тратить время...», — верно предположил Артемир, обратив внимание на последнего пленника — фортерезского мальчишку с бойким выражением лица. Приор решил не пытаться ребенка допросами, и без того поняв, кого отправил на дерзкое спасение из гибнущей страны фортерезский князь.

— Ты сын, брат, или прочий родич князя? — присев на корточки, дабы оказаться лицом к лицу с мальчиком, спокойно спросил Артемир.

— Великий князь Фортерезии — мой папка! — с по-детски глуповатой гордостью прохрипел мальчик, смело ответив на пристальный взгляд приора.

Улыбнувшись мужественности княжеского наследника, Артемир промолвил:

— Сын, превзошедший по смелости своего отца. Как же тебя зовут?

— Маховей. — лаконично ответил бесстрашный мальчуган.

— Вот что, Маховей, мой солдат отведет тебя на кухню и накормит, а уже совсем скоро ты свидишься со своим отцом.

Обрадовавшись тому, что его накормят, голодный Маховей, которого Артемир приказал развязать, послушно последовал за конвойным, уже теша себя скорым свиданием с «папкой». Альзория же и сопровождающего ему солдата сослали к остальным заложникам, при этом усилив охрану лагеря.

Тем временем, осчастливленный удачей Артемир решил извлечь все возможные выгоды из такого судьбоносного дара, отправив одного из своих адъютантов с охраной на переговоры к Чернильной Цитадели, передав ему в компанию Маховея, наследника фортерезского князя. «У этого утреннего плода не только мякоть вкусна, но и семена питательны...», — так думал Артемир, глядя вослед одному из двух своих ценных заложников, с помощью которого он надеялся избежать заключительного сражения, надавив на отцовские чувства князя. «В конце концов, страну он и так почти потерял, так зачем же еще терять и семью?». Как оказалось, ставка на Маховея сыграла, и конвой вернулся в целостности и сохранности, принеся из столичной крепости весть о переговорах. Артемир, почуяв слабинку отчаявшегося князя, навязал ему встречу в равенском лагере, который бойцы вновь разбили, едва собрав перед походом на столицу. Приор хищнически готовился навязать ослабленной жертве самые выгодные для себя условия сдачи Фортерезии, не отдавая при том Маховея отцу, раздраживая страх князя.

Фортерезская делегация себя ждать не заставила, осознавая свое положение проигравших. Едва только равенцы раскинули небольшой шатерок для переговоров, князь уже был тут, как тут.

— Приветствую тебя, приор Равении, на землях фортерезских! — с глубоким поклоном провозгласил князь, во взгляде и голосе которого было столько «радушия» и «дружелюбия», что Артемир явственно припомнил самые жаркие деньки на Гунтале, когда он работал на шахтах близ пустыни Каматы.

— Откинем же формальные любезности, княже, я не один из тех старых аристократов, перед которыми нужно красиво, но бестолково распинаться. — сократил дистанцию Артемир, уцелевшей рукой приглашая князя и его свиту войти в шатер. Пока высокопоставленные фортерезцы принимали приглашение, приор успел их бегло оглядеть.

Учитывая то, что князь не сменил гардероб после первой встречи с Альзорием, внешне он почти не изменился. Разве что его глаза стали гораздо глубже и мрачнее, затапливая все, на что бы они ни посмотрели. Артемир мог лишь догадываться, какие богатые эмоциональные вспышки сияли некогда в этих очах... Теперь же во впалых бездонных глазницах лишь мутно волновались озера болезни и отчаяния о мрачных берегах. Правда, Артемиру пребывать на этих берегах было ясно и вольготно. Переведя довольный взгляд на спутников осунувшегося князя, он не увидел в них никого, кроме как обычных придворных подхалимов, подобострастно смотрящих в глаза своему господину, ловя каждый вздох, каждое слово... Откинув их присутствие, как ненужность, Артемир сконцентрировался на князе, уже расположившемся на красивом фортерезском ковре с вышивкой, одном из многочисленных трофеев, захваченных у местного населения. Сев напротив, Артемир выставил наружу свою стражу, перед уходом нашептал им пару слов. Предупредив заранее Датокила и Корирана, что будет вести переговоры в одиночку (Датокил поначалу протестовал, но в итоге принял решение приора), Артемир начал первым:

— Надеюсь, княже, что ты не питаешь иллюзий по поводу того, о чем мы будем вести разговор.

— Уж поверь, я умею смотреть истине в глаза, каким бы страшным ее взгляд бы ни был. — печально вздохнув, князь продолжил. — Я здесь за тем, чтобы оговорить условия сдачи Фортерезии.

Облегченно кивнув, Артемир порадовался объективности князя и тому, что не нужно будет тратить время на убеждения правителя в безнадежности его ситуации.

— Зная, что лишил себя доверия своим предательством, на которое меня принудил пойти сарг, я согласен на любые условия. Лишь позволь мне сохранить мой народ и жизнь моего сына, которого ты захватил, и в милости своей не убил. — закончив тяжелую для себя речь, князь с горечью поклонился Артемиру, коснувшись лбом ковра, на котором сидел.

Удерживая свое лицо от распиранья улыбкой, Артемир решил слегка смягчить самосокрушения князя успокаивающим словом:

— Не бойся, княже, возмездие твоему народу я уже принес. Сверх того, что уже свершено, сделано не будет, и народ твой уцелеет, и сын будет жить, и унаследует твою Цитадель, когда придет срок.

— Спасибо тебе, приор. — вновь боднув лбом ковер, выдохнул князь. — Все, чем я могу отплатить тебе за милосердие, так это присягой верности, как твой верный вассал.

Зная цену фортерезской верности, Артемир возразил:

— Не нужно присяг, княже. Лучшим доказательством твоей преданности будет твой сын у меня в заложниках. В свою очередь, я гарантирую ему жизнь и безопасность в грядущих битвах. Ранее мне предоставляли добровольцев в мое войско, но, кхм, я видел "боевой задор" твоих воинов ранее, и ограничусь требованиями о поставках лишь продовольствия и боеприпасов, а также свободным правом прохода моим подкреплениям.

Прикрыв налитые тяжестью веки, князь на минуту задумался, на всем протяжении которой его подхалимы что-то активно нашептывали ему. В конце концов князь рывкнул им что-то на фортерезском диалекте, и они умолкли. Он открыл рот для заключительного слова:

— Я соглашаюсь, приор, на твои условия, и уповаю на твои честность и честь, которые не позволят причинить вред моим сыну и народу.

Артемир скривился на секунду, коротясь от упоминания про честность и честь, исходящие от их дважды нарушителя, хоть и не по своей воле. Тем не менее, тыкать этим поверженного правителя он благородно не стал, подытожив переговоры:

— Что ж, соглашение достигнуто. Оставайся здесь, княже, но отправь кого-нибудь из своих спутников с моими людьми в Цитадель. Мы заберем аванс той небольшой дани, которой я тебя милостиво обременяю.

Молча кивнув, князь отдал распоряжение толстопузому спутнику своему, и тот нехотя встал, крякнув и выйдя из палатки. Там его уже ждал конвой с телегами, которые предстояло наполнить оружием и провизией из подвалов Чернильной Цитадели. Так грозный символ некогда неприступной Фортерезии, разобранной по частям Саргией и Равенией, превратился из поднебесного шпиля в швейную иголку, которую нерадивая швея уронила в пыль, да по незрячести растоптала. Ну а Артемир со своими потрепанными армиями покинул, наконец, эту ткацкую мастерскую, в недоверии выставив хороший арьергард. С оружием и припасами в Саргию вывез приор с собой еще и короля, не гнушаясь надежды на то, что при встрече с представителями Лиги удастся договориться о выгодном мире, шантажируя жизнью их правителя.

— Упертый саргийский баран, почему же ты противишься?!

— Не видать тебе мира, как и левой твоей руки!

В отчаянии и фрустрации сорвался Артемир, не найдя нужных аргументов в очередном споре с Альзорием о мирных переговорах. Не понимал приор, чего такого бескомпромиссного в условиях, в которые входила независимость Равении в ее старых границах, да и отнесение в сферу влияния Приората соседнего Серпийского Альянса. Весь остальной Нордикт оставался под пятой Саргии. Так чего же не хватает этому дерзкому юнцу?!

— Думай-дума, чернь проклятая, пока хоть голова на плечах есть! — остервенился Альзорий, дернувшись в руках Хрграра, который надежно его держал. — Скоро такой роскоши всю вашу бандитскую братию я лишу! А-а!

Хрграр кровожадно надавил на еще не зажившую рану на плече Альзория. Тяжелый приступ боли заставил короля сбавить спеси.

— Эта банда уже в который раз проявила беспримерную воинскую доблесть, с которой не смогла сладить твоя мощь... — раздраженно усмехнулся Артемир, уже устающий от оскорблений молодого шовиниста.

— Да, твоя правда, мы недооценили боевитость твоих орд. — кивнул неаккуратной лысиной Альзорий, морщившись от страдания. — Но я вижу, что полчища твои поредели, и это ты еще не прошел от границы Саргии и трех дней! Скоро тебя ждут такие кровопролития, что те, кто выживут в бою, захлебнутся кровью тех, кто погибнет.

— Вместе с нами на дно кровавого океана пойдешь и ты! — в сердцах ткнул пальцем в грудь Альзория Артемир, лицо которого покраснело, а на висках проступили явно вены.

— О, можешь не беспокоиться о будущем моего народа, я оставил его в надежных руках. — довольный очередным выходом своего врага из себя, протянул Альзорий, высокомерно задрав подбородок.

Понимая, что очередная попытка вновь провалилась, Артемир злобно указал лейтенанту-надсмотрщику:

— Не кормить и не поить его, пока землю под собой не утратит! Повязку не менять!

Пока болезненно смеющегося над наказанием Альзория Хрграр и лейтенант уводили из походной палатки приора, в нее вошел Датокил. По лицу его было видно, что надежд на успешный исход беседы он не питал.

— Рано или поздно ты в сердцах убьешь нашего ценнейшего заложника! — посмеивался Датокил, садясь на шкуры.

— Так ли он ценен для нас? — спросил Артемир, устало проведя ладонями по лицу, протирая пальцами глаза. — Он совершенно не настроен на мир. Скорее он погибнет, нежели даст слабину.

— Возможно, стоит проявить большую убедительность? — многозначительно посмотрел исподлобья Датокил, хитро улыбнувшись. — В конце концов, зачем ему все эти конечности, коими он обладает?

— Хорошая идея. — развеселился Артемир, представляя с упоением, как он лично отрубает Альзорию руку, а еще лучше — обе. — Но я убежден, что его преданность своему народу и тому, что он считает его благом, настолько велика, что он расстанется с чем

угодно, лишь бы не подвести своих подданных.

— Хм, фанатичный патриот... Прямо как ты. — устремил пристальный взгляд на собеседника Датокил.

Смутившись на мгновение мнимой справедливостью сравнения, Артемир тряхнул головой:

— Нет, я всего лишь хочу свободы своим людям, а он — лишить свободы всех остальных, в угоду своему народу.

— И правда в тебе течет благородная кровь Артов. — одобрительно кивнув головой, утвердил Датокил. — В столь короткий срок ты стал и воином, и политиком. Это под силу далеко не каждому.

— И благодаря этому я понимаю, что Альзорий прав: нам не достанет сил, чтобы принудить к миру Саргию... — вопросительно посмотрел на Датокила Артемир, надеясь на его совет.

— Признаю, рана, нанесенная нам в этой войне, будет восстанавливаться очень долго... — не нашел быстрого ответа Датокил, подперев подбородок кулаком. — Но я знаю, кто поможет нам залечить ее быстро...

— Да? И кто же? — неподдельно заинтересовался Артемир, замерев во внимании.

— Астия, этот гордый архипелаг на северо-востоке Нордикта, нестигаемый и непобежденный. — слегка перебрал с пафосом, прилег на локоть Датокил.

— Астийцы... — задумчиво протянул Артемир. — Почему мы про них забыли? Они ведь единственный народ, что не подчинился саргам в их завоевательном походе.... К кому же еще и обращаться за помощью, как не к ним?..

— Торговая и военная блокада саргами Астии оттеснила архипелаг не только от самого Нордикта, но и от умов его обитателей. — негромко усмехнулся Датокил. — Про них почти никто не вспоминает после образования Лиги и организации изоляции непобежденного народа.

— Да, блокада наверняка нанесла серьезный ущерб некогда торговому народу... — покачал головой Артемир, уже пропитавшись солидарностью к астийцам, которых он, в общем то, не знал. — Но едва ли саргийский Северный Флот подпустит нас близко к берегам Астии. — резонно предположил приор. — Пушками на альце едва ли можно будет напугать их боевые корабли.

— Используем чудеса моего «целеуказателя» и «осиных ульев» Октавиуса Мария, зайдя к архипелагу с дальнего востока, где нет саргов. — уверенно отсек сомнения Датокил. — Построим одну «осу», но большую, дабы смогла донести внутри своего полого тела послание о союзе. Дальности ей хватит.

— Хорошая мысль. — улыбнулся Артемир. — Снаряд Мария, будучи пустым, по дальности опередит любое осадное орудие, и не нанесет вреда при приземлении, что послужит подспорьем в установлении дружбы.

— Я займусь переговорами с астийцами, а ты пока переходи к обороне. Не трать людей попусту и жди моего возвращения! — деловой энтузиазм Датокила заразил Артемира, и он уверенно кивнул, подсакивая с настланных шкур.

— Я лучше вернусь к тем ущельям, что на границе с Фортерезией. Так мы будем иметь безупречную оборонительную позицию, не лишенную путей снабжения и возможного отступления. — вернул инициативу в свои руки Артемир.

Кивнул, в свою очередь, Датокил, на том и порешили.

* * *

Окрыленные большими и наивными надеждами на новых друзей, рвенцы мгновенно осилили обратный путь до границы с Фортерезией. Сопутствие Датокила и Артемира на этом моменте закончилось, и Хитрейший исчез в одном из темных коридоров ущелий. Взял с собой Датокил лишь Хрграра и небольшую конную повозку с провизией, наскоро собранной установкой Мария и боеприпасами.

Обеспокоенный тревогой за своего товарища, вступающего на земли разоренной Фортерезии, Артемир до последнего провожал взглядом Датокила. Но вот и след простыл от его образа, растворившегося во тьме. Все, что оставалось рвенцам, это неопределенное ожидание. Вернется ли Датокил с добрыми вестями, и вернется ли вообще? Артемир этого знать не мог. Да он даже не знал, сколько дней займет путь до Астии, ибо сначала Датокилу придется вернуться в Серпию. На территории Альянса находилась крепость с портом Нордиктовской Десны, неподконтрольная Лиге. Именно там Датокил мог погрузиться на корабль Южного Флота и отправиться на северо-восток, к таинственной, заманчивой Астии. И именно последний виток пучка мыслей, скрученных беспокойством, позволял приору сохранять высокое самообладание. И именно его он постарался передать своим воинам, бодро и с улыбкой отдавая приказ об основательной фортификации их позиций.

* * *

Если бы Артемир знал, насколько быстро Датокил добрался до Серпии, он бы трепетал от радости и обмяк от облегчения. К моменту, когда Хитрейший пересек границу между Серпийским Альянсом и Нордиктовской Лигой, рвенцы под Фортерезией лишь оканчивали третью круговую каменную стену, призванную защищать их лагерь от возможного штурма саргов. Правильно предвкусив реакцию Артемира, Датокил, едва только распрямившись от взаимного поклона с Альвидесом, старшим герцогом Серпии, попросил его отправить гонца в Фортерезию.

— Сделать это несложно, мой любезный друг. — вежливо, но без тени улыбки ответил Альвидес на просьбу измотанного Датокила. — Будь моим ценным гостем, пока моя внучка у твоего приора, и прими же омовение и хороший обед.

— Право, это не будет лишним, герцог. — демонстративно игнорируя завуалированную угрозу Альвидеса, обрадовался Датокил. — Прикажи отдать мне и моему спутнику до конца дня лучшие покои. А завтра мы покинем вас, к моей великой печали.

— Разумеется, я отведу вас туда немедленно. — утрированно лакейским манером ответил Альвидес, рукой указывая следовать за ним.

Разумеется, про лучшие покои можно было и не мечтать. Альвидес привел Датокила в офицерскую казарму приграничного замка, который рвенцы не так давно брали штурмом.

— Что ж, по крайней мере с трапезой не обманул нас этот мерзкий старикашка. — позитивно выудил хорошие слова Датокил, разглядывая только что принесенные блюда с печеным мясом и бобами. В казарме, где их приютил Альвидес, всего то и было, что две простецкие кровати, деревянный стол и три табурета. Каменные стены с двумя амбразурами были голы, за исключением одного выцветшего и запылившегося гобелена с серпийским гербом. Однако и такие условия были приняты Датокилом радушно, и он без тени безгливости расположился за столом к обеду. Компанию ему составил Хрграр, разумеется.

— Не могу не... кхек!.. отдать должное этому олуху, «вольному всаднику» фортерезскому. — слегка поперхнулся бобами Датокил, нарушив непродолжительное молчание начала обеда. — Мне даже не пришлось измываться и придумывать, как я узнал об

Альзории в Цитадели, ибо наш трусливый предатель выложил все, что я собирался донести до Артемира. — при этих словах Датокил довольно рассмеялся, рискуя подавиться вновь.

— Да и наш Артемир, наивная его голова, — не умолкая, продолжал Датокил. — совершенно не удивился невероятной удаче пленения короля Саргии и наследника Фортерезии. Он действительно поверил, что именно его ночной патруль поймал их!

Вновь смех Датокила, и Хрграр громко хмыкнул, поддерживая «беседу».

— Не знаю, догадывается ли приор о моих контактах извне нашего походного Приората. — сощурился Хитрейший, опустив вилку с жирным куском свиной грудины. — Но если догадывается, то действует мудро, никак не препятствуя мне. Тем не менее, Хрграр, во благо своего хозяина, следи за тем, чтобы наша переписка не попала в руки приора. — указал Датокил, махнув вилкой в сторону НБ и окатив его бобами. — Ничто не должно смущать Артемира на наших путях, пока они не разойдутся.

Отерев лицо, Хрграр покорно кивнул.

— Одно меня тревожит... — посерьезнел Датокил еще более, отирая краем гобелена мясной жир с губ. — Мы добрались столь скоро и беспрепятственно до Серпии... Успел ли наш друг опередить нас, как и должно по плану?

Хрграр пожал плечами, на что Датокил недовольно протянул «э-э-э!», махнув рукой, хотя тут же рассмеялся, прекрасно понимая, что ничего более внятного от немого громилы никак добиться не сможет.

Прекрасно отоспавшись, Датокил поднялся следующим утром, весь налитый бодростью. Пнув кровать все еще громко храпящего Хрграра, он спустился вниз и турнул серпийского оруженосца, приставленного к ним. Тот в спешке оповестил Альвидеса об их убытии в порт, лениво прогревая свой соленые камни на утренней Звезде.

— Как приятно вновь увидеть родное лицо! — улыбнулся Датокил равенскому моряку, несущему службу под стеной и выполняющего роль связного между берегом и флотом Салли. Флот литийского флотоводца патрулировал морские просторы близ Десны, оберегая воды близ Равении. — Ну же, дружок, вызови у старины Салли лодку, да покрепче.

Встрепенувшись от утренней дремы, моряк взбежал по лестнице на стену и начал размахивать над головой двумя флажками, ярко-красным и сине-сероватым, призывая лодку. Один из ближайших судов, видимо, призванный высматривать возможные сигналы, ответил мельтешением тех же цветов по своему борту и выслал просторную десантную лодку, что была у него на привязи. Ну а за то время, что транспорт подбирался к стене, Датокил при помощи моряка и серпийских стражников на кране подняли орудие Мария и изготовили его к спуску в лодку. Все увенчалось успехом, благодаря легкости деревянного корпуса большого «улья», и уже спустя час после начала операции, Датокил взобрался на борт флагмана и тепло здоровался со знатно обросшим рыжей бородой Салли, явно довольным подобной своею метаморфозой, находя ее в значительной степени мужественной и соответствующей его высокому посту.

— Спокойна и безмятежна ли нынче вода, дорогой Салли? — щурясь от яркого сияния распустившейся Звезды, спросил Датокил, стремясь скорее укрыться под кормовым навесом.

— В лихое время вы прибыли на флот. — грубо выпалил упрек Салли вместо приветствия, тревожно поигрывая желваками, едва различимыми под кущами неухоженной бороды. — Уже как три дня нам приходится отгонять юрких разведчиков Саргии от наших вод. С тех пор, как мы вернули корабли из сухой стоянки в Равении, это первые наши

встречи с северянами. Чувствую я, быть беде...

— Что ж... тревожные вести... — смутился Датокил, не понимая, правда ли все так дурно, или же Салли от скуки напускает важности и сгущает краски там, где холст должен быть чистым. — Мне же необходимо одолжить у тебя небольшое судно для исполнения миссии великой важности.

— Не хотел бы я лишать флот хоть бы и малой лодчонки, в таких то условиях... — покачал головой Салли. — Но так и быть, раз уж это «миссия великой важности». — передразнив Датокила, Салли немного подуспокоился, и даже улыбнулся, развалившись на скамье посреди кормового навеса. — Что ж, Датокил, каковы же дела у нашего приора, и когда я вернусь в Литию полноправным хозяином?

— Артемир победоносно ведет равнецов к победе, и уже перешел границу Саргии. — торжественно продекламировал Датокил. — Лития же осталась у нас в тылу, будучи обойденной по пути в Фортерезию, однако, после падения престола Латников, ничто не помешает тебе стать в ее главе.

— Что ж, надеюсь, что доживу до сего славного момента. — кисло растянул губы Салли, отвернувшись от Датокила. — Тогда не будем мешкать и отправим вас с этой деревянной погремушкой туда, куда нужно. А куда нужно? — вновь повернулся к Датокилу Салли, с интересом задрал брови.

— На восток от твоего флота, а после — на север, до северо-восточных берегов Астии. — откровенно ответил Датокил, поднимаясь со скамьи, демонстрируя тем согласие с нежеланием тратить время.

— Есть у меня малый корабль, на борту у него нет ни одной пушки, лишь устаревшие стрелометы. — задумчиво потербил бороду Салли. — Скинь их в воду и иди на нем. Места на нем хватит для всех вас с лихвою, и перед стихией он устоять сможет.

— Что ж, спасибо на том, добрый Салли! — слегка поклонился Датокил. — Уповаю на то, что при нашей следующей встрече ты уже будешь носить венец благородного и мудрого правителя Литии.

Едва только Датокил закончил с лестными вежливостями, ласковый утренний бриз взрезали тревожные и неприятные звуки — частый звон колоколов, которыми были снабжены все мачты кораблей Южного Флота.

— Тревога, опять сарги! — взъершился Салли, подбегая к борту своего корабля и стараясь высмотреть на северном горизонте неприятеля. Вслед за морским набатом раздались еще более тревожные симфонии — грохот отдаленный пушечных выстрелов.

— Это уже не разведчики! — завопил Салли. — Они притащили сюда боевые корабли Северного Флота.

Повернувшись к своей команде, замершей в нерешительности кто где был, Салли командным басом заорал:

— Все по местам, орудия и ружья зарядить, паруса освободить, готовьтесь к бою!

— Мне нужно быстрее покинуть флот и отправиться в Астию, уж коли саргийский флот отвлечен от блокады! — закричал Датокил Салли, схватив его за руку и остро почуяв приближение довольной смерти, изготовившейся собрать изобильный урожай. — Дело не потерпит моей гибели!

— А, проклятье! — выругался раздраженно Салли, высвободил свою руку из цепких пальцев Датокила, потом повернулся к ближайшему матросу и указал. — Эй, Дазар, помоги переправиться этим равнецам с их грузом на лодке до «Беззубого», и передай его команде,

чтобы отдали лишние ружья и боеприпасы тебе и переходили под его управление. — ткнув пальцем в Датокила, Салли пренебрежительно махнул ему рукой на прощание и полез на обзорное гнездо первой мачты для контроля за происходящим.

А грохот выстрелов приближался, и Датокил не мог избавиться от гнетущей тревоги даже тогда, когда его перевезли на так называемый «Беззубый». Вся команда, весьма благодарная ему за избавление от грядущих ратных подвигов, отвела судно сильно к югу от флота Салли. После достижения безопасности, крепкие гребцы и ловкие матросы, отвечающие за паруса, направились на восток, а далее — на север. Сбиться с курса им не позволил металлический указатель Датокила. И вот уже пушечный грохот разгуливался на западе, а потом и вовсе остался позади, утратив хоть какое-то устрашающее влияние на Датокила и его спутников. Разумеется, флотоводцы Саргии не решились растягивать фронт наступления в ширину и отдаляться чересчур от побережья, не имея в своем распоряжении спасительного навигационного устройства. «Беззубый», совершенно не гнушаясь своего названия, уверенно и без оглядки начал свой путь до таинственных берегов далекого архипелага.

— Что ж, рано, или же поздно, но ты начнешь пытаться меня, не так ли?

— Я знаю, что боль не развяжет тебе язык, потому не дразни меня понапрасну.

Уже который день Артемир проводил время в лагере заложников, обретая компанию в лице ненавидящего все, что с ним связано, Альзория. Приор не считал суток, но точно мог сказать, что их минуло уже порядочно много с тех пор, как Датокил покинул его войско для переговоров с Астией. Свои позиции трудолюбивые равенцы основательно защитили, обустроив неплохой трехуровневый форт с полукруговыми стенами высотой чуть меньшей человеческого роста. Верхнее полукольцо, оно же внутреннее, служило оплотом артиллерии, среднее — укрытием дальнобойных стрелков с ружьями, внешнее, оно же нижнее по склону, выступало в роли передовой линии обороны, и было занято пехотой ближнего боя, лучниками и арбалетчиками. Все полукольца эти упирались в фортерезские скалы, защищающие равнецов с тыла. Единственной брешью в обороне были те самые ущелья, связующие между Саргией и Фортерезией, а ныне — пути спасения, по которым до форта доходили повозки с провизией и боеприпасами, посылаемые фортерезским князем. Ни в коем случае княже не мог нарушить договоренностей с Артемиром, пока равенское войско стояло под его боком и навязчиво тыкало в него пикой.

— Тогда зачем ты досаждаешь мне, приходя сюда почти каждый день?!

— Это мой лагерь, и я волен находиться в любом его краю безо всяких ограничений.

Дабы обезопасить фланги форта от лазутчиков и дать простор для артиллерийского обстрела, равенцам пришлось вырубить довольно обширные площади лесов вокруг склона и тракта, ведущего вглубь Саргии. Из хорошей древесины мастера ученого полка изготавливали оружие, стрелы и обновляли лафеты для пушек, из дурной — стругали навесы и лежаки для солдат. Большую же часть срубленного леса пришлось обменять по невыгодному курсу фортерезцам. Многие из них приходили к лагерю за стройматериалом для починки разрушенных в ходе равенского «воздаяния» домов, сараев и стойбищ. Никому невдомек, как фортерезский народ прознал про изобилие древесины у равнецов, но приходить они начали вскоре после начала рубки. Артемир же поражался, как вчерашние враги и жертвы разорения безоглядно гостевали у него, весело болтая с солдатами и торгуясь за каждое бревно, предлагая в обмен всякие безделицы. «То ли беспримерное беззлобие, то ли страшное коварство... Ах, отличить бы, что ими движет, ибо одно другому — сильная рознь...», — так размышлял Артемир, не без тревоги наблюдая за частыми визитами новых соседей.

— Видимо, твои приходы и есть пытка...

На самом деле, Артемир просто скучал. Да, в отсутствие активных действий его просто сжирала чудовищная скука. С огромной завистью наблюдал он за рукодельцами, находящими утешение в бесхитростных ремеслах. Все, что ему оставалось — это занимать себя тренировками боя рукой и протезом, да играть в монетки.

Ах да, как же не вспомнить про визиты к Монне. О, Монна, что же сделал с нею алчущий до развлечений Артемир!.. С наивной теплотой и светлостью вспоминаются их ранние встречи, наполненные целомудренными беседами на самые разные темы, от уроков по истории, современных политики и географии, до вольных обсуждений старых богов, что уже давно пребывали в человеческой немилости. Что же стало теперь?.. Монна, с

готовностью войдя в мир плотских утех, рука об руку со своим возлюбленным, Артемиром, мгновенно изучила там каждую кочку, каждую тропку. Ко все большему и большему разврату промеж нею и Артемиром инициативу проявляла именно она, постепенно превратившись в ненасытную порочную девку. С болью в сердце Артемир осознавал, что чем горячее разгорается пламя страсти в теле Монны, тем холоднее становится внутри Артемира, словно все тепло и жар любви высосала серпийская наследница. Скоро дошло до того, что несчастный Цапля пришел к приору и, робко запинаясь, доложил, что Монна пыталась совратить его, но он остался невинен, о чем и спешит успокоить равенского вождя, опасаясь его ревности. Словно дубиной ухоженный, Артемир направился к Монне за объяснениями, и застал ее в объятиях трех своих служанок, сплетенных телами в приступе похотливой страсти и содрогающихся от любовной неги. Ошарашенный Артемир выскочил из повозки Монны и, пропуская мимо ушей томные крики «благородной» серпийки с приглашением присоединиться к сладостям, прервал на время все свои с ней сношения. И того получается, что, кроме как досаждать плененному Альзорию, делать особо приору было нечего.

— Можешь мне пояснить, почему твои легионы не пытаются разбить мое войско? — Артемир и сам уже не знал, о чем спросить высокомерного принца.

— Все твои удачливые победы заставили считаться с тобой, равенец, так что более непродуманных до мелочей прямых атак не жди. — честно ответил Альзорий, злобно сузив глаза. — Но, возможно, скоро тебя настигнет неприятное известие.

— Что? О чем ты говоришь? — обострился Артемир. — Очередная непродуманная прямая атака?

— Хм, надеюсь, военный консул Деятельного Совета сможет обтяпать что-нибудь поинтереснее. — усмехнулся Альзорий, впрочем, призрачная тень неуверенности зловеще проскользнула по его челу.

— Что ж, моя вера в адекватность Совета твоей страны сильно скомпрометирована. — издевательски сощурился Артемир, взывая к несдержанности принца и возможному приоткрытию завесы тайны на этой почве.

— Вскоре ты убедишься, что Деятельный Совет сможет преподнести тебе несколько уроков, высекая их у тебя на грязном равенском лбу! — как и рассчитывал приор, Альзорий при малейшем оскорблении Саргии и ее атрибутов срывался на слюнобрызжащую ярость. Однако, как можно было понять, вынужденная изоляция от высшей политики и военного управления не прошла бесследно — Альзорий не был в курсе актуальных дел его подданных.

— Тогда я помою свой грязный равенский лоб, дабы при нанесении этих уроков я смог различить корявые саргийские письмена. — рассмеялся Артемир и вышел из маленькой палатки, где и содержался взбешенный Альзорий. Пленник для надежности был прикован цепями за руки и ноги к центральному палаточному столбу, вкопанному глубоко в каменистую землю. Снаружи его охраняли четверо стражников — по одному на угол этой достаточно комфортной «темницы».

Оставшись наедине с собой, Альзорий быстро успокоился, не имея сил для продолжительного злобления. Хоть его и кормили, но паек его был не сильно хорош, по меркам королевских-то трапез, потому часто принц просто выкидывал свою порцию, не имея желания поглощать вонючий фортерезский сыр, или же недоваренную бурду с перезрелыми от долгого хранения овощами. В общем, полностью отдавшись борьбе обессиляющего голода с королевской брезгливостью, Альзорий с тяжелым вздохом

откинулся спиной на свой столб и закрыл глаза, надеясь хорошенько вздремнуть. Однако, его тяжкий покой был неожиданно прерван: сквозь пелену начинающейся дремы принц услышал шорох откидываемых палаточных створок, за которым на секунду явственно усилился шум лагеря снаружи. Верный знак, что кто-то посетил его неволю. Посчитав, что вернулся этот дикарь-предводитель, Альзорий сморщился, но раздавшийся шершавый мужской голос принадлежал не приору:

— Эй, неженка, просыпайся! Да поживее!

Возмущение от столь грубого обращения вернуло Альзория в чувство силы. Даже этот Артемир не позволял себе такого! Резко распахнув затрепетавшие от ненависти веки, принц вперился тяжелым взглядом в пришельцев.

Нежданный гость был один, и облачен он был в обычную равенскую одежду пехотинца без доспеха: черная стеганка, черные штаны, оканчивающиеся сапогами и равенский меч с портупеей. Незамысловато и грубо. «Армия в таких поносах не может править Нордиктом!», — так затвердил Альзорий после боя у ущелий.

— Продирай скорее глаза и слушай внимательно то, что я тебе скажу! — нарастающая, словно снежный ком, грубость не дала Альзория времени тщательно оценить этого равенца. Хотя, равенца ли?.. Хоть визитер его и был черновлас и смугл кожей, но в его выговоре читалось что-то центральнонордиктовское. Да и глаза! Альзорий уже успел привыкнуть, что равенцы обладали голубыми, или же сероватыми глазами в крупных глазницах. А тут... Карие очи в довольно узковатом разрезе...

— Вижу, что ты меня слышишь, хоть и делаешь вид, что глухонемой. — вновь прервал не слишком стройный поход мысли Альзория непонятный воин. — Сегодня ночью у тебя будет возможность бежать. Понимаешь меня?

— Что? — будучи уверен, что неправильно расслышал, переспросил Альзорий. — Кто ты такой, зачем пришел, ты — шпион Саргии?

— Молчи! Никаких вопросов! — одернул принца грубиян. — Я — твое спасение и жизнь, для тебя это — главное. Не воспользуешься возможностью, и все, что тебя ожидает вскоре — лишь смерть.

— Я тебя внимательно слушаю. — Альзорий решил внять странному дикарю, не перебивая его чересчур решительных обращений. «В конце концов, хуже не будет», — в точности так он думал, поглаживая пальцами под наручами цепей потертую кожу запястий.

— Итак, сегодня, в самое темное время ночи, произойдет смена караула твоего вместилища. — как в объяснениях для дурачка, ставил ударение на каждом слове загадочный солдат. — Вскоре после этого приду я и освобожу тебя от оков, перетерев звенья цепи. Снимать браслеты тебе придется уже в Саргии... — тут снаружи раздался глухой шум шарканья сапог о каменистую почву, и заговорщик, резко умолкнув, повернул голову к створкам палатки и нервно стиснул челюсти в ожидании.

Створки палатки разъехались, и внутрь заглянул равенский лейтенант — дежурный по лагерю тем днем. Увидев не совсем то, что ожидал, лейтенант подозрительно вперился взглядом в солдата. Тот, поняв, что промедление в объяснении — губительно, слегка заикнувшись на первом слоге, промямлил:

— П-простите, лейтенант, мое своеволие. — солдат почтительно поклонился. — Просто я не мог не посмотреть на изверга, потомка извергов, что осквернили нашу землю. — последние слова он выдал из себя с неспешной ненавистью, медленно переводя искрящийся от злобы взгляд на Альзория. Тот, чтобы подыграть, вяло вставил свои пять

грошей:

— Вонючий варвар...

Несмотря на то, что «оскорбление» это было не слишком убедительным, лейтенанту этого достало, и он улыбнулся солдату, понимающе кивнув.

— Только не рукоприкладствуй чрез меры, иначе отвечать за это пред приором уже буду я, а там сам понимаешь.... — сказав это, лейтенант вышел.

Дождавшись, пока поступь дежурного офицера не смолкнет в отдалении, солдат отер холодный пот со лба, и вернулся к тому, с чего начал:

— Так вот, освободив тебя от цепей, я дам тебе равенский плащ. Оденешь его и вместе выйдем из палатки. Стража нас не остановит. Я доведу тебя до конюшни и усажу на хорошего скакуна. — тут он приблизил свою голову к голове Альзория, отчего тот вжался затылком в палаточный столб и брезгливо сморщился от зловонного дыхания солдата. — Как только окажешься в седле, не медли, иначе стража поймет, что тут дело нечисто. Пройти через ворота укреплений не сможешь, там стоят верные приору воины. Будешь прыгать верхом прямо через стены. И вновь твержу: не медли! В тебя начнут стрелять, возможно даже, спустят верховую погоню, так что будь расторопен!

Наконец смолкнув, солдат еще с десятков секунд пристально смотрел на Альзория, видимо, убеждаясь в его вменяемости. Хмыкнув и еле заметно кивнув, солдат развернулся и вышел, оставив Альзория в недоумении усваивать все то, что он ему наговорил.

* * *

Часы до наступления ночи дались Альзорю нелегко. Чего стоит хотя бы то, что он полностью съел обед и ужин, дабы накопить сил. Гадкая кормежка, как ни странно, действительно укрепила его решимость и нервную стойкость. Неуверенно расправив плечи (рана скоро заживала, но все еще болела) и прислонившись в столбу, принцу даже удалось немного вздремнуть. Альзорий, справедливости ради говоря, не боялся смерти. Попав в плен, он уже смирился со своей фатальной участью. Однако теперь, когда сквозь зимний морозный воздух робко повеял весенний ветерок, наполненный неуловимыми ароматами свежей зелени и теплой, оттаявшей почвы, нутро даже такого бесстрашного и беспощадного человека, как Альзорий, затрепетало, подобно сердцу молодого любовника при одной только мысли о предмете своих сладостных, романтических мук.

— Ну же, вставай, время пришло. — вернув принца из волшебного мира иллюзий, тот самый солдат-спаситель достал отточенную ножовку и, пока Альзорий держал перед собой подрагивающие от резкого пробуждения руки, аккуратно и достаточно бесшумно распилил звенья цепей. Глухой стук упавших оков стал фанфарой разлуки принца с палаточным столбом. Сняв с себя плащ, о котором намеренно говорил, солдат судорожно напялил его на своего подопечного, попав разок рукавом мимо руки. Окончив эту нехитрую маскировку, солдат грубо подтолкнул локтем Альзория к выходу. Выйдя наружу, принц не мог не бросить взгляда на лица двух стражников, стоящих у передних углов его прежней палатки. Яркий свет факелов, установленных на деревянные колья, игриво скакал промеж складок плаща Альзория, теряясь на небольшом отдалении от тюрьмы. Несмотря на это, стража делала вид, что ничего не происходит, заморожено глядя прямо перед собой, будто отчаянно и безуспешно борясь с проклятием окаменения. Мысленно поблагодарив охранников за поражение в этой борьбе, Альзорий, уводимый своим спасителем, пошел дальше, вглубь лагеря, к конюшням.

— Что ж, самая отчаянная часть моего плана — кража коней. — с заметным волнением

в подрагивающем голосе отрапортовал самому себе под нос освободитель. — По ночам никому, кроме приора, его генералов и адъютантов, не дозволено садиться верхом на боевых коней, так что нас сразу же раскроют, только мы перекинем ноги через седло.

— Или так, или обратно в ту палатку... — прошептал Альзорий, опьяненный воздухом свободы с примесью конского навоза, уверенно разминая отвыкшие от верховой езды ноги. — Уж лучше смерть в попытке освободиться, чем смерть от какой-нибудь унижительной казни этих варваров.

Оставив этот смелый порыв без ответа, солдат ступил внутрь навесов с деревянными стойлами, неосвещенных факелами и именуемых тут «конюшни». Альзорий последовал за ним, уходя из темноты в непроглядный мрак. Едва переступив через условную границу стойбищ, Альзорий налетел ногой на что-то мягкое и в испуге ругнулся, вызвав тихое возмущение рядом стоящего коня.

— Так вот почему конюшни не охраняются? — догадался о природе своего «препятствия» Альзорий. — Не удалось его подкупить, так?

— Так. — ответил совсем неподалеку солдат, с едва различимым шумом отворяя воротца одного из стойбищ. — Узнав мои намерения, он чуть не поднял тревогу, пришлось его скоренько чик! — солдат резко провел пальцем по шее, но этого никто не увидел в темноте. — Ножом по горлу.

— «Чик!» — с улыбкой передразнил Альзорий, найдя собеседника в темноте рукой. — Тогда...

— Вот! — перебил принца солдат, хлопывая ладонью по телу коня. — Они уже оседланы мною перед тем, как освободить тебя. Садись! Этот — твой. Мой — следующий. Оба холены и сыты. Равенцы ценят своих коней, хоть и выставляют для них такую жалкую охрану...

Не мешкая ни секунды, Альзорий нашел седло, указываемое ему солдатом, всунул ногу в стремя и оседлал скакуна, взяв в руки поводья. С легким шумом то же проделал и его благодетель. Кони негромко заржали, не желая нести чужой вес ночью, когда им надлежит спать. Но преданность своему делу не позволила им большего, чем просто легкое негодование.

— Все, с первым же стуком копыта о землю новость о нашем побеге станет достоянием равенцев. А уж когда они узнают про остальных заложников... Будь готов, королек! — уже особо не понижая голос, предупредил солдат.

— Остальных заложников? Ты отпустил их ранее, чем меня?! — с возмущением прошипел Альзорий.

— Д-да, отпустил. — размыто ответил солдат.

— А, пес с ними! — отмахнулся Альзорий, сбросив неуместную теперь обиду.

— Нет времени трепаться, вперед! — прервав эту совсем не нужную беседу, он погнал своего коня на выход, не желая развивать тему. Альзорий вторил своему спасителю.

За то время, что беглецы провели в конюшнях, темнота недолгой ночи дрогнула и начала неспешно отступать под натиском неумолимо наступающего рассвета. Альзорию везло — дежурные по этой части лагеря были в другом месте, и ему открывалась возможность продлить тайну деяния еще на пару минут. Ночные всадники не преминули воспользоваться таким шансом и рысью проскакали вплоть до внутренней стены, не разбудив ни одного бойца, ни одного артиллериста, размещенных в этой части лагеря по казарменным палаткам.

— Этого не обойти, придется убивать. — сокрушенно выдавил из себя остановившийся в десятке метров от стены солдат, заметив охранника, который уже сделал несколько неуверенных шагов от поста навстречу непонятных конникам, скидывая с плеча ружье.

— У меня нет оружия. — взволновался Альзорий, неуверенный в своем навыке кулачного боя против ружейного огня.

— Стой, вы по какому праву оседлали коней? — усталым, но от этого не менее веским, командным голосом взрезал тишину предрассвета охранник, уже протягивая ружье в руках, готовясь к прицелу. Но ничего более он сделать не успел: солдат-спаситель со скоростью профессионального убийцы выхватил откуда-то из-под седла что-то темное и продолговатое, и уже через долю секунды охранник, хрипя и булькая от смертельной раны, нанесенной торчащим в горле болтом, сел, а потом и лег наземь, умоляюще смотря на своих убийц широко открытыми и наполненными предсмертным ужасом глазами.

— Эй, а мне такой?! — с возмущением обратился Альзорий к спасителю-убийце, любуясь его арбалетом.

— Возьми лучше это. — покачал головой солдат и протянул Альзорию заряженный, что понятно было по весу, пистоль.

— Тот самый, безогневой... — играючи подбросив и поймав оружие в воздухе, пробормотал Альзорий. — Я уже успел оценить превосходство оружия на алом угле этих ублюдков... В этом деле они намного превзошли нас...

— Позже вылижешь задницы их оружейникам. — огрызнулся солдат, натягивая поводья. — Прыгаем через стену!

— А эти кони точно осият подобную высоту? Здесь почти человеческий рост... — с сомнением оценил взглядом своего скакуна Альзорий.

Вновь солдат предпочел ответу действие, стукнув каблуками сапог коня по животу. Взбрыкнув головой, конь с места разогнался и сиганул прямо через стену, безо всякого страха. Воодушевленный таким наглядным примером, Альзорий повторил движения солдата, направив своего коня следом. Видя, что проделал его сосед, конь с готовностью поскакал навстречу препятствию. И вот уже Альзория резко трянуло назад от прыжка, отчего он судорожно схватился за поводья, притягиваясь к шее коня. Секунда свободного полета, и Альзорий поздно понял, что нужно изготвиться к резкому приземлению. Громкий стук копыт, сильная встряска, принц чуть не вывалился из седла, сильно заболела голова от сотрясения.

— Не стоим, скачем далее галопом! — привел в надлежащее чувство Альзория расторопный солдат. — Потом восхитишься силой и...

Громкий выстрел остановил время и пространство для Альзория. Он резко зажмурился и стиснул зубы, готовясь стерпеть сильный удар от пули. Но нет даже и толчка, в компании которого в его теле должна была приютиться гостья. Открыв глаза, он понял, кого предпочел металлический шарик. Спутник принца сначала с натужным хрипом наклонился к шее коня, затем медленно сполз набок, утянув стремяна за собой, отчего у бедного коня начала выворачиваться шея. С громким ржанием высвободившись от судорожной хватки умирающего солдата, конь, уже умудренный гибелью предыдущих всадников, неспешно поскакал вдоль стены в стремлении найти ворота и вернуться обратно в стойбище.

Поняв, что выстрел пришел сверху, Альзорий устремил взгляд на только что преодоленную стену. Там никого и ничего не было, но несколько слабых, истерически срывающихся звонков тревожного колокола дали понять, что это чудом выдавивший из себя

остатки сил охранник, пораженный болтом.

— Да чего же я жду, зачем стою?! — разозлившись на свой ступор, зарычал Альзорий, грубо погнав своего коня в сторону второй стены. Бросив при этом мимолетный взгляд на неподвижное тело своего вызволителя король понял, что уже ничем ему не поможет.

Несмотря на поднятую тревогу, лагерь не торопился отлавливать дерзкого сарга, который, лавируя на коне по тропам промеж палаток, уже добрался до второй стены и, на этот раз не долго думая, перемахнул через нее. Пребывая в ликующем недоумении, Альзорий уже держал путь к внешней стене, веря в свою удачу и абсолютный успех плана покойника. И только теперь из нижних палаток начали выскакивать отдельные равенские солдаты, ошарашено оглядываясь на стук копыт и выкрикивая ругательства. Увы, только ругательства и смогли достичь стремительно уходящего Альзория, и тот уже оказался вне лагеря. Застрелив вставшего у него на пути охранника, он решительно махнул через последнюю преграду. Все, свобода! И только отдельные выстрелы со стен пытались строить препятствия на ее пути. Разумеется, ни одна из выпущенных спросонья пуль и близко не достигли цели, и Альзорий пересек лесную границу невредимым. Спрятавшись в объятиях старых деревьев, Альзорий успокоился только тогда, когда отдалился от равенского лагеря на порядочное расстояние. Остановив запыхавшегося и взмыленного коня, бежавший узник прислушался, но ничего, кроме тихих звуков лесной жизни, не услышал — погони не было. Улыбнувшись с облегчением и отерев ледяной пот со лба и висков, Альзорий начал спускаться вниз по склону, надеясь как можно скорее достичь пограничного аванпоста саргов, который должен быть где-то неподалеку.

— Ваше Величество, наконец-то!.. — с неподдельными радостью и облегчением воскликнул майор-адъютант Мобиус в полном тяжелом доспехе. Офицер встретил неухоженного Альзория в окружении конных разведчиков, принявших нового короля в лесу и сопроводивших его в передовой военный лагерь. — Я уже начал переживать, что этот лицемер обманул меня, уверив в том, что перешел на нашу сторону... — офицер улыбнулся, увидев опровержение собственных страхов.

— Так он был твоим?! Слишком долго он работал! — огрызнулся Альзорий, пока не проникнувшись благодарностью к спасительным действиям своего подопечного. — Так, или иначе, нет времени на пустословье! Немедленно снаряди послов ко всем нордиктовским отступникам! У этого равенского вождя более нет заложников, и теперь страх передо мной не будет размываться нелепой тревогой за невольных родственников.

— Будет сделано, Ваше Величество. — покорно склонился Мобиус, скрипнув латами.

— И немедленно собирай новое войско! — Альзорий никак не мог остыть от раскаляющей униженности своего плена, надрываясь от крика, бурый, как спелая брюква на огороде заботливого крестьянина. — Дадим ему решающий бой и отправим обратно в рабство всех его зубастых щенков!

В равенском лагере, тем временем, творилась упорядочивающаяся суматоха. Артемир уже подорвался со своей постели и, выслушав от робеющих дозорных о случившемся, не мог сдержать эмоций. С размахом ударил он одного из них по лицу с такой силой, что тот упал в пыль, судорожно держась за ушибленное лицо. Вот так Артемир за одну ночь лишился нескольких верных солдат, одного самозванца и одного ценнейшего пленника. Ой ли одного?.. Из лагеря заложников пришла еще одна новость, и приор направился напрямик туда, уже готовясь к худшему. К слову, именно худшее и случилось: почти всех заложников нашли с перерезанными глотками. С ужасом смотря на мертвецов, Артемир хватался то за голову, то за рукоять своего меча. Боль унижительного поражения, отчаяние и злость на своих солдат по очереди занимали место в его голове, впрочем, никак не мешая друг другу и гармонично создавая картину полной катастрофы, ведь без заложников многие нордиктовские правители могут обернуться против него и ударить в спину.

Мыслей и образов об одном заложнике, ему особенно дорогом, он до болезненного безразличия избегал, не желая мириться с реальностью, которой он еще не знал, но сильно боялся. Но вот, из походного жилища Монны с совершенно понятным выражением лица вышел один из гвардейцев и, не смотря приору в лицо, но обращаясь к нему, медленно покачал головой. В итоге случилось... Монна тоже убита... Удар, которого он подсознательно ожидал, но все равно не был к нему готов... Артемир схватился мокрой ладонью за бортик повозки, в которой жила и умерла Монна. На него накатила слабость. Не желая заходить внутрь, он с жалобным выражением лица обернулся назад, ища поддержки в лицах подчиненных, но они были безучастны, хоть и знали об отношениях приора с этой заложницей. Все же, многие не одобряли сношений с серпийкой, продолжая относиться к ее народу с пренебрежением и не желая возможного кровосмешения.

Наконец, схватив остатки сил из тех, что не успели его в спешке покинуть, Артемир поднялся по откидной лесенке, отворил занавески жилища, и... вот она... Нежное ее тело, уже бледное, лежало с согнутыми руками и скрюченными пальцами у открытого горла, на котором запекшаяся кровь образовала красивый, но ужасный ошейник. В замерших глазах навеки запечатлелся страх перед смертью, остро внушаемый молодостью и щемящим сердце чувством непржитой жизни...

Стараясь более не смотреть на свою мертвую возлюбленную, Артемир схватил первое попавшееся одеяло и аккуратно накрыл им Монну с головой. Все эти мелочные распри на почве развращенности были преданы забвению, и вот Артемир горевал по своей чистой, непорочной, умной, мудрой и красивой Монне, хладнокровно зарезанной посреди ночи. Потеряв уже в который раз близкого человека, Артемир не плакал, сокрушался недолго, горечь заглушил. Его рассудок наполнила спокойная решимость и желание наказать убийц, а также тех, кто им не помешал.

— Где дежурный и дозорные по лагерю заложников? — лаконично и хладнокровно спросил Артемир у гвардейца, покинув последнее прибежище Монны.

Напуганный подобными метаморфозами в состоянии приора, гвардеец с запинками ответил:

— Дежурный у себя в палатке, а дозорные... Их... нет, приор. Они... они бежали, судя по всему... Убийца их подкупил, как я думаю.

— Разумеется... — согласился Артемир. — Они наверняка бежали через Фортерезию, где их с распростертыми объятиями укроет князь... Этот убийца... Он тоже бежал?

— Нет, приор. Охранник внутренней стены убил его перед тем, как самому умереть от раны.

Артемир задумался. Откуда этот засланец мог попасть к ним? Ах, глупые изыскания... Сколько добровольцев приютило у себя равенское войско!.. И все же...

— Он из наших? — поинтересовался Артемир.

— Он... А, нет, он не равенец. — сначала не поняв вопроса, все же сориентировался гвардеец.

— Что ж, ясно... С подобной фривольностью придется бороться... — задумался Артемир.

А бороться с этой «фривольностью» приор решил мягкими руками, не желая, как ему советовали, объединять нордиктовцев в отдельные изолированные отряды, тем самым отделяя их от остального войска. Вместо этого Артемир к каждому отряду недоверенных приставил по несколько надежных равенских сержантов, раз уж их собственные командиры не справляются с пресечением враждебного своеволия. К слову, досталось и равенцам: весь дозор фортерезских ущелий, действительно пропустивший ночью нескольких солдат через свою заставку, был публично казнен через обезглавливание за нарушение режима. Дежурный лейтенант, покаявшийся перед приором о подозрительном солдате в палатке Альзория, также был убит. Весь остальной равенский форт был прочесан вдоль и поперек, и следов диверсантов, убийц и шпионов не нашли. Не нашли... Да и к чему? Уже было поздно, и Артемир это понимал. Что ж, по крайней мере, не убьют его и Коригана, да не взорвут запасы алого угля... Стараясь утешить себя подобными измышлениями, Артемир подавлял остатки печали за прошлое и тревоги за будущее, оставаясь для своих солдат примером стойкости и хладнокровия.

А тревожиться было за что: спустя всего лишь несколько дней после трагедии, будто после подготовки (Артемир был уверен, что подготовка действительно имела место), к лагерю начали стекаться посольные от нордиктовских правителей, желающих убедиться в сохранности предоставленных равенцам заложников. Не найдя таковых, а, точнее сказать, найдя их мертвыми, делегаты впадали в истерику, будучи уверенными в том, что убил их именно приор. Никакие доводы рассудка не убедили их в том, что это дело рук убийц и шпионов. А узнав еще о том, что из рук равенцев ускользнул и Альзорий, ныне единственный законный правитель Саргии и Протектор Нордиктовской Лиги, посланцы наотрез отказывались полюбовно уладить возникшую ситуацию.

Борясь со жгучим желанием убить этих несговорчивых и недалеких делегатов, Артемир все же отпустил всех и каждого, прекрасно понимая, что теперь у него в тылу нет ни союзников, ни сочувствующих... Более всего он переживал за Альвидеса, который на весть о гибели его горячо любимой внучки может усложнить жизнь соотечественникам Артемира, живущим без особой защиты по-соседству.

Но на этом черная, как волосы приора, полоса не закончилась... С юга до равенцев доскакал полумертвый от усталости вестник, принесший дурнейшие новости: единственный равенский флот, украденный у саргов и возглавляемый Салли, был полностью уничтожен. Все моряки были убиты, как и флотоводец со своим помощником, Кипаром. Единственным просветом было то, что и сами сарги остались лишь при паре-другой кораблей, и не решились штурмовать равенские берега. Но все же, что прекрасно понимал Артемир,

Равения осталась без прикрытия с моря, и этим сарги воспользуются, лишь только восстановят хотя бы малую часть своего флота.

— Скоро мы будем воевать со всем миром сразу, и ведает Звезда, нам не устоять в этой буре по той ипостаси, о коей мы сейчас пребываем.... Теперь вся надежда на Датокила. Без него мы канем в пучину, как и несчастные Салли с Кипаром. — такой зловещий итог подвел Артемир в тихой беседе с Кориганом, роняя обессиленную руку на столешницу со стуком, который раздастся при падении оземь поверженного в тяжелой битве воина.

* * *

Датокил, к счастью для себя, не почувствовал всю отягощающую ответственность, которую на него заочно возложил Артемир в суждениях с Кориганом, оттого и пребывал в достаточно возвышенном расположении духа. Ум его был поглощен предвкушениями замечательной дипломатической игры с астийским царем... Или царицей... Кто там у них теперь? Во время похода Саргии на Нордикт архипелагом правила царица Олия, дав отпор легионам западных соседей... Ну а самый увесистый вклад в его оптимизм привнесли сноровистые равенские моряки, без всяких проблем и задержек доставившие его до морской границы архипелага сквозь два несильных шторма и один проливной дождь, сохранив при этом все снасти, жизнь и оружие Датокила.

К моменту, когда на горизонте наметилась смена безграничной морской стихии на приближающуюся полоску одного из южных островов Астии, погода успела стать по-северному недружелюбной: хоть на Вириде и царствовало разгорающееся лето, воздух игрался холодным ветром в волосах и одеждах равенцев, отчего те в некомфортно поеживались, браня неприветливость севера.

— Еще, так-этак, часа два неспешного хода, и мы достигнем предельной дальности полета марийского оружия. — с явным нетерпением процедил Датокил, пожирая глазами далекие берега, словно надеясь зацепиться взглядом за песчаную почву и притянуться к ней, как по тросу.

— Мож, тогда развернуть уж эту лафетку? — грубым деревенским выговором пробубнил капитан судна, поглядывая одним глазком на «улей», другим — на целеуказатель, хотя в этом уже не было никакой нужды.

— Хрграр привяжет ее к бортам, когда мы остановимся. — отмахнулся от капитана Датокил, не отрывая глаз от Астии, которую видел впервые.

Наконец, расстояние до суши уменьшилось настолько, что уже различались крутые изгибы берегов, которыми были опоясаны все острова архипелага. Вздохнувшие свободно без блокады Северного Флота, земли сияли естественной мирной красой.

— Что ж, пушек у них, видимо, пока нет. — улыбнулся своим наблюдениям Хитрейший. — Как и ружей, стало быть. Значит, у нас есть все шансы узнать, каково астийское любопытство на вид. Привязывай и заряжай!

Хрграр, которому было адресована команда, привязал крупный лафет с большим «ульем» к бортам корабля с двух сторон с хорошим натягом, дабы обеспечить полную устойчивость. Заложив большую, продолговатую «осу» в «улей», он зажег лучину о пламя масляной лампы, которую не загушили на рассвете по просьбе Датокила. И, завершая эту славную артиллерийскую процедуру, Хрграр запалил фитили «осы», раззадоривая ее на долгий полет.

— Что ж, в добрый путь, малышка. — ласково погладил Датокил деревянный корпус снаряда перед пуском. Но вот оба фитиля исчезли внутри «осы» только для того, чтобы в

следующий момент громко и злобно зашипеть, резко сорвать болванку с насеста и, закручивая вдоль центральной оси, отправить ее в небеса, попутно окутав палубу судна густым дымом.

Прокашлявшись от смога алого угля, Датокил попытался глазами найти освобожденную «осу», но все, что он увидел, это растворяющийся в ветренном воздухе дымный след от снаряда, уходящий куда-то в сторону острова.

— Все, что осталось, так это надеяться на то, что наше вымоченное письмо не сгорело и не разорвалось в клочья в брюхе «осы», и на то, что астейцы еще не разучились читать! — рассмеялся Датокил, смех которого подхвати и капитан с матросами. Благородное безмолвие сохранил лишь Хрграр, потушив загоревшийся фиксирующий крюк от лафета «улья».

Ожидая сигнала, описанного в послании к астейцам, Датокил напряженно вглядывался вдаль, постоянно бегая глазами по побережью, дабы не затупить взор. Он понимал, что пергамент, родившийся из развернутого брюха «осы», будет добираться до правителя архипелага долго, не один час, оттого не тревожился за длительное молчание.

Наступили сумерки. Большая часть экипажа корабля спала от безделья, как и сам Датокил, оставивший на дозоре Хрграра, единственный глаз которого видел острее обоих двух другого человека. Увидев на ближайшем берегу быстрое движение загоревшихся во тьме факельных огоньков, громила заворчал и принялся расталкивать своего господина.

— Что?.. Чего тебе?.. А, уже?! — наскоро продрав глаза, Датокил вскочил со скамьи на корме, парой скачков преодолел расстояние до носа и принялся всматриваться в горизонт.

— Эх, и отнесло же нас в открытое море! — подивился он сперва, отметив, что остров теперь находится гораздо западнее от них, нежели утром. — Да, это наш сигнал! Капитан, поднимай этих лежебок, мы идем к Астии!

Подойдя к мачте «Беззубого» и пробубнив что-то недовольно себе под нос, капитан начал трезвонить по тревожному колоколу, на что мигом сбежалась вся команда, словно неразумные мотыльки на пламя свечи.

— Хватайтесь за весла, мы идем к берегу. — негромко и лаконично скомандовал капитан, на что моряки тревожно переглянулись между собой, но команду бросились выполнять со всей рьяностью, характерной для преданных равенцев. Сила крепких равенских рук и спин начала быстро увеличивать астейские берега. Через час астейцы-сигнальщики превратились из маленьких человечков в рослых воинов в песочного цвета кафтанах, криками и жестикуляцией направляя равенский корабль вдоль берега, прямо к причалу.

— Добро пожаловать, дорогие равенцы, коли вы пришли с миром! — причалив корабль, Датокил, капитан и Хрграр сошли на деревянную пристань, где их словами и огнем факела встретил, судя по всему, какой-то пожилой чиновник в длинной одежке с вырезами в серединах рукавов. — Коли вы дурь в себе несете, то не покинете вы наших берегов никогда.

Слегка смутившись на зловещее приветствие, Датокил решил принимать в расчет их, только как отражение честности и открытости астейского народа. От таких мыслей ему стало проще, и он с улыбкой ответил, поклонившись:

— И тебе привет, астейский муж при делах! — не зная чина и положения встречающего, Хитрейший решил обойтись этим пространным выражением. — Мы пришли не просто с миром, но с дружбой и союзом, выгодным обеим нашим странам.

Удовлетворившись ответом, астеиец с достоинством поклонился, примерив на

мужественное лицо с выдающимися скулами вежливую улыбку, и легким махом руки призвал следовать за собой, образуя колонну. Четыре рослых солдата в кафтанах и с длинными секирами в руках, сопровождающие встречающего астейца, стали два — в начале колонны, два — в конце.

— На нас что, написано, что мы равенцы? — с недоверием прошептал рядом идущий капитан Датокилу на ухо, осторожно оглядываясь на астейского солдата. — И откуда така любезность? В историях, что я слышал про астейцев, они — грубые и жестокие убийцы.

— По саргийским сказкам теми же словами описывают и наш народ. — сухословно одернул капитана Датокил, на что тот не нашел ответа. — К тому же, есть кое-что успокаивающее мой рассудок, ты увидишь позже. — закончив уговорять обеспокоенного капитана, Датокил жестом призвал к молчанию, дабы не нарушать доверительную атмосферу скрытными шепотками.

Астейский проводник довел равенцев от пристани по пыльной дороге до более-менее крупного тракта, на перекрестке с которым стояла кругловатая крытая повозка, весьма вместительная и запряженная тремя крепкими лошадьми, и в которую астейец усадил визитеров. Сказав тихо что-то кучеру, вельможа повернулся к Датокилу и разъяснил:

— Этот экипаж довезет вас до поместья, в котором гостевает наш царь. Он встретит вас по прибытии. — вежливо поклонившись, астейец с охраной ушел, а повозка, поднимая клубы темной пыли, зловещей в вечерней темноте, пришла в движение.

На всем протяжении пути Датокил пытался рассмотреть окрестные пейзажи, но Астия скромно спрятала свои прелести в темноте наступившей ночи. Все, что смог увидеть равенец, так это бесконечно тянущиеся леса, своими черными кронами попирающие бездонные небеса и очерчивающие морщинистую и волнистую линию горизонта. Ровный ход повозки сморил Датокила и он задремал, хоть никакого желания спать у него не было.

— Эй, проснись уже! — раздался из вязкого тумана голос капитана.

Разлепив глаза, Датокил вылетел из мистики и растеряно огляделся. Задремал он, видимо, надолго, ибо окрестности пути сменились кардинально: вместо мрачного и неосвященного тракта, бдительно охраняемого многолетними лесами, кругом был то ли городок, то ли деревня. Тут и там стояли небольшие домики из древесного сруба, освещенные факелами и большими кострами. Народу снаружи было почему-то много, хотя время было вполне себе позднее. Мужчины в землистого и серого цвета рубахах поверх широких штанов, заправленных в сапоги, сидели вокруг очагов и о чем-то громко говорили, иные хохотали, бив себя при этом по коленям ладонями. Женщины в длинных то ли платьях, то ли мантиях, порхали стайками от одного такого очага до другого. Вдруг, которая из них отделялась от других и протягивала что-то одному из мужчин. Тот принимал это, вставал и кланялся дарительнице, беря ее под руку и отправляясь в пляс. Танец был незамысловатым, состоящим, в основном, из кружений да прискоков, но ворожба, им вызываемая, была неодолимой. Датокил даже поймал себя на том, что улыбается, глядя на все эти непонятные гульбы, глубоко дышащие свободой и самобытностью.

Но тут, прервав любования Датокила местным колоритом, повозка уперлась в высокий деревянный забор, разделенный воротами, по сторонам от которых стояли стражники с теми же секирами, коими были вооружены и охранники того встречающего. Они знали кучера, ибо пропустили его, даже не устроив проверки, а один из них с усмешкой что-то крикнул напоследок. Повозка миновала ворота и въехала во двор, внутри которого стоял невысокий, но широкий деревянный «дворец» с несколькими прямоугольными башенками. Выполнено

поместье было из того же сруба, из которого были сложены домики тех людей снаружи.

Повозка неспешным ходом преодолела небольшой путь до широкой входной лестницы, у основания которой стоял, уперев руки в бока, какой-то высокий и статный человек с намеком на полноту, но не слишком толстый. То, как этот человек стоял, внушало опасение: широко выпяченная оголенная грудь, широкий размах плеч и стиснутые кулаки, разводящие по бокам борта длинной золотистой мантии с широкими рукавами. Но стоит только встретиться с ним взглядом, и любые тревоги и опасения растворялись в дружелюбии и теплоте улыбки, которая гармонично вписывалась в светлое лицо с полными щеками, частично спрятанными под длинной щетиной и пышными усами, плавно переходящими в бакенбарды.

К двери повозки подошел один из астийских солдат и открыл дверь, зазывающее подняв брови и ожидая выхода равенской делегации. Соскочив наружу, Датокил заимел возможность заглянуть в глаза встречающему их богачу, только-только начинающему стареть. Глаза эти небольшие, как-то даже слишком шаловливо сощуренные от улыбки, цвет имели глубоко синий, как гладь Вечного Соленого моря в пасмурный штиль. Нос сидел по центру лица красноватой картошкой, четко выдавая любовь своего хозяина к частым пирушкам, сопровождаемым обильными возлияниями. Средней длины светлые, еще не седеющие, волосы были зачесаны назад, но, в силу непослушности своей, да и начинающегося облысения, вся эта шевелюра знатно топорщилась, вот-вот готовясь сорвать начес. Брови были густыми и кустистыми, неухоженно закручиваясь целыми циклонами. Широкая и жилистая шея уходила в широкие плечи, на которых сидела уже описанная выше мантия с меховыми воротником и рукавами. Запястья рук охватывали золотые браслеты, украшенные сдержанно играющими со светом факелов самоцветами. На ногах красовались лоснящиеся бурые шаровары, уходящие в ярко-красные сапоги. «Такие же, как и у тех крестьян, только значимо дороже», — подумал Датокил, умозрительно приценив обличье добротного астийца.

— Ну, теперь, когда мы обглядели уже друг дружку, может, познакомимся, а? — голос астийца был низким, с хрипотцой, будто он только что поднялся ото сна, но абсолютно добродушным, отчего Датокил знатно осмелел, решительно протягивая руку в приветствии, попутно представляясь:

— Имя мое — Датокил. Представляю я равенский Приорат под командованием благородного Артемира. — вежливый поклон с вытянутой рукой. — Вдохновившись беспримерным рвением астийцев в защите своей независимости, мой господин решил обратиться к вам за помощью, ибо терзают нас те же проблемы, что и вас — жестокие и жадные до абсолютной власти сарги.

— Что ж, ясно. — медленно произнес астиец, своей рукой отводя протянутую руку Датокила, чем его немало смутил. — Имя мое — Олиправд, титул — царь Астии. И с друзьями у нас принято здороваться по-другому. — Закончив приветствие, он раскинул свои крупные руки и, сделав шаг вперед, заключил в конец смешавшегося Датокила в крепкие объятия, при этом извергая протяжный грудной звук, похожий на рык какого-то крупного зверя.

— Ну же, Датокил, не тушуйся! — добродушно поддел локтем равенца царь Олиправд, едва выпустив из своих объятий. — Твой предшественник отзывался о равенцах очень хорошо, а в своей хитрословной мудрености он нас всех убедил. А вот, кстати, и он! Пириус, мышь ты полевая, а ты оказался прав!

В своей привычной манере, откуда-то из теней, словно из потустороннего мира, беззвучно омылся в свете факелов человек в плаще с капюшоном, слегка подняв правую руку в качестве приветствия.

— Убери ты этот клятый мешок со своей головы, нет в нем нужды! — проворчал Олиправд, укоризненно посмотрев на Пириуса. Тот подчинился, одним легким движением скинув покров сокрытости и оголив лысую свою голову.

— Узнаю равенского собрата по борьбе. — монотонно-скрипучий голос старшей Летучей Мыши, словно ворчанье старого мельничного колеса, был обращен к Датокилу, который с едва скрываемым триумфом склонил голову в знак уважительного приветствия.

— Угадал прибытие почти день в день! — тряхнув плечами в смешке, Олиправд лукаво сощурился. — Никак, сговорились, а?

Тут уж пришла очередь Датокила предаться смешку, правда, получился он достаточно нервным.

— Право же, друзья, пойдете, пойдете внутрь! — развевая починающуюся неловкость, взмахнул руками беззаботный весельчак, приглашая посетить деревянный дворец. — Сегодня у нашего народа праздник — Суженая Ночь, когда девицы сами выбирают себе женихов.

— Мне невесты не нужны. — замахал руками Датокил в страхе, что ему теперь навяжут какой-нибудь нелепый межплеменной брак.

— Не беспокойся, тебя никто не выберет. — игриво подмигнул Олиправд. — У нас чернявенькие не в чести.

Уже вовсю пресытившись смешливой моложавостью царя, который начинал ему сильно не нравиться, Датокил раздраженно фыркнул, что стало неудачным результатом попытки усмехнуться.

Прекратив, наконец, пытаться Датокила своей бойкой натурой, Олиправд проводил равенцев внутрь поместья одного из богатейших князей, как царь позже пояснил. Сам князь отбыл в столицу Астии — Олию, переименованную так в честь царицы Олии, остановившей саргов от покорения архипелага. Снаружи дворец не казался особенно изысканным, зато вырублен был очень основательно. Однако, оценить всю прелесть астийской архитектуры и искусства можно было, лишь оказавшись внутри дворца. А чего там только нет! Многочисленные гобелены тончайшей работы, развешенные с умеренным изобилием. Все стены и потолки, не прикрытые ткацкими шедеврами, украшены резьбой по дереву в виде витиеватых и сложных узоров, имеющих идеально симметричную структуру. Причем резьба эта была не только в долговечных телесах поместья, но и в обеденных столах, тарелках, и даже мелких столовых приборах. Казалось, что резчик смело бросал самому себе дерзующий вызов, избирая для своего труда все меньшие и меньшие предметы и превосходя восхищения обычного человека. «Такого в простых и грубых каменных замках остального Нордикта я еще не видел», — дивился Датокил, пристально рассматривая мелкие узоры на суповой ложке до боли в глазах.

Как только приглашенные равенцы надивились вовсю на астийское ремесло, Олиправд, довольный реакцией гостей, пригласил их к столу. Датокил, уже приготовившийся увидеть огромное деревянное полотно, ломящееся от еды и напитков, а также огромной толпы царских иждивенцев, был приятно удивлен небольшой столовой с круглым столом в центре, сервированным как раз на равенцев и Олиправда. Не было даже царицы, о которой пару раз мимолетом упомянул Олиправд в самых теплых словах.

— Как же, Ваше Величество? — поинтересовался Датокил странному обстоятельству. — Вы же упоминали про празднества, а стол явно не вместит более гостей, чем нас сейчас здесь есть.

— Да, разумеется, я упоминал про Суженую Ночь. — пояснил Олиправд, садясь за стол и рукой приглашая следовать его примеру. — Но не говорил, что мы будем принимать участие в ее традициях. Мы лишь поддержим дух праздника хорошим застольем. — подмигнул царь, давая однозначно понять, что сейчас будет попойка.

— О делах насущных, стало быть, поговорим завтра? — недовольно скривился Датокил, присаживаясь на удобное кресло с добротной перьевой обивкой.

— Отчего же завтра? — искренне удивился Олиправд. — Только затушим голод, и начнем судить. — тут царь громко хлопнул в ладоши два раза, на что в столовую чуть ли не вплыли один, два, три... несколько слуг в красных рубахах, неся на руках большие блюда с только что сготовленными яствами. Там были и запеченные гусь с поросенком, и огромная копченая рыба, которых не видел никогда Датокил, и, разумеется, поднос с изысканным графином, внутри которого искрилась прозрачная жидкость, в которой Датокил мгновенно узнал крепкую горючку.

— Боюсь, нет у меня опыта вести переговоры в пьяной смуте. — едва сдерживая негодование, на что его по ноге под столом стукнул Пириус, процедил сквозь зубы Датокил. Хитрейший, иначе не будь он таким, явственно чувствовал, что царь попытается их спойть и выбить для себя невыносимые по трезвой голове условия союза.

Посерьезнев и недовольно сощурившись, Олиправд непривычно суровым голосом возразил:

— Отчего же в пьяной смуте? Коли вам так угодно, можете выпить после переговоров. — сказав это, Олиправд хлестанул из графина в деревянную кружку знатную порцию выпивки и разом опрокинул в себя, вырвав из себя после громкое «Эх-х-х!».

Горячительное мигом вернуло царя в беззаботное состояние, и он, бойко стукнув кулаком по столу, выдохнул:

— Тогда давайте говорить сейчас, коли так боитесь разомлеть.

Датокил, облегченно улыбнувшись и радуясь, что удалось избежать конфликта, декларативным тоном начал:

— Ваше Величество, как вы уже знаете, мой народ ведет освободительную войну про...

— ...Против Саргии, и одержали ряд значимых побед, но силы ваши иссякают, и вам нужна помощь. — скучным тоном пробубнил, передразнивая Датокила, уже заалевший Олиправд, водя кистью руки в воздухе из стороны в сторону под тон слов. — Я все это знаю.

Недовольный таким неуважением к себе, Датокил нахмурился. Чувство неприязни к царю Олиправду достигло точки ненависти, и он уже открыл было рот, чтобы... Чтобы что? Одернуть наглого и поддатого царя, в помощи которого жизненно нуждается? Прогнав своевольный порыв, Датокил захлопнул рот.

Прочитав внутреннюю борьбу Датокила, Олиправд уголком губ ухмыльнулся, оставив инициативу разговора за собой:

— Я могу предоставить вам пресловутую помощь, но за высокую цену.

— И какова же она? — стараясь придать голосу нейтрально-вежливый оттенок, дрогнул Датокил.

— Вся восточная Саргия под управление выбранного мною губернатора, а также приоритетные торговые права для моего царства с остальным Нордиктом. Еще и демонтаж

всех укреплений Нордиктовской Десны по береговым линиям. — не дрогнув ни телом, ни голосом, вывалил Олиправд свою торбу на голову Датокилу.

— Вся восточная Саргия?! — не удержавшись, выкрикнул Датокил, рассчитывавший на куда более скромные аппетиты астейского царя. — Это же огромная территория, да еще и очень богатая!

— О да, я знаю, оттого и требую эти земли. — беззастенчиво подтвердил намерения Олиправд, с треском отрывая от гуся одну из ног и макая в томатную пасту.

— Весьма уместные требования, Ваше Величество. — однозначно намекая Датокилу на согласие, проскрипел Пириус, выделив нажимом слово «уместные».

Датокил, однако, предпринял смелые попытки смягчить условия Олиправда, но абсолютно безуспешно. Ни хитрая лесть, ни обещания богатой наживы не возымели успеха. Царь наотрез отказался уступить хоть йоту от своих слов. Поняв, что одними только деньгами и словами помощь царя не купить, да и не желая далее перечить Пириусу, Датокил печально вздохнул и, с нескрываемой злобой смотря прямо в глаза Олиправду, выдавил:

— Вижу, смысла спорить нет более, потому, от имени приора Артемира, я согласен.

— Чудесно! — выпалил Олиправд, плевав на злобный взгляд Хитрейшего. — Уж теперь то, Ваши Нежнейшества, извольте есть и пить со мной, дабы отметить союз!

Датокил, казалось, только того и ждал, навалившись на выпивку, словно завсегда таверны, в надежде утолить неприятную горечь таких быстрых, но невыгодных переговоров. Царь же, обрадовавшись преображению Датокила, захохотал и, перевалившись через стол, одобрительно похлопал Хитрейшего по плечу. Пириус остался недвижим, не притрагиваясь ни к еде, ни к напиткам. Датокил, быстро захмелев натошак, этого не заметил, а Олиправд за несколько дней уже привык к такому поведению странного нордиктовца.

— Наконец, ты пришел согреть мое мерзлое тело, мой милый царь!

Молодая златовласая красавица, кровь от крови древнего рода воительниц, расположилась на широкой деревянной кровати под одеялом, сшитым из медвежьих шкур. Томно вздохнув, она не отрывала любящих зеленых глаз от Олиправда, что зашел в просторную опочивальню и начал скидывать с себя одежды.

— Не лукавь, душа моя. — подмигнул Олиправд, снимая браслеты. — Жар от твоих чресел повергает меня в испарину.

— Мои чресла в тягость мне, если рядом нет твоих. — искусно совместив скабрзность и романтическое томление, царица, а это была она, игриво приспустила одеяло, соблазнительно оголив свои прелестные груди.

— Ах ты ж, моя негодница! — зарычал Олиправд, и, бросившись на кровать, страстно поцеловал свою жену в губы.

— Как прошли переговоры с этими южанами, любовь моя? — с интересом спросила, подперев голову рукой, царица, как только Олиправд со смачным чмоком оторвался от ее губ.

— Все прошло так, как я и ожидал, душа моя. — укрывшись одеялом, Олиправд перевернулся на спину и устремил взгляд в высокий резной потолок. — Они пошли у меня на поводу.

— Стало быть, твои соглядатаи не лгут — им действительно трудно совладать с мерзкими саргами. — ласково проворковала царица, улыбнувшись.

— Стоит ли их упрекнуть в том? — пожал плечами Олиправд. — Они, даже не организовав нормальной армии и защищенных путей снабжения, только на одной внезапности и куче заложников смогли продвинуться так далеко... — тут он мечтательно задумался. — Право же, стоило начать высадку на Нордикт гораздо раньше, но у моих ближайших предков не хватило смелости, которая нашлась в изобилии у этих черноволосых пустынных дикарей.

— Теперь настало твое время! — страстно выдохнула царица, положив свободную руку супругу на волосатую грудь. — И ты превзойдешь даже великую Олию, повергнув саргов и откусив от их пирога знатный кусок!

— И я докажу тебе, любовь моя, что твои слова — чистая истина. — с теплотой провозгласил Олиправд, любяще стиснув в своей ладони маленькую руку царицы. — Одно лишь беспокоит меня: уж должна была прийти весточка от Нокицеша...

— Это тот страхолюдный проныра? — брезгливо сморщилась царица. — От его беглых узких глазенок всегда хотелось укрыться подальше.

— Оттого я и отправил его на Нордикт, дабы он организовал там сеть соглядатаев. — посмеялся над милым отвращением своей жены Олиправд. — И он справился так, как я и не надеялся: своевременно доложил мне и о восстании равенцев на Гунтале, и об их освободительном походе на север.

— Да, да, а еще он собирался пробраться в войско южан. — в раздражении закатила глаза царица. — Так и что ж, коли их делегаты у нас, в том его заслуга?

— Возможно. — вздохнул Олиправд. — Я велел ему подвести любой ценой равенцев к союзу со мной, вступив в переговоры с их лидером о посольстве, и что мы имеем? — царь

повернул голову к своей любимой. — Скоро наши дети будут владеть Саргией и командовать огромной и оснащенной современным оружием армией, которая покорит весь Нордикт!

Только заслышав про детей, царица улыбнулась и спустила одеяло еще ниже, освободив свой крупный живот, внутри которого уютно теплилась еще не родившаяся жизнь, готовая в любое время унаследовать титул цариц и царевен.

— Возрадуйтесь, дети мои, ибо вы родитесь в лучшем мире, который сами сможете сделать совершенным. — ласково прошептал Олиправд, приспустившись к беременному животу царицы, осторожно его поглаживая. — Ибо для этого я дам вам все, что в моих силах.

* * *

— Поднимайся.

Одним только негромким скрипучим словом Пириус разбудил Датокила, в гости к которому вместе с пробуждением нагрянула и сильнейшая похмельная мука.

— Что, мы уже? Ах-х... — в попытке подняться со своей удобнейшей гостевой перины, Датокил мучительно застонал, схватившись за виски, открывшие стрельбу на поражение внутри головы.

— Ты поступил глупо, выпив столь много. — безжалостно отчеканил Пириус, накинул капюшон своей одежды на голову и подошел к окну гостевой комнаты, оглядывая окрестности на наличие ушей: спальня находилась на первом этаже, и подслушать все, что происходит внутри, не составляло труда. — Хотя царь благостно оценил твоё рвение.

— Я ненавижу его!.. — с остервенением прошипел Датокил, подзуживаемый на злобу смесью физической и душевной боли. — Вся восточная Саргия... С такими-то владениями нам навсегда придется мириться с астейским присутствием на континентальном Нордикте.

Пириус промолчал, замерев без движения на одном месте, словно обратившись в камень. Вдруг он резко ожил и ответил Датокилу:

— Да, это так. Теперь Астия — полноправная вершительница судьбы Нордикта, наряду с нами и саргами.

— Как же нежелательно такое глубокое вовлечение новых сильных игроков в наше дело... — все сокрушался Датокил, неспешно поднимаясь с перины. Оказалось, что он лег полностью одетым, отчего пурпурная генеральская стеганка на нем помялась, покрывшись морщинами. — Я надеялся, что достаточной наградой будут деньги, уступчивая торговля и рабы, но нет... Теперь его придется вытравливать с нашего континента после войны, если победим...

— Царь давно вынашивал идею осовременивания своей огромной армии и расширения влияния Астии. — Пириус отвернулся от окна и начал сверлить бесстрастным взглядом Датокила, натягивающего сапоги. — В ходе этого похода он претворит свой замысел в жизнь.

— Ты умеешь утешить лучше, чем родная мать... — с едким сарказмом выдавил Датокил, надевая португею.

— Я нахожусь здесь не для того, чтобы тешить твоё раненое представление о будущем. — раздраженный нытьем страдающего Датокила, наддал скрипучести Пириус. — А для того, чтобы поторопить: сегодня вечером мы переправляемся на Нордикт, чему я рьяно способствовал.

— Что?! Уже сегодня?! — ошарашился Датокил. — А как же сборы войск, подготовка кораблей и снаряжения?

— Олиправд командует регулярной армией из двенадцати крупных полков, а не войском срочных ополченцев, и большая часть их расквартирована на побережье, для возможной борьбы с десантами саргов. — Пириус, определенно, разбирался в вопросе. — А суда-перевозчики Олиправд построил уже давно, желая высадиться на Нордикт много раньше, но не найдя в себе сил и смелости стряхнуть блокаду саргов.

— Как удобно... мы ему... подвернулись... — злобно процедил Датокил, отплеываясь от ледяной воды из умывальника. — А я-то, по наивности своей, думал, что это мы — главные выгодоприобретатели союза.

— Увы, но нет. — покачал головой Пириус. — Олиправд со своими полками нужны нам, но мы нужны ему не меньше, оттого он и стремился подвести нас к союзу с ним.

— Он стремился подвести?.. — в недоумении сощурился Датокил. — Это же была исключительно твоя идея, которую я должен был вложить в голову недогадливого Артемира. Да и не было с астийской стороны и намека на эту инициативу.

— Желание союзничать должен был донести до твоего приора астийский лазутчик, но почему-то не донес... — отвернулся Пириус, предавшись думам.

— Лазутчик? — задрал брови Датокил. — Уж не наделал бы дел этот лазутчик... И почему ты не сказал мне об этом еще тогда, в Фортерезии, через своих воинов, что пленили этого Альзория?

— Об этом я узнал лишь вчера, для чего не пил и не ел, желая уберечь свои навыки от слабостей. — вновь повернулся к Датокилу лицом Пириус, справившись с раздумьями. — И то, что лазутчик царя не сделал то, что должен был сделать давно, меня тревожит... Он мог совершить ошибку быть перехваченным саргами.

— В таком случае, в наших рядах может быть уже не астийский лазутчик, а саргийский диверсант! — встревожился Датокил, повернувшись к Пириусу мокрым лицом и замерев со сложенными в лодочку руками, из которой уже вытекла вся вода.

— Увы, но этого я не знаю, и незнание это должно ускорить нас в стремлении попасть обратно на берега Нордикта. Пошевеливайся! — довольно грубо окончив разговор, Пириус вышел из спальни, оставив недовольного Датокила в одиночестве.

Не посмея медлить после таких новостей, Датокил наскоро собрался и позавтракал хлебом с маслом, попутно с отвращением отказавшись от мутного рассола, который услужливо принес ему один из слуг Олиправда. После завтрака к нему пришел Пириус в компании Хрграра и капитана «Беззубого» и, забрав Датокила с собой, направился к царю, который уже отбыл в один из сухих доков. Воссоединившись, наконец, с Олиправдом (к кислому неудовольствию Датокила), равенцы смогли воочию восхититься астийскими солдатами при погрузке на широкие и длинные равенские транспортные суда, уже спущенные на воду и плотно расположенные близ берега. Погрузка же происходила при помощи больших плотов, курсирующих туда-сюда, от берега до корабля, и обратно. А каковы были солдаты! Без доспехов и кольчуг (недра Астии были бедны на железные руды), с простыми пиками, бердышами и арбалетами, но все, как один — рослые и крепкие пехотинцы, дисциплинированные и уверенные в своих силах. Когда же довелось увидеть конницу, даже искушенный хорошими равенскими всадниками Датокил не удержался от восхищения, которое он тщательно скрывал. В кольчугах, кирасах и наручах, что объединяло их доспех в сходстве с равенским, астийские конники были вооружены луками, длинными ударными копьями и изогнутыми мечами. Еще более внушительные, чем пехотинцы, всадники излучали всем своим высокомерным видом и расслабленной манерой держаться в

седле уверенность, граничащую с незрелой и глуповатой бравадой. «Хех, какие напыщенные! — подумал Датокил. — А довелось б им в бой идти, так сразу же скукожится их бравасть».

Словно прочитав мысли Хитрейшего, Олиправд с гордостью похвалился, под конец даже причмокнув:

— И эти богатыри всегда готовы к бою! Ах, каковы!

— И в скольких же войнах участвовали эти холеные красавцы? — скептически склонив голову набок, усомнился Датокил.

— Ни в одной, до сего момента. — не смутившись ни на секунду на провокацию Датокила, тут же ответил Олиправд. — Но они знают вкус крови не только из историй о славных походах на материк древнейших царей и цариц.

— И что же это значит? — заинтересовался Датокил, прикинув, как можно выучиться войне без войны. Разумеется, учения, как жалкую тень истинного боя, он в расчет не принимал.

— Они бьются друг с другом. — просто и без ухищрений ответил Олиправд.

— Это как же, до смерти? — усмехнулся недоверчиво Датокил.

— Да, до смерти. — резко остановил смех Датокила царь, и тут же пояснил. — Я практикую бои на аренах и ипподромах между целыми конными соединениями и между отдельными всадниками. Разумеется, насмерть.

— Хм, это скольких же своих бойцов ты положил так... — прикинул посерьезневший Датокил. — Но простому люду это было бы славным развлечением.

— И не только простому люду. — подмигнул Олиправд. — Разумеется, огромная награда за победу побуждает всадников вставать в очередь, ибо арен на всех желающих не хватает. — Олиправд рассмеялся, заразив своей невинной жизнерадостностью на поприще смерти даже Датокила.

Завершение погрузки прошло в молчании: Олиправд сконцентрировался на смотре своих солдат, а Датокил, предчувствуя очередной морской поход, пребывал в дурном расположении духа. Отсутствие Пириуса никто не заметил, или, во всяком случае, не придавал этому серьезного значения.

Наконец, последние отряды взошли с плотов по трапам на борт транспортников, что совпало с последними лучами закатной Звезды. Олиправд, уже порядком уставший, пригласил Датокила с непонятно когда появившимся Пириусом на свой корабль, стоявший внутри длинного деревянного ангара на воде. Внутри этого ангара неприятно пахло солью и влагой, а погруженные под воду части конструкции были плотно заселены всякой оседлой морской мелочью, но личный корабль Олиправда оправдывал любую неприглядность: слаженное из отборного дерева, судно было изукрашено резьбой и золотистой краской на манер большой птицы, гордо и величественно устремившейся клювом к носу, а широким хвостом — к корме. На мачте ожидал своего звездного часа сложенный черный(все паруса астийцев были черными — план совершить высадку ночью определил цвет материи) парус, готовый расправиться и ловить каждое дуновение непостоянного морского воздуха. На борту уже в готовности ожидала царская гвардия — единственная астийская пехота, носящая полный доспех. На головах у каждого сидел своеобразный шлем, похожий на крупную луковицу — округлый и выпуклый снизу, но сходящийся к острому конусу наверху. Разумеется, на корабле не было ни пушек, ни ружей, но гвардейцы были вооружены большими арбалетами и длинными прямыми мечами, оружием внушительным и

смертоносным в ближнем бою, а морских битв в обозримом будущем не предвиделось, учитывая потери Северного Флота саргов.

Оглядев все это великолепие, Датокил без колебаний согласился на щедрое предложение Олиправда и отправил капитана «Беззубого» на свой корабль в одиночестве, оставив Хрграра при себе. Все было готово к отправке, и Олиправд отдал приказ капитанам грузовых флотилий.

Переправа от Астии до ближайшего к Фортерезии берега Нордикта была недолгой, как и следовало ожидать: расстояние между архипелагом и материком было куда меньше, чем расстояние между умами их жителей. «Проклятым» этот пролив, в конце концов, был назван саргами, и для саргов он таковым и был, начиная с неудачного штурма архипелага многие годы назад... Едва ли прошла и половина ночи, как из-за горизонта спокойной морской стихии выросла Десна Нордикта, на зубах прибрежной крепости которой посвечивали огоньки прожекторов Саргии. Солдаты королевства еще надежно контролировали сеть укреплений севернее фортерезских гор.

До появления на виду Десны грузовой флот Астии шел в полной темноте, ни свечи ни горело на бортах его ослепших кораблей. Чтобы не сбиться с курса, первым шел флагман — расписной корабль Олиправда с Датокилом на борту, предусмотрительно прихватившим с собой бутылку с магнитным целеуказателем. Морьякам остальных же кораблей приходилось перекрикиваться между собой, чтобы не потеряться в ночной тьме, вовремя корректируя движения могучих гребцов. Но вот флот уже достиг границ освещения тусклых прожекторов, которым не составит труда выхватить из тревожного неведения ночи агрессивных визитеров. Прошло время пути, настало время войны.

Олиправд загодя остановил свой корабль, дабы не попасть под обстрел береговых орудий саргов. По предварительной договоренности, достигнутой на астийском берегу, те грузовики, что вместили в себя лишь штурмовую пехоту, продолжили свой путь прямо до стены. Не прошло и пары минут, как Десна, недовольная пробуждением посреди ночи, начала остервенело оплевывать астийцев огнем и железом. Однако наводить орудия в темноте, при освещении немногочисленных прожекторов, было неудобно, потому в самом начале был потоплен лишь один грузовой корабль, которому не повезло оказаться под пристальным взглядом смердящей смертью неудачи, смотрящей на них неотступным светом факелов, окруженных впуклыми металлическими полусферами. Оказавшись на достаточно близком расстоянии, астийские лучники и арбалетчики ответили залпами стрел и болтов, смертельно поражая артиллерийские расчеты и саргийских стрелков. Вскоре тучи легких снарядов затмили саму ночь, и Десна смолкла, начисто лишившись зубов, выбитых многочисленными астийскими воинами.

— И это все?! — разочарованно скривив рот, воскликнул Олиправд, расправив руки по сторонам. — И это все, что смогла противопоставить мне легендарная Десна Нордикта?! И этого я опасался все эти годы?

— Не хорохорься, царь. — мрачно поспешил отрезвить Олиправда Пириус своей неприятной скрипотцой. — Сарги использовали гарнизон и орудия этого форта для пополнения пехотных легионов.

— Что ж, нам же проще... — не без разочарования ответил одернутый Олиправд.

Как только все очаги сопротивления форта Десны были окончательно подавлены, корабли подошли к берегу впритык, стукнувшись о скалы, на которых зияла крепость. По несколько человек с каждого борта закинули крюки на стену и, уцепившись ими за парапеты, а другим концом закрепив за носовые поручи, ловко поползли на штурм опустошенной линии обороны. Признаться, отсутствие доспехов в этой случае сыграло астийцам хорошую службу. И вот, наконец, штурмовики с воодушевляющим триумфом ходят

по стене, добывая раненых защитников. Пришло время вступить в дело оставшимся на кораблях людям: десантники потеснились к бортам, освобождая пространство в центре, и несколько воинов приподняли часть палубного настила, оказавшуюся двумя длинными досками, которые не без труда удалось закинуть на стену. И вот, наладив хрупкую «тропку» между Нордиктом и Астией, жители последней начали осторожный марш, неся в своих сердцах идею более тесной связи народов. Пусть даже и не совсем мирной...

— Сарги уже отправили гонца верхом до ближайшего поста. — задумчиво почесал подбородок Датокил, когда королевский корабль «причалился» к Десне, заполняя ее гвардейцами. — Скоро их основные силы узнают про нас.

— Тогда не будем медлить ни секунды. — Олиправд поторопил своих бойцов, что чуть не вылилось в трагедию: один из трапов громко и жалобно треснул, прогнувшись под тяжелым весом хорошо защищенных гвардейцев. Лишь счастливый случай и крепость астийского дерева спасли десяток лучших воинов от падения. Усвоив урок, Олиправд вернул пыл в прежнее, более спокойное русло.

С жалостью смотрев на суету людей в потемках, Звезда Вирида милосердно одарила своими первыми лучами земли Нордикта. Начался рассвет. К этому моменту вся пехота переправилась через стену, уже собираясь в свои подразделения под ней. С конницей было намного сложнее: хоть лошади и были достаточно хорошо натасканы на подобную переправу, но большой угол наклона способствовал тому, что бедные непарнокопытные скользили по отшлифованному дереву. К глубокой печали и горестным воплям своих хозяев, некоторые лошади срывались и падали, разбиваясь о камни и падая в воду. Те же бедолаги, что выжили после падения, тяжело травмировались, и их приходилось добывать, дабы не растягивать их мучения в условиях мобильного военного похода.

— Итак, свершилось — мы на Нордикте. — торжественно провозгласил Олиправд, обхватив пальцами внутренний парапет стены и торжественно оглядывая свои войска. Астийские армии к этому моменту завершали построение за главными воротами форта Десны, у кромки бескрайнего леса, уходящего в самую линию горизонта.

— Если ты хочешь разделить радость от этого визита с моим приором, то твой путь лежит на запад, через эти лесные дебри. — проговорил негромко Датокил, будто опасаясь голосом спугнуть выгодные для себя намерения Олиправда.

— Уверяю, дружище, мы еще вместе отпразднуем, ибо мои войска умеют работать с лесом. — усмехнулся Олиправд, повернув голову к Датокилу.

— Нисколько не сомневаюсь. — тихо ответил Хитрейший, оглянувшись на корабль-красавец, покойно ожидающий своего хозяина под стеной.

Выстроив отряды в походные колонны, Олиправд повел войска на запад, туда, где царила тревожная неизвестность, где широкая дорога на Саргию разрубала фортерезский лес поперек, где стоял фортом Артемир. Или уже лежал... Скоро все неясное станет явным...

* * *

Олиправд не солгал, и астийцы действительно были в приятельских отношениях с лесом: передвигались по лесу быстро не только безбронные пехотинцы, но и всадники. Хоть точным ориентиром и были фортерезские горы, астийцы мастерски находили стороны света по лесной подстилке и стволам деревьев. Словно ходячие ботанические сборники, лесовики знали наизусть, какие ягоды и грибы в лесу можно есть, а от каких лучше держаться подальше. Таким образом, лишь небольшая толика взятых в поход пайков тратилась (астийцы ели соленое и копченое мясо, а также забродивший в какой-то кисель

ржаной хлеб). Астийцев кормил лес, хоть и не так сытно, как вкушал Датокил Суженой Ночью.

Несмотря на густоту и бескрайность леса, в дружбу с которым ввязались астийцы и равенцы, и к невероятному восхищению Датокила, преодолевали чащи они стремительно, будто шли по чистому полю бойкой походкой. Какие-то несколько дней, и передовые разведчики передали тревожные наблюдения: впереди слышны призрачные отголоски стрельбы, скорбным эхом раздающиеся в окрестностях.

— Неужто мы опоздали?! — подскочил Датокил, завтракавший сухарями под раскидистой сосной, когда Олиправд передал ему новости. — Я до последнего надеялся, что мы успеем подойти до того, как сарги соберут новую армию.

— Ну, раз еще есть, кому стрелять, то и есть, кого спасти. — оптимистично приободрился царь. — Скоро мы убедимся в этом воочию.

Не удовлетворившись успокоениями Олиправда, Датокил настоял на том, чтобы немедленно выдвигаться на помощь. Царь не сопротивлялся, в алчущем нетерпении желая сойтись в битве с сильным противником. Стоит ли и говорить, что судьба Артемира не слишком его беспокоила.

Передав свои командирам, дабы они подготовили воинов к сражению, царь, гордо расправив плечи, опрокинул в себя некоторое количество крепкого напитка, с драматичным размахом разбив хрустальную чашечку о камень. Закатив свои черные глаза на это представление, Датокил указал Олиправду на то, что его голую грудь и живот ничто не защищает от стрел и лезвий вражеского оружия.

— Едва ли мне лично придется биться, но спасибо за заботу! — раздражая своей шутливостью, подкрепленной выпивкой, проворковал Олиправд. Шальных снарядов, хоть бы и выпущенных не по его душу, царь не опасался, распахнув еще сильнее свою мантию с роскошным воротом.

Когда все командиры явились к царю с готовностью к бою, Датокил вновь ощутил это неприятное предбоевое чувство, когда любая случайность, или же намеренный ход ловкого противника, может оборвать его далеко идущие планы. Нет, он не боялся смерти, он боялся, что все, что он с таким фанатичным упорством строил, разрушится, или перейдет в полное владение кому-то еще. Например, Артемиру. Конечно, Артемир сейчас полезен: он патриотичен и отважен на войне, но править огромной империей... Нет, на это его сил не хватит...

Когда Датокил вернулся из мира своих часто обдумываемых воображений, передовые отряды конных лучников уже отделились от стоянки. Они намеревались первыми нанести удар и прощупать силу врага. Следом за передовиками отправилась и пехота, с флангов защищаемая остальными всадниками. Незаметный в миру и яркий в бою, к пехоте присоединился и Хрграр. Олиправд и Датокил с Пириусом несли свой штаб в арьергарде. И вот спереди донесли крики и шум схватки. Астия вступила в настоящую войну.

— Вновь сарги... — вздохнул Датокил, встретив на своем пути следы первого боя: трупы утыканных стрелами саргийских легких всадников, курсировавших по лесу в поисках высадившихся астийцев. — Судьба не хочет, чтобы я начал забывать их воинственные лики.

— Ничего, скоро я привнесу в их лики немножко покорности и смирения! — с энтузиазмом вскричал Олиправд, воодушевленный мелкой победой своих конников.

Преследуя эту цель Олиправда, отряды астийцев юрко обтекали деревья, словно холодный лесной ручей, совершенно не замечая на своем пути никаких препятствий. И вот,

по мере течения, звуки стрельбы стали совсем громкими, пока астийцы не вышли из под сени хвой на вырубленный простор. Здесь их уже всюду ждал яркий свет Звезды, ознаменовавший жаркий летный день, омраченный лишь жестокостями войны. Как оказалось, вышло войско Олиправда прямо во фланг саргийскому лагерю, стоявшему на дороге из Фортрезии в Саргию и занятому войсками Лиги, о чем можно было судить по торчащим из земли разномастным знаменам. Только войск Лиги там практически не было: за невысоким частоколом из стволов вырубленных сосен стояли покинутые палатки и тлели затушенные очаги. На страже походных жилищ стояло всего лишь несколько отрядов лучников и эскадрон-другой легких всадников, к которым присоединились выжившие из леса. Не дожидаясь указаний Олиправда, штаб которого еще преодолевал последние клочки земель лесных владений, конный авангард совершил налет на лагерь. Без особого труда астийцы выбили из укрепления всадников и перебили лучников, никак не ожидавших, что их глубокий резерв станет на первой линии нового боя.

— Хах, замечательно! — захохотал Олиправд, увидев первые ратные результаты своей войны.

— И чего же тут замечательного? — встревожился Датокил. — Саргам удалось вновь собрать войска всей Лиги на своем поприще и, вероятно, они уже выбили Артемира из нашей стоянки. — прервавшись, он прислушался. — Судя по стрельбе, бой идет уже по ту сторону плоскогорья.

— Никуда твой приор не денется. — недовольный тем, что Датокил пытается омрачить его триумф, Олиправд подозвал командиров и приказал выстраивать войска фронтом к подъему, куда зазывала дорога. Интрига тумана войны скрывала путь за изломом, где должен был стоять Артемир.

В тот самый момент, как астийцы развернулись лицом к Фортрезии, с вершины склона показались пики саргийской пехоты, выстроившейся фалангой и изготавившейся к встрече с новым врагом. Ничуть не испугавшись «пикантного» свидания, Олиправд скомандовал атаку, и стрелковая конница приступила к штурму склона. Слово этого и ожидая, фаланга дала несколько брешей, из которых показали свои заветренные морды псы войны — пушки.

— Их тяжелой конницы здесь нет... — взволнованный видом саргийских пушек, слегка сгорбился в седле Датокил, с опаской ожидая огня. — Иначе бы они использовали уклон, чтобы снести нас своей железной лавиной.

— Зато здесь есть астийская конница! — вскричал Олиправд, подбадривая своих воинов. — И ее хватит на все саргийское войско!

Голос Олиправда возымел эффект, и, словно желая скорее воплотить слова своего царя в жизнь, астийские всадники перешли на галоп, выпуская первые порывы стрел в противника. И в этот момент саргийские артиллеристы открыли огонь. Под внушительный грохот тяжелые ядра ворвались в плотный строй астийской конницы и увлекли за собой по десятку жизней каждый. Вопреки скептическим ожиданиям Датокила, астийцы не дрогнули, достигнув саргов в непоколебимом порядке. Поняв, что противник их не боится, сарги начали постепенно отходить. Вдогонку отступающим полетела целая туча стрел, отскакивающих от пушечного монолита, проникающих в щели между латами и застревающих в красно-белых щитах, превращая их в причудливо оперенных дикобразов.

Увидев неуверенность саргов, астийцы повесили свои луки через плечо и с залихватским звоном достали свои сабли, со свистом и улюлюканьем устремившись прямо в гущу саргийского строя.

Опытные саргийские пехотинцы тут же остановились, как вкопанные, выставив вперед все пики, что у них были в распоряжении. За древковым лесом спрятались стрелки с ружьями, просочившиеся вперед из тыла фаланги. Но, как бы ни хотелось пикинерам, стена их длинных копий не остановила астейцев, которые двумя красивыми и ловкими движениями своих сабель отбивали острия в сторону от себя и били наотмашь по шеям саргов. На помощь товарищам попытались прийти стрелки с ружьями, но все, что они смогли сделать, это один нестройный залп, ибо первая линия фаланги начала активно отходить, увлекая за собой и стрелков, не имеющих достаточной ловкости заряжать свои оружия на ходу.

— Хах, дрогнули голубчики! — затряс кулаком в воздухе торжествующий Олиправд. — Впер-ред, братцы, добивай сарга!

С готовностью приняв приказ, остальная конница бросилась на помощь своим передовым соратникам, подгоняя лошадей саблями плашмя по крупу. Отступление саргов и преследование астейцев скрылись за изломом склона. Недовольный отсутствием зрелища, разгорячившийся Олиправд, под активный протест Датокила, скомандовал перенести штаб на высоту, вслед за своей конницей. Хитрейший же, не имевший на себе брони и не желавший идти во второй линии наступления, покинул штаб и отошел за пехотные полки, не обращая внимания на колкости Олиправда по поводу равенской смелости.

Так или иначе, астейские конница, генеральский штаб и пехота преодолели высоту, и прежняя тревожная неизвестность навалилась на замыкающего армию Датокила ослепительным светом множества красочных деталей и эмоций, обратившись в захватывающее дух зрелище.

На месте стоянки Артемира стоял трехуровневый форт с невысокими каменными стенами, основательно разрушенными пушечными ядрами. То тут, то там земля была изрыта прожорливыми снарядами, а там, где не зияли рытвины от железных челюстей, лежали трупы саргов и равенских всадников. Сердце Датокила сжалось, когда он оценил количество неподвижных черных тел на ратных просторах. Видно было, что сарги просто завалили Артемира своими солдатами, в огромном количестве убитых под стенами форта. Приор, постепенно заваливаемый трупами врагов, выслал конницу, дабы с флангов обойти и рассеять врага, но потерпел крах («Эх-х, каждый раз конницу гробит!..»), после которого в бой вступила саргийская артиллерия, плотно обстреляв равенские укрепления. Ушел ли Артемир из-под удушающего огня упорядоченным войском через ущелья, или же в отчаянии бежал, Датокил не знал, но ожесточенный грохот по ту сторону давал надежду, что за узким плоскогорьем идет отчаянное противостояние, а не погоня с добиванием.

Но еще рано было грезить той стороной, ибо сарги перед фортом не собирались сдаваться так уж быстро. Да, фаланга из не успевшей переправиться через ущелья пехоты вот-вот должна лопнуть, разломившись на множество малых отрядов, раздираемых астейцами. Но все же в форте, занятом саргами, остались целые пушки, брошенные Артемиром, а потому со стороны каменных укреплений регулярно доносился грохот и валил клубами дым, словно там кашлял юный курильщик, не сдюживший с тлеющей отцовской трубкой, набитой крепким табаком.

— Эх, как поливают! — с задором приосанился в седле усмехнувшийся Олиправд, наблюдая, как ядра выкашивают его конницу вперемешку с саргами. — И по своим же бьют, а не жалко поганцам!

— Эк, цену наших воинов с бесценкой их отребья не сравнить, даже они это понимают,

Ваше Царское! — сподхалимничал один из военачальников, сопровождавших царский штаб, на что Олиправд бойко рассмеялся. Правда, смех был недолгим, ибо одно из ядер выбило подхалима из седла по частям, что в значительной степени обогатило худую царскую осторожность.

— Я смотрю, вы одумались, наконец. — с нескрываемым довольством протянул Датокил Олиправду, который перетащил штаб к нему, сразу же за пехотные порядки.

— Да что ты, дружище, просто жаль смотреть на тебя, одиночество ты равенское, вот и решил составить компанию! — нашелся неунывающий царь, преисполненный комфортом, словно родился и жил не в отдаленном и покойном мире, а в самом сердце кровавого боя.

Астийцы, истинные дети своего монарха, ничуть не отставали от правителя: ни один всадник не дрогнул под артиллерийским огнем, доселе ими неиспытанным, продолжая рубить саблями и колоть копьями саргов. А уж когда в бой вступила пехота, тут и настал конец саргийской фаланге, оставшиеся воины которой бросили безнадежное противостояние и побежали к форту, надеясь спасти свои жизни. Стремительно разметав отступающих, конница Олиправда незамедлительно бросилась на форт, затихший еще до того, как его застенки заполнились рьяными всадниками.

— Что ж, нет среди них твоего приора? — поднявшись до верхнего уровня форта, Олиправд рассматривал среди поломанных равенских шатров кучи убитых солдат в черных одеяниях.

— Словно бы и нет... — без особого облегчения ответил придавленным голосом Датокил, расстроенный такими потерями в его войске.

Металлический лязг и раскаты смеха, усиленные акустикой ущелья, отвлекли царя и Датокила от смердящего и печального урожая смерти. Следом за своими голосами из горных щелей появились и их хозяева — астийские ударные всадники, ведущие перед собой пленных, которых доселе не брали, убивая сдававшихся и бегущих без пощады. Но этих решили оставить, и по внешнему виду плененных было ясно, почему: четверо тяжело защищенных рыцарей, на латах одного из которых благородно поблескивали золотые декоративные вставки, а на вершине цилиндрического шлема щеголевато красовался красно-белый плюмаж из пышных перьев, гордо качающихся на ветру.

— Кого это вы мне привели? — сощурился Олиправд, внимательно изучая благородных саргов.

— Этот, что словно петух с перами, на коне был, но конь споткнулся и упал, придавив седока. — начал довольно косноязычно пояснять командир астийского отряда, взволнованный общением с царем. — А эти, что обычные, бросились его защищать, но выжили и сдались только трое, хотя их было эдак с дюжину.

— Ну и кто же ты, рыцарь? Генерал, али просто богач, решившийся разделить тяжесть боя с простыми воинами? — поинтересовался у озолоченного рыцаря Олиправд, подойдя верхом предельно близко, дабы смотреть на спешенного пленника сверху вниз.

— За меня можно получить богатый выкуп, если это то, чего тебе нужно, астиец. — решил сразу зайти с козырей пленник.

— Отвечай прямо, сарг! — злобно загромыхал Олиправд, рассерженный таким высокомерным неуважением. — Иль по мне видно, что в нужде я?!

— Я — майор-адъютант Мобиус, приближенный Его Величества короля Альзория. — пробормотал за забралом оробевший рыцарь. — И от Его Величества за меня можнс получить много золота.

— Да как же от «Твоего Величества» можно хоть что-то получить, если он в плену? — пренебрежительно протянул Датокил, скривившись в усмешке.

— Неужели ты, равенский невежда, думал, что Его Величество удержат оковы каких-то варваров?! — чуть ли не брызжа ядом, который легко бы растворил железную решетку забрала, прошипел Мобиус. — Он свободен, и ничто не удержит его ярость, которая обрушилась на врагов Саргии.

— Что ж, увидим. — ничуть не смутился Олиправд, в отличие от Даткоила. — Но ему придется справляться без своего адъютанта.

Сказав эти слова, Олиправд молниеносно выхватил копьё у стоявшего рядом всадника, ловко провернул его в руке и с силой пробился наконечником прямо в обзорную щель шлема Мобиуса. Тот, не успев среагировать на выпад, схватился было за древко копья, но ничего не смог сделать, лишь сдавленно выкрикнув в ответ на смертельную рану. С такой же силой выдернув копьё из головы Мобиуса, Олиправд молча наблюдал за тем, как убитый майор-адъютант упал на колени, а следом обрушился с лязгом на живот. Кивнув следом своим всадником, царь разрешил казнить и троих майоровых гвардейцев. Бедолаги встрепенулись и взмолились о пощаде, почувствовав неминуемую гибель, но палачи были неумолимы: предсмертные крики возвестили о незавидном конце остальных пленников.

— Возможно, этот майор мог бы быть полезным... — без особого рвения упрекнул царя Датокил, безразлично осмотрев безжизненное тело Мобиуса.

— Все, что мне нужно знать, я и без него знаю: где Саргия, где сарги, и чего от них ждать. — отрезал Олиправд, оглядываясь по сторонам. — А где Пириус? Почему он всегда исчезает и появляется неожиданно, словно срамная болячка?

— А я думал, что ты уже привык к его натуре, царь. — раздался глубоким вздохом утомленного наставника Датокил, словно вновь разговаривал с Артемиром. — Пириус появляется и исчезает, когда ему нужно. И каждое его явление сулит нам пользу, а это главное.

Не став спорить с Хитрейшим, Олиправд молча уступил дорогу через ущелья своей пехоте, всюю маршировавшей навстречу основным силам противника, уже ожидающим их по ту сторону фортерезской границы. Царь уже не решался скакать навстречу врагу с грудью наголо, начав переход через глубины плоскогорья последним, а потому не знал, с чем столкнуться его передовые отряды.

Вовремя осознав драматическую силу удара в тыл, Альзорий(если верить Мобиусу, командовал армией Лиги именно он) стянул к выходам из ущелий плотный костяк пехоты, надеясь задерживать продвижение астейцев достаточно долго, дабы сначала добить ослабленного Артемира, а потом заняться островитянами. Да, приор еще был жив, но его войско было на грани поражения. После отхода из форта он также, как и Альзорий сейчас, пытался остановить сводное войско нордиктовцев, но фанатичный напор было не удержать, и полки Лиги вырвались из ущелий, словно буйный поток пенистой реки, прорвавшей плотину и насмехающейся над тщетностью попыток усмирения водной стихии. Продолжив отход с боями, Артемир преодолел поле прежних сражений и поднялся вверх по дороге, будучи окружен там, где были замучены и убиты Салатор, Алила, и многие другие равенцы, плененные саргами ранее. Дальше отступать Артемир не мог: саргийская конница уверенно обошла его с флангов и тыла, пользуясь численным преимуществом в конной силе. Окружение, а также место тяжкой скорби, запечатленное равенцами, не могли не сказаться на боевом духе солдат Приората, утомленных и удрученных безнадежной борьбой.

Однако, несмотря на вынырнувшую из исторического забвения консолидацию стран Лиги вокруг Саргии, основанную на ненависти их правителей к якобы клятвопреступнику и убийце их родных и близких, бывших в заложниках, Артемир был не один.

Незадолго до решительной атаки Альзория, через Фортерезию к нему пришел на помощь Старший Герцог Альвидес, да не один, а с войском Серпийского Альянса. Как оказалось, в ночной бойне, в результате которой погибли все заложники и бежал Альзорий, уцелел робкий Цапля. Не ясно, как ему удалось избежать печальной участи своей госпожи, но он мало того, что выжил, так еще и правдами-неправдами добрался до своей родины, оповестив Альвидеса о том, что в лагерь Артемира проник убийца и лишил жизни юную Монну. Поняв сразу, кому выгодна эта жестокая выходка, озверевший от горя и ярости герцог собрал всех, кто мог держать оружие, выплатил им огромное жалование из казны, добавив сверху клятву выдать вдвое более по окончании войны, и отправился на север. Дошел до Фортерезии он вовремя, чтобы понять, что скоро будет великая битва: еще не доходя до местных гор, Альвидес встретил несколько небольших воинств малых государств Лиги, направляющихся на границу с Саргией. Отобедав с их предводителями, принявших Альвидеса за сопутствующего им союзника, герцогу удалось убедить нордиктовцев в ложности идей, ловко заложенных хитрым Альзорием в их наивные головы. Таким образом, войско Альянса пополнилось несколькими новыми полками, ставшими на его сторону.

Беспрепятственно взобравшись на фортерезские плато, Альвидес настиг стекающие к Чернильной Цитадели отдельные отряды аборигенов, призванные их князем для несения возмездия жестоким равенцам. К неудовольствию герцога, фортерезцы не решились выступить против него, но и вступать в союз не захотели. Плюнув на высокую честь монарха и прочие благородства, Альвидес напал на лицемеров и перебил их, не желая оставлять у себя в тылу таких ненадежных вояк. По пути до Цитадели ему удалось засушить не одну такую чернильную речку, лишив горную столицу живительного питания. На Столичном же Плато Альвидес настиг самого князя с самым малочисленным войском, которые ему когда-либо удавалось собирать. Не будучи в силах принять полный провал призывной кампании, князь Фортерезии в отчаянии сбросился в бездонную расщелину, не желая вновь чувствовать горький вкус полного поражения и тяжких переживаний за неизбежную гибель своей страны. Принявший властное бремя троюродный брат князя полностью капитулировал, отдав страну в распоряжение Альвидеса.

Скинув за обочину труп обескровленного врага, Старший Герцог беспрепятственно достиг ущелий и вступил в переговоры с не на шутку встревоженным Артемиром, прекрасно видевшим наращивание сил Лиги у себя в подножье. Узнав, что руки Альвидеса несли ему не секиру палача, но венец союза, приор несказанно обрадовался, лично обняв и расцеловав раскрасневшегося от смущения Цаплю, сопровождавшего своего господина. Вместе отскорбев по Монне, Артемир и Альвидес изготовились к войне с самым большим войском, которое только им обоим доводилось с тревогой, да и чего таить, страхом, видеть.

— Да что ж там происходит? Почему они отходят назад и оттаскивают орудия?

Артемир, в компании Альвидеса наблюдающий за боем в самом сердце большого кольца воинов, выгнул уголки губ в полнейшем недоумении, наблюдая отведение части пехоты и всадников Лиги назад, к ущельям. Совершенно точно он мог сказать, что никто из его войска не остался по ту сторону, чтобы отвлечь и малую толику столь ценного внимания противника.

— Возможно, Златная Коммуна?.. — разделяя непонимание союзника, пробормотал Альвидес. — В конце концов, даже ее барону может быть не чужда честь.

— Барон, да и его сын, Исхий, исчезли из виду, как только мы покинули границы их страны. — с уверенностью в голосе покачал головой Артемир. — Для меня достаточно и того, что они не откликнулись на зов Альзория. Конечно, это мог бы быть Датокил, но мне не хочется столь отчаянно себя обнадеживать.

— Нам бы не помешал батальон-другой войск, каких бы то ни было. — ревностно протянул старческим сухарем Альвидес. — А не то доведется нам здесь погибнуть в этих прекрасных доспехах.

Действительно, что Альвидес, что Артемир, были облачены в парадные одеяния, укрепленные к бою. Сильно состаренное скорбью тело Альвидеса стягивал вниз позолоченный с драгоценностями доспех, укрытый зеленоватым плащом, увенчанный традиционным золотым обручем в виде змеи. Артемир же, частенько пренебрегающий защитой и чувствующий в ней скованность членов, все же на свою рубаху натянул кольчугу, поверх которой закрепил кирасу с наплечниками и наручами. Самой же верхней одеждой стал не совсем уместный в летний жар халат из шкур гунтальских лис, уже описанный в недалекие, но уже незапамятные времена начала этой войны. Неухоженные и слипшиеся вьюны черных волос Артемира накрывала черная овечья шапка с пурпурным пером, из-под засаленного охвата которой всюю стекал пот. В качестве протеза Артемир избрал свой любимый шип, будучи уверенным в том, что ближнего боя ему не избежать, как и гибели.

Но так ли гибель возможна, как считал заранее обрекший себя Артемир?.. Все больше и больше войск оттягивалось от его войскового кольца, ослабляя охват. Некоторым равенским отрядам даже удалось разрушить звенья окружения, перейдя в контратаку. Умеряя пыл воодушевившихся воинов и не давая им открывать фланги и тыл, у Артемира в сердце зажегся робкий огонек надежды. Неужели Датокил преуспел? Неужели он смог склонить астийцев на его сторону? Но нет, нет же, нельзя обнадеживаться! Нет ничего хуже, чем крушение смелой надежды о грубые и неотесанные скалы жестокой реальности!

Словно желая как можно скорее вернуть прежнее жизнелюбие во взгляд и думы приора, из-под дороги на ущелья со свистом и улюлюканьем выскочили десятки стремительных всадников, малыми эскадрами обтекая опешивших саргов и обстреливая их фланги из луков.

— Во имя забвенных богов, кто это?! — вскричал Альвидес, бегая сощуренными глазами по сторонам, словно силясь взглядом охватить всю эту аномалию действительности, которую он не мог понять.

— Астийцы... — с диковатой улыбкой, выражающей сорвавшегося с цепи цербера надежды, радости и облегчения, выдавил Артемир.

— Неужто твой друг смог привезти на Нордикт этих несговорчивых варваров, грязных

и... кхм. — мельком увидев лицо Артмира, Альвидес виновато свернул свои речи из пережитков прежних времен, вместо этого окончив словами куда более рассудительными. — В конце концов, это тот самый батальон-другой, что я просил, так что нечего мне жаловаться...

Словно жуки-древоточцы, далеко не батальон-другой астейцев вгрызался в плотный ствол армий Лиги. Волны всадников, одна за другой, накатывались своими шумными гребнями на отдельные части войска, не давая пехоте выстроиться дикобразом и рассеивая воинов, лишая порядка и дисциплины. Вскоре на поле боя проявилась и астейская пехота, собирая за своей конницей недобитого противника.

Наконец, настал момент, когда войско Артемира удерживала лишь тонкая полоска саргийской гвардии, на которую возложили слишком большую ответственность, что приор и доказал, совместно с герцогом скомандовав контрудар. Резервы копейщиков, которые дальновидно удерживались в последних рядах кольца воинов, со свежими силами устремились на фронт, изобретательно выискивая уязвимости в тяжелой броне подуставших гвардейцев и поражая их. Опрокинуть таким образом сильную и дисциплинированную пехоту не удалось, но через несколько брешей, выломленных в хватке саргов, Артемир пустил остатки своей конницы, поддержанной серпийскими всадниками. Оказавшись между конным молотом и пехотной наковальней, саргийские гвардейцы бросили свои попытки сохранить окружение и начали собираться в когорты, дабы упорядоченно отступить. Как бы ни старались войска Артемира и Альвидеса, им не удалось воспрепятствовать упорным солдатам короля, которые с потерями, но все же отошли к основной части войск Лиги, сохранив порядок.

Сбросив удушающий обхват, равенцы с серпийцами выстроились в эшелонированную линию, изготовившись к симметричному ответу: окружению и уничтожению армий Лиги. Но штаб саргов, командовавший легионами, вовремя осознал угрозу, нависшую над войсками, потому сначала остановил продвижение астейских всадников своей тяжелой кавалерией, а потом начал поспешно отесняться ко флангу, ближе к лесу, таки избежав катастрофы. Расторопность генералов и Альзория лишила трех армий возможности разбить Лигу с двух сторон. Легионы Нордикта справились с астейским кризисом, отойдя и выстроившись лицом к соединившимся войскам нового союза.

И вот, патовая ситуация, где никто не может добиться решающего преимущества: две силы стоят супротив друг друга, не решаясь нанести удар. У равенцев, серпийцев и астейцев сильное преимущество в коннице, тогда как у Лиги все еще сохраняется крупный перевес в общей численности воинов, да и большую часть артиллерии саргам удалось спасти. Крупнейшее за всю историю Вирида сражение, длившееся несколько дней и изобиловавшее жестокостью и стремлением к полному истреблению противника, окончилось ничьей. Остаточные вспышки боя ограничились вялой артиллерийской перепалкой, да и та сошла на нет, когда сарги отошли к лесу и стали к нему арьергардом. Даже марийские «осы» не смогли бы эффективно помочь продолжению противостояния.

Воспользовавшись затуханием очередного воспламенения пожарища войны и смешением его войска с астейским, спешившийся Артемир решил с благодарностью приветствовать своего спасителя, а заодно познакомиться с новым союзником. Пройдя через сплоченные отряды воинов, приор вышел к астейцам, где его уже ждал Хитрейший в середине круга, освобожденного солдатами. Альвидес же отправился в ряды своих бойцов, обещаясь присоединиться позже.

— Датокил, друг мой славный, сначала ты поставил меня на ноги, а теперь спас от сокрушительного падения! — со счастливой улыбкой Артемир распахнул объятия Датокилу, полюбовно похлопав его по спине.

— Я буду подле тебя, готовый поддержать словом и делом наш Приорат. — покровительственно ответил Датокил, освободившись от хватки Артемира. — Но благодарить стоит не меня.

Дождавшись этих слов, будто сигнала, из-за спин астейцев неспешно вышел Олиправд, широко улыбаясь своим раздумявшимся лицом. Артемир обнял и его, только, в отличие от Датокила, Олиправд не только не стал освобождаться от объятий, но и достойно ответил, отчего у приора хрустнуло где-то в спине.

— Вот ты каков, приор Артемир! — воскликнул Олиправд, когда обмен крепкими любезностями закончился. — Высок, статен, да и сабля не нужна! — незлобливо рассмеялся Олиправд, увидев увечье Артемира, на месте которого красовался шип, будучи теперь не к месту.

Нисколько не уязвившись от насмешки, Артемир ответил искренним смехом.

— А где же Кориган? — вдруг опомнился Датокил, объявшись легкой тревогой. — Неужто?..

Мигом омрачившееся лицо Артемира поначалу задало тон ожиданиям худшего, но слова привнесли ясность:

— Он жив, но... тяжело ранен. Мариус занимается его ранами в одной из повозок ученого полка.

— Расскажи, что с ним случилось! — не желая портить настроение посещением раненого, или даже умирающего Коригана, затребовал устное пояснение Датокил.

Удовлетворяя интерес Хитрейшего, Артемир рассказал, что в тяжелый момент боя, когда закрепление в форте уже было мечтой несбыточной, Кориган вызвался задержать наступление Лиги на полуразрушенные укрепления вместе с пехотными частями своей Второй Армии. Отступая через ущелья обратно на землю Фортерезии, приор видел его целым и невредимым последний раз. В следующее их свидание соратники Коригана тащили его на себе, истыканного стрелами.

— Причем стрелы эти... — приор сморщил лицо, не сдержав омерзения.

— ...Были смазаны дерьмом. — проницательно кивнув головой, закончил за Артемира Олиправд. — Дурно дело, надо было раны сжечь каленым железом незамедлительно.

— Я верю, что Мариус так и поступил. — в словах Артемира проступила вина за то, что он сам не совершил необходимых процедур, попросту сбавив своего раненого товарища саргу-ученому. — Теперь, когда наступило затишье, нужно бы его проведать.

— Не спеши. — возразил приору Датокил, кивнув головой в сторону, с которой сквозь толпу воинов пробивался всадник, явно ища старших командиров. — Здесь! — Датокил помог ему голосом.

Определив в толпе источник голоса, всадник достиг места встречи глав армий. Завидев спешенного приора, воин в скорости соскочил со своего скакуна и склонил голову в поклоне.

— Что у тебя? — не желая втягиваться в эти подобострастные вежливости, раздраженно рявкнул Датокил.

— Со стороны саргов приближается несколько всадников, над первым из них развевается бледное знамя. — отрапортовал вестник, по окончанию доклада вновь склонив

голову. Датокил махнул рукой, отпуская его.

— Переговоры. — подвел черту Артемир, вздохнув с облегчением. — Эта бойня действительно окончилась.

— Окончилась? — недоуменно переспросил Олиправд, выдавив мину крайнего недоразумения. — Да мы только начали!

— Нам едва ли удастся уверенно победить их теперь, когда все возможные преимущества неожиданного удара сарги смогли свести на нет. — спокойно и резонно вступился за свою позицию Артемир. Датокил согласно кивнул.

Не желая развивать в такое время конфронтацию, Олиправд, будучи в меньшинстве, раздосадовано плюнул, присоединяясь к равенцам.

Оседлав коней, Артемир, Датокил и Олиправд двинулись сквозь расступившийся строй солдат навстречу парламентарам. По пути к ним присоединился и Старший Герцог. Согласившись с мирными переговорами, Альвидес солидарно выразил готовность сопутствовать равенцам и впредь. Вышли на фронт союзники как раз вовремя, дабы сойтись лицом к лицу с Альзорием и его гвардейцами, надменно смеривающих своих врагов взглядом сквозь прорези тяжелых шлемов. Но на лице самого Альзория, вопреки обычаю, не было и намека на ядовитую смесь высокомерия и пренебрежения. Будучи облачен в красивый латный доспех с кроваво-красным плащом, щеголевато отражающий дневной свет, лицом он походил на свою броню: бледное выражение с застывшим на нем осмыслением происходящего и готовностью принять все, что только может произойти, реального, или же совершенно невозможного. Левая рука была прижата к груди и висела на перевязи. А на вершине позолоченного шлема с забралом красовалась...

— Корона Патриарха, посмотрите-ка! — нарушив устаревший этикет переговоров, выпалил со смехом Олиправд, сощурился на головном уборе молодого короля Саргии. — Едва ли древнейший головной убор правителя всех народов этого мира тебе по головешке. Из всех камней, что в зубьях ее покоятся, оставил бы лишь саргийский рубин!

И действительно, отсутствие лишь одного-единственного малахита в золоте, символизирующего народ Астии, было явно не актуально: изъять черный камень Равении и порядочно изломать изумруд Центрального Нордикта было бы весьма уместно.

— Значит, астийский царь и серпийский герцог, так? — холодно и беспристрастно проговорил Альзорий, переводя взгляд с Олиправда на Альвидеса. — Чего же такого пообещали вам эти варвары, что вы вступились за них.

— Твою голову на блюдечке, сарг! — нагло ответил за двоих Олиправд, разжигая огонек ненависти в своих выразительных глазах.

Удовлетворившись подобным ответом, а, возможно, просто поняв, что с ними нечего и обсуждать, Альзорий отвернулся от Олиправда с Альвидесом в пользу Артемира, заговорив с ним, будто ожидая встретить чистый источник благоразумия среди мутных потоков грубости и невежества:

— Вот мы и встретились вновь, приор, и на мне более нет оков, как видишь.

— Но и я вполне себе жив, да и воины мои при всех своих членах. — ответил под стать своему оппоненту Артемир, спокойно и хладнокровно. — И то, что ты убил всех моих заложников, не столько много тебе и дало. Я же тебе этого не прощу никогда... — после этих слов лицо Артемира не сдержало хладнокровия, наполнившись смесью горечи и ненависти. Уж слишком свежа была память о Салаторе, Алиле, Монне...

— Я оцениваю действия того страхолюдного и вероломного нордиктовца куда выше. —

произнес не без гордости Альзорий, не уделив внимания тихой угрозе. — Теперь на пути к цели меня не сдерживают ни твои оковы, ни страх нордиктовской знати за свою кровь.

Еще не зная про ночную резню с заложниками, Датокил потрясенно переспросил:

— Убийство заложников?! Вот, значит, как...

Со смесью удивления и довольства Альзорий было перевел глаза на Датокила, но быстро вернул взгляд к приору, предпочитая продолжать беседу именно с ним:

— Видимо, далеко не до всех в твоем племени события доходят быстро. — тут он позволил себе даже усмешку. — Возможно, он даже думал, что я все еще в твоём плену?

Временно покинув узкие пределы переговоров, Датокил окунулся в обширные палаты размышлений. Однако, думал он недолго, ибо все, что нужно было, это сложить несколько фактов: убийство заложников, предупреждение Пириуса про лазутчика Олиправда, а также помощь «вероломного нордиктовца» в освобождении Альзория. Похоже, слуга Олиправда действительно сменил хозяев с самыми разрушительными последствиями для равенцев. Альзорий не смог бы внедрить своих шпионов в Приорат, ведь все они, будучи верными Пириусу, покинули службу в единое мгновение, вслед главной Летучей Мыши.

Разумеется, Олиправд нес за эту резню косвенную ответственность, и должен быть наказан со всей строгостью и жестокостью, несмотря на спасение остатков войск Приората. Датокил едва заметно кивнул головой, соглашаясь с собственными выводами и вынесенным царю Астии вердиктом.

— ... Тогда мы договорились. — слова Альзория вернули Датокила в реальный мир, где Артемир уже противоестественно жал здоровую руку Альзорию, и последний со своими гвардейцами начал обратный путь до своих войск.

— До чего договорились? — как только сарги отошли достаточно далеко, а Олиправд с Альвидесом удалились в свои войска, спросил у Артемира Датокил. Приор, сопровождаемый Датокилом, решил таки проверить раненого Коригана, за чем и направлялся в ту часть войска, где находилась повозка ученого полка с Марием.

Удивленно посмотрев на Хитрейшего, Артемир не менее удивленным голосом ответил:

— Ты же был подле нас.

— Я отвлекся. — досаждая оттого, что удивление приора совершенно справедливо, сморщился Датокил.

— Что ж... Мы пришли к тому, что битва окончилась ничьей, и к ночи Альзорий со своими легионами покинут Фортерезию, удаляясь вглубь своих границ.

— Однако же, этому Альзорию вовсе не чуждо благоразумие, если его как следует припереть к стенке. — довольно улыбнувшись, проговорил Датокил, стукнув по боку сапогом испугавшегося своего коня. — Страх потерять свои армии оказался в нем сильнее желания утопить нас в собственной крови.

— И то верно. — поддержал позитивный настрой друга Артемир, с веселым скрипом снимая со своего протеза шип. — Я не видел его таким отчаявшимся даже в нашем плену. И все это благодаря тебе и... как же так, мы с астийским царем так нормально и не познакомились...

— Олиправд. — отрезал грубо Датокил, вернувшись думами к этому негодяю. — Не доверяй ему, молю тебя!

— Отчего же? — еще более удивившись словам Датокила, опешил Артемир.

— А оттого... — и Датокил рассказал про свои домыслы приору, опустив при этом часть событий, открывающих участие в них Пириуса.

— Вот значит как... — выслушав Датокила, сощурил взгляд куда-то в дорожную пыль, поднимаемую копытами коня, Артемир. — Ты уверен?

Решимость в голосе, смешанная с жесткой серьезностью, вовсе не характерной для Артемира, удивили Датокила. Впрочем, можно было и догадаться, что виноватого в смерти Монны приор возненавидит.

— Я в этом не сомневаюсь. — утвердил свое мнение Датокил.

— В таком случае, как только в нашем союзе отпадет острая нужда, я с ним разберусь. — стиснув кулак и зубы, процедил Артемир, сверкая искрами из глаз, давно отвыкших от подобной ненависти.

«Что ж, теперь по этому вопросу у нас будет единение до тех пор, пока воля приора не станет дешевле воздуха». — довольно промелькнул мыслью Хитрейший, ничуть не менее ненавидящий жадного и наглого астейского царя, хапнувшего чуть ли не половину Саргии.

— Теперь понятно, почему он так взволновался, когда Альзорий заговорил про этого убийцу. — источая негодование, не давал успокоиться себе Артемир. — Как он начал тербить поводья, мерзавец!

— Мерзавец, который еще и за свою помощь затребовал всю восточную Саргию. — не удержав бочку с маслом над огнем, подкинул топлива в костер ярости Датокил.

— Да и пес с ней, с этой Саргией, не за нее воюю! — плюнул Артемир, причем Датокил сморщился так, будто приоровский плевок прилетел ему в лицо. — Он поставил под страшную угрозу жизнь моего народа, из-за него убили беззащитных заложников, его неумелость в подготовке шпионов скомпрометировала мое честное слово перед Нордиктом, и за все это он ответит.

— Но не ранее, чем представится удобный случай. — со всей убедительностью, на которую способен, ограничил агрессию Артемира Датокил, наклонившись в седле, дабы слова его проделали меньший путь до ушей приора и не исказились вероломным фортерезским воздухом.

— Разумеется. — неожиданно умело спрятал злобу в тени спокойствия Артемир, шумно выдохнув из груди накаленный ненавистью воздух. — Вот мы и прибыли.

Среди продовольственных и фуражирских частей затесался маленький ученый полк, состоящий из десятка-другого солдат и отобравшего их Октавиуса Мария, не привлекающего к себе внимания без особой нужды, и кропотливо работающий над новым оружием. Одной из последних новинок равенцы даже успели мельком воспользоваться, но стремительное наступление Альзория и давка при эвакуации вынудили защитников форта бросить лафеты с установками, затесав их среди пушек и гаубиц, благодаря чему торопящиеся добить противника сарги их не заметили. А суть оружия состояла в том, что это было обычное длинноствольное ружье, но... многозарядное. Оканчивался железный ствол отсоединяемым барабаном на восемь зарядов с собственными взрывателями, который можно было вращать, отстреливая пули гораздо быстрее, чем на это был способен даже самый опытный и сноровистый стрелок с обычным ручным ружьем. На узких участках обороны, где добиться высокой концентрации ружей было сложно, многозарядники Мария показали хороший результат. Сложность производства, с одной стороны, побудила Артемира вновь воздать хвалы гениальности и мастерству Мария, но с другой — выразить сомнение в возможности создания большого количества таких орудий, ибо переносной кузницы у равенского войска нет, и единственное, что могли выплавлять равенцы при отсутствии вблизи селений с кузнецами — это пули.

Но теперь, когда необходимая дань заслугам выдающегося сарга принесена, и когда Артемир с Датокилом отыскиали его в наскоро развернутом лекарском шатре, пришло время вернуться к прозаической реальности из поэтического измерения лестных дифирамбов.

Войдя внутрь шатра, Артемиру предстала картина печальная, но привычная за время войны: множество страждущих раненых на окровавленных настилах из того, что нашлось под рукой. По числу же тех, кому оказывалась помощь, смехотворно уступали общему количеству потерь в войске, да и половина из спасаемых уже обрела вечный покой, забыв о столах и мучительной телесной агонии. Бедный Октавиус Марий, покрытый испариной метался от одного выжившего к другому, стараясь сохранить жизни воинов, которые все же неминуемо утекали сквозь его пальцы, дрожащие от волнения и осознания малой пользы его усилий. Все же, медицина была ужасающе слабо развита в ту мрачную эпоху Вирида.

На одном из самых чистых настилов легко было узнать пурпурный генеральский поддоспешник, в который был одет Кориган. Выглядел он ужасающе: по его лысой голове градом стекал пот, от которого пурпур стеганки потемнел, глаза его, полузакрытые веками, то и дело вращались, жутковато оголяя белки. Он явно был в бессознательной горячке, утратив восприятие реальности.

— Как он? — тревожно спросил Артемир, как только Марий заметил его присутствие.

По тому, как седые бакенбарды Мария заходили ходуном от избытка чувств, и тому, как многозначительно он промолчал в ответ, приор понял, что борьба за жизнь Коригана уже проиграна, и речь идет лишь о более удобных условиях сдачи. Совершенно не будучи в настроении для пафосных прощальных слов, которые умирающий все равно не услышит, Артемир просто стал на колени рядом с покидающим его товарищем и возложил руку на сердце Коригана, про себя поклявшись вовремя принести воздаяние виновным: Альзорию и Олиправду.

— Пойдем же, не будем мешать Марию спасти тех, кого еще можно сохранить. — совершенно безразличный к смерти Коригана, ибо не видя уже в нем нужды, Датокил испытывал раздражение от бессловесной прощальной церемонии Артемира.

— Да, конечно. — слегка подломленным голосом тихо ответил Артемир, вставая на ноги и отворачиваясь от Коригана.

— Теперь ты — единственный командующий всего равенского войска. — привел единственное заметное последствие скорой смерти генерала Второй Армии Датокил.

— Уж теперь то, когда равенцев в нашей сводной силе осталось не так уж и много, неудобств единоличного главенствования точно не будет. — горестно усмехнулся Артемир, в сердцах с силой отпихнув рукой створку последнего прибежища Коригана.

— Не забывай, что твое влияние на Альвидеса будет велико, если успешно манипулировать теплыми чувствами к безвременно ушедшей Монне. — прошептал на ухо приору Датокил, с параноидальным подозрением оглядываясь на стражника шатра. — А Олиправд... Им займусь я.

— Сегодня я не в настроении строить отношения с другими правителями. — к горести голоса Артемира примешалась усталость. — Я отправляюсь отсыпаться после этой резни.

— Ну разумеется. — согласился Датокил, резко остановившись и проводив вяло плетущегося Артемира прищуренными глазами.

В ту ночь никому ничего не снилось. Марию и многочисленной ночной страже ничего не снилось, потому что они не спали, Артемиру и остальным солдатам — потому что степень их физического и умственного истощения не позволила им видеть ничего, кроме

непроглядной и неподвижной тьмы, Коригану и многим другим раненым — потому что смерть крепко объяла их своими ледяными руками, за которыми не видно и не слышно ничего, и никогда уже не будет иначе...

— Как же так?!

Альзорий распрямился, окончив рассматривать труп Мобиуса. Его прежний адъютант обрел вечный покой в металлическом гробу, бывшим некогда его доспехом. Неприятная картина усугублялась болью в плече, которая усилилась после долгого пребывания в седле.

— Нам всем будет не доставать его, Ваше Величество. — сухой скрип генерала-легата (III) группы легионов не слишком сквозил скорбью.

— Как так вышло, что эти равенцы вновь победили нас?! — раздраженный тем, что его подчиненный неверно понял его вопрос, зарычал Альзорий, поднимаясь в полный рост.

— Они не поб... — Альзорий грубо прервал слова (III) — го резким махом руки и оглушительным восклицанием. «Не победили!» Как же!..

— Астийцы воспользовались гибелью нашего Северного Флота, нанеся вероломный удар. — не смутившись негодованием короля, пояснил совершеннейшую очевидность генерал.

— Астийцы... — задумался Альзорий. — Почему никто не озаботился ими, никто не оповестил меня об их угрозе...

Альзорий замолчал. Некого винить в этом, он сам должен был помнить истории о несломленной Олии и ее воинственном народце. Но он запомнил... Все эти годы Астия словно замерла, окруженная блокадой его кораблей... Зажатая в своем углу, скрючилась, задохлась... Но нет, Астия всего лишь стихла, изготовилась к броску на своего врага, и вот он, удобный момент настал. И Альзорий не был готов... Из-за своего легкомыслия теперь он оказался ослаблен ядом коварного и сильного зверя.

— Приказывайте, куда изволите отходить, Ваше Величество. — не решаясь указывать на свои измышления по этому поводу, осторожно проскрипел генерал-легат.

— Куда, куда... Домой, в Саргию, в направлении Кастелата... — угрюмо проворчал Альзорий, устремив невидящий взор в сторону саргийской столицы.

— Аж так глубоко в тыл?! — ахнул (III) — ий, забыв даже о том, что глас его должен скрипеть, как старое тележное колесо.

— Нам не остановить их тою силою, что осталась в моих руках... — с недюжинной фрустрацией Альзорий устался на свою раненую руку, стиснув кулак здоровой со скрипом в рукавице. — Но по пути на север мы измотаем их, заодно набрав достаточно подкреплений в тылу.

— Воля Ваша, Величество... — явно неодобрительным тоном вспомнил про свой скрип генерал-легат.

— И да, передайте через своего адъютанта генералу-легату (I) — му приказ о снятии еще части войск с куттских гор. — тяжело вздохнул Альзорий. — Они нам явно понадобятся...

Замерев на мгновение, словно желая еще надежнее запечатлеть послевкусие поражения, Альзорий тихо, лишь для себя одного, пробормотал:

— Предстоящие бои станут или концом моей истории, или ее новым началом...

* * *

— Приор, сарги ушли ночью. — слова докладчика неприятным дребезжанием отдавались в тяжелой голове Артемира. — Как и было велено, за ними отправился верховой

дозор.

Пытаясь связно ответить, Артемир было открыл рот, но вместо слов полилась несвязная каша, и приору пришлось с минуту приходить в себя после ночевки, дабы в понятной форме отпустить капитана.

— Дурно же ты выглядишь, словно вместо сна ты пребывал в компании смерти, и едва смог ее выгнать. — Датокил, опрятен и свеж, зашел в палатку приора сразу же, как ее покинул капитан. — Пойдем же, нам следует попрощаться с Кориганом. Ты ведь уже знаешь?

— Да, я слышал солдатскую молву снаружи. — промямлил Артемир, потирая выламывающиеся из головы виски. — Ох и дурно же по мне прошла прошлая ночь...

— Что ж, ты жив, по крайней мере. — бодро пожал плечами Датокил, чуть не развязав закрепленное на плечах черное знамя поверх пурпурной стеганки — символ траура. — Далеко не всем так повезло.

Прощаться с генералом Второй Армии пришлось в спешке — преследование саргов вглубь их родины не терпело отложений и задержек. Едва только потух погребальный костер, рвенцы, астийцы и серпийцы (прочие малые отряды нордиктовцев не в счет) свернули стоянку и отправились через ущелья на север — в Саргию, защитники которой не в силах были охранить ее границы.

* * *

Путь по земле врага давался не так тяжело, как штурм горной Фортерезии, но изобилие протяженных холмов и оврагов сказывался на состоянии утомленных воинов. Причем особое страдание и бессилие стало проклятием лишь рвенцев, ибо на телах и лицах серпийцев и астийцев длительный военный поход, ими не испытанный и полный лишений и страхов, не оставил своих мрачных следов, нежели на соотечественниках Артемира. Очень частые стоянки, в которых нуждались рвенцы, стали поводом для недовольства и издевок со стороны холеных серпийцев и выносливых астийцев. Правда, Альвидес своих подопечных всячески удерживал от конфликтов, чего нельзя было сказать об Олиправде, для которого было исключительным удовольствием предаваться насмешливой дразни в кругу своих верных воинов. Несколько перепалок уже переросли в массовые драки, которые с остервенением останавливал приор, призывая всю свою силу убеждения и справедливого гнева, направляя их на дерущихся. Право, это не работало. Ситуацию разрядил Датокил, однажды бросив дерзкое обвинение в том, что астийцы и на десятую долю не являются такими воинами, как рвенцы, оттого и права на подобные дразни они не имеют. И если обычные астийские воины ответили на эту дерзость соответствующе, то Олиправд расхохотался и поддержал Хитрейшего, во всеуслышание провозгласив его правоту и приказав своим всадникам находиться в далеком авангарде и вступать в любое сражение первыми, заслуживая кровью, своей и чужой, право на звание великих воинов.

Конкуренция на получение звания великих воинов увеличилась, когда сводное войско начали с юга догонять малые стайки кавалеристов. Поначалу их приняли за врагов, но, как оказалось, все совсем наоборот. Собирая легионы для уничтожения Артемира, Альзорий пересмотрел приоритеты относительно моментальной важности Гептархии, забрав все когорты, принуждающие гептархийцев к миру. Как только от присутствия Саргии в Гептархии остались лишь брошенные казармы и пугающие призрачные тени в памяти от прежних карательных рейдов, местное население воспряло. Часть милиций вернулась к спорам за графский трон, а часть (имеющая мало шансов на завладение престолом),

сговорившись к перемирию, решила присоединиться к войскам, которые так напугали короля Альзория, что он даже бросил их некогда богатую землю на произвол переменчивой судьбы.

Сильное влияние на принятие решения о присоединении оказали просочившиеся то тут, то там агенты Незримого Ока. Убеждая мелких вождей присоединиться к Приорату, жутковатые обезьязые лазутчики доказывали, что дар красноречия доступен и тем, для кого речь стала недоступной роскошью из прошлой жизни. Однако, сторонники клана почившей Оловянной Принцессы помнили слишком свежо, кто был ответственен за смерть любимой правительницы, оттого наотрез отказались принимать убийц. Те же жители полуразрушенной державы, что поддались на уговоры, оделись в трофейные латы всадников Нордиктовской Лиги, оседлали оставшихся в живых коней и бросились вдогонку за уходящим на север Приоратом. На свою удачу, гептархийцы в целости достигли арьергарда, который чуть было их не перебил, приняв носителей нордиктовских доспехов за врагов. Когда же ситуация прояснилась, малочисленные новобранцы были с распростертыми объятиями приняты в армию. Разумеется, добровольцы получили обременение в виде многочисленных равенских сержантов, готовых при малейших подозрениях в неверности спустить раззадоренных и взбешенных сторожевых псов, не ведающих усталости и пощады.

Слияние с гептархийцами, к неискоренимому суеверию равенцев, привело к полосе неудач. Как только ревностные мстители стали в ряды любимчиков удачи, многократно спасшихся от верной гибели, на пути войска стали все чаще и чаще попадаться партизаны, устраивающие крайне неприятные препятствия: от ям с кольями в перелесках, до налетов самоотверженных фанатиков с самодельными гранатами, бросающихся на отряды с безумными глазами, горящими ярче фитилей их снарядов.

Постоянные потери стали верным спутником приоровского войска, своим смердящим дыханием тяготей солдат. В других условиях находился Альзорий, непрерывно отступающий вглубь Саргии, собирая на своем пути все больше и больше добровольцев и бойцов местных гарнизонов. Убеждая жителей покидать свои дома, король и протектор призывал также сжигать и травить все, что можно использовать в пищу. Стратегия Альзория начала приносить плоды: постепенно легионы Лиги набирали численное превосходство над слабеющим от боевых и небоевых потерь войском Артемира.

* * *

— Дело неладно... — вяло подвел итог очередного налета саргов Артемир. Войско только что вновь вернулось в походный строй, разбив несколько небольших групп партизан. Без потерь не обошлось и на этот раз: не вернулись в ряды братьев по оружию несколько фланговых стрелков.

— Неужели ты думал, что горделивые сарги будут сдавать свои земли без боя? — с насмешкой удивился Датокил, едущий верхом подле приора в конце авангардных колонн.

— Нет, просто... — Артемир повел плечами, настолько ему была неприятна мысль, засевшая у него в голове. — По рассказам наших стариков на Гунтале, равенцы времен завоевательных войн Саргии не оказывали такого рьяного сопротивления, от которого страдаем мы теперь.

— Старость мутна и забывчива. — нахмурился Датокил, которого тоже задела слова Артемира. — Они просто не помнят всего.

— Что ж, я спрошу у тебя про старость, коль скоро ты с ней столкнешься. — подшутил Артемир, задорно тряхнув плечами в такт движению коня.

Пробурчав что-то неразборчиво в ответ, Датокил отвязал шлем с пурпурным плюмажем со своего седла и накрыл им свои седеющие волосы, успевшие знатно отрасти за время войны.

Разбавить атмосферу, переросшую из тревожной в смешливую так скоро, что является обычным делом для понюхавших дыма войны, прискакал Октавиус Марий. Ученый то и дело взволнованно окидывал окружающую их холмисто-лесистую местность широко открытыми глазами.

— Октавиус, дорогой друг! — обрадовался нечастой компании исследователя заулыбавшийся Артемир, повернувшись в седле. — Чем может помочь в твоих изысканиях неотесанный и необразованный приор?

— Эх-х, будь каждый сарг так же неотесан, как ты... — сокрушительно покачал головой Марий, приминая разросшиеся бакенбарды плечами. — Но я не за помощью к тебе.

— Что ж, простая беседа с ученым человеком — сама по себе награда. — почтительно склонил голову Артемир. — Я рад тебя выслушать.

— Если не помешаю, я бы тоже послушал. — вставил свое слово Датокил, не любивший расшаркиваться перед Марием, в отличие от Артемира, превозносившего ум сарга выше самых легких облаков. Хитрейший, разумеется, тоже высоко ценил безграничный потенциал Мария, просто не любил этого показывать.

— Мы только что пересекли границу Меденосной Провинции. — пояснил причину своего появления Марий, произнося эти значительнейшие для него слова как можно скромнее.

— Во-от, значит, как?.. — сощурился Артемир, усиленно проворотив в голове кучи информации, и просияв по итогу нахождения нужного куска. — Ах, так мы скоро прибудем в Храм Наук, который разрушила ярость провинциального лорда?

— Да, Артемир. — просиял Марий, обрадовавшись тому, что приор вспомнил самый первый их разговор. — Я не был здесь много лет, с момента экспедиции...

— Что ж, теперь ты вернулся домой, дружище. — с успокаивающей теплотой в голосе проговорил Артемир. — И никто более не посмеет изгнать тебя.

— Правда. — кивнул Датокил. — Местный лорд бежал, судя по всему, вслед за своим королем.

— Вот он... — глаза Мария заблестели, когда увидели на горизонте кусок каменной ограды, уютно спрятавшейся посреди реденького хвойного лесочка по левую руку от их войск.

— Да неужто? — Артемир не поверил своим глазам, увидев с верхушки холма, на который они только что взошли, границу Храма. — неужто мы встретили его на своем пути?

— А что ж удивительного? — пожал плечами Марий. — Мы идем вдоль крупного Хлебного Тракта, на обочине которого и расположилась моя Матерь наук.

— Она не охраняется, как я посмотрю. — поводит головой Датокил, пытаюсь высмотреть все, что сокрыто густыми ветвями старых, хмурых и несговорчивых сосен. — Мы можем посетить Храм, заодно и привал на ночевку устроим чутка ранее.

— Согласен. — Артемир повернулся к одному из конных гвардейцев, охраняющих приора. — Эй, капитан, скачи вперед и передай наблюдателям за Альзорием, что мы отстанем от них.

Приняв приказ, капитан вырвался из строя и припустил галопом вперед, надеясь в глубине души вернуться с передовой до отбоя.

Артемир же, пропустив на разведку Храма пару лазутчиков и получив от них уверение в безопасности этого опустошенного обиталища, повел армии на ночевку. Разумеется, все воины не смогли бы поместиться во дворах Храма, потому было решено оставить под крышами корпусов лишь штабы армий, стрелков, да гвардейские полки. Остальные части окружили храм защитным кольцом, как острые иглы ежа прикрывают его нежное тельце, не давая ушлым хищникам полакомиться трепещущей добычей.

Пройдя через позеленевшие и жалобно скрипящие от времени и неухоженности бронзовые ворота храма, Артемир оглядел некогда гудящее от деятельности умов вместилище просвещения. К сожалению, теперь об этом можно было лишь представлять, давая волю богатой фантазии, да и разве что спросить у Мария, одного из последних жителей этого обездоленного муравейника ученых и исследователей, все еще хранящего впечатления об утраченном прошлом.

Если отойти от меланхолического забвения этого места, строения и лаборатории были в хорошем состоянии, выполненные из крепкого камня, лишь слегка замшелого от времени, да местами обтесанного частыми для этих мест холодными дождями. Заметной особенностью всего Храма являлось то, что все металлические конструкции, что были видны глазу, изготовлены исключительно из меди и ее бронзового сплава, если железо и было, то это можно было только угадывать. Архитектура демонстрировала исключительно практическую нацеленность корпусов Храма: или простые прямоугольные бараки с квадратными окнами, или толстенькие башни с округлыми крышами. Никаких декоративных излишеств, которыми грешат некоторые дома и замки зажиточных нордиктовцев-феодалов.

— А это еще кто? Или что? — недоуменно удивился Артемир статуе, стоящей в центре двора Храма, к которой сходились все плиточные тропинки от корпусов, через которые уже пробилась густая растительность. Вернее, от статуи этой остался лишь массивный и высокий постамент, на котором торчали бронзовые ноги в сапогах до колен, а дальше ничего не было, ибо верхнюю часть запечатленного в металле человека разделили с его конечностями.

— Здесь когда-то гордо возвышался над нами Гай Тирий, первооткрыватель Алого Камня, основатель Храма Наук. — с некоторой долей пафоса ответил Марий, оглядывая куски ног Тирия. — За это историческое открытие тогдашний старший консул Деятельного Совета наградил его золотым состоянием, на которое он и построил это место, не желая продолжать простую трудовую династию своих предков-шахтеров.

— Хм, очень милосердно с ним обошлись время и люди. — скептически задрал бровь Артемир.

— Провинциальный лорд, отец Кассии, разрушил статую. — с надрывным вздохом, ужаленный печальным воспоминанием, пояснил Марий. — Но не будем о былом, ибо оно изгнало меня, но настоящее вернуло меня обратно.

— Уж скорее это был скромный Артемир, ведомый этим самым «настоящим». — усмехнулся приор, отвернувшись от бронзовых останков Гая Тирия. — Но что тебе в этом месте? Оно же более не отвечает своей высокой цели.

— В Храме остались плавильни, а в испытательном бараке — старые медные пушки. — не сильно прояснив намерения, ответил Марий с огоньком энтузиазма в глазах.

— Что нам с медных пушек, когда у нас есть железные? — закатив глаза, всем своим видом упрекнул Мария в кажущейся глупости Артемир.

— Железные пушки не справятся с тем, что я задумал. — интригуяще стрельнул взглядом искоса Марий.

Артемир промолчал, сощурился глазами. Неужто новое изобретение, коими изобилует неуемный ум сарга? Не стоит этому удивляться, право же, и Артемир не удивился, лишь дав добро на любые действия ученого полка Мария в пределах Храма Наук.

И вот, когда все войско, бдительно охраняемое ночными дежурными, отошло ко сну, Марий разжег охладевшее сердце Храма — каменный корпус, внутри которого ждали своего жара пузатые плавильные печи. Из всех труб, стремящихся к небесам с крыши плавильного комплекса, повалил дым, едва заметный в ночной тьме. Выставив на входе двух дозорных, Марий строго-настрого запретил пускать к печам кого бы то ни было, если на нем есть хоть крупица железа. Причем сам снял единственный предмет одежды с железным элементом — ремень. Что всю ночь плавил и вырабатывал Марий, никому сказано не было, а потому наутро, когда трубы плавильного комплекса вновь уснули, прекратив деловито клубить, Артемир направился сразу к саргу, снедаемый любопытством и голодом, ибо завтраком приор решил пренебречь.

— Что ж, друг мой, за таинственности такие?! — недовольно заворчал Артемир на Мариа, когда рядовой равенский солдат не без робости запретил приору приближаться к измотанному и запачканному экспериментатору.

— Прости, Артемир, но, ради своей же безопасности, сними все железо, что на тебе и у тебя есть! — с нескрываемой долей раздражения пробурчал Марий, потирая мешки под глазами.

— Что же это... — бурчал Артемир, расстегивая ремешок железной чашечки на своей культе, да стягивая ремень с железным крепежом, снимая кобуры с пистолями, портупею с мечом. — Какие капризы...

— Что ж, проходи теперь. — сменил гнев на милость Марий, устало улыбнувшись.

Артемир, удерживая свои просторные штаны от непредумышленных шалостей, вошел в корпус, и его тут же объял еще не выветрившийся пыл тлеющих плавлен. В целом ничего в этом практичном, но неинтересном месте не цепляло глаз, кроме каменного стола, на котором ждали своего часа поделки Мариа.

— Пушечные ядра? — разочарованно протянул Артемир, ожидавший много большего.

— Именно! — гордым и довольным голосом подтвердил Марий, словно ценность его изобретения сама собой очевидна.

Не разделяя удовольствия Мариа, Артемир вяло покатав рукой одно из скромных ядер по каменной столешнице, убеждаясь в его идеальной форме. Но одна особенность, нехарактерная для обычных железных ядер, привлекла внимание приора: попав под тусклый свет настенных факелов, ядро смущенно заалело, выдавая в своем составе не только железный компонент.

— Ты сплавил железо с алым камнем? — догадался Артемир. — Но чего ради?

— Я знаю, что ты помнишь мою историю с гибелью бедной Кассии. — нахмурившись, проговорил Марий. — Так вот, это горе мы можем использовать на благо делу.

— Это как же? — заинтересовался Артемир, уже стыдясь того, что посмел разочароваться поначалу в Марии.

— Увидишь. — интригуяще махнул рукой Марий, приглашая Артемира следовать за ним.

Послушно выйдя из плавильного корпуса на огороженный полигон, к которому комплекс примыкает боковой стеной, Артемир увидел, как несколько солдат ученого полка в одних стеганых поддоспешниках оканчивали с изготовкой медной пушки к стрельбе.

— Значит, будем шуметь? — весело предвкушал стрелковые испытания Артемир, провожая глазами солдата, тяжело несущего в руках мешок с ядрами.

Зарядив медное орудие алым ядром, один из солдат закрепил над казенником колпачок со взрывателем и выжидательно посмотрел на Марию.

— Смотри туда, Артемир. — указал рукой Марий на толстенную обстрельную стену на другом конце полигона.

Прищурился, Артемир увидел прислоненного к помятой стене Гая Тирия, обреченно упирающегося в землю своими бронзовыми коленями. Как оказалось, сбитая часть памятника являлась крепким мужчиной в толстой шубе с меховым воротником, длинноволосая голова которого была прикрыта широкой шапкой. В сложенных вместе над головой руках виден был камень, о природе которого можно было без труда догадаться.

— Огонь! — скомандовал робковато Марий, не привыкший отдавать голосистые приказы.

Удар молотка о взрыватель и БАХ! — пушка выплюнула ядро и исступленно отдернулась назад, словно испугавшись огня, которого не видела уже много лет.

Громкий стук снаряда о стену оповестил непопадание по Тирию, который уцелел, но не удержался, повалившись набок, сбитый осколками ядра. И тишина, прерываемая лишь громкими возгласами и смешками гвардейцев, празднично облепивших забор полигона.

— И?.. — вновь предаваясь унынию разочарования, вытянул Артемир.

— А теперь смотри вдвое внимательнее. — все поддерживал туман интриги довольный своей игрой Марий.

Прочистив дуло пушки шомполом, солдаты вновь зарядил орудие и изготовился произвести выстрел. Но на этот раз вместо бедного Тирия к стене прислонили три толстых деревянных креста, на которые напялили железные латы и шлемы.

— Огонь! — куда более уверенно проревел Марий, давая начало новому циклу испытаний.

Поначалу отличий не было: грохот выстрела, сильная отдача орудия и втянутые в плечи головы зажмурившихся артиллеристов. Но далее произошла какая-то иллюминация: вместо обычного попадания, ядро, не долетев до крестов с латами, вдруг ярко разорвалось на мелкие осколки, испуская слепящие красноватые разряды, бьющие по железным латам, словно кровавые молнии. Деревянные кресты треснули, латы, пораженные алыми разрядами, полетели по сторонам. И, наконец, вновь тишина. Но на этот раз гвардейцы не нарушали господства безмолвия, неподвижно замерев с открытыми ртами.

— ...Так вот как погибла та девушка?.. — сломил печать беззвучия Артемир. — Какая невообразимая сила!

Дабы оценить последствия этого феномена, Артемир с осторожной робостью подошел к раскиданным доспехам. Многие латы были поражены ужасно, смяты и до черноты обожжены разрядами. В точках же попадания и вокруг них были явственно видны алые вкрапления, словно кровавые оазисы в эпицентре выжженной пустыни. Если бы внутри этих доспехов был человек, его бы жестоко изломала и раздавила алая стихия.

— Почему же никто этого не открыл? — поразился Артемир тому, что еще никто не использует столь разрушительную особенность алого камня.

— Я начал открывать еще тогда, во времена моей учености... — Марий подошел к приору и без особого интереса рассмотрел результат экспериментов, ведь прекрасно знал его заранее. — Но закончить мне не позволил лорд, а потом уже никого это не интересовало.

— Отчего же? — не успокаивался Артемир.

— А зачем? — горько усмехнулся Марий, с отвращением отбросив кусок смятого наплечника. — Алец прекрасно справлялся с причинением смерти и разрушений и в своей угольной ипостаси.

— Ясно... — пространно согласился с доводом Мария Артемир, поковыряв ногтем алые вкрапления. — Так это же алец! Он инкрустировался в железное существо лат?

— Ты все правильно понял. — поощрительно закивал Марий. — В сплаве с железом, и только с ним, алец приобретает способность «охотиться» за другими железными изделиями, покидая одни, и переходя в другие, но на небольшом расстоянии. Теперь ты должен понимать, почему я требовал, чтобы все железо осталось за пределом плавильного корпуса.

— Так эти разряды... — медленно начал Артемир, тоном намекая, чтобы за него окончил сарг.

— ...Это путешествующий алец, его истинное естество, его душа, если угодно. — составил поэтическое описание Марий.

— Невероятно! — выдохнул восхищенно Артемир, синие глаза которого заволкли слезой от избытка эмоций. — Чего еще мы не знаем про это необычайнейшее творение Вирида?

— В тебе говорит призвание истинного исследователя! — засмеялся Марий, потечески положив ладонь приору на плечо. — Возможно, когда все это закончится, мы сможем вместе продолжить научные изыскания.

— Это будет того стоить. — улыбнулся одной только мысли о всеобщем мире Артемир.

— Что у вас тут происходит? — со стороны забора донесся недовольный голос Датокила. — Уже по всему лагерю разлетелась, словно срамная болезнь, молва о чудесах, что творятся на полигоне.

— Наш чудотворец Марий вновь приоткрыл завесу тайн нашего мира. — Артемир покинул полигон, вернув себе свой ремень и напоследок попросив Мария отлить как можно больше подобных ядер из тех запасов алого камня, что остались нетронутыми на складах Храма.

— Что ж, пока это касается лишь одного аспекта — оружейного ремесла, что этот мир разрушает, а людей разрывает на части. — иронично скривился Датокил, ожидавший приора на выходе из плавильного корпуса.

— Что ж, я думаю, нужно пригласить к смотру и наших союзников: Олиправда и Альвидеса? — резко сменил тему разговора Артемир, недовольный тем, что Датокил опустил его возвышенные настроения до уровня пошлой действительности.

— Пожалуй, стоило бы. — задумался Датокил. — Я лично сообщу им.

— Не забудь сказать, чтобы все железо оставили в своих шатрах! — строго указал Артемир, для убедительности выставив указательный палец чуть ли не перед лицом Датокила.

— Разумеется, разумеется. — беспрекословно согласился Хитрейший.

* * *

Расставшись с Датокилом, Артемир направился сразу к капитану, который вернулся с докладом от конных разведчиков лишь под рассветную зарю. Как оказалось, Альзорий значительно ускорил передвижение своих легионов, причем сменил направление отступления, взяв значительно восточнее, почти прижавшись к берегу, собирая с крепостей Нордиктовской Десны все гарнизоны и оружие, что можно снять без промедления.

— Что бы могло это означать?.. — вслух задумался, восседая на мехах в своей бесхитростной палатке, Артемир, только что отпустив на отдых утомившегося офицера. — Он хочет оторваться от нас для чего? Чтобы подготовиться к решающему бою? Но зачем тогда смещаться на восток?..

— А-А-А!

Похолодев от ужасного вопля, настигнувшего его уши смертоносным броском хищника, Артемир на ватных ногах выскочил из палатки, пытаясь определить источник такого громкого террора.

К полигону быстрым шагом стекались все свободные бойцы его гвардии и стрелков, и Артемир с щемящим сердцем успел разразиться парой злобных догадок.

К сожалению, или к счастью, лишь одна из догадок оказалось верной, но из ряда самых тревожных... Добежав до забора, Артемир открыл для себя страшную картину: царь Олиправд, рыча, как раненый тигр, корчась и сгибая-разгибая ноги в нестерпимых муках, лежал рядом с медной пушкой. Над ним склонились растерявшийся Марий и нахмуренный Альвидес. Чуть подле стоял Датокил, широко раскинувший руки и громогласно призывающий воинов оставаться за пределами полигона во избежание подобной участи. А участь была далеко не завидной: золотистая мантия Олиправда, запачканная кровью, раскинулась по пыли, открывая жуткую рану астийского правителя. Как Артемир сразу догадался, виновницей инцидента стала крупная бляха ремня Олиправда, исчезнувшая бесследно под испепеляющим импульсом разорвавшегося железного ядра с альцом. Разряд был настолько сильным, что кожа голого живота под взорвавшейся бляхой лопнула, а внутренности искромсало осколками. Пытаясь сдержать содержимое живота своего, Олиправд в полубессознательном состоянии стискивал разрыв склизкими от крови пальцами, через хватку которых продолжала изливаться ручьями алая человеческая живица.

— Марий, Альвидес, перевяжите рану! Он истекает кровью! — завопил Артемир, махая руками в иступлении.

Бедный Октавиус Марий, уже во второй раз потрясенный подобной картиной, схватился дрожащими руками за полы своей стеганки, безуспешно пытаясь оторвать кусок плотной ткани ослабевшими членами.

Увидев попытки Мария, Альвидес встал в полный рост, откинул свой богатый зеленоватый плащ и схватил сарга за руку, медленно покачав головой. Повернувшись к Артемиру, герцог неспешно провозгласил приговор еще живому царю:

— Уже поздно, он неотвратимо умрет от потери крови.

Артемир промолчал, ибо истина в словах Альвидеса была очевидна и неопровержима: огромная кровавая лужа росла под спиной Олиправда, собирая на себе крупную пыль и ссохшиеся травинки. Хватка царя за жизнь ослабевала с каждой секундой, пока агония наконец не смилостивилась над затихшим Олиправдом, отпустив его туда, где не побывать ни единой живой душе...

Артемир опустил голову к скрещенным на заборе рукам. Все было кончено, астийский царь умер.

Увидев опущенными глазами надвинувшуюся на его ноги в сапогах тень, Артемир услышал на удивление спокойный голос Датокила:

— Я приму меры, дабы успокоить астийские войска.

Артемир поднял голову, подозрительно сощурившись:

— Как это вышло? Ты запомнил сказать Олиправду про железо, или же он пренебрег твоими предостережениями?

Датокил промолчал. Слов и не нужно было. Датокил, хоть и опосредованно, но убил Олиправда. И то, что он провернул этот маневр в обход Артемира, последнего сильно разозлило.

— Почему ты не обсудил такой серьезный шаг со мной?! — прошипел Артемир, оглянувшись по сторонам в поиске ненужных ушей. — И еще втянул в это Альвидеса, как я посмотрю.

Действительно, герцог Серпии под своим плащом скрывал не латный доспех с кольчугой, как обычно, а мятый, бурый поддоспешник на шнуровой перевязи, да штаны, подпоясанные наспех найденным ремнем — обычной веревкой. Очевидно, Датокил сговорился с ним против Олиправда.

— Я думал, что ты безоговорочно поддержишь эту идею, учитывая твою прежнюю ненависть к Олиправду. — нахмурился Датокил. — Наиболее удобного случая для того, чтобы избавиться от коварного, бескомпромиссного противника просто невозможно и представить.

— Удобного?! — тихонечко взорвался Артемир, обхватив руками деревяшку забора. — Он возглавлял самую крупную часть наших общих войск! И что теперь с ними будет?! А если они теперь уйдут?!

— Вспомни про свою драгоценную Монну! — осторожно обернулся на Альвидеса рассердившийся Датокил, зайдя к Артемиру с другой стороны. — Это его нелепыми усилиями погибли все заложники и бежал Альзорий! Когда я открыл тебе эту страшную правду, ты был солидарен со мной!

Этот довод дал желанный Датокилу результат: Артемир успокоился, как только перед его глазами проплыло смеющееся лицо Монны, их долгие беседы, сладостная нежность, разделенная ими на общем ложе... А потом бледное, мертвое лицо с застывшим на нем предсмертным ужасом... А еще зачем-то приор вспомнил мученически убиенную Алилу, хотя тут Олиправд был совершенно не при чем...

— Ладно... — выдохнул Артемир, справившись с обидой на Датокила. — Ты прав, Олиправд должен был умереть за то, что он наделал. Просто я думал, что это станет плодом нашего общего плана...

Довольно ослабившись легкой сговорчивости приора, Датокил заговорщически прошептал:

— Как я сказал, я сделаю все, чтобы астийцы непоколебимо следовали в нашем общем строю.

— Что ж, приступай. — отрезал Артемир, повернувшись в сторону своей палатки и оставляя Датокила в компании Альвидеса с Марием.

Датокил не пустословил, как позже понял Артемир. Хитрейший направился в

астийский стан, провел там с час, а уже потом выяснилось, что астейцы, хоть и подкошенные безвременной кончиной своего правителя, но будут неотступно выполнять последнюю волю Олиправда по свержению гегемонии Нордиктовской Лиги. Возглавит же их доверенный генерал Олиправда, начальник штаба, успокоивший забродивших астейских солдат. Чего же наобещал этому генералу Датокил, останется тайной трех... Третьим оказался призрак в грубом облачении, после переговоров скрывшийся из Храма Наук так же скоро и незаметно, как и появился там...

Обрадовавшись предотвращению проблемы, которая могла разрушить будущее кампании, Артемир начал собирать войска в поход — сарги удалились слишком далеко, и догнать их теперь составило бы огромных усилий, на которые такое большое и неоднородное войско попросту не было способно. За прошедший день, который отвели астейцам для траура по царю, Марий со своим ученым полком отлил достаточное количество алых ядер. «Дар» закованным в броню саргам был изготовлен в должном качестве и изрядном количестве, а также надежно запакован в плотные мешки о многих слоях, дабы «подарок» не проявил своих свойств слишком рано.

* * *

— Генерал, там какой-то неприятный человек в плаще с капюшоном вас ищет.

Датокил, уже привыкший к такому обращению, кивнул дозорному, чтобы пропустил визитера. Спустя пару минут в палатку, которой осталось стоять не более часа, вошел Пириус, скидывая со своей лысины потасканный капюшон.

— Что-то ты зачистил. Не совсем желательно, чтобы приор увидел нашу встречу. — недовольно проворчал Датокил, поправляя кирасу, которую перед походом помог ему надеть адъютант. — Он и так не доволен тем, что я обтяпываю дела за его спиной, хоть это и идет на пользу нашему делу.

— Если бы ты не поспешил убрать царя, я бы не явился намеренно. Но все же, отличный ход... — поощрительным скрипом поприветствовал Хитрейшего Пириус, оставшись стоять у входа и повернувшись одним ухом к створкам. — Убийство у всех на виду, но все же абсолютно невидимое. Мрачное деяние, достойное моих лучших агентов.

— Все-то ты знаешь... — улыбающийся уголками губ Датокил был доволен и собой, и похвалой такого искушенного в темных делах человека. — А знаешь ли ты, почему сарги припустили от нас, словно мы огнем дышать научились, да кипятком плюемся?

— Все просто. — Пириус спрятал руки в широких рукавах, пошуршал там и достал какую-то мелочь, кинув ее Датокилу.

Поймав безделушку, Датокил рассмотрел ее. Даром Пириуса оказалось свитое из гибких веточек лозы подобие бараньей головы с закрученными рогами.

— Это еще что такое? — со смесью недоумения и пренебрежения протянул Датокил.

— Это Богрог, божество куттов, с образками которого они, вырвавшись с горных теснин, растекаются по северным землям Саргии, устремляясь к Кастелату, что стоит на северо-востоке.

— Кутты? Правда? — с искренним удивлением задрал реденькие брови Датокил. — Я уж подумал, что они вымерли в своих горах.

— О, они живы, и разоряют незащищенные селения саргов, истребляя местных жителей. — Пириус постепенно приближался к причине своего прихода. — Но они не выдержат боя с легионами Альзория.

— Который, догадываясь об этом, спешит к столице, дабы там встретить куттов, разбить

их без труда, а потом обратиться оружием на нас. — догадался Датокил.

Пириус промолчал, что однозначно говорило о том, что Хитрейший прав.

— Что ж, тогда нам нужно догнать легионы Альзория в тот момент, когда они сойдутся с куттами... — закусив губу от волнения, процедил Датокил.

— И с двух сторон разбить их окончательно и бесповоротно, окончив этим самым войну. — подытожил Пириус, придавая четкую форму мечтаниям, находящим уютное жилище в голове любого воина, бьющегося на стороне Приората. — Если твой приор сможет вовремя подвести войско, я пришлю вам на помощь своих агентов-подрывников, они смогут внести сумятицу в ряды легионеров.

— О, если они будут действовать так же, как ты описал мне в рассказах про тот саргийский Турнир, я бы получил исключительное удовольствие от созерцания их талантов. — кивнув головой в предвкушении многообещающего будущего, сверкнул глазами Датокил.

— Тогда поторопи своего приора. — вместо прощания выдал Пириус, натянул капюшон и покинул палатку Датокила, оставив того в прекрасном расположении духа.

* * *

Без промедления ознакомив Артемира с текущим положением дел, ссылаясь на донесения союзников(опустив при этом участие подозрительного человека в одеждах с капюшоном), Датокил убедил его немедленно выступать, сокращая количество привалов и значительно нарастив темп передвижения. Астийцы, успокоенные своим новым лидером, без излишних тычков и пинков последовали за Артемиром, что придало тому еще больше уверенности в победе. Одно лишь ввергало приора в легкое уныние: Октавиус Марий, выведенный из строя «ужасным несчастьем» с гибелью Олиправда, попросил оставить его в Храме Наук доживать свой век в тишине и покое. Артемир не мог оставить в пренебрежении просьбу сарга, который и так сделал для них очень и очень многое. Скрепя сердце, приор тепло распрощался с ученым стариком, оставив ему на стражу и добычу пропитания батальон гептархийцев.

И вот, покинув тихую обитель Храма, Артемир бросился в погоню за уходящими армиями Лиги, не теряя надежды на то, что сможет настигнуть врага в нужное время. Мысленно благодаря судьбу за то, что в Саргии, помимо Альзория, нынче правит прохладное северное лето, а не гибельная зима, Артемир без сомнений в силах своих воинов подгонял их в три хлыста, чем вызвал легкое недовольство в рядах солдат. Обещания окончательной победы, что тяжелели на другой чаше весов морали, перевешивали тяготы погони, что и обеспечивало беспрекословное и безропотное подчинение жестким приказам приора.

Чем ближе северная окраина континента, тем грубее становился климат, тем недружелюбнее очерчивался ландшафт, полностью отбросивший покорную равнинность и избравший высокие холмы, перемежающиеся глубокими оврагами. Плотно укрытые преимущественно хвойными лесами земли избрали нейтральную сторону, мешая саргам отступать, а равенцам — преследовать. Тем не менее, расстояние между противоборствующими армиями постепенно сокращалось, о чем сообщали разведчики, которым требовалось все меньше времени для маневрирования между своими и чужими. Альзорий, прекрасно понимающий, что равенцы узнали про куттский «оползень», прикладывал огромные усилия, чтобы замедлить Артемира: не проходило ни дня без засад, ловушек и налетов. Однако, местные жители все чаще делали выбор в сторону беженства, нежели самоубийственного сопротивления, оттого во внезапных атаках участвовали

преимущественно регулярные легионеры, которых оставлял за собой, словно куски мяса для голодных волков, Альзорий.

Многих потеряли во время преследования рвенцы, но потери несли обе стороны, оттого та малая толика численного превосходства, которую потом и кровью выудил Альзорий на южных землях своего королевства, никак не могла разрастись до уверенного преимущества, которое можно было использовать. Биться в таких равных условиях было никак нельзя, оттого Альзорий бежал, бежал неистово и неустанно, проклиная всеми силами Артемира и его варварские орды, в которые так гармонично влились цивилизованные нордиктовские батальоны. Но бежать бесконечно он не мог, ибо вот она — столичная провинция, последний рубеж, который можно и нужно было оборонять до последнего. Все, что оставалось Альзорию, так это перехватить куттов, уничтожить их и обернуть праведный гнев на черные орды с юга, занимая легионами многочисленные форты и замки, которыми изобилует богатая область, населенная купающейся в изобилии аристократией. Проиграть в таких условиях было сложно. Лишь к этому и были обращены все надежды молодого короля, за короткое время совершенно постаревшего, на голове которого уже начали белеть целые пряди, а в некогда ярких и искрящихся горячими эмоциями глазах плавали сумрачные тени.

Не теряя врага из виду, нагоняя его изо дня в день, в главную область Саргии вошли и воины Приората. Измотанные, растрепанные, но довольные своими успехами и опьяненные победой, до которой осталось лишь протянуть руку, солдаты собрались с силами и припустили за противником с доселе невиданной скоростью. Результат не заставил себя ждать: теперь армии разделяло лишь полдня спешного марша. Напряжение висело в воздухе, разогреваемое ненавистью, страхом, кровожадностью, теплой и яркой Звездой. Развязка была близко.

— Фу, неудивительно, что сарги бегут от нас. — сморщился и передернулся в отвращении Датокил, втянув ноздрями собственный амбре. — От нас смердит похлеще, чем от гниющей могилы больного скота.

— Это запах победы, ты его полюбишь, как и я. — усмехнулся Артемир, распахнув посвободнее свой халат.

— Это запах болезней и смерти. — настойчиво придерживался своего мнения Датокил. — Нам необходимо помыть солдат, иначе скоро начнется какая-нибудь злобная саргийская эпидемия.

— У нас нет времени на это. — посерьезнел Артемир. — Только на спешную еду и скорый сон. Иначе Альзория вовремя мы не догоним.

Датокил, осознающий правоту приора, недовольно отвернулся, пытаюсь скрыться от собственной вони.

Равенский авангард, в составе которого шли верхом Артемир с Датокилом, штаб и гвардия, как раз проходил через покинутую деревню, стоящую на берегу небольшой, но живой и весело журчащей реки. Запасов питьевой воды у приора было достаточно, потому все, что оставалось бедным равенцам, это с вождением смотреть на живительную эссенцию, жмуриться от бликов Звезды на подвижном потоке и продолжать смердеть.

Спасительное отвлечение принес взволнованный всадник, спешащий с земель, по которым только предстоит пройти основному войску.

— Альзорий свернул с пути куттов! — едва слыша свой голос от биения сердца, проговорил Артемир, повторяя слова из доклада разведчика.

— Я его прекрасно слышал. — нахмурился Датокил и обернулся к своим мыслям. — Значит, он понял, что разбить нас по частям он не успеет, и повернул к столице...

— Неужто сразу столица? — удивился Артемир. — Неужто у него нет крепостей поближе, он ведь сразу загоняет себя в угол!

После непродолжительного молчания Датокил пояснил:

— Ни одна крепость и ни один замок не имеют такой мощной обороны, нежели Кастелат. Он ставит все на свою столицу, и этот шаг обоснован. Осадой город не взять: бесчисленных запасов столичных складов и подвалов хватит воинам, горожанам и беженцам до конца лета, а осень и зиму уже не выдержим мы... Остается только штурм... Эх, лучше бы он решился на бой с куттами...

Заметив кручину на лице Датокила, которой невозможно было не заразиться, Артемир сам впал в тяжкую думу. Одно лишь стало ясно: никакой нужды в неотступном преследовании более не было.

— Остановите колонны! — как гром среди ясного неба зазвучал голос Артемира, обращенный к адъютантам. — Мы становимся на привал к реке! До конца дня все воины получают отдых, помывку и питание! Утром же идем на Кастелат!

— Не могу спорить с таким мудрым решением. — приободрился Датокил, заранее расстегивая свою пурпурную стеганку, цвет которой уже приблизился к сероватому.

Выражением единогласной поддержки решения приора были крики, шутки и искренняя радость солдат, скидывающих доспехи и бросающихся с плеском в прохладную воду. Никто даже и не думал о завтрашнем дне, когда многие из тех, кто с баловливым озорством

окрашивал реку в цвет грязи и пыли, окрасят недружелюбную землю в цвет своей крови... В отместку за невнимание и неуважение к себе, завтра не стало стоять в очереди на линии всемогущего времени, и наступило так быстро, что и беспмятному пьянчуге стало бы не по себе.

— Поднимай солдат, уже давно пора. — просипел недавно поднявшийся Артемир ночному дозорному, и тот немедля устроил пытку сладко спящим в чистоте солдатам, разорвав тишину летнего рассвета грубым и бесцеремонным звоном колокола, которому снисхождение было неведомо. Начался подъем. Пока солдаты в полусонной неловкости облачались в боевые одежды, Артемир не отставал, защитившись даже лучше, чем во время того безнадежного боя с Альзорием: помимо кольчуги и лат приор одел круглый шлем с козырьком, скинув свою шерстяную двубортую шапку с пером, порядком засаленную. Накинув сверху полюбившийся ему халат из шкур гунтальских лисиц, Артемир поспешил проведать Датокила, который встретил его в полной боевой готовности, доспехах и легком волнении.

— Что ж, вот время и пришло. — с нервным, прерывистым вздохом поприветствовал приор Датокила, уже в который раз проверяя заряженность своих пистолей в кобурах, причем не особо и смотря.

— Если победим сегодня Альзория и возьмем Кастелат, Лига сдастся. — чуть более спокойно ответил Датокил, закрепляя португею с мечом. — Выходить нужно как можно быстрее, тогда спустя час-три после полудня мы выйдем на поля перед столицей. Бой будет долгим и кровопролитным.

— А что же кутты? — опомнился Артемир, вновь чуть не забыв многострадальный народец, теперь терроризирующий в порыве всепоглощающего возмездия Саргию. — Нам нужно найти их вождей и договориться о союзничестве.

Датокил хитро улыбнулся, бросил снисходительный взгляд черных глаз на Артемира и уверенно провозгласил:

— Кутты подойдут к Кастелату и будут бить его вместе с нами.

— Что, опять твои таинственные разведчики? — со смесью удивления и недовольства воскликнул Артемир, нахмурившись. — Почему они действуют в обход меня? Почему ты...

— Ты мне не доверяешь? — перебил приора Датокил с призрачным намеком на угрозу в голосе, подняв подбородок чуть выше обычного.

Артемир ответил не сразу. Действительно, многие действия Датокила вызывали у него подозрения. Скрытность, собственная разведка, излишняя самостоятельность в принятии решений, вроде убийства Олиправда и выбор на его место «удобного» кандидата без разглашения условий... Если в самом начале их пути Артемир беспрекословно доверял Хитрейшему, как учителю и наставнику, то теперь между ними проскользнул подлый змей недоверия. Возможно, Датокил всегда был таким, но теперь, когда Артемир вырос, как внимательный и ответственный командир(во всяком случае, он так думал о себе), его взор на товарища и сподвижника значительно обострился, и результат казался не очень приятным...

— Конечно, доверяю. — неуклончиво, но не слишком убедительно ответил Артемир, не желающий никакой розни накануне великой битвы. — В конце концов, твои разведчики действуют на благо нашего дела, так что...

Чувствуя нарастающую неловкость, Артемир спешно ушел, сославшись на необходимость переговорить с Альвидесом, доверяя Датокилу общение с астейским генералом. Датокил покорно кивнул, проводив приора пронизывающим до костей взглядом,

от которого любому стало бы не по себе. К счастью, Артемир не имел на спине глаз.

— Ах, Артемир, это ты, друг мой. — Альвидес, минутой ранее выпроводив оруженосцев, одевших его в доспехи, находился в своем просторном шатре в одиночестве, склонившись над трофейной картой Саргии. — А я тут вспоминал нашу первую встречу... — Альвидес по-стариковски мечтательно задумался. — Столько времени прошло...

— Да, от враждебного пренебрежения до верного союзничества. — улыбнулся Артемир, подойдя к столу с картой и присоединившись к смотру изящно отрисованных холмов, лесов и рек.

— Не просто союзничества, а почти влияния в семью. — Альвидес помрачнел, вспомнив про жестоко убитую внучку. — Ты мог бы быть мне любимым зятем.

— Если бы не сарги. — обрадовавшись возможности еще больше сплотиться, с ненавистью прошипел Артемир, стиснув единственный кулак.

— Сарги? — задрал седую бровь повернувшийся к Артемиру Альвидес. — О, твой Датокил рассказал мне про истинного виновника смерти Монны, оттого я с радостью и согласился с твоим планом по его устранению.

— А-а, ну да... — слегка смешавшись, промямлил Артемир.

«Моим планом... Так значит, Датокил прикрылся мной на случай неудачи с Олиправдом... Подло, хитро, но умно». — подумал про себя Артемир, стиснув зубы.

— Но не беспокойся, я и мои воины, а также батальоны нордиктовских добровольцев, что присягнули мне, будут биться за тебя до самой смерти. — успокоил приора улыбнувшийся Альвидес, восприняв пошатанный вид Артемира за неуверенность пред грядущим.

— Я доверяю тебе более, чем кому бы то ни было. — твердо сказал Артемир, дружески хлопнув герцога по плечу. — Мы выдвигаемся, будь готов.

Выйдя из штабного палаточного городка, который сворачивался последним, Артемир уже застал готовых воинов, начавших строиться в походные колонны. Так же, как из отдельных толп солдат формируется упорядоченный строй, так же и в голове Артемира оформилось решение расставить все по местам с Датокилом, если будущее принесет им победу. Артемира не беспокоила преданность Хитрейшего равенскому народу, ибо он доказал свою непоколебимость в ходе войны. Приору не нравилось то, что Датокил явно не воспринимает его, как монументального вождя. Время триумvirата, раздавленного саргами, прошло, настало время единого правителя, и он, Артемир, им является, а не Датокил! При одной только мысли о том, что его отдалают от власти, которой он даже и не вкусил в полной мере, нутро Артемира вскипело от негодования. Да, были времена, когда он был лишь рядовым равенцем, равным среди многих. Но это были времена рабства, и они позади, навеки позади! Теперь же он готов править, он хочет править!

Поглощенный горько-сладостными мыслями о незыблемости абсолютной власти, Артемир забыл, или же не хотел вспоминать о том, что именно Датокил привел его к тому, чем он является, и, по справедливости, он же и должен иметь право вернуть все на свои места. Возможно, именно подсознательное согласие с этим постулатом так усиливало злобу Артемира, лицо которого застыло в виде скривленной маски, пока он невидящим взглядом наблюдал за началом конца. Конец Лиги, или же Приората, покажет лишь предстоящий бой. Но до этого боя еще надо дойти, и к этой мысли спустился Артемир, успокоившись и возглавив войско, которое выступило на северо-восток, к Кастелату.

* * *

Столичная область Саргии, вопреки привычке, была ровнее, нежели остальные части страны. Несмотря на близость северной окантовки Нордикта, представляющей из себя суровую, непроходимую цепь высоких гор, Кастелат, расположившийся под сходящимися хребтами гор Братьев, видел вокруг себя скудные, продуваемые восточными и западными ветрами поля, в мирное время засеиваемые неприхотливыми культурами. Именно эти поля и увидел одним из первых Артемир, стоя на вершине холма. С высоты, как на ладони, были видны некогда аграрные равнины, идущие к резко вырастающей стене гор, а также, под самими горами, город, столицу Саргии, Кастелат.

Круглые, высокие и толстые стены крепостной части столицы упирались в горные бока Братьев, словно соединяя их каменной пуповиной. Пуповина была не одна, и стен, преграждающих доступ к жилой и ремесленной части, было три. Третья, последняя, была прямой перемышкой между Братьями, за которой на возвышенном внутреннем плато огромной площади, защищенные со всех сторон горами, стояли близко друг к другу дома и хозяйства столичных жителей, а выше всех стоял королевский замок, некоторые детали которого были описаны много ранее. В стороне от замка покоился турнирный ипподром, печально известный событиями, породившими начало гражданской войны в Гептархии. Дневной свет Звезды был непродолжительным гостем холодного города, потому сельским хозяйством там не занимались, вымостив все горизонтали камнем и плиткой. Ремесло и искусство стали главным поприщем мещан, к которым со всей Лиги стекались лучшие ресурсы, позволяющие на высочайшем уровне удовлетворять высокие потребности развитого народа.

Но, чрезмерное описание Кастелата отвлекло от дел насущных, о которых думал Артемир, оглядывая внешние стены города, заполненные суесящимися солдатами. Альзорий уже успел подготовить оборону, разместив легионы Лиги во внешней гарнизонной части столицы, создав глубоко эшелонированные порядки. Все орудия, размещенные на стенах, наградили Кастелат по-акульи плотной челюстью с поблескивающими во временном покое зубами. Челюсть эта кровавым аппетитом предвкушала неустанную работу по перемалыванию жертвы своей, предводитель которой незаметной точкой с холма смотрел на все это милитаристское великолепие. Тревога наполняла приора в равных, непримиримых долях с решимостью, отчего желание получить разрешение этих чувств стало необоримым.

— А пушек у них больше. — пока Артемир оглядывал столичное гостеприимство, к нему подошел Датокил верхом.

— Но они лишены маневренности. — Артемир на время боя решил позабыть о поспевающих плодах конфликта с Хитрейшим. — Если распределять наши орудия вокруг города так, чтобы покрывать конкретный участок обороны, мы их подавим по отдельности.

— Что ж, идея достойна попытки. — Датокил покрепче насадил шлем на голову в предчувствии громкой артиллерийской перепалки. — А ведь такой тихий, погожий день придется прогнать с этой равнины...

— Да, с такой сворой тишина не скоро вернется в эти края... — привлеченный едва уловимым шумом неясной природы, Артемир принялся выискивать источник раздражения, и нашел его.

С запада, выплывая из погибающей утренней дымки, шли навстречу Приорату толпы людей. Учитывая, что такие нестройные людские потоки не могут принадлежать легионам Лиги, Артемир однозначно понял, что это кутты. А шум, который привлек внимание приора, был всего лишь крик. Даже не крик — оголтелый ор. Куттские орды шли по землям Саргии,

оповещающая все и вся о своем присутствии несвязными воплями торжества и устрашения. Однако, числом эта орда явно была худа. Заметив, как невелико расстояние между авангардом и арьергардом у куттских рейдеров, Артемир испытал горькое разочарование. «Ни достойной дисциплины, ни несметности... Право же, своим стремительным броском мы спасли этих куттов от верного истребления...» — так думал Артемир, скривив пренебрежительно губы.

— Кутты... — если Артемир выдавал отсутствие симпатии к куттам своим видом, то Датокил изъявил свою неприязнь голосом, для наглядности сплюнув под ноги своему коню. — И эти набожные, отсталые варвары будут нашими союзниками... А где эти?.. — не закончив предыдущие слова, Датокила вдруг посветлел и раздался восклицанием. — А вот и они!

Привлеченный замечанием Датокила, Артемир вновь вернулся глазами к куттам. Этот народец за время горной изоляции стал мал ростом, хоть их головы и носили порочащий саргов призрак родства с ними — спутанные светлые шевелюры и такие же светлые, но неопрятные бороды. Было заметно, что технологическое развитие куттов уже долгие десятилетия стоит на месте: из оружия у них были простейшие луки с короткими стрелами, копья и несуразные мечи, плохо выполненные ограниченными в ресурсах и навыках кузнецами. Защитой служили лишь кожаные рубахи в несколько слоев, да такие же штаны, подвязанные у щиколоток. Но, помимо прочего, были и деревянные щиты круглой формы с железными шипами посередине. Еще одним любопытным предметом куттской культуры были редкие шлемы на головах командиров: железные чаши с рогами горных баранов близ висков, что отражалось в таинственной языческой вере этого отсталого народа.

На небольшом отдалении от куттов шло несколько стройных пехотных колонн и одна конная, контрастирующие с толпами горного народца своей упорядоченностью. Как следует сощурившись, Артемир различил черно-желтые наддоспешники на идущих солдатах.

— Хах, барон таки прислал парочку своих батальонов. — подтвердил Датокил словами молчаливую догадку Артемира. — Златная Коммуна вновь заявила о себе именно тогда, когда про нее забыли, и именно настолько, чтобы испытывать к ней хоть какую-то благодарность.

Действительно, в обычное время на такую малую помощь можно было посмотреть косо, но теперь, перед штурмом столицы противника, каждый боеспособный солдат на счету, и Артемир был рад подкреплению.

Остановившись в поле на расстоянии от стен Кастелата, кутты и златнокоммунцы остановились, а из конной колонны последних отделился одинокий всадник, за пару минут преодолевший расстояние до равнецев. Им оказался Исхилий лично.

— Что ж, благородный Исхилий, приветствую тебя! — без особой искренности, но с должной вежливостью в словах и жестах сказал Артемир.

— Барон почувствовал скорую развязку и прислал своего верного сына, дабы поучаствовать в разделке здорового бычка? — искрясь от задора, не выждал приветственных слов Исхилия Датокил.

— Хах, я теперь барон! — поддержал настрой Датокила здоровым смешком Исхилий, звякнув кулаком в железной перчатке по кирасе. — Мой старик недавно скончался, обязав пожинать плоды наших побед за него.

— Сожалею о твоей утрате. — совсем не втискиваясь своим светским настроением в веселую перебранку словами между Исхилием и Датокилом, проговорил Артемир.

— А-а, нечего. — пренебрежительно махнул рукой Исхий, сморщив свои темно-русые брови. — Хотя я и любил этого толстого мерзавца, ему уже давно пора было отправляться на вечный покой.

— Стало быть, ты убедил куттов принять твое командование? — поинтересовался Датокил, заметив, что от сумбурного народца не выставлено никаких независимых делегатов.

— Да, я взял над ними шествие. — не без сожаления скривился Исхий. — Я налетел на этих сумасбродов к северо-востоку от моих границ, когда они хозяйничали в одной из саргийских деревень.

— Слух об их жестокости достиг моих ушей. — покосился на орды куттов Артемир.

— Даже по моим меркам они чересчур... м-м-м... свирепы. — подобрал нужное слово Исхий. — Когда я пришел следом за своим переговорщиком, в живых не было никого: убиты и изнасилованы все женщины и дети, беспомощным старикам перерезали глотки, а мужчин одолели числом.

— Что ж, надеюсь, столь же решительно они проявят себя и против настоящих легионов. — с сомнением в голосе изъясил недоверие Датокил, заметив, как один из куттов начал внезапную драку со своим соплеменником.

— Было бы неплохо, если бы сарги их всех там уколошили. — совершенно безобидно усмехнулся Исхий. — Было бы на одну послевоенную проблему меньше.

— Уже решаете послевоенные проблемы? — укорил грозным голосом своих собеседников Артемир. — Не изволите ли сначала победить?

— Ты прав, Артемир, еще не время ворочать языками... — внезапно сменив задор на невесть откуда взявшуюся усталость, проговорил Датокил. — Пора махать мечами.

И битва началась.

Исхий не захотел возвращаться к куттам, оставив своего доверенного офицера управлять ополчением. Артемир принял барона в свой штаб без особого различия, ибо дело было не до личных отношений. Первая полоса укреплений. Самая длинная, самая защищенная, самая трудная стена. Окружать полностью стену Артемир, как и говорил ранее, не решился: сарги подавили бы любую распределенную артиллерийскую силу. Вместо этого приор решил выставить на предельной дальности последний дар Октавиуса Мария — медные орудия с алыми ядрами, изо всех сил молясь о том, чтобы случайное саргийское ядро не поразило столь ценные теперь образцы оружия.

Примерно зная, когда нужно остановиться, Артемир указал безбронным артиллеристам, как и куда нужно спускать орудия с холма на поле. Бесстрашные равенцы, смеясь в лицо саргам, которые уже на подходе начали без особой точности засылать в их сторону единичные снаряды, выполнили приказ. Чтобы обезопасить расчеты от внезапного нападения стремительных всадников, на небольшом отдалении стали стрелки с прикрывающей их пехотой. Выставил Артемир и скорострельные барабанные ружья, уцелевшие после битвы в Фортерезии. Наконец, настало время для настоящих, полевых испытаний.

Не обращая внимания на отдаленный грохот неточных пушек защитников, опытные равенские артиллеристы зарядили пушки и взяли максимально допустимый угол стрельбы, не приводящий к сильным потерям в дальности. Залп небольшой медной батареи возвестил о вступлении приората в схватку. Алые ядра, обрадовавшись свободе полета, устремились к Кастелату, грозя его гарнизону неприятными неожиданностями. К сожалению, несколько

снарядов не оправдали возложенных на них больших надежд, осколками разлетаясь от каменной стены, но те, которым хватило приданной им силы, яркими вспышками озарили воздух, попутно причиняя серьезный вред всему, что содержит так любимое альцом железо. Но где же нет железа в саргийских легионах? Это скелет, на котором держится вся мощь Нордиктовской Лиги. И этот скелет подвергся переломам. Многочисленные алые разряды, рожденные из порочного, неестественного союза камня с металлом, поражали солдат, сминая их доспехи, били по орудиям, растрескивая их стволы, попадали по снарядам, заставляя детонировать разрывные ядра. Ни один простой снаряд не мог причинить столько урона, сколько наносило алое ядро.

Защитники Кастелата, не готовые к таким чудесам, начали спешно покидать сектор обстрела медных пушек Приората, чем незамедлительно воспользовался Артемир, заставляя артиллеристов подходить ближе и покрывать все новые и новые участки обороны. К сожалению, успеху часто сопутствуют и неудачи, что случилось и теперь: несколько саргийских ядер разбили несколько подвозок с алыми ядрами, спровоцировав их разряды. Артемир с прискорбием понял, что с таким течением событий ресурса этого оружия едва хватит и на первую стену, не говоря про глубокие укрепления, темным пятном лежащие на будущее сражения. Тем не менее, приор решил метать эти гром и молнии до тех пор, пока будет хватать этой неоязыческой божественной силы, преподнесенной жрецом Марием.

Так бы и случилось, как предрешил Артемир, так бы и била медь железо, пока не закончится алец, но Альзорий внес свою судорожную лепту, находясь в неведении того, с чем ему приходится бороться. Наполненный страхом и злостью от созерцания хаоса на своем внешнем рубеже, король бросил в бой за стену всадников, лично наказав капитану и лейтенантам, что ворота не откроются, чтобы приютить их обратно, пока эта загадочная батарея не будет уничтожена. Понимая, что отправляются на самоубийство, всадники все же доблестно и самоотверженно изготовились к броску, закрепив на себе легкие доспехи и стиснув руками покрепче свои пики, аж заскрипев кожаными перчатками по древку.

Как только ворота начали своей недолгой путь к открытию, Артемир на мгновение наивно подумал, что сейчас из города к ним навстречу поскачет переговорщик с предложением о мире. Увидев же, что сначала из-за створ показались длинные копья, а следом за ними выехали ударные всадники, приор побледнел, понимая, зачем они выехали, и что будет дальше. Он боялся, что это может случиться, но до последнего верил, что его страх не сбудется.

— Не дайте им приблизиться к меди, не подпускайте их!!! — исступленно завопил приор, хотя прекрасно знал, что с передовой его не услышат.

Датокил, зажмурившись от неожиданного крика приора, обратился к нему:

— Высылай астийских конных лучников, они могут успеть!

Без пререканий прислушавшись к совету Датокила, Артемир погнал навстречу саргам астийских всадников, однако, сарги оказались стремительнее. опередив своих противников, легкие ударные эскадроны сблизилась с медной батареей. Как бы точно ни стреляли в них равенские стрелки, как бы ни укладывали одного за другим скорострельные ружья на лафетах, сарги смогли совершить то, чего боялся Артемир, и чего стоило бояться самим саргам...

Как только первые линии всадников подлетели достаточно близко к уже брошенным пушкарями орудиям, начали разрываться алые ядра, испуская смертельную силу в нарушителей установленного порядка. Получая сильные разряды от многих ядер сразу,

всадников полностью раздавливало доспехами. От уже пораженных доспехов цепной реакцией алец продолжал свой разрушительный путь по соседям расплющенных ударников. Яркими вспышками оружие Мария сжигало все больше и больше всадников, не успевающих сообразить, что происходит, и как же им поступить. В конце концов, окружающие батарею всадники остановились, но не по своей воле, а лишь будучи убитыми непреодолимой силой жестокого Алого Камня. Все до единого ядра были потеряны, почти все до единого всадники лежали мертвыми, единицы лишь из последних рядов бежали обратно. Несколько ядер от массовой детонации своих соседей откинуло назад, и они долетели до шеренг равенских стрелков, убив нескольких из них. Результат атаки был сомнительным для обеих сторон: Артемир потерял оружие Мария, Альзорий — целый батальон всадников, не убивших ни одного противника лично.

— Более нет смысла вести громкий пушечный спор, пора довести дело до настоящей драки. — сдавленным голосом проговорил Артемир, осипший от своего крика.

— Что ж, твоя воля. — проговорил Датокил, все еще осматривая результат конного рейда. — Я прикажу оставшимся артиллеристам стать на месте медной батареи, дабы поддерживать штурм.

Не давая времени legionарам отойти от ослепительного феномена, убившего многих солдат и поломавшего многие орудия и припасы, Артемир бросил в бой пехоту с осадными лестницами, собранными в богатых на древесину лесах Саргии. Найдя это время прекрасным для вступления в бой куттов, Исхий отдал соответствующий приказ своему заместителю в стане волнующегося народа. Чутко отреагировав на сорванный с их шеи поводок, куттские воины с оглушительными воплями, от которых даже близстоящие горы содрогнулись в ужасе, бросились бесформенной массой к стенам, с которых в штурмующих уже полетели пули, болты, стрелы...

— Их тяжело содрогнуть... — скрипя зубами от злости, наблюдал Артемир за упорядоченной обороной legionарями внешней стены, на которую уже накинута несколько лестниц. — Даже алые ядра не заставили их отступить.

— И куда же им отступить? — таким тоном, будто разговаривает с умалишенным, воскликнул Датокил. — Они будут стоять насмерть, как и наши воины, верь, или не верь.

И равенцы, не отставая от врагов, оправдывали убежденность Хитрейшего: несмотря на жестокость и свирепую решимость саргов, штурмовики карабкались по прогибающимся от веса лестницам. Срывались, будучи сраженными, падали, погибали, но все равно перебирали руками и ногами ступеньку за ступенькой, оказываясь ближе к небесам и небожителям, не готовым отдать свое священное обиталище так просто.

Кутты же, всем своим видом отталкивая любую высокую материю, остервенело стремились по равенским лестницам вверх, и, что неудивительно, оказались первыми, кто достиг вершины. Перескочив через зубцы амбразур, словно хищная кошка в финальном броске плотоядной охоты, куттские безумцы вгрызались своими мечами в щели между латами саргов, истошно празднуя успех своего убийственного дела.

Первый равенец неуверенно ступил на горизонталь внешней стены тогда, когда десяток-другой куттов уже образовали несколько малых плацдармов близ лестниц, по которым они взобрались вверх. И если перед юркими куттами legionары терялись, то равенцев били уверенно и беспощадно. Потери среди штурмующих были огромными, хотя до взятия лишь первого рубежа обороны было далеко.

На помощь штурмовикам подоспели пушки. Воспользовавшись тем, что

артиллерийский огонь защитников внешней стены уже был слабым и неэффективным, равенцы подтащили прикрытые пехотой орудия достаточно близко к воротам и открыли огонь по створкам прямой наводкой. Как только первые ядра проверили на прочность главные ворота, легионеры запоздало начали концентрировать огонь на пушках, но их усилий было явно недостаточно. Спустя несколько плотных залпов толстенные ворота сдались, обронив несколько выломанных кусков своей плоти и засовы наземь. Артемир поставил на атаку сломанных врат астийских всадников, натравленных своим генералом-главнокомандующим и уже всюду рвущихся в бой.

Еще несколько орудийных выстрелов, и сарги бросились врассыпную от разрушенных дверей, освобождая место для астийцев, незамедлительно устремившихся занять брешь, свистая и улюлюкая по ходу устрашающего бега их коней. На большой скорости вклинившись в строй пикинеров, ожидавших конную атаку, астийцы побросали свои копья и залихватски выхватили шашки, ломая пики и пробивая шлемы врагов. Дабы астийцев не сдавили с флангов, равенцы устремились в пробитую островитянами брешь и, обтекая конников, нацелились выдавить легионеров из узких улочек между внешней и второй стенами, заодно оказывая помощь своим товарищам наверху, соскочившим с осадных лестниц.

— Все идет довольно неплохо. — напряженно, но оптимистично протянул Артемир, наблюдая за исчезающими во воротах солдатами, уверенно идущими в бой.

— Все самое сложное еще впереди. — не допустил расслабления приора Датокил серьезным тоном. — Еще не вступили в бой ни королевская гвардия, ни тяжелая конница...

— Конницу Альзорий бережет для боя внутри Каstellата, где есть пространство для маневра. — со знанием дела предположил Альвидес, конь которого со скуки начал переминаться с ноги на ногу и кивать своей изящной головой. — Там же будет и гвардия, я думаю.

— А сейчас они просто истощают нас, причем успешно. — нервно погладил свою бородку Исхий. — Потери то — ого-го!

— Резервов у нас еще достаточно! — словно стараясь убедить самого себя, раздраженно рывкнул Артемир, покусывая губы. — С такими успехами победа у нас в кармане.

— Что ж, увидим... — вздохнул Датокил, и в этом вздохе кричаще сквозило неуверенностью.

А пока в штабе без особых пользы и смысла чесали языками, воины Приората с тяжеленными боями захватили междустенки, разбив нордиктовскую пехоту, большая часть из которой сдалась в плен, потеряв веру в победу своего Протектора. Несмотря на плотный огонь со второй стены, равенцы ударили в тыл защитникам первой стены, и в скорости внешний рубеж Каstellата был полностью в руках штурмующих. Дорогой ценой дался этот успех: очень многие погибли, а те, что выжили, сильно устали, и не могли с ходу брать вторую стену. Ближние схватки постепенно затухли, начались перестрелки.

— Почему они остановились?! — недовольный картиной стагнирующего боя, закричал исступленно Артемир. — Нужно продолжать штурм, не давать времени саргам перегруппироваться!

— Твои воины устали, Артемир, они не могут биться дольше. — с сожалением и человеколюбивой милостью в голосе пояснил Альвидес. — Им нужен отдых.

— Отдых... — понимающе, но от того не менее неистово прошипел Артемир. — Ладно, пусть резервы вступают в бой, а те, кто бились прежде, отходят на отдых в поле.

Никто не стал спорить с приором, хотя неоспоримым решение поменять местами рвенцев и резерв назвать было уж точно нельзя. В резерве на полях перед Кастелатом стояли златнокоммунцы, серпийцы, посредственная астийская пехота и прочие нордиктовские сепаратисты. Стоит ли говорить, что рвенция и боевого духа в них было меньше, нежели у приоровских соотечественников?.. Правда, астийцы могли поспорить с равенцами в лихости и боевитости, но от элитной конницы в штурме стен было толку мало, а пехота островитян по снаряжению оставляла желать лучшего... Тем не менее, в течение часа замена была произведена, и новые части со свежими силами бросились в бой, перетащив лестницы с первой стены ко второй. С захваченного рубежа добровольно оставшиеся на передовой некоторые равенцы поддерживали резервистов огнем ружей, луков, а также уцелевших настенных орудий. Дело пошло.

— Астийцы прямо сейчас доказывают всем нам, что даже их несуразная пехота достойна высочайших похвал! — с невесть откуда взявшейся гордостью за островитян провозгласил Артемир, от довольства даже причмокнув нижней губой. Словно услышав своими ушами такое щедрое поощрение, астийцы удвоили свой натиск, но успехов особых не достигли: несмотря на все усилия штурмовиков, легионеры сбрасывали всех врагов обратно, не давая закрепиться на стене, а в нескончаемой перестрелке слабо защищенные астийцы терпели куда большие потери, чем доспешные и латные сарги. Так, едва лишь дав цвет, лепестки боевого духа резервистов завяли, а затем и вовсе осыпались, оставив после себя лишь голые стебли осадных лестниц, которые сарги с издевательскими оскорблениями скинули, поддев длинными пиками.

— Что ж, вот и вся наша война вышла... — разочарованно проговорил Датокил, пока Артемир бессловесно выражал весь богатый спектр своих эмоций глазами, окаймленными нервно подрагивающими веками. — Это бессмысленно, нужно отдавать приказ об отступлении.

— Отступление... — отупело повторил Артемир, не отводя взора от резервов, массово отступающих обратно из главных врат. — А я то думал... Уже победу сегодня отпразднуем...

— Этих крыс так просто из погребка не выгнать. — совсем не утратив присутствия духа, бодро усмехнулся Исхилий. — Придется еще постараться.

— Артемир, лучше отведи своих рвенцев с внешней стены! — придавая интонации своего голоса всю убедительность, на которую способен, проговорил Альвидес, вызывая этим недоумение остальных, которое, впрочем, продлилось недолго.

Пока в штабе Приората оценивали промежуточные итоги не самого удачного приступа Кастелата, в прогретом слепополуденном воздухе возник новый раздражитель — грозный рык дружного оркестра боевых горнов. Сарги готовились к контратаке. И только теперь смысл тревоги Альвидеса открылся для Артемира в полной мере: оставшиеся на внешней стене равенцы могли отступить только по каменным внутренним лестницам, а далее — по улочкам между бараками застенков. В случае же неудачи астийской конницы в сдерживании, улочки меж стен вот-вот должны были заполниться свежими легионерами, которых подготовил для контрудара Альзорий. Все осадные лестницы остались под второй стеной. Единственный выход — главные врата. Жизнь многих утомленных рвенцев, которые точно не выдержат воинственного ответа саргов, была под серьезной угрозой. К счастью, равенские капитаны и лейтенанты вовремя поняли, что может их ожидать в случае промедления, и повели своих подопечных по тропе спасения.

— Я поеду туда сам! — осмелев от невыносимой тревоги за своих солдат, выкрикнул

Артемир, поправив на себе шлем с пурпурным конским хвостом и направив коня с холма вниз, к городу. — Мое присутствие может вдохновить воинов.

— Что ж, надеюсь, ты не обидишься, если я не составлю тебе компанию? — шутливо вскинув руку со своим шлемом в знак прощания, прокричал вслед приору Датокил. — Постарайся не потерять вторую свою руку!

Не расслышав последнего наставления Хитрейшего, Артемир уже спустился с холма на простор поля, где уже развернулись батареи для сдерживания контрнаступления легионов. Конная гвардия неотступно следовала за ним, подбадривая стуком мечей о щиты всех встреченных солдат, которые с торжеством вскидывали кулаки вверх, приветствуя своего лидера.

— Готовьтесь к сдерживанию! — повсеместно призывал приор на скаку. — Ваш приор с вами, и так будет до самой смерти, если доведется!

Бесхитростные слова, которые, однако, возымели действие: равенцы, вскипая и бурля от жажды боя, направились своими порядками к главным воротам, готовые во что бы то ни стало удержать свежих легионеров.

— Отводи своих коней, от них в обороне толку нет! — как можно отчетливее, дабы носитель астийского диалекта понял, прокричал Артемир капитану островной кавалерии. Кивнув головой, тот скомандовал своим подопечным отход. На освободившееся место стали равенские шеренги пикинеров, за которыми многочисленными батальонами выстроились стрелки всех мастей, дабы поддержать товарищей и подавить огонь со второй стены и из-за нее.

Наконец, вторая серия завываний горнов, куда более бойкая, нежели в первый раз, дала понять, что сарги приступили к контратаке. В сердечном согласии со своей воинственной музыкой, ворота второй линии обороны медленно отворились, постепенно открывая взору равенцев ошетилившийся строй саргийских ружейных стрелков, открывавших огонь сразу по мере открытия створов. Равенские застрельщики не остались в долгу, заполонив пространство будущего боя хлопками, огнем и дымом. Как только заряженные выстрелы закончились, оставив после себя назойливый звон в ушах, а дым рассеялся, грозные саргийские латники с мечами и щитами плотным строем ступили в проем врат с четким намерением выбить агрессоров из своего города.

— Держать строй! — вопил Артемир, выглядывая из-за внешней стены через выломанные главные ворота, опасаясь продолжения стрельбы. — Не дайте им вырваться!

Если бы все призывы приора были легко выполнимы! Пикинеры всеми силами старались удержать легионеров, истыкивая их своим длинным оружием, давая возможность стрелкам поражать тяжело защищенных солдат, но сарги продвигались, постепенно расширяя свою фалангу. Неистовость защитников Кастелата ярко контрастировала с утомленностью войск Приората, что выливалось в успехах саргов. С каждым выдавленным у Приората метром земли уменьшалась надежда на победу, и в итоге левый фланг равенцев рухнул, а в появившуюся брешь устремились тяжелые всадники, всеми силами стараясь посеять хаос и смерть среди дрогнувших бойцов. Среди отступающих со стен началась давка.

Видя плачевные результаты сдерживания, Артемир едва сам сдерживался от того, чтобы отдать приказ о полном отступлении, все глубже погружаясь в черное отчаяние. Но осознание неминуемой гибели огромного числа неупорядоченных солдат держала его эмоции в узде погнувшейся, но еще не лопнувшей. Да и прежний опыт пребывания в безысходности закалил его выдержку, позволяя крепиться даже тогда, когда надежды на

успех почти нет.

— Надо бы... самому... — со знобливым трепетом неуверенности прошептал Артемир, предполагая вступить в схватку лично, но животный страх после прошлого ранения сковывал его, отчего вместо боевого клича у приора сковало судорогой захлопнувшуюся челюсть. Оправдываясь тем, что в такую давку его конная гвардия даже во врата не протиснется, Артемир вновь ограничился лишь устными бодростями:

— Ваш приор с вами, держитесь, братья мои! Начинайте планомерно отступать!

Искренне обрадовавшись команде на отход, равенцы начали сдавать позиции еще быстрее. К этому моменту большинство солдат со стен уже вышли, потому безнадежно держать крепь перед разгулявшимися саргами не было смысла. Да еще и со стен по равенским осадным лестницам начали спускаться особо отчаянные легионеры, получая пули и стрелы в спину, но не останавливаясь ни на секунду. Штурм с ходу с треском провалился, равенцы покинули стены Кастелата побежденные. Опьяненные успехом сарги бросились вослед, дабы разгромить отступивших, но плотный огонь развернутых стрелковых полков охладил их пыл, вернув трезвость в их головы.

— Вижу, с тобой все в порядке. — бесстрастно встретил нахмуренного приора Датокил, не сходявший со своего места ни на шаг. — Увы, наш приступ остутился...

— Мы проиграли... — выдохнул скривившийся при этих словах взмыленный Артемир, возвращая свое место на штабном холме. — Едва ли еще одна попытка увенчается успехом, их слишком много, и они готовы биться до последнего...

— Как и мы когда-то. — мрачно усмехнулся Датокил, глядя на отходящих от стен на безопасное расстояние воинов. — Мы подали саргам хороший пример, и они быстро выучились ему.

— Похоже, единственной возможностью победить Альзория осталась лишь долгая осада. — осторожно проговорил Альвидес, видя напряжение вперемешку с унынием на вспотевшем и покрасневшем лице Артемира.

— Осада! — выкрикнул взбесившийся приор, разозлившись на очевидную, как ему казалось, глупость. — Альзорий собрал все, что только можно с окрестных земель! Он может держать город годами, в то время как мы не сможем прокормиться даже до конца лета!

— Да-а, а зимой вообще начнется вымирание... — не особо-то и переживая за судьбу Приората, пробубнил Исхий, не желая оставаться в стороне от ушераздирающей беседы скорее из скучающих соображений, нежели из гуманизма.

— И пушечных ядер, алого угля хватит ненадолго... Судя по всему, придется искать осенне-зимние квартиры. — подвел печальный итог Артемир, уныло теребя в руке поводья своего коня.

Все еще не сходя с места, Артемир со смесью злости и отчаяния смотрел, как легионеры Альзория вновь заняли отбитую у них ранее внешнюю стену, выкрикивая ругательства в сторону штурмовиков и гогоча от самодовольства. Все, на что были способны поверженные солдаты Приората, так это на вялое отбрехивание пушками, которое Артемир, впрочем, в скорости приказал свернуть для экономии боеприпаса — все равно, серьезного урона таким обстрелом нанести по укрепленному городу не удастся.

«А ведь я действительно поверил, что смогу с хода взять самый защищенный город в мире!» — с горькой усмешкой подумал в порыве серого реализма Артемир, распорядившись под прикрытием арьергарда строится в походные колонны и отправляться назад, к Храму Наук. О том, чтобы все же оставить свои армии под Кастелатом для осады, Артемир даже не задумался — только лишние потери, да грядущее уныние от голодов и холодов...

Только штаб собрался сниматься со своего холма и возглавить марш отступления, на пологую вершину взобрался, судя по его рогатому шлему, один из предводителей куттов. Не желая общаться с ним, что было, справедливости ради стоит заметить, верхом неблагодарности, Артемир поспешил отмахнуться от него. Не тут-то было, низкорослый кутт схватил приоровского коня за уздечку, не давая ему уйти. Легко выводимый из себя в такие минуты Артемир было схватился даже за рукоять своего меча, но деловой и спокойный говорок горного изолянта остановил горячую руку приора.

— Постой... Что?.. — силясь разобрать довольно сильно отличающийся от нордиктовских диалектов язык куттов, затряс головой в непонимании Артемир, вычленив лишь некоторые словосочетания, грамматически связанные неизвестными приору правилами. — «Дорога подгорной воды»? Что ты несешь?!

— Он говорит про какой-то проход под горами, судя по всему. — пожал плечами Исхий, имевший опыт общения с этими людьми.

— Проход под горами?! — сердце Артемира начало разгоняться, все более и более слышимое даже через суету отступающих колонн внизу. — Говори же, пес тебя разорви!

Кутту явно не понравился тон призыва в сердцах, на что он ответил злобным прищуром, но все же повторил еще раз то, что не разобрал сразу Артемир. Оказалось, многие годы жизни в вынужденной изоляции кутты не провели попусту, в тяжелом выживании на продуваемых северо-западных плато и в глубинах затхлых катакомб. Желая воздать саргам за свое унижение и неудобства, кутты все эти десятилетия изыскивали путь до столицы саргов через горы, теша надежду обезглавить репрессирующий их народ. Изыскивали долго, неустанно и яростно, без перерывов, сменяя друг друга лишь для еды и отдыха. Копали, прокладывали, налаживали проход через всю череду северной каемки Нордикта, через горы и между ними, под горами и над ними, встречая по пути лишь жесткий камень и жестокую смерть. Зная, что столица Саргии находится на самом востоке, кутты создали прерывистый «тракт», ведущий к Братьям-Близнецам, но окончить работу всей их невыносимой жизни помешала война, уведшая охранявшие их легионы. Поняв, что проще пробиться через оставшиеся на западе отдельные когорты, нежели доканчивать «Путь подземного озера» (а не «Дорога подгорной воды», как неверно понял Артемир), кутты вырвались из горных оков, сея хаос и разрушение поселениям ненавистных саргов...

— ...Ну... а что было дальше... ты и так знаешь. — окончил вольный перевод Исхий,

от сухости во рту начавший захлебываться в слогах.

— Так что ж, все эти горы, что вижу я, скрывают за своим гордым и неприступным фасадом удобную червоточину, доходящую почти до самого Кастелата? — воскликнул Артемир, сощурившись на северных горах Нордикта, словно стараясь обрести сверхъестественный дар узреть сквозь непроницаемую породу.

Кутт вновь сердито сузил глаза, при этом что-то недружелюбно пробормотав.

— Думаю, ему не очень понравилось слово «червоточина». — подмигнул молчаливый до сих пор Датокил, которого новость про «Путь подземного озера» очень развеселила.

Невольно разделив улыбку Хитрейшего, Артемир повернулся к кутту, сказав лишь одно простое слово, которое тот сразу понял: «Веди!».

Разумеется, в связи с неведомыми доселе перспективами отступление было немедленно отменено, к недоумению и немалому неудовольствию солдат, которые оставили было неудачную попытку штурма позади. Приорат развернул осаду, расположив батареи орудий и пехотные порядки во фронте, а конницей закрыв фланги. Будущие проблемы с провизией Артемир отодвинул, наказав астийцам регулярно собирать с окрестных и дальних земель фураж. К бодрой радости островных всадников, желающих испытать крови врага, Артемир дал почти полную свободу обращения с местным населением, попросив лишь полностью не истреблять мирных жителей. Не забыл приор и про Октавиуса Мария, направив своего адъютанта в Храм Наук с просьбой помочь всем, чем только возможно.

Разобравшись с задачами большей части своей армии, Артемир взял с собой в путь на запад Датокила, малый отряд кутта-проводника, равенскую пехотную гвардию во главе с Хрграром и подвоз с провизией, которой с лихвой должно хватить для их экспедиции. Во главе же штаба он оставил Альвидеса, ибо Исхилий, оставив своих людей под команду серпийского герцога, отправился домой, не желая делить тяготы изнуряющей осады.

С тревогой бросив прощальный взгляд на своих подопечных под Кастелатом, Артемир покинул городские окрестности.

* * *

Как регулярно отмечал для себя по пути Артемир, более простой дороги за весь период войны он еще не исхаживал. Шествуя вдоль ровной, как крепостная стена, череды гор, Артемир и его крепкая и выносливая компания не встретили ни единой преграды, ни единого противника их дела, благодаря чему время перехода было рекордно малым: на все про все ушло около полутора месяцев, что означало выход к западным рубежам Нордикта лишь к третьей четверти саргийского лета.

По меняющемуся лицу куттского проводника было понятно, что место, куда его народ был изгнан саргами, он считает домом, несмотря ни на что: чем ближе было к западной горной оконечности, тем светлее и радостнее становилось выражение угрюмого северянина, тем сладостнее для него становился воздух, в котором уже отличал он отзвуки родных мест, его дома, и, возможно, семьи.

— Хм, похоже, это оно... — протянул Артемир, когда в подгорном перелеске, по которому они бродили уже полдня, образовалась огромная, вырубленная под сеть саргийских лагерей поляна, или, правильнее будет назвать, поле. Сами лагеря, расположенные на небольших промежутках друг от друга, можно было определить, как саргийские, лишь по характерному срубам деревянных заборов-стен в виде частокола, да округлой форме, ибо ни знамен, ни тем более солдат там не было и в помине. Поначалу вообще можно было подумать, что лагеря пустыют, но по мере приближения Артемира к ним

стало ясно, что там несут вахту оставшиеся кутты, просто из-за низкого роста их не было видно над остриями кольев. Чтобы иметь обзор, кутты выдолбили в стенах круглые оконца-амбразуры, в одном из которых Артемир и разглядел голову местного стражника.

Куттский проводник, чтобы не допустить недоразумений, выбежал вперед, подняв руки высоко над головой, объявив о своем приходе громкими выкриками. Ему ответили из ближайшего лагеря, а следом за голосом показались и сами его носители, выйдя навстречу своему сородичу. Завязался разговор.

— Нетрудно догадаться, о чем они говорят. — кивнул Датокил в сторону куттов, не отрывая от них взгляд. — О нашем провале под Кастелатом. По лицу того коротышки видно, как он расстроен тем, что описывает наш дружок.

— Возможно, они просто хотят покинуть свои горные теснины. — пожал плечами Артемир, который уже обрел спокойствие после поражения. — Но, пока Лига не сломлена, боятся предпринять обратное переселение на равнины.

Едва начавшуюся беседу прервал кутт-проводник, вернувшись к приору. Жестом руки призвав следовать за ним, он повел Артемира и его компанию сквозь лагерь, из которых на них смотрели любопытные лица с гармоничной смесью тревоги и невежества.

Наконец, лагерь закончился, Артемир уперся в горы, которые предлагали единственный возможный проход в свое негостеприимное царство: каменистая дорога с клочками травы и небольшими кустами, круто уходящая наверх. Не испытывая ни малейшего желания подниматься по ней, Артемир все же преодолел себя и, ласково погладив своего вороного коня по шее, направил его к подъему. Его примеру последовали и остальные. Провалив один штурм, равенцы предприняли другой, едва ли менее тяжкий...

— Ого, какая высота... — сглотнув от неуютной картины, проговорил Артемир, оглянувшийся назад и увидевший лагерь далеко внизу, у подножия гор. Следом за ним верхом шел Датокил, а после — узкая колонна гвардейцев с измученными лицами, блестящими на свете вечерней Звезды от обильно льющегося пота. Замыкала путь конная повозка с провизией, изрядно облегченной за все время пути, оттого лошади, ее тянущие, страдали не более, чем кони Артемира и Датокила. Радуюсь в глубине души, что он не идет пешком, Артемир вновь повернулся вперед, почти прижавшись грудью к мощной спине своего уже попахивающего скакуна.

Так и продолжался путь наверх до тех пор, пока даже гвардейцы не начали потихоньку роптать, не в силах идти далее без отдыха, страдая от неутолимой жажды и перепада высот. На их облегчение, из поздних сумерек выскочил кутт-проводник, ломано объявив о том, что они вот-вот выйдут на «Плато Последнего Приюта»(на этот раз Артемир расслышал все верно). И действительно, спустя еще пару минут тяжелой одышки, дорога постепенно сгладилась, открыв взору приора вид, который он уже видел далеко на юге, в Фортерезии: протяженное межгорное плато, похожее на дно тазика со сглаженными бортиками-подножьями соседних высот. На плато неупорядоченно расположились каменные «домики», по убогости много превосходящие убежища самых бедных равенцев на Гунтале. Иные вовсе не были похожи на жилища, а скорее на свалку булыжников, между которыми по нелепой случайности образовалось пространство, достаточное для того, чтобы там уместилась пара человек.

— Здесь доживают свои последние годы старики. — пояснил кутт, объяснив этими словами и убогость жилищ, и то, почему местные не проявляют и малого намека на любопытство, выходя посмотреть из своих «домов» — им попросту уже все равно.

— «Плато Последнего Приюта»... — мрачно усмехнулся Артемир, качнув головой.

— Далее будет короткий спуск в катакомбы. — продолжил экскурсию кутт, указав рукой на выдолбленный в основании одного из подножий небольшой проход в черноту. Это зрелище вызвало бы страх у любого, чей взгляд провалился в бездну непроглядного мрака уходящей в гору пустоты. Но уставшим путникам было не до тратящих силы материй страха и тревоги, потому они безостановочно направились прямо в пасть высокого хребта, миновав молчаливое «Плато Последнего Приюта». Однако, кони равенцев выразили готовность потратить остатки своих сил на сопротивление, явно дав понять, что ни единым копытом не ступят вглубь горы, как бы ни ругались, или же ласково ни уговаривали их хозяева.

— Оставьте их здесь! — рявкнул разозленный шумом животных кутт. — Их и повозку никто не тронет, еду и воду старикам каждый день в избытке приносит молодежь.

Невольно согласившись с доводами местного жителя, равенцы оставили коней с лошадьми снаружи пастись скудным подножным кормом. Успокоенные обещанием кутта попросить молодежь накормить и животных тоже, гости подгорного народа ступили в главную часть их неудобной вотчины.

— Ах, проклятье! — Артемир споткнулся о камень в крошечной непроглядности. — Ничего не видно!

— Сейчас будет светло. — голос кутта прилетел откуда-то спереди.

И действительно, спустя минуту проводник вывел их из неосвещенного коридора в просторную пещеру, скудно освещенную голодающими настенными факелами, едва горящими тусклым огнем. В утробе этого пространства никого не было, зато на каменном полу лежали навалом деревянные приборы, вроде тазиков, мисок, кружек и ведерков. Видимо, эту «снасть» использовала пресловутая молодежь для пропитания своих стариков, ставшими одной ногой в небытие.

Не задерживаясь ни на секунду, дабы гвардейцы не устроили давку, кутт повел своих ведомых далее, к трем темным проходам в стене, вырубленным рядом друг с другом. Зайдя в центральный, он вывел равенцев в просторную галерею с неведомо как проделанными в высоченном потолке отверстиями, из которых проникал воздух, свет и капала вода. И тут-то и жило большинство представителей куттского народа. По бокам от длинного прохода в неровных стенах зияли отверстия, но не темные, как прежде, а хорошо освещенные теми же факелами. Вели эти отверстия в обитаемые комнаты. Внутри было достаточно места для небольших семей, которые проживали в этих каменных, нерушимых покоях. Женщины, дети и подростки, в основном, ибо мужчины отправились на войну. Все они попрятались внутри своих жилищ еще до появления равенцев, взбудораженные раздающимся эхо от многочисленных, сливающихся в какофонию шагов.

— Очень жаль, что не удастся пообщаться с этими... милыми людьми. — постарался проявить вежливость Артемир, на что кутт никак не отреагировал, просто проведя их до конца галереи и заведя в очередной коридор. На этот раз коридор повел наверх, поворачивая вбок. За поворотом стена коридора неожиданно исчезла, открыв едва различимые небрежные ступеньки, которые вывели путников на очередное плато. В отличие от первого, здесь было куда больше растительности, и дома здесь были отстроены из дерева. Так же, как и в галерее, жители заблаговременно спрятались в домах еще до появления гостей. Единственными встречающимися оказались одомашненные горные волки, привязанные к толстым деревянным столбикам снаружи. Низкий, громкий лай питомцев разрывал слух, заставляя неудобно морщиться.

А потом была еще одна пещера, а потом еще одно плато, и земляная низменность с поселением местных фермеров... И так далее, местечко за местечком, Артемир со своей компанией преодолел почти все жилые владения куттов, вступив на «Путь подземного озера». Он сильно отличался от обитаемых закутков, выбит был в горах наспех, одной тонкой ленточкой тесного прохода, прерываемого повсеместно межгорными низменностями, балконами, да просторными подземными озерами, мертвенную гладь которых приходилось с почтением тревожить многократными переправами на лодчонках. Как оказалось, прокапывать путь куттам приходилось не так уж и часто, ибо озер под северными горами Нордикта было великое множество, целые сети, разделенные лишь непродолжительными стенами из подгорных сводов, сталактитов и сталагмитов. «Путь подземного озера» обрел смысл названия в головах пораженных равенцев, преодолевающих его трудности.

— Дорога займет много времени. — предупредил всех в начале «Пути» ответственный кутт. — Я соберу вам провиант для начала, а потом нас будут снабжать женщины, таща на своих горбах все необходимое.

Согласившись с планом кутта, Артемир и его воинство последовали в паломничество на восток, вторя возмездным чаяниям тех, кто впервые проложил эту трудную дорогу.

Финал

Конец похода, чем ближе он становился, тем явственнее не обещал ничего определенного: кутт сказал, что «Путь подземного озера» прерывается уже в Кастелате, и один из тоннелей был брошен почти в самом конце работ. Все же, он не был дорыт до конца, и всем им придется вновь вспоминать, что такое кровавые мозоли на руках от назойливого древка кирки...

Пока равенцы шли, время тоже на месте не стояло. Наступила северная осень, промозгло холодная и особо заметная в горах, где изо ртов уже вовсю извергалась дымка — зловещий призрак надвигающейся зимы. Выручали равенцев лишь закаленная трудностями выдержка и куттские женщины, отправляющиеся вдогонку за равенцами целыми сменами, снабжая их едой и теплой одеждой из козьих и волчьих шкур. Тогда Артемир впервые и увидел неприхотливых и безропотных кутток, еще более низких, чем мужчины, некрасивых и одетых в грубые обноски, отдавая жертвенное предпочтение во всем детям и мужчинам. С ними в отряд Артемира поступило несколько десятков куттской молодежи, желающих вместе с равенцами пробиться в Кастелат и отплатить саргам за свои обиды. Приорнисколько не возражал, ибо видел всю яростную самоотдачу куттов в бою, да и молодые руки при доработке тоннеля явно не помешают.

Время в постоянных и тяжелых переходах шло быстро, будто сам Вирид, жалея ли путников, либо, наоборот, желая помучить их горными буранами, ускорил брачный танец вокруг своей прекрасной избранницы — Звезды. Что бы то ни было, осень практически подошла к своему завершению, когда Артемир, с наслаждением разжевывая трофейный фортерезский сыр, доставленный куттками, да укутываясь покрепче в свой уже потертый меховой плащ, уперся в кутта-проводника, который, в свою очередь, довел их до конца «Пути подземного озера».

— Вот и все, к югу от этого тоннеля должно находиться незащищенное нутро Кастелата. — отлично освоив равенский выговор, отрапортовал кутт, имя которого Артемир так и не узнал за почти полгода его пребывания в равенском стане.

— Должно... — пространно повторил Артемир, водя факелом по тоннелю и выхватывая

из темноты торчащие камни и обвалившиеся деревянные подпорки. Дальше дороги не было. — Значит, здесь мы будем пробиваться до саргов.

— Если ты этого хочешь... — с явным намеком на то, что у него другая идея, проговорил Датокил, пнув лежащий на каменном полу камень, подняв этим шаловливым действием целое облако пыли.

— Так, и что же у тебя на уме? — некогда восхищавшийся интригующими манерами Датокила, раздраженно проворчал Артемир, отвернувшись от тупика тоннеля.

Закатив глаза, Датокил молча показал пальцем наверх.

— Что это значит? — еще более раздраженно рявкнул Артемир.

— Гораздо умнее, хоть и менее безопасно, — сдержанно поднял вверх ладони Датокил, — было бы подняться на вершину горы, в нутре которой мы сейчас находимся, даже не зная, в какую сторону точно нам нужно копать днями, а то и месяцами напролет.

— Хочешь осмотреть окрестности, дабы уточнить направление работ? — сбавив желчности, спросил Артемир, понимая, что это не такая уж и плохая идея.

— Именно. — довольный тем, что до Артемира дошло, кивнул Датокил.

— Что ж, можно пользоваться кирками, чтобы цепляться за камни наверху... — уже начал продумывать подъем Артемир.

— Недурная идея. — усмехнулся Датокил. — Нужно всего пять кирок, две — на меня, одну — тебе, и еще пару — нашему верному проводнику.

Кивнув в знак согласия, кутт нагнулся, достал откуда-то из пылищи продолговатый плоский мешок, отвернул его борт, открыв равенцам с дюжину кирок, толстые рукавицы, а также пару кувалд.

— Отличный арсенал! — со знанием дела покрутил в руке одну из острых кирок Артемир. — Ей ни разу не пользовались?

— Нет. — покачал головой кутт. — Это новая партия, но ей не успели воспользоваться.

— Славно. — Датокил уже выбрал себе две кирки. — Тогда вперед и вверх!

Выйдя из тоннеля обратно на пологий склон горы, Артемир прояснил план капитану гвардейцев, оставшихся снаружи. Командир одобрительно кивнул, радостный тому, что у его подопечных, плотно разместившихся на продуваемой горной тропе, появилось время на отдых.

Внимательно осмотрев горный хребет, Артемир нашел наиболее удобный подъем, которому решил следовать. Учитывая то, что тропа этой части «Пути подземного озера» проходила по верхней части горной череды, карабкаться до не самой далекой вершины нужно было не более четырех-пяти часов. Одев рукавицу, дабы единственная рука от холода не утратила хват, Артемир вкрутил протез с острым крюком и начал аккуратный восход, подавая пример кутту и Датокилу.

* * *

— Дальше никак! — проорал упершийся в крутой выступ Артемир, стараясь заглушить неистовый рев начавшейся снежной бури.

Артемир слегка ошибся в определении времени подъема, и на покорение горы у них ушло семь часов. Но такие тягучие временные траты позволили сделать вертикаль гораздо безопаснее, нежели предполагал приор. Никто из скалолазов даже ни разу не поскользнулся, дав работу веревке, которой троица была обвязана.

— А дальше и не надо! — завопил в ответ Датокил, оторвав руку с киркой от камней и ткнув ею куда-то вбок.

Сощуриив облепленные снежной бахромой глаза, Артемир всмотрелся в направлении, указанном Датокилом. Видение мгновенно согрело Артемира яростным биением взволнованного сердца: на сравнительно небольшом отдалении от них разрывало сероватую мглу несколько прямых вертикальных теней, затесавшихся посреди соседних горных хребтов. Башни замка! Разумеется, ни что иное не могло давать таких форм.

Как следует осмотревшись и определив местоположение этих теней относительно тоннеля, Артемир дал рукой сигнал на спуск. Окрыленные находкой, покорители нетребовательной и добродушной горы спустились вниз за четыре часа, к самому закату и буре, достигнувшей апогея своей необузданной мощи. Как оказалось, гвардейцы переместились в тоннель, спасаясь от жалящего морозом снежного ветра.

— Значит, сразу за этой стеной, если копать не вперед, а вбок, направо, стоит замок. — ударил обухом крюка по своей ладони бродящий туда-сюда по тоннелю Артемир, не в силах сдержать эмоций.

— Глаз и рука кутта верно проложили «Путь подземного озера». — самодовольно выпятил грудь кутт. — Теперь мы закончим дело моих отцов и братьев.

— Что ж, если начнем копать сейчас, то через неделю-другую безостановочного рытья сможем оказаться в Кастелате. — облегченно улыбнулся Артемир, радуясь четко определенному фронту работы, оказавшемуся совсем не таким угрожающим, как он думал прежде.

— А, может... — неуверенно подал голос капитан гвардейцев, совсем не желающий много копать. — Взорвать тоннель?..

— Где мы возьмем столько алого угля, чтобы сгрызть столь толстый камень, дурак?! — грубо огрызнулся Датокил, сразу раскусивший причину такой «находчивости» равенца. — Это тебе не поверхностный песчаный грунт Гунталя! Даже если ссыпем со всех стрелков все, что есть, этого не хватит!

Приняв разгромное поражение, капитан со звоном в ушах понуро склонил голову.

Не медля ни минуты, Артемир первым взял в руку кирку и начал наотмашь долбить по выщерблине на южной стене тоннеля, находя ее лучшей точкой приложения усилий. Точность ударов с одной руки оставляла желать лучшего, но уверенная ярость и сила покрывали все издержки. Один выбитый кусок породы за другим, и тоннель обретал поворот в сторону подножия старой горы, молодым соседом которой была ремесленная часть осажденной столицы Саргии.

Вдохновленные примером, капитан, кутт и еще несколько гвардейцев составили Артемиру компанию, жадно вгрызаясь в не слишком-то и неприступный камень. Меняя друг друга, все пребывали в работе, пар которой не остывал ни на минуту. Скорость, с которой внутренняя твердь горы превращалась в гору каменного крошева, поразила бы воображение и бывалого равенца в пору рабского Гунталя. Отдыхающие ели и спали поближе к выходу из тоннеля, ибо внутри было настолько жарко, что казалось, будто вблизи билось монструозное сердце горы, пробудившееся от тепла самоотверженно трудящихся людей.

Когда очередь идти на смену достигла Артемира уже в который раз, южное ответвление тоннеля отросло не на один метр, настолько сильным было стремление равенцев нанести «визит» королю в обход главных врат Кастелата. Внутренне готовый работать несколько часов напролет, Артемир начал ступливать о камень новую кирку, так как его первую уже сломал могучий Хрграр, уверенно удерживающий лидерство по производительности труда.

После двухчасов копания ухо приора, привыкшее к неизменно назойливому звону от

удара металла о камень, начало улавливать изменения в тональности. Звон стал гораздо глуше! Пытаясь понять, виновата ли в этом постепенно нарастающая глухота, или дело в меняющейся породе, Артемир сконцентрировал напор именно на той части прохода, где глушь была наиболее заметна. Наконец, причина изменившегося тона гадкого пения кирки стала понятна: после очередного удара инструмент Артемира провалился вглубь... черной пустоты... Поначалу приор подумал, что наткнулся на незначительную расщелину, но из пробитого окошка в душный коридор хлынул поток холодного свежего воздуха.

— Эй, сюда, ко мне! — взволнованно призвал Артемир ближайшего своего соседа, которым оказался Хрграр. — Посмотри-ка сюда, дружище!

Глубоко вдохнув чистой прохлады сквозняка, Хрграр довольно промычал, взял у Артемира кирку и начал охаживать скважину, за полчаса расширив ее до ширины прохода. К этому моменту к ним присоединились кутт-проводник и Датокил.

— Что ж, это значительно все упрощает. — удивленно промолвил Хитрейший, осторожно освещая ярко разгоревшимся факелом ни что иное, как пещеру, в которую они прокопались. — Ей, все еще лучше!

Пытаясь взглянуть в то место, которое так обрадовало Датокила, Артемир увидел на противоположной стене пещеры узкую расщелину, со стороны которой и валил свежий воздух.

— Ну-ка, посмотрим... — пробормотал Артемир, взяв у Датокила факел и направившись в сторону расщелины. Артемир не ошибся — воздух пробивался именно из нее. Протиснувшись в нахлестный изгиб щели, приор своим оголенным торсом почувствовал нарастающий холод, под конец достигнувший предела терпимости. Однако осознание того, что он стал первым равенцем, посетившим сердце Кастелата, затмило всяческий дискомфорт.

— Невероятно... — полубессознательно проговорил Артемир, стоя на небольшой площадке, поросшей лысеющим кустарником, на которую вывела пещерная расщелина. Площадка эта крутовато уходила вниз, в ремесленную часть города, освещенную факелами в темный, уже зимний и снежный вечер. А чуть поодаль, отделенный от остальных строений высоким каменными забором, стоял замок... Королевский замок, башни которого амбициозной высотой послужили маяком своей гибели.

— Глупец, быстро внутрь! — услышал словно из пелены дремы Артемир злобный голос Датокила, а затем почувствовал на правом локте сильный хват, утягивающий его обратно под покров горы.

— Ты же нас всех выдашь! — яростно шипел Датокил, отбирая у приора горящий факел.

— Действительно, прости меня... — осознав свою глупость, Артемир виновато почесал затылок сквозь грязные склоки волос. — Ну-у, там идет снег, так что увидеть этот огонек было бы не так-то и просто...

— Оправдание, достойное победоносного и удачливого приора Равении. — осуждающе покачал головой Датокил. — Будем на это рассчитывать, что же остается?

— Думаю, нам стоит атаковать немедленно. — вновь вернулся в должность приора Артемир, нахмутив в знак этого перехода брови.

— Можно и немедленно, но я рекомендую дать бойцам пару часов подготовительного отдыха. — оглядел просторную и пустую пещеру, словно пузо голодного хищника, Датокил, не найдя в ней и намека на угрозу. — Северная ночь в зимнюю пору длинна и непроглядна, времени у нас будет предостаточно.

— Здраво. — кивнул Артемир. — Жаль, в этой пещере всех не разместить... Часть останется в тоннеле.

Вернувшись в узкий ход, где ожидали солдаты, Артемир рассказал им о предстоящей битве и дал добро на отдых, напоследок решив потешить их бодрящими словами:

— Ешьте, пейте и отдыхайте с радостью в этих душных, тесных каменных мешках, ибо завтракать мы будем уже в королевских трапезных, да в компании самого короля, живого, алидохлого!

Поддержав лидера сдержанной радостью, ибо волнение перед штурмом королевского замка брало верх над сладостными предвкушениями изобильных столовых, равенские гвардейцы и куттские юноши пренебрегли сном, вместо этого предаваясь кушаниям и игре в «монетки», ибо все прекрасно понимали, что многие из них успеют отоспаться на доле вечности...

— Пойдем, осмотрим спуск в город, пока бойцы тешатся покоем перед бурей. — Датокил тронул за плечо сидящего у пещерной стены Артемира.

Артемир, уже в который раз предающийся мечтаниями о взятии Кастелата и мире на своих условиях, не заметил подошедшего Датокила и вздрогнул, когда тот предложил прогулку на свежем воздухе, но отказываться не стал.

— Оставь факел внутри на этот раз. — обернулся перед расщелиной Датокил, но в предупреждении не было нужды, ибо Артемир предусмотрительно воткнул древко простенького светильника в груды камней посередине пещеры. Оба вышли наружу, сладостно вдохнув порцию зимней бодрости.

— Насколько я вижу, спасибо этому жгучему белому снегу, спуск в город крут, но был бы проходим даже для всадников, будь они у нас в стане. — позитивно оценил уклон Артемир, заметив то тут, то там каменные нагромождения и выступы, которые могут служить опорами при схождении упорядоченной лавины воинов.

— Смотри-ка, эта гора таит на своих толстых боках не один сюрприз. — откуда-то сбоку раздался приглушенный шумом ветра голос Датокила.

Заинтересованный словами Хитрейшего, Артемир повернул голову в его сторону, но не увидел ничего. Испугавшись поначалу, что Датокил свалился с выступа, Артемир пересек площадку перед пещерой и увидел, что сбоку идет незаметная в ночи тропка, огибающая кусок склона и уходящая за него. С осторожностью ступив на путь смелых и держась вспотевшей от робости рукой за холодный и мокрый камень. Артемир обогнул косую стену площадки перед пещерой и оказался на другой площадке, гораздо меньшей. Тут Датокил и ждал приора, указывая рукой выше по склону.

— Голубятни! — ахнул Артемир, задрал голову и увидев идущую прямо по склону каменную лесенку, уходящую на голый каменный пяточок, единственной достопримечательностью которого были держащиеся на каменных колонках широкие прямоугольные коробки. Уже знакомый с характерной «архитектурой» саргийских голубятен, Артемир был определен в своем мнении.

— Похоже, что местность не такая дикая, как мы предполагали поначалу. — с понятной тревогой в голосе проговорил Датокил, медленно повернув голову к Артемиру. — Возможно, наше присутствие уже не тайна для нашего противника.

— Возможно... — пространно повторил Артемир, заметив близ начала кривых каменных ступеней что-то змееобразное, слегка засыпанное порошей, словно терпеливый питон, несбыточно ждущий в этих нежизнеспособных краях свою долгожданную добычу.

Осторожно ткнув носком сапога в находку, Артемир сбил белое покрывальце с куска плотно скрученного каната, коим и оказалось мнимое пресмыкающееся.

Подняв конец каната рукой, Артемир с силой тряхнул за него. Поднявшаяся волна пробежала по всей длине освобождающегося от снега изделия, другой конец которого ушел на пяточок с голубятнями. Обменявшись безмолвным взглядом с Датокилом, Артемир, не отпуская закрепленный канат, ступил на крутую лестницу. Датокил, убедившись в надежности пути, отправился следом.

Без труда и опасности, благодаря канату, равенцы поднялись на пяточок, шумно продуваемый со всех сторон мятежными ветрами, которые только могли достичь скромного обиталища почтовых птиц.

— Похоже, дома никого нет. — увидел распахнутые створки пустых голубятен Артемир. Посмотрев еще выше, он не увидел ничего, кроме волнующихся на ветрах темных снежных хлопьев. Подумать только, буквально только что, в компании товарищей, он брал куда большую высоту этого же склона с киркой в руке и крюком на культе...

— Так уж и нет? — вернул к реальности Артемира Датокил, подойдя к отступающей от склона куче снега, которой не придал внимания приор. Теперь же он осознал, что куча эта уж слишком по размерам походила на человека. В испуге схватившись за бок, Артемир с досадой понял, что его кобуры с пистолетами с самого начала копания тоннеля остались в повозке с вещами. Датокил, проявляя большую смелость и рассудительность, с силой пнул кучу. Куча, разумеется, не имея в своей материи ни теплинки жизни, превратилась в сгорбленный сидящий труп человека преклонного возраста, судя по длинной замороженной бороде.

— Смотритель... — догадался Артемир, присев на корточки и осматривая вблизи труп, замечая в темноте контраст белых и темно-красных квадратов на кафтане служилого человека. — Неужели зима так жестоко встретила его, что он замерз на месте?

— Темнота, невнимательность, или же все вместе ослепили тебя, приор? — насмешливо укорил Артемира Датокил. — Близ горла на белом кафтане темные брызги и потеки, стало быть, его убили.

— Кто же? — недоуменно спросил обернувшийся Артемир, даже не обидевшись на насмешку Датокила.

— Незримое Око. — с гордостью утвердил Датокил с абсолютной уверенностью в голосе. — Они здесь, в Кастелате. Сарги так и не удосужились устроить хорошую агентурную сеть после Летучих Мышей...

— Незримое Око... — задумался Артемир. — Откуда такая уверенность?.. — тут он просиял. — Так это они у тебя в осведомителях? Это те самые террористы, про которых знал и открыто говорил каждый гептархиец в нашем войске?

— Да, все так. — откровенно, не видя смысла скрывать правду, ответил Датокил.

Артемир встал в полный рост, заглянул в глаза Датокила, черный цвет которых гармонично сливался с темнотой, и убежденно заявил, вооружившись громогласием:

— Я не хочу иметь никаких дел с террористами, тем более после войны, когда мир и процветание, а не террор и кровь, станут инструментами моего правления!

Открыв рот, Датокил тут же закрыл его, словно вовремя останавливая слова, которые не стоило предавать чьему бы то ни было слуху. Кратко вздохнув, Датокил наконец подобрал ответ:

— Обсудим это после битвы, а теперь забудь о Незримом Оке, особенно после того, как

они, хоть и не ведая о том, заблаговременно спасли нас от обнаружения этим саргом. Да еще и лишили столицу возможности запросить помощи.

Артемир недовольно прохрипел, но не стал спорить, лишь под конец оставив последнее слово за собой:

— После сражения нас ждет серьезный и долгий разговор.

Подождав, пока Артемир не приступит к обратному спуску, Датокил позволил себе тихую фразу, которую не услышал никто, кроме него самого и разве что саргийского мертвеца:

— Наш разговор может случиться гораздо раньше, чем ты думаешь, приор.

* * *

Беспрепятственно вернувшись в пещеру, Артемир, все еще пребывая в легком расстройстве чувств после новой стычки с Датокилом, якшающегося с откровенными террористами, поднял всех на ноги и объявил о начале их удара в саргийский тыл. Обрадовавшись скорому разрешению их томлений, солдаты, уже давно отрешившись от волнения и страха, схватили оружие и выразили непоколебимую решимость начать наступление.

Артемир, облачившись в обжигающе ледяные кольчугу и металлические наручи, укрыл себя своим любимым лисьим халатом, в третий раз преодолевая незаметный портал из горного мира в окраину Кастелата. Осмотрев немногочисленные факельные огни города у подножия, приор сотрясся от досады: неутихающий снегопад никак не позволял оценить наполненность улиц гражданами и, что гораздо важнее, патрулями саргов. Размытые в серовой дымке огоньки были невозмутимо безмолвны, не желая компрометировать своих хозяев.

— Я пойду в разведку, равенец. — уверенно высказался кутт в спину дернувшемуся от испуга Артемира. — Я невысок, мне легко укрыться. Если по здешним улицам ходит патруль, я вернусь и предупрежу.

Одобрительно кивнув, Артемир отпустил кутта вниз, и тот, словно горный козел, коих перевидывал немало, поскакал по камням в город. Спустя каких-то полчаса тот вернулся.

— Не больно долго ты разведывал. — с недоверием и даже укором встретил запыхавшегося кутта Артемир, чувствующий, что зря потерял эти полчаса.

— Внизу несколько кварталов до замка, все они узкие, окна у домов заколочены досками. — отрапортовал невозмутимый лазутчик, переведя дух. — Встретил один патруль из двух невнимательных солдат без доспехов.

— Стало быть, они не ожидают удара отсюда. — скривился в довольной улыбке Артемир. — Но зачем же они заколотили окна?

— Местные жители изготовились к уличным боям в случае удачного штурма. — нашел ответ на вопрос приора рядом стоящий Датокил, от зябкости дышащий в сложенные лодочкой ладони. — Не хотят, чтобы через окна в них залетали пули и стрелы, осколки гранат.

— Что ж, это им не понадобится... — Артемир, пригладив свои непослушные колтуны, одел шлем. — Пошли!

Приступив к аккуратному спуску, Артемир, Датокил, Хрграр и кутт возглавили змеевидную колонну, рождающуюся прямо из чрева горы. Артемир был сдержанно доволен: снег не позволял увидеть их и маскировал их тяжелую поступь. Даже те неловкие солдаты, что с кратким, прерывистым восклицанием падали и проезжали на своей спине с добрый метр,

остались незамеченными.

— Арбалеты во фронт! — шепотом скомандовал Артемир, когда голова равенского питона достигла края саргийской улицы. Передавая приказ по цепочке, солдаты нашли для него цель: несколько стрелков с арбалетами перешли в начало колонны, возглавляя атаку.

— Перебьете патрульных, как только они покажутся, быстро и бесшумно! — наставлял арбалетчиков Артемир. — И, разумеется, всем пригнуться! Идем на гусиный манер! Негоже будет, если нас раньше времени заметят жители.

Разделившись на три равные части, колонна потекла по улицам, словно вода по руслам акведуков. На великую удачу авантюристов, жители не испытывали ни малейшего желания показывать носы наружу в такую погоду, а увидеть пригнувшихся, теснящихся от оградки к оградке солдат через заколоченные окна было затруднительно. Даже патруль исчез, видимо, не находясь на улице постоянно, а лишь осматривая окрестности время от времени.

Но удача не могла постоянно сопутствовать Приорату. Непостоянный и игривый нрав заставил ее погнаться за несущественной для приземленных людей материей, оставляя Артемира и его спутников без своего присмотра. Понял это приор тогда, когда из крайнего к забору королевского замка дома прямо ему под нос вышел один из патрульных, про которых говорил кутт. Увидев крадущихся равенцев, он опешил, застыв у открытой двери с не менее открытым ртом. Вовремя опомнившись, двое арбалетчиков выпустили в него по болту. Патрульный, схлопотав снаряды в шею и плечо, с хрипом повалился на спину, по пути судорожно ухватившись за ручку двери, тем самым ее прикрыв на себя. Из дверного проема, помимо уютной теплой дымки и мерцающего света, донесся женский вопль.

— Только не это... — судорожно прошептал Артемир, выхватил пистоль из кобуры, ногой распахнул дверь и ввалился внутрь.

В единственной комнате жилища его ждала неблагоприятная картина: на просторной кровати сидела молодая девушка, будучи в чем мать родила. Прижавшись к стене и прикрывая срам одеялом из шкур, она истошно вопила, увидев незавидную гибель первого из двух своих любовников этой ночью. Второй же, едва окончив прелюбодеяние, мелькнул своими чреслами в двери, ведущей во внутренний двор. Спустя секунду со двора в бордель ворвался куда более страшный, нежели крик этой девки, звук: сигнал тревоги, отлитый в чистом жерле металлического горна.

Преследуя патрульного, Артемир вырвался наружу и с ходу выпалил из пистоля голому патрульному в голову, едва тот начал поворачиваться к нему. Не способный перенести такую рану, невезучий солдат упал оземь, выронив из вспотевшей от любовных усилий и страха руки медную трубу. Разумеется, этого сигнала оказалось достаточно, и со стороны замка начали раздаваться громкие возгласы стражников, во что бы то ни стало решивших определить причину тревоги.

— Живая лестница и через забор! — по привычке, не повышая голоса, скомандовал Артемир, вернувшись к своим, по пути пригрозив проститутке оружием и наказав замолчать. «Ступени» живой лестницы поняли все без дополнительных пояснений, подбежав к толстой и высокой каменной ограде. Первый ряд гвардейцев стал на колени и уперся руками в каменную плитку улицы, боком касаясь ограды, вторые сделали то же, но уже на спинах первых. Третьи же, забравшись на спины вторым, не без мучительных хрипов первых, подтянулись и перелезли через препятствие, с металлическим лязгом и оханьем попрыгав вниз.

— Через ворота! — уже криком огласил третью часть колонны Артемир, махом руки

призвав подниматься и бегом преодолевать остаток пути, бесцеремонно загоня обратно высовывающихся на шум жителей.

А стража замка уже начала всю показываться из толстых деревянных ворот с вырезанным массивным саргийским орлом на створках. Первые из них, оценив масштаб угрозы, тут же нырнули обратно, затаскивая своих менее расторопных товарищей под защиту.

— Не дайте им закрыть ворота! — завопил Артемир, уже начавший задыхаться от стремительного бега в кольчуге и халате. На удачу, которая вернулась из своих неисповедимых путей, один из саргов, начавших прикрывать ворота, поскользнулся и упал, отпустив свою тяжеленную створку. Этим и воспользовались стремительные куттские юноши, ворвавшись внутрь и бросившихся с ножами и кинжалами на испуганную стражу, как охотничьи псы на загнанного волка.

Сбавив темп бега, Артемир вошел со своими гвардейцами во двор, и как раз вовремя: все более приходящие в себя сарги забрались на приставленные ко внутренней стороны забора деревянные постаменты и начали обстреливать из ружей тех, кто были снаружи. Выстрелы начали доноситься со всех сторон, но саргийских было заметно меньше, ибо снегопад, хоть и ослабевший, но все же сыграл свою прекрасную партию к удовольствию Артемира: попадая на фитили и запальные полки ружей саргов, снежинки своей коварной красотой и белоснежной, обманчивой невинностью превращали грозный и смертоносный выстрел в жалкий щелчок осечки. Равенские же ружья, гениальным умом Мария лишенные уязвимостей к суровостям северной погоды, извергали огонь с завидной надежностью. Все же, несколько неудачливых равенцев пали на каменную плитку Кастелата с тем, чтобы никогда более не подниматься.

Как только первые гвардейцы начали гибнуть от рук замковой стражи, остальные с молниеносной скоростью образовали вокруг приора живой щит, не давая пулям саргов достичь Артемира. Чувствуя искреннюю благодарность к своим братьям, Артемир сердечно призвал всех сплотиться и выбить врага со двора в замок. Сделать это было несложно, кстати говоря: почти все пространство двора, вплоть до входных дверей, было открытым, не давая возможности надежно укрыться. И если воины Приората стремительно продвигались вперед, останавливаясь лишь на зарядку оружия, то вот саргам какая-никакая защита все же пригодилась бы.

— Не задерживайтесь, не стойте! — заорал Артемир, как только его штурмовики преодолели артиллерийский полигон и загон для королевских лошадей, вплотную подойдя к фасаду замка. — Зарядитесь потом, внутри, когда из любого, даже самого засраненького окошечка по вам не будет рыгать смерть!

И действительно, окна замка гостеприимно распахнулись, чтобы достойно встретить неожиданных визитеров. Вместо приветственного хора воздух разорвала какофония выстрелов вперемешку с угрозами и «добросердечными» пожеланиями саргов, многие из которых от неистовости расколотили красивый витраж оконных створок, символично отображавший победоносные сценарии саргов над другими народами Нордикта.

Как только последние из уличной стражи забежали внутрь замка, или же пали замертво, Артемир с воинами прижались к стенам. Нужно было обдумать дальнейшие действия, и быстро! Кто знает, когда тяжелая саргийская конница стянется к замку для защиты своего короля...

— Эй, Артемир, разуй очи! — завопил пропавший на некоторое время Датокил, не

любивший находиться в пыли боя, и выросший теперь, как из-под земли. — Вон та выдающаяся часть замка округлой формы! Там низкие окна, мы можем пролезть!

Недовольный тем, что вновь хорошая идея именно Датокилу первому пришла в голову, Артемир махнул рукой туда, куда наказал Хитрейший.

Из стены, ровно идущей вплоть до крутого заворота, выдавался, словно недорожденная башня, полукруглый апсид, низкие окна которого давали возможность попасть внутрь замка. Разумеется, сарги тоже об этом подумали, оттого облепили собой все проемы, решительно изготавясь ни единого супостата внутрь не пустить.

Не желая нести тяжелые потери от хорошо укрепившихся саргов, рвенцы вновь защитили свою репутацию самых находчивых и изворотливых людей на Вириде. По команде Артемира, который сорвал на ней голос, наиболее крепкие рвенцы схватили трупы поверженных врагов в крепкие объятия. Укрывшись за ними, как за щитами, воины самоотверженно и неотвратно пошли на амбразуры. За ними неотступно следовали стрелки, готовые вести огонь из своего прикрытия. Не открывая беглый огонь, рвенцы выстроили шеренгу, во главе которой спиной стояли трупы саргов, по которым вынуждены были стрелять опешившие от такого поведения стражи замка.

— Огонь! Кхм, кхех!.. — прохрипел с болью и першением в притушенном голосе Артемир, и из-за спин смельчаков с громом стрельбы полетели облачка сгоревшего алого угля, а вперед полетели пули, настигшие тех саргов, которые по нерасторопности своей не успели укрыться за каменными стенами. Завопив свирепым боевым кличем, к зависти и восторгу обезголосого приора, передовые рвенцы побросали свои укрытия, которым и после смерти «посчастливилось» повоевать. Доставая мечи из ножен и бросаясь к окнам, рвенцы на бегу залетали в проемы и меткими, стремительными выпадами кололи саргов в уязвимости их доспехов.

Постепенно количество рвенцев внутри апсида увеличивалось, а саргов — уменьшалось. В конце концов, Артемир переступил через подоконник одного из разбитых окон, верно рассчитав, что этот закуток теперь захвачен его воинами. Поприветствовав приора радостными возгласами, оглушающим эхом пролетевшими под куполом, гвардейцы изготовились к новым командам.

— Весь замок мы захватить не сможем, не хватит сил. — Датокил не разделил всеобщего триумфа от вторжения в последний оплот Саргии, мрачно осматривая хаотично раскиданные трупы в черных и красно-белых одеяниях.

— Нужно найти Альзория, если он еще не перерезал себе глотку от ужаса. — злорадно хмыкнул Артемир, пренебрежительно отвернув подошвой сапога голову одного из покойных саргов. Покойник, что было не совсем нехарактерно для мертвеца, тихонько застонал.

Переглянувшись с Датокилом широко распахнутыми глазами, Артемир присел, приложив к горлу раненого острие своего крюка, который он забыл сменить на излюбленный короткий клинок.

— Где твой король? — свирепым и безжалостным льдом окатил сарга Артемир. — Говори правду, и сможешь рассказать про этот бой своим детям и внукам.

— Он и твой король, раб. — с омерзением прошептал сарг, не способный уже озвучить свои речи полным гласом.

Не желавший играть в словесные игры, Артемир надавил крюком на вогнувшуюся шею сарга, слегка вонзив острие, отчего на коже проступило несколько темных капель. На это сарг лишь болезненно усмехнулся, уже готовый к вечному забвению.

— Ты же не сарг, не так ли? — заметил Артемир, оглядев темные взерошенные волосы раненого стражника. — Ты же из одного из этих убогих полисов центрального Нордикта? У тебя есть семья?

Допрашиваемый со злостью вперился глазами в Артемира, ничего не сказав. Артемир понял этот взгляд правильно.

— Если не хочешь, чтобы после войны я лично возглавил поиски твоих родных с последующей отправкой их в «экспедицию», говори немедленно!

— А, пес с тобой, все равно найдешь... — сдался солдат, отвернувшись от Артемира. — Его Величество в западной гостевой башне, лестница которой начинается в западном конце коридора, что пересекает этот апсид.

— Разумно, солдат. — смягчился Артемир. — Лейтенант, ты сведущ в перевязках, помоги этому раненому.

Едва только равенский лейтенант, к которому обратился приор, достал из наплечной сумки нужное сукно, Датокил безмолвно достал свой меч и вонзил в горло информатора, захрипевшего в последнем вздохе.

— Зачем?! — сипло возопил возмущенный Артемир. — Я обещал ему жизнь!

— У нас много раненых, которым нужна помощь, не хватало еще тратить усилия на этого. — цинично отер кровь со своего личного оружия Датокил, проведя лезвием о плечо убитого им солдата.

Нахмурившись на очередной акт противодействия, Артемир вновь промолчал, лишь махнув рукой в западном направлении. Призыв побудил солдат, ставших щитом поперек коридора, вести наступление против закрепившихся то тут, то там стражников, притаивших столы и свалив декоративные доспехи в баррикады. К ни го ед . нет

— Будьте готовы ко всему, ибо этот замок для них — это все. — предостерег бойцов Артемир, спрятавшись за широкую спину Хрграра. Громила же, едва прикрытый малыми ему доспехами, безразлично вращал в руках свою секиру, уже успевшую утолить свой гротескный голод кровью убитых врагов.

— Придется разделиться. — поспешил предложить Датокил, почувствовав скорое продолжение боя. — Малую часть нашего воинства лучше бы направить на восток, дабы обезопасить тылы.

— На востоке сопротивление будет значительно слабее. — понимающе протянул Артемир. — Разумеется, Хитрейший хочет направиться именно туда.

— Хитрейший не хочет, чтобы нам в спину влетели спешившиеся рыцари, кони которых скоро донесут их до замка. — достойно парировал Датокил. — Хитрейший же лично останется при своем любимом приоре, дабы защитить его от смерти, принесенной на острие оружия саргов.

Хмыкнув на такое словесное обхождение, Артемир согласно кивнул, разделив свои силы на две части. Малая группа отправилась на восток пробиваться ко входу в замок и отвлекать саргов. В этой части оказались все куттские юноши и часть равенцев. Приор же, Датокил, Хрграр и оставшаяся часть черной гвардии устремились к башне, на высоте которой притаился король, да и весь Деятельный Совет Саргии на искушающий десерт, если повезет.

Дабы не давать более времени саргам на перегруппировку, штурмовики, словно стремительные потоки юного, прохладного ручья о настырный камень, растеклись. Восточная группа, не встречая сильного сопротивления, начала неумолимо продвигаться,

дойдя до конца поперечного апсиду коридора довольно скоро. Западной группе во главе с приором, как и ожидалось, везло куда меньше: хорошо подготовленные за короткое время баррикады саргов брались с потерями. Тем не менее, медленно, оставляя за собой след из мертвецов в черном, но Приорат продвигался.

— Смотри, Артемир, вот оно! — раздался неожиданным криком Датокил, осторожно высунувшись из-за спины одного из гвардейцев.

Артемир сразу понял, что это и правда «оно»: в западном конце коридора, как и обещал тот солдат, сразу за прямоугольным поворотом на север, плотную каменную стену замка разбавляла арка, украшенная по бокам висящими знаменами Саргии и Нордиктовской Лиги. Поперек коридора, а также сразу под сводом арки стояли насмерть красно-белые гвардейцы короля, закованные в тяжелые доспехи, на шлемах красовались задорные алые гребни-плюмажи. Учитывая, что другие комнаты и ответвления от коридора были безоглядно брошены, сомнений не оставалось — впереди башня короля.

— Застрельная Гвардия, за короля-отца! — глухо проорал сквозь прорези шлема капитан гвардейцев, назвавший своим отцом человека сильно младше себя. — Его смерть — наша гибель!

— В укрытие! — проорал передовой лейтенант равенцев, забегая обратно за поворот, когда раздался стройный залп гвардейских ружей саргов. Несколько равенцев пали, сраженные меткими, выверенными опытом и дисциплиной выстрелами.

— Нет, нет, вперед, они разряжены! — начал расталкивать гвардейцев и Артемира Датокил, попутно заряжая пистолет, отобранный у одного из саргийских покойников вместе с подсумком.

Подавая пример смелости, Хрграр вылетел из-за поворота и со всего маха врезался лезвием секиры в шею одного из гвардейцев, судорожно заряжавшего свое ружье. Остальные, восхищенные ражем большого товарища, поспешили ему на помощь. Завязался ближний бой, перед которым равенцы разрядили свои ружья, проредив основательно строй противников.

— Артемир, кхех-кхех! — закашлялся от дыма, плотно стоявшего в коридоре, Датокил. — Хрграр пробьет брешь в их строю, следуй за ним по лестнице наверх!

— А ты и остальные? — опешил Артемир. — Вдруг к ним подойдет подкрепление?

— Вот именно! — начал раздражаться Датокил. — Если вы убьете Альзория, даже безнадежная ситуация может разрешиться безоговорочной победой! Мы останемся биться здесь. Иди!

Для убедительности толкнув Артемира в плечо, Датокил наклонил за руку Хрграра, что-то ему сказал на ухо, на что тот кивнул и решительно двинулся к арке. Охранявшие проход на лестницу гвардейцы опасливо попятнулись, но дисциплина и выдержка взяли свое, и они побросали ружья и с грозным звоном достали мечи из ножен. Остальные защитники были оттеснены равенцами, несмотря на достойный Застрельной Гвардии пример боевой солидарности.

— Постой, у меня есть заряженные пистолеты! — спохватился Артемир, желающий помочь Хрграру разобраться с саргами, но не успел даже протянуть руку к кобурам: громила со страшным рыком занес свою дамклову секиру над головой одного из гвардейцев. Отсутствие щитов у Застрельной Гвардии сыграло плохую шутку, и саргу пришлось блокировать удар мечом, но сил сдержать хрграровскую мощь у него не хватило. Даже не замедлив своего напора, лезвие секиры присоединило к себе меч, и все вместе они врезались

в шлем гвардейца, смяв гребень. Хоть блок и спас голову сарга от разрубания, сильный удар меча о шлем плашмя оглушил его, и на мгновение он утратил собранность. Этого хватило, чтобы Артемир, вынырнувший из плеча Хрграра, вонзил свой клинок саргу в плечо, где зияла брешь между кирасой и наплечником. Выведенный из строя тяжелым ранением гвардеец, озлобленно застонав, повалился на спину, стукнувшись спиной о ступени. Воодушевленный успехом их дуэта, Артемир нацелился на остальных.

— Ах ты ж, грязный крысеныш! — один из ветеранов гвардии, судя по зрелому голосу, взбесился поражением своего товарища.

Артемир уже изготовился к тому, что Хрграр примет удар грозно и грузно наступающего бойца на себя, но тот, повернувшись к нему спиной, принялся лупцевать своей секирой другого, напрочь забыв о безопасности приора, про соблюдение которой ему, видимо, нашептал Датокил.

— Хрграр, дружище! — с легким оттенком паники призвал громилу Артемир. — Не изволишь ли помочь?

Глухая стена безразличия Хрграра выбила со лба приора холодную испарину: гвардеец замахнулся мечом, и Артемиру пришлось ставить блок, ровно как тот боец, которого приор убил полминуты назад. И как тот боец, Артемир не сдержал сильного удара ветерана: сильная боль от сотрясения в кисти и сноп искр, выбитых от трения крюка о лезвие меча, заставили колени Артемира подкоситься, но он не упал.

— Хрграр, помоги! — в голосе приора уже отчетливо слышались отчаяние и паника, ведь он понимал, что одной рукой не сможет одержать верх над таким сильным противником, один удар которого чуть не вколотил его в каменный пол замка.

И, наконец, Хрграр услышал мольбы приора о помощи. Добив своего визави, он развернулся и с короткого размаха нанес меткий удар снизу. Не успев отреагировать на такой выверенный выпад, гвардеец получил глубокую рассекающую рану под правым плечом. Бросив меч и отступив, сарг судорожно пытался остановить кровь, которая, словно освободившаяся от оков дамбы река, пустилась радостно на свободу. Еще один обреченный противник ушел с пути приора. Остальные исчезли, пока Артемир и Хрграр устраняли первых двух.

— Спасибо, дружище! — судорожно отдышав от себя волнение, Артемир с виновато пожавшим плечами Хрграром спешно приступили к подъему по винтовой лестнице наверх, где их должен был уже ждать последний противник в этой войне...

* * *

— Как же... я... утомился... — едва видя расплывающиеся за пеленой пота медленно идущие перед глазами ступени, выдавил из себя Артемир.

Хрграр, неотступно следующий за ним, бодро и с немалой долей издевки усмехнулся.

— Да, пожалуй, все эти месяцы верхом меня изнежили. — ответил Артемир добродушной улыбкой на усмешку. — И даже поход под и над горами не вернул мне прежней «эмировской» бойкости и поджарости.

Вот уже десять минут преодолевали они этот подъем, в глазах Артемира уже сравнимый с альпинистским подвигом былого дня.

— Похоже, именно эту башню я тогда и разглядел в серой мгле. — выдохнул Артемир. — О, неужто!

Наконец, сжалившись над незваными гостями, гостевая башня протянула им руку помощи в виде двери, в которую и уперлась ненавистная лестница. Хрграр с тихим

мычанием оттолкнул Артемира и с самоотверженностью на грани безрассудства толкнул дверь. Разумеется, она была заперта. Не привыкший останавливаться перед таким ненадежным препятствием, как толстая дубовая дверь, Хрграр начал ломиться в нее ногами, под мерные выкрики дубася то одним сапогом, то другим. Обескураженная такой неравной борьбой, дверь начала поддаваться, приоткрываясь на сантиметр-другой от каждого напора, сопровождая жалобным скрипом крикам Хрграра.

— Похоже, Альзорий подпер ее изнутри чем-то... — чтобы совсем не оставаться безучастным к штурму, пробормотал Артемир, отирая полами своего халата остатки пота.

Мгновенно подтвердив догадку приора, дверь резко скрипнула, потом раздался звук падающей тяжести, и — о, чудо! — равенцам открылся проход в покои. Осторожно заглянув, Хрграр уверенно махнул позади стоящему Артемиру, что можно проходить.

— Ах, вот оно что... — проговорил Артемир, увидев плашмя лежащий на полу за избитой дверью шкаф. — Но, все же, где Альзорий?

Отвечая на недоумение Артемира, Хрграр беззвучно провел вытянутой рукой с оттопыренный указательным пальцем вокруг себя. Сначала не поняв, что немой имеет в виду, Артемир повторил глазами путь руки Хрграра, и его осенило: уж слишком эта комнатка мала для диаметра башни! И вообще, кто назвал ее гостевой? Явно для гостя, даже самого нежеланного, эта круглая комнатка без кровати и окон, лишь с книжными стеллажами, да парочкой выцветших гобеленов, слишком тесна и груба. Да еще и на такой высоте...

— Скрытое за стеной убежище? — вопросительно вперились глазами в Хрграра Артемир, желающий, чтобы тот подтвердил его догадку.

Короткий кивок удовлетворил желание приора, и они оба начали внимательно высискивать вход в королевский санктуарий.

Начали с книжных шельфов, скидывая книги целыми веерами. За полками — ничего. Сами шкафы, образуя сплошную полукруговую систему, не поддавались на попытки их уронить или отодвинуть. Не найдя брешей, принялись вытаптывать пол, будто забыв, что под ними находится винтовая лестница, и спрятаться в полу невозможно...

Начав выходить из себя, Артемир стукнул ногой упавший шкаф, на что тот бесстрастно ухнул в ответ, лишь еще больше раззадорив приора.

— Может, сожжем здесь все? — в исступлении процедил сквозь зубы Артемир, представляя с жестоким удовольствием, как вся эта комната пылает огнем вместе с Альзорием, закопченным живьем где-то здесь...

Подойдя к единственному источнику огня в этом захолустье — слабо горящему настенному факелу, Артемир дернул за рукоять вверх, но не тут-то было! Факел не поддавался! Более того, до уха недоумевающего приора донесся отдаленный металлический лязг. Ничего не понимая, Артемир попробовал потянуть вниз и на себя, но, вместо того, чтобы выдернуть факел из подставки, он всю конструкцию наклонил вниз. Отдаленный металлический лязг превратился в звук открывающегося затворного механизма, на что ответил рядом стоящий книжный шкаф, слегка приоткрывшись, ибо был он, как оказалось, на поворотных петлях.

Ошарашенный открытием до корней волос, Артемир медленно начал открывать дверь. За шкафом оказался темный, непроглядный проем, из которого через полуоткрытый рот до Артемира донесся запах пыли и затхлости. Но что это? Маленький огонек, словно светлячок, призывающий со всем своим изыском пару для любовного свидания! Только, вместо своей раздражающей трескотни, светлячок щелкнул...

Инстинктивно отпрянув от проема влево, Артемир спас себе жизнь: глухо прогремевший выстрел лишь оцарапал правое ухо приора, которое он оголил, сняв шлем во время поисков этого убежища. Не обращая внимания на рану, Артемир схватился за кобуры, но не нашел в них ни одного из своих пистолей! Уже второй раз за короткое время пробиваясь ледяным потом, Артемир выхватил меч, но сломя голову лететь в убежище не решался: он знал, что бежавших сюда гвардейцев было двое, даже не беря в расчет Альзория.

— Хрграр!.. — начал было воззвание о помощи разочаровавшийся в своих силах приор, но громила уже подлетел к проему. Молниеносным движением он швырнул нечто маленькое в темноту, и со всей своей неукротимой силой захлопнул шкаф на петлях.

— Что ты... — вновь начал говорить Артемир, и опять не закончил, ибо ответ на еще не озвученный вопрос громогласно пронесся грохотом по застенкам. Хрграр закинул гвардейцам гранату, фитиль которой зажег от факела-рычага.

Уверенный в разрушительной силе своего оружия на замкнутое пространство, Хрграр так же быстро, как и закрыл, распахнул шкаф. Испытывая жгучий стыд от своей боевой несостоятельности, Артемир самоотверженно, если не сказать, глупо, влетел в темноту с мечом наперевес. Благодаря Хрграру Артемир не был повержен в тот момент, когда его глаза привыкали к темноте и не видели ничего, даже плотного облака дыма от разрыва. Об успехе гранаты говорил лишь усиливающийся стон одного из выживших солдат, настигнутого осколками.

— Лучше бы ты застрелился из своего ружья! — в остервенении прошипел Артемир и пронзил горло кричащего, превратив его жалобную песню в предсмертный хрип. Переступив через второго, убитого осколками в голову, Артемир начал измерять шагами изогнутый узенький коридорчик убежища. Осторожность была не лишней, ибо кривизна делала каждый новый метр непредсказуемым для посетителя.

— Где же ты, где?.. — не слыша своего дрожащего голоса, повторял шепотом Артемир, готовясь каждую секунду парировать удар королевского меча.

— Здесь.

Огниво голоса Альзория выбило яркую искру из глаз Артемира, и, пока приор поворачивался назад, откуда послышался резкий ответ на его риторический вопрос, искры эти запитали выстрел.

Артемир не почувствовал боли. Толчок лишь, сильный толчок оповестил его о том, что пуля из оружия Альзория нашла цель, которую искала. Затем слабость и неподвластный человеческой воле страх начали накатывать на ум и все члены приора, ставшие зыбкими, словно прогнившие доски затопленной рыбацкой лодочки. Артемир выронил меч из дрожащей руки и пошел вперед, расшаркивая плечом о стенку коридора. А вот и боль, назойливое нытье которой начало перекрикивать оглушающий шок. Пребывая в ужасе, Артемир не услышал, как Альзорий отбросил разряженный пистоль и достал свой меч, с улыбкой победителя начав преследовать отступающего приора.

Пройдя все теснины убежища целиком, Артемир дрожащей рукой открыл отяжелевший засов противоположного от входа шкафа и подслеповато прищурил глаза от света факела гостевой комнаты, в которую вернулся, зажимая пробитый живот. Стискивая склизкими от крови пальцами разболевшуюся рану, бледный Артемир судорожно оглядел комнату, но на этот раз помощь не пришла: Хрграр исчез. Утратив надежду, Артемир в полном отчаянии еще раз ощупал крюком протеза пустые кобуры, но они не наполнились оружием, как по волшебству.

— Вот и конец твоего славного пути, варвар. — ледяной голос Альзория окатил и без того охладевшего Артемира, от слабости упавшего на лежащий у двери шкаф.

— Тебе все равно не победить. — собрал силы для ответа Артемир. — Твое королевство пало, и ты будешь последним из своего погибающего рода.

На секунду лицо Альзория, уже утратившее следы равенского плена, пробралось мерзкой кривизной, но король сдержался, явно приумножив самообладания за время войны. Подняв подрагивающую руку (ранение не прошло бесследно), он лишь поправил Корону Патриарха, в которой так комично и не доставало лишь камня Астии. Вернув этим касанием к драгоценному металлу бесстрашие, Альзорий не стал спорить с приором:

— Да, это так, я совершил слишком много ошибок. — Альзорий говорил на удивление самокритично. — Я — никудышный король, который потерял все. Убиенный мною папаша справлялся лучше меня, как бы меня это ни коробило... — истратив ресурс самоуничтожения, Альзорий приподнял своей меч, обхватив рукоять двумя руками. — Но вместе с собой я заберу тебя, и этой награды в посмертии мне хватит.

Приняв неизбежность, и понимая свое безвыходное положение, Артемир закрыл глаза, не желая видеть больше противное ему лицо убийцы. Но вместо холодного прикосновения смерти до ушей Артемира донесся громкий металлический звон, а следом — громкий звук падения тела в доспехах. Открыв глаза, которые неохотно вновь приняли на себя зрительную обязанность, Артемиру открылась неожиданная картина: Хрграр, опускающий свою секиру, обогренную свежей кровью, и лежащее перед ним тело Альзория, чья голова, отсеченная от тела, откатилась к стене и уткнулась в нее лицом, словно не выдерживая обиды от неудовлетворения своей прихоти — убийства приора. Корона Патриарха же, так и не прижившаяся на голове ни одного из монархов из рода Латников, откатилась куда-то вбок, исчезнув из виду.

— Хрграр, где же ты был? — не в силах злиться на убийцу короля, пробормотал полуразборчиво Артемир, уже не сдерживая кровь, всю сочащуюся из смертельной раны. — А, теперь это бессмысленно...

— О, нет, ты не прав, Артемир. — влез в одностороннюю беседу приора с Хрграром Датокил, бесшумно поднявшийся в гостевую башню. — Все это имеет смысл, и очень весомый.

— А, Датокил. — не удивился появлению Хитрейшего Артемир. — Стало быть, Застрельная Гвардия повержена?

— Да, Артемир, они все пали от наших рук. — неспешно вошел в поле зрения приора Датокил, в руке которого был зажат пистоль, в котором Артемир без колебаний узнал свое личное оружие.

— Более того, восточная группа, отделившаяся от нас, пробилась в замковый подвал, а там... — выдержал любимую драматическую паузу Датокил, рассматривая пистоль Артемира. — Тайный подземный ход, выводящий за пределы Каstellата наружу, к холму неподалеку от лагерей нашей осады. Видимо, он был вырыт для побега от угрозы изнутри, а не извне.

Артемир промолчал, все более утрачивая интерес к словам Датокила. Восприняв это молчание, как знак внимания, Датокил продолжил:

— Дорога, которая должна была спасти саргийскую знать, стала желобом, по которому яд наших войск убивает их прямо сейчас. — Датокил вздохнул с явным облегчением, прекрасно осознавая, что битва уже его не коснется. — В общем, через этот ход астийская

конница уже прошла в замок и в этот самый момент готовится нанести решающий удар по саргийским тяжеловесам в городе.

— Что ж, радостно, что успел дожить до славного момента победы. — слабо улыбнулся Артемир, приспустившись на локоть, не в силах больше сидеть прямо. — Жаль, что на этом мой путь окончен.

— Правда, все так удачно вышло... — загадочно улыбнулся Датокил, наконец удостоив приора своим взглядом, в котором не было ни капли сочувствия, лишь холодный расчет. — Не зря я незаметно вытащил там, внизу, твои пистолеты, и послал с тобой лишь верного делу Незримого Ока Хрграра.

— Ты все подстроил? — запоздало оформил до конца старую свою догадку Артемир. — Ты хотел избавиться от меня, править самому?

— Самому? — мечтательно устремил взгляд куда-то над головой Артемира Датокил. — О нет, я лишь наемник, который будет надежной ширмой для истинного правителя.

— Что?.. О чем ты говоришь? — попытался приподняться Артемир, но тут же осел обратно, мучительно сморщившись.

— Да, мой наниматель умеет оставаться в тени. — с завистью в голосе восхитился Датокил. — Еще тогда, на Гунтале, я это осознал, когда Пириус нашел и нанял меня в обход внимания Надзора, приставив ко мне верного Незримому Оку немого террориста Хрграра.

— Хрграр — террорист?.. Пириус?.. Что? — сощурился Артемир, заблудившись в словах. — Это еще кто? Предводитель террористов, этого самого Незримого Ока?

— Можешь называть его так. — пренебрежительно кивнул Датокил. — Хотя его участь гораздо выше, чем главарь террористов, а помыслы — глубже, чему я в немалой степени поспособствовал. А ведь поначалу Пириус хотел лишь с моей помощью избавиться от Южного флота и посеять густую смуту на юге Нордикта, но потом, когда успех наших начинаний начал нарастать, как песчаная дюна...

— Хитрейший оправдал свое прозвище. — усмехнулся Артемир, вновь сморщившись от боли. — Что же, ты теперь убьешь меня? Ах да, ты же уже это сделал.

— Тебе бы быть благодарным мне, приор. — издевательски искаверкав интонацией титул, искренне возмутился Датокил. — Это я убедил Пириуса поставить во временной главе восстания благородного потомка Артов, именно благодаря мне ты вкушал все прелести и тягости лидерства над своим народом, который с радостью принял тебя на правление. Это я сделал из голодранца Эмира внушающего страх вождя равенцев Артемира, достойного своих великих предков.

— Но теперь, когда враги повержены, мое предназначение исчерпало себя. — подвел мрачный итог Артемир, не сдержав безумной улыбки. — Мог хотя бы взять на себя ответственность и убить меня лично.

— Согласен, подстраивать твоё убийство Альзорием было излишне рискованно, но Хрграр справился блестяще. — повернул довольное лицо к стоящему неподвижно Хрграру Датокил, почтительно склонив голову. — Просто я, в порыве сентиментальной чести, хотел, чтобы тебя убил враг, а не друг. Уж прости мне эту прихоть.

— Друг... — едва слышно прошептал Артемир, бессильно повалившись на спину, испуская дух с последними своими словами. — Прости меня, Раздавид.

— Что ж, этого не понадобилось. — отшвырнул пистолет умершего Артемира Датокил, — Парень ушел красиво, как и надлежит воину-вождю.

— Все кончено, как ты и хотел? — из дверного проема донесся скрип Пириуса,

которому позавидовала бы и дверь, из-за которой он воплотился, словно призрак.

— О, да, теперь все кончено. — повернул к Пириусу свои черные глаза Датокил, скидывая утративший надобность шлем. — Замок захвачен?

— А почему же я здесь, по-твоему? — усмехнулся Пириус, переступая через край шкафа, ставшего приору смертным одром. На трупы Альзория и Артемира он даже не взглянул. — Замок наш, Старший консул Деятельного Совета, возглавлявший оборону города во главе рыцарской конницы, сдался. Победа достигнута.

Датокил ослепительно улыбнулся, схватив дыхание от восторга.

Пириус оставался более сдержанным, вторя бесстрастному Хрграру. Он понимал, что впереди еще будут восстания саргов и других нордиктовцев, которые придется подавлять, репрессии против прежних элит, установление нового режима и его распространение среди многочисленных народностей Вирида. Потому он подвел итог без обильных воздаяний торжеству победы:

— Это далеко не конец. Пойдем же, у нас впереди много работы...

Дополнительные материалы

Изрядное количество лет назад, гораздо раньше, чем земляне начали использовать в своих историях слова «давным-давно», да и раньше, чем появились сами земляне, а то и Земля, обреталась в одном из краев бескрайнего космоса Звезда... Яркое пламя ее беспокойной поверхности освещало несколько ледяных и безжизненных глыб, что вращались вокруг нее, но они не представляют никакого интереса, и упомянуты были лишь справедливости ради. Но этого нельзя сказать об одной планете, которая скромно составляет им компанию. Почему? Все просто — вода! Да, именно вода, этот незатейливый источник всего зеленого и цветущего, бегущего и ползущего, летящего и плывущего... Именно на одной-единственной планете этой системы есть вода. И сколько! Океаническая часть поверхности того космического обитателя поистине внушительна. Ну а там, где вода, да еще и благостная атмосфера присутствуют, высока вероятность зарождения жизни, и сие событие себя ждать не заставило...

Описание длительного процесса развития жизни от примитивных форм до высокоразвитых тварей слишком громоздкое и утомляющее, потому эта бездна информации, которой едва ли найдется здесь место, втеснена не будет. Достаточно сказать, что к моменту начала истории флора и фауна описываемой планеты слабо отличны от земных... Неправдоподобно, не так ли? Какова вероятность того, что жизнь в двух разных частях Вселенной будет ветвиться так, будто бы это две руки одного и того же человека, развивающиеся одинаково от момента его рождения, и до самой старости?.. Ну что ж, не стоит относиться к этому очень уж критично, ведь встречаются же люди-двойники, не имеющие родственных связей. Среди немногих отличий от Земли наиболее значительны денность и ношность, а именно: день длится тридцать часов, из которых двенадцатичасовая ночь(это в среднем, ведь на разных широтах темное время течет по-разному) непроглядно темна, ведь спутников, от которых отражался бы свет Звезды, планета попросту не имеет. Свет же немногочисленных и далеких звездочек тускнеет даже в ясную погоду, и внушает скорее тоску, нежели уверенность в ярко освященном пути...

Теперь бы необходимо упомянуть про ландшафт, дабы иметь хотя бы общее представление, каким образом твердь в том миреширится и разделяется... Итак, посреди Вечного Соленого Океана, как его позже назовут, вольготно разложили свои безразмерные тела два континента — северный Нордикт и южный Гунталь, разделенные меж собой

широким проливом Сатиса, простым и прямолинейным, как длиннущее копьё. Гунталь напомнил бы земную Африку, да и форма схожая, расширяющаяся от южного рубежа к северу, напоминая треугольник. Самое сердце континента — безжизненная песчаная пустыня Камата, испепеляющее жаркая днем, и промозгло холодная ночью. Гунталь очень скуп, и комфортный климат можно ощутить лишь в прибрежных полосах континента, где пальмы чередуются с сухими кустарниками и нечастыми озерцами, скудными речушками, вокруг которых собираются оазисы из сочной зелени, будто чудесные произведения магического искусства, нехарактерные для местных земель.

Нордикт куда более милосерден, нежели его южный сосед, и много больше по площади, сложнее по форме. Весь периметр континента по северу и западу представляет собой непроницаемые горные череды, восток и юг — протяженные песчаные и каменные пляжи. Природное многообразие Нордикта позволит ощутить на себе холод северных земель, богато приправленных снегами и северными сияниями, приятное тепло и свежесть центральных полос, украшенных цветочными лугами, жар южных границ, покрытых раскаленной пылью и растительностью, которую коварный Гунталь закинул со своих земель, словно лазутчиков во вражий стан... Весь нордиктов север находится на умеренных высотах, а граница с океаном увенчана огромной короной из непроходимых горных хребтов, одетых в вечно белые снежные шапки. Сами же прибрежные воды что с севера, что с запада, изобилуют торчащими скалистыми зубьями, вкуче с сильными волнами делающие эти самые воды непроходимыми. И вообще, многочисленные горные образования, будь то одиночки, или же целые гряды — это своеобразная изюминка Нордикта, которая впоследствии будет использоваться очень жадно... А уж реки и озера!.. Столь многочисленны бурные и журчащие артерии Нордикта, разносящие живительную, чистую влагу во все уголки благодатных земель, что не иссякнет никогда жизнь на этом континенте! Ну а юг... А что юг? Сказал про побережье Гунталя, считай, что и про юг Нордикта смолвил, разница в том, что ветры не такие черствые, температура гораздо комфортнее, да и живоносной зелени много более будет.

Легкомысленно было бы оставить в забвении одну из самых таинственных земель Вирида. Да, описываемая планета носит название Вирид. Но наделят ее сим красивым именем еще не скоро, потому и не было нужды в спешке ее именовать в этих строках... Ну так вот, неподалеку от северо-восточного края Нордикта, отрезанный Проклятым проливом(позже понятно будет, почему так зловеще прозвали его), прячется ото всея архипелаг Астия. Выглядит он так, будто бы уронили оземь Нордикт, и откололось от него несколько больших кусков тверди и множество маленьких, и оставили потом эти осколки, и покрылись они густыми лесами, чередующимися с широкими полями, омытые все вместе щедро холодными водами Колючего моря, волнами бьющегося в крутые берега островов...

Зеленая россыпь Астии не зря получила репутацию одного из самых таинственных уголков этого мира, но есть местечко и поинтереснее, где злобою пышет сама земная твердь... Но ведь таинственность зиждется на неизвестности, и потому неизвестность этого места будет сохранена. Пока что...

Теперь, со всеми условностями, можно сказать, что Вирид приразвевал туман неясности перед всяким, кто дочитал до этого места. Да, не нашла места здесь каждая кочка, каждое деревце и ручеек, однако, если воспрянет необходимость, описаны они будут вплоть до песчинки, листочка, капельки...

Но не случись того, что случилось после, повествование можно было бы и прекратить,

однако!.. Всеми правдами и неправдами, под тяжкими усилиями эволюции, свершилось то, что, как и на Земле, считается поворотным моментом в жизни целой планеты — появление человека. Да, разумные представители людского племени появились далеко не сразу, развитие от местных приматов было длительным и избирательным, но с самого начала человеческие особи защитили свое право быть правителями своего мира, практически мгновенно распространившись от своей родины — юга Нордикта, до центральных и северных уделов материка, подавляя любое сопротивление со стороны флоры и фауны.

С самого начала осознания себя, как разумного существа, человек также примирился с тем фактом, что тварь он глубоко социальная, и потому разделение на племена, а потом и целые сообщества племен произошли очень рано, а вместе с тем и территориальная обособленность последних.

Так, шаг за шагом, век за веком, молодой человеческий род плодился и развивался, изменялся, в зависимости от среды обитания, и открывал для себя все новые и новые премудрости выживания. Но многие из этих премудростей к выживанию относились крайне неоднозначно... Да, как и земляне, люди Вирида рано переоделись из набедренных повязок в доспехи, сначала примитивные, сделанные из шкур диких животных, а потом, по мере развития ремесел, в более совершенные. Теперь, помимо болезней, диких хищников и несчастных случаев, людей стали убивать люди. Поводов для кровопролития становилось все больше и больше, но основным считался вопрос земель, а также закрепленных за ними ресурсов. Наибольшее влияние на ведение войн за территорию оказало искусство добычи полезных ископаемых и руд. Время напомнить строки, где было сказано, что горные естества Нордикта будут злоупотребляться чрезмерно. Не было в том краснословцового лукавства, и изобилие разнообразных руд, особенно на севере, оказало людям, научившимся их добывать, и сделавшим их основой экономики, спорную службу...

Ко времени, когда человеческая цивилизация на Вириде достигла уровня развития, который землянин назвал бы «средневековье», на всей территории Вирида особенно выделялись пять народностей, с которыми было бы весьма занятно ознакомиться.

Посреди суровых северных уделов Нордикта, упираясь в горы и прокопав их вдоль и поперек, проживает величественный народ саргов, высокие и сильные представители которого заслужили репутацию воинов поистине умелых в руке и непоколебимых в сердце. Говоря про ремесленников и рудокопов Саргии, едва ли можно охарактеризовать иначе их рвение, мастерство и трудолюбие, нежели как безупречные. Светловолосые почти все, как один, сарги — умелые коневоды и всадники, а изобилие металлических руд на севере позволило им очень быстро освоить основы металлургии, а вместе с тем облачиться в тяжелые доспехи и вооружиться закаленными стальными мечами. Крестьянство в Саргии — неуважаемое призвание, да и жесткий климат не позволяет получить обильные урожаи, потому сарги все чаще и чаще подаются в горняки и воины, а разнообразное пропитание приносит торговля с южными соседями, ну или война...

С времен, настолько незапамятных, что даже сами сарги не могут уверенно уточнить, ими управляет один человек — монарх, король, защитник их суверенитета, коим гордый народ ревностно дорожит. Святые права и обязанности короля Саргии передаются по наследству, что вполне естественно, как и образование королевских династий. Говоря про династии, саргами уже на протяжении столетий правит то неоправданно жесткая, то неприемлемо мягкая рука королей из рода Латников. Ходит шуточный миф о том, что получил этот номен один из первых представителей благородной семьи, выйдя на сражение

с наемным войском взбунтовавшихся аристократов в настолько тяжелом латном обмундировании, что у его боевого коня подломились ноги, и седок под своим собственным весом, весьма немалым, весом доспеха, а также и весом коня с броневой попоной с такой сокрушительной силой рухнул оземь, что разбился насмерть... Самой большой заслугой Латников сами же сарги считают объединение всех кровно родственных племен по всему северу Нордикта в огромную державную единицу, равной которой не было еще в истории Вирида. И, конечно, нельзя не добавить в тугую копилку политических дивидендов Латников успешные военные действия против единственного северного народа, от родства с которым сарги брезгливо, со свойственным им высокомерием, отказались. То был народ куттов.

Определенно можно сказать, что куттам просто не повезло. Не повезло с тем, что народ их по численности заметно уступает своему восточному соседу — саргам. Не повезло с тем, что обычный кутт ниже и слабее обычного сарга, несмотря на остальные сходства. Не повезло с тем, что управляет куттами не решительный и благоразумный монарх, а устаревшая кучка племенных старейшин, интересы которых во многом противоречат друг другу. Не повезло с тем, что ресурсов на территории куттов значительно меньше, чем у кого бы то ни было, ибо горная гряда, вблизи которой проживают эти бедолаги, очень скупа, но изобилует естественными пещерами и коридорами, катакомбами и галереями, которые, впрочем, не могут никого прокормить. Основное же невезение этого злосчастного народа заключается в том, что гордость, свойственная воинственным саргам, передалась и, скажем, куда менее воинственным куттам, в результате чего на требование короля Саргии о признании себя протекторатом(на грабительских условиях, в отличие от компромиссного присоединения других северных народов) защитники этих земель ответили мобилизацией всех, кто способен держать в руках оружие, и созданием войска. Стоит ли говорить, что последовавшая за этим война была скоротечной и предсказуемой по исходу?.. Войско куттов было уничтожено, а сам бедный народ изгнан со своих земель в горы, и вынужден прозябать в тех самых катакомбах, которые были вскользь упомянуты... И даже несмотря на это, тогдашний король саргов не смягчился, не проявил милость к побежденным, и военная неприязнь между двумя народами сохранилась. Сарги разместили гарнизон вдоль куттских гор, не выпуская ни единую живую душу с каменных узниц. Все, что осталось бедным куттам — это выращивать скудные урожаи на земляных межгорных низменностях, а также одомашнивать на плато горных коз и снежных волков. Из-за тяжелой жизни в горах и скудной пищи и без того невыгодный в сравнении с саргом кутт еще больше измельчал, огрубел лицом, очерствел душой...

Касаемо севера Нордикта, можно было бы и закончить, но... опять осталась Астия! Как там оказался человек, никто толком и не разъяснит, но всю свою историю астийцы развивались очень обособленно ото всех, и ввиду своего географического положения они первыми начали строить водные суда, сначала для рыбачества, позже — для торговли(надо бы заметить, что отсутствие крупных водоемов внутри континентов Вирида и недостаточность навигационных технологий для осуществления межконтинентальных океанических походов остановили развитие флота на уровне античных государств Земли). Горы и рудные жилы — это не предмет изобилия на астийском архипелаге, потому доспехи носят только те, кто удостоился попасть в самую грозную конницу Вирида — конницу Астийского царства. А уж какова эта самая конница! Благодаря широким полям и чистым рекам в Астии коневодчество достигло самого апогея для границ той цивилизации, в рамках

которой жили тогда люди. Вольный и сильный народ использовал эту возможность абсолютно всесторонне — от возделывания земли и до военного искусства. Последнему уделялось особое внимание, ибо о соседстве грозных саргов астийцы знали прекрасно, благодаря «гостеванию» последних у первых. На боевых конях и лошадях в Астии делали все: стреляли из лука, рубили саблями, били топорами, кололи пиками... Пехота же, напротив, была слабой — сильная числом, но бедная оружием, использовалась лишь для гарнизонной службы, да в налетах на поселения своих континентальных соседей. Набиралась же пешая сила в основном из разорившихся крестьян и ремесленников, а оружие, что им доверялось, сводилось к бесхитростным пикам, плохим лукам, да деревянным, слабосильным арбалетам.

Если же коснуться взаимоотношений астийцев с другими народами, то тут преобладает судоходная торговля, в силу расположения Астии. Обменивают астийцы роскошную пушнину и редкостной красоты деревянные изделия на металлические сплавы, а также всякую разную снедь, которую не вырастишь и не поймаешь на островах. Драгоценностями же в золоте, серебре, да камнях астийцы пренебрегают, предпочитая многоцветному ожерелью широкий, лоснящийся меховой воротник...

Не брезгуют некоторые астийцы и налетами. Особенно популярны высадки с грабительскими рейдами у небогатых астийских воевод, которым нечем торговать, и все, на что хватает средств его, так это на старенькие суденышки, да на несколько отрядов плохо вооруженной пехоты.

Справедливости ради надо сказать, что сарги, в отличие от других нордиктовских народов, быстро научились грамотно отражать атаки астийских «благородных бандитов», и даже совершать ответные высадки, однако каждый раз ступить на берег ближайшего астийского острова удавалось лишь половине перевозимых войск, а то и того меньше. Причина всегда одна — все прибрежные линии, крутые и неудобные для причала, цари и царицы Астии чутко и неусыпно охраняли, потому о незваных гостях астийцы узнавали задолго до того, как те начинали готовиться к высадке. Подвижная астийская конница стремительно отправлялась к штурмуемому побережью и прижимала к воде не успевающих организовать противников. С высоты берегов срагов осыпали тучами стрел, а тех, кому хватало удачи забраться на кручу живым, обезглавливали саблями. После множества таких неудачных высадок один из королей саргов объявил пролив между Нордиктом и Астией «Проклятым», и прекратил тщетные попытки принести возмездие на земли удачливых островитян. Название самим астийцам полюбилось, и так пролив и стал называться общепризнанно Проклятым, а воинская слава Астии приумножилась.

Но не все тот астиец, что воин, и отдельного упоминания достойна обычная, мирная жизнь островитян. А в миру астиец — веселый, добродушный, гостеприимный житель, прекрасный рукодел по дереву, лихой плясун и любитель плотно поесть и крепко выпить. Астийцы не такие рослые, как сарги, да и волосы у них не такие светлые, но красотой самый обычный крестьянин из астийской глубинки превзойдет любого холеного и ухоженного лорда из Саргии, что последние признают бесспорно. Очень часто, после упомянутых астийских налетов на восточные рубежи континентального Нордикта, защитники ограбленных земель рыдали, скорбя по уничтоженной красоте погибших астийских воительниц, которые воевали и умирали наряду с мужчинами.

Недолго же удастся обсуждать мирные аспекты жизни виридийцев, к величайшему сожалению... Но история Вирида — это, в основном, история власти и крови, пролитой за

нее ретивыми людьми, и с этим придется считаться...

Но не будем глубоко вдаваться в философию людской жизни, несмотря на склонность человека к самоизучению, рефлексии и самолюбованию, продиктованными определением человека, как верховенствующего создания...

Описав народы севера, было бы весьма последовательно начать описывать народы центральных широт, однако число этих народов столь велико, но каждый из них столь малочислен, что дело это неблагоприятное. Хватит лишь утвердить то, что все они шибко рафинированные, и занимаются в основном сельским хозяйством (к невящему удовольствию северян и южан, торгующих с ними, и иногда их грабящих), к чему располагают луга, реки и озера. Огромное количество разделенных диаспор и отсутствие у их лидеров крепкой политической воли делало эти народцы лишь удобным инструментом для деяний более значимых сил, уже описанных, и сил, которые только предстоит описать.

А из сил, которые предстоит описать, пожалуй, осталась лишь одна, достойная этого. Сила эта зовется народом Равении. Равенцы — жители южного Нордикта, земли жаркой и засушливой, с большим сопротивлением отдающей ресурсы выживальцам, осмелившимся там существовать. Люди Равении наиболее отличны от остальных во многом, особенно во внешности. Черные и блестящие, как свежая смоль, волосы равенца гармонично сочетаются с его смуглым лицом, очень часто скривленным хитрой однобокой улыбочкой, из-за которой поголовно все южане стали жертвой нетерпимых предрассудков, обвиняющих их в лютом лицемерии и общем лукавстве. Предметом пленительной притягательности равенца выступает глубокий взгляд серых, или ярко синих глаз, резко контрастирующих с темной «оправой». К сожалению, даже эта прекрасная черта равенцев стала спорной для завистливых северных соседей, обвиняющих их в колдовской гипнотичности.

Суровая среда обитания наделила равенцев смышленным и изошренным умом, не желающим мириться со скудностью их родины, потому они научились получать максимум пользы от того, что они имеют, создавая различные устройства и приспособления, вроде скважин для добычи пресных подземных вод и разнообразных ловушек для поимки живой добычи.

Исторически земли Равении разделены на три части: южное побережье, промысляющее рыболовством — так называемое Изножье; центральный удел, выращивающий пищевую культуру там, где она могла расти — Поручье; северные рубежи, отделенные от центрального Нордикта цепью высоких холмов — Заголовье. В отличие от северян-саргов, равенцам не пришлось изошряться, чтобы объединиться в одну державу, ибо осознание ненужности конфликтов на фоне тяжести выживания помогло вождям племен сразу взяться не за оружие, а за переговоры и провозгласить единение трех земель с общим органом управления — Триумвиратом Равении, решающим судьбу всего юга Нордикта голосами трех потомственных предводителей. Если же говорить про торговлю, то наличие на границе Равении с центральными землями континента холмов, глубокие недра которых более-менее богаты различными драгоценностями, позволило Заголовью стать благополучным регионом. Однако, в силу недоверия остальных народов к равенцам, торговля для последних велась на оскорбительно ущемляющих условиях, что вызывало недовольный ропот у горнодобытчиков и ювелиров, получающих за свой труд малые доходы. Как нетрудно догадаться, основной осадок от внешней торговли откладывался на боках и животах заголовской знати, что сделало Заголовье единственной частью Равении, где расслоение на богатых и бедных приняло серьезный оборот... Еще один товар, который не

гнушаются покупать у равенцев — это прекрасный краситель пурпур, весьма популярный у зажиточных купцов, их жен и детей.

Ложью будут слова, говорящие о том, что равенцы благосклонно принимали пренебрежение остальных народов. Конечно, открытой войной равенцы ни на кого не шли, ибо большой войны боялись, но частенько особо ожесточенные всадники Поручья седлали своих породистых вороных коней, собирались в ударные костяки, переходили границу Равении и совершали разрушительные набеги на деревни соседей, вырезая всех, кому не посчастливилось попасться им на пути, забирая все, что могли увезти с собой, или на себе. Да, не только равенцы разбойничали на чужих землях, но так жестоко, как они, никто не грабил. Иногда не было ясно до конца, ради чего совершались налеты: ради наживы, или для того, чтобы обильно омыться кровью мужчин, женщин и детей... Все претензии от урона принимали на себя заголовские послы, однако, как умело они утверждали, никакого участия подконтрольное равенское войско в «кутежах» не принимало, и советовало лучше укреплять приграничье. Так, в итоге, и поступили срединные народы, построив на своих южных рубежах крепости, обнесенные плотными стенами с большим количеством защитных орудий. Что характерно, высокие стены и недружелюбная риторика торговлю остановить не смогли...

Такова была ситуация промеж всех живущих народов долгие и долгие года, до тех пор, пока не было открыто горняками Саргии ископаемое вещество, ставшее рушителем устоев того времени, и которому нет аналогов — так называемый алец, Алый Камень, название которого само собой объяснится позже.

Достовернее будет сказать так: открыли то само вещество давно, но заинтересовались им много позже. Ведомые неудержимой жадностью, рудокопы Саргии вгрызались своими шахтами в самые глубокие уголки самых высоких гор в поисках металлических руд и драгоценностей, но по ходу раскопок обнаружили промеж привычных им пород вкрапления камня темно-красноватого цвета. Преследуя конкретные цели, работники молота и кирки оставили неизвестный им материал там, где и нашли. Однако, с годами, по мере истощения известных месторождений, перед королевством встал вопрос исследований новых материалов, так как новые жилы цветных металлов и самоцветов было выуживать почти что неоткуда, а выторговывать у центральных народов добротные молоко и мясо нужно, не продавая железо и его сплавы, как сырье для изготовления оружия. Сильная встревоженность консулов Деятельного Совета Саргии(аналог современных кабинетов министров) заставила короля издать указ для всех шахтоделов о поиске и изучении новых материалов, предлагая за дельные образцы огромное состояние. Не то, чтобы это было совсем разумной идеей, ибо сразу же после издания указа все, кто мог держать в руках инструменты, бросились в уже остывшие и заколоченные тоннели, размахивая кирками во все стороны. Многие подгорные своды рухнули в первый же день изысканий, не выдержав безумного рвения азартных авантюристов. Другая картина вырисовывалась на сильно охраняемых объектах, где профессиональные рабочие терпеливо огуливали уже давно нагулявшиеся камни, соблюдая азы приличия и безопасности. Несмотря на все рвения, особых результатов не было, разве что нашли парочку небольших скоплений железа и олова. Тут то бы и начать кручиниться, но сын одного из горняков(тоже рудокоп, что неудивительно для наследственных ремесел), обнаруживших тот самый камень, не забыл рассказов своего отца, собрал свою трудовую бригаду и с мечтательным на богатства сердцем отправился в ту самую шахту...

Найти тележку с осколками камня составило немалого труда, ибо та самая шахта отличалась особенно обширной и разветвленной сетью тоннелей, где не затеряется разве что крот. Но ребятам повезло, и они нашли каменную кишку, из стены которой были выбиты осколки пресловутого камня, сложенные и оставленные. Могучая гора, истерзанная людьми изнутри, сохранила безделицу на протяжении многих лет, ею незамеченных.

Обрадованные желанной находкой, искальцы собрали то, что добыли их отцы и деды, а также выковыряли остатки камня из стены. Вернувшись домой, энтузиасты королевского указа стали думать, как же им проверить свою находку, не испортив всю материю, легко поддающуюся разрушительным воздействиям. Детальными подробными испытаниями история не располагает, но предположительно можно сказать, что таинственный материал топили, жгли, сдавливали и кололи, выясняя его свойства и надеясь обернуть их в практическую пользу, или же в декоративную прелесть. Потрясающие результаты дала плавка в каменном котле. Причем температура плавления оказалась не слишком велика. И вот, когда жар котла достиг определенных величин, камень начал поддаваться, постепенно предавая свою твердость в пользу жидкого расплава. Будто устыдившись своей слабости, темноватый материал по мере плавки начал ярко краснеть, но не слепящей яростью раскаленного железа, а алостью свежей человеческой крови, благодаря чему и получил свое название. Можно лишь представить, с каким неподдельным интересом наблюдали добытчики за своей добычей, претерпевшей такие замечательные метаморфозы, никак от нее не ожидаемые.

Но, помимо красивой реакции, ничего особенного. Расплавленная кровавая жижа казалась бесполезной расплавленной кровавой жижой, которая при остывании демонстрировала чудеса обратной реакции, вернувшись к исходным как твердости, так и цвету. Поняв, что сам по себе новоназванный алец не представляет особого интереса, открыватели подгорной находки отправились напрямик в бронзовую кузницу, арендовав ее у кузнеца, который, несмотря на мнимое недовольство, принял щедрую монету и освободил место для испытаний.

Собрав все образцы металлов, что нашли в закромах кузницы, энтузиасты вновь расплавили куски альца, расплавили по отдельности металлы, и предприняли попытки их сплавить с полевшим альцом в равной пропорции, в надежде на то, что несамостоятельный камень в союзе с другими элементами найдет свое предназначение. Как оказалось, металлы с радостью смешивали себя с массами расплавленной новинки, образуя сплавы. Итого, получились сплавы альца со свинцом, алюминием, медью, железом. Золота и серебра кузнец не хранил, как и ртути для их амальгамации. Олова в местных краях не водилось. Всем порциям сплавов, со знанием понятий о металлургии, придали форму щитков и остудили. Как оказалось, уже затвердевшие образцы отличаются от исходных металлов лишь тем, что сплав приобретал собственный оттенок и становился чрезвычайно ломким, особенно мутно-серый алюминиевый. Единственный курьез случился с железным сплавом, бледно-красная пластина которого бесследно исчезла при невыясненных обстоятельствах, в которых не стали разбираться, посчитав пластину утерянной...

Разочарованные результатами, понурые горняки все равно собрали оставшиеся куски альца и щитки сплавов в мешок, отправились к старшему консулу Деятельного Совета, отвечающего за выдачу награды за потенциальные инновации.

Знай рудокопы то, к чему толкнет людей их открытие, не потащили бы они свою торбу к старшему консулу Совета, не рассказали бы ему то, что описано в строках выше... Но случилось то, что случилось...

Старший консул был человек необычный в своих идеях и начинаниях, и сразу почувствовал в том, что принесли его челобитчики, перспективу куда более великую, чем потенциал обычной безделушки. Исходя из своих же инструкций и честности, он осчастливил каждого из посетивших его и почти не рассчитывающих на награду горняков обещанными мешками золота, на которые в то время можно было купить большой земельный надел, а на нем выстроить богатую усадьбу, закупить всякого скота и даже найти красивую жену, а то и две... Консул же из рассказов озолоченных рудокопов понял главное: новая порода отлично взаимодействует с различными веществами. Ограниченные горняки использовали лишь некоторые металлы, у консула же была власть над спектром материалов куда более богатым, чем у незнатных мастеров подгорного дела. Пропуская неудачные опыты, коих были многие десятки, перенесемся к двум наиболее значимым из всех остальных, вместе взятых. Первый не так важен, как казалось тогда, и заключается в том, что самый таинственный металл, известный в те темные времена — ртуть — полностью впитывает в себя расплавленный алец, грозно шипя и испуская ядовитые пары, приобретая после реакции розоватый оттенок, но не изменяя при этом, в сравнении с обычной ртутью, своих итоговых свойств. Никакой практической ценности, ведь так? Суть второго, куда более эффектного и эффективного, состоит в том, что неутомимый консул поместил в расплав альца длинные куски древесного угля так, что было видно концы этих кусков. Температура плавления альца ниже, чем температура горения угля, потому уголь не сгорел, но и сказать, что ничего не произошло, тоже нельзя. С неутрачивающим шелестом, будто старуха-крестьянка безустанно отмахивается лиственной веткой от назойливой гнуси, черные обломки в расплаве постепенно становились красноватыми. Как только темно-алый цвет охватил все видимые угли целиком, консул щипцами вытащил преобразившиеся куски, отломил от одного маленький осколок, и бросил его в огонь камина, как поступил бы с обычным углем. Превосходя любые ожидания консула, красный малютка, едва упав в центр пламени, ярко взорвался, раскидав по полу каминную золу и объяв окружающее пространство густым белесым дымом, который вскоре податливо растворился в воздухе. Осознав произошедшее, консул стал усиленно думать...

Оставим кропотливые думные процессы консула при нем, обратившись лишь к его последующим действиям: с присущей ему деловитой торопливостью, консул отправился в королевский дворец к тогдашнему королю Саргии Борею Латнику X, который в раннее рассветное время еще блаженно почивал в своей безразмерной кровати. Прекрасно осознавая важность своего визита, консул бесстрашно отправился самолично будить монарха. Несмотря на истерический и мелочный нрав короля, консулу удалось убедить его облачиться в доспехи и покинуть свои покои, отправившись с ним на широкий двор. Взяв в руки принесенную с собой пустую тыквенную флягу, консул осторожно насыпал в нее аккуратно измельченный модернизированный уголь, воткнул в горлышко длинный обрывок тонкой веревки и осмотрительно поджег ее факелом. Далее, по просьбе консула, они оба отошли к противоположному краю двора, а король еще и опустил забрало.

С нетерпением ожидая исхода странных действий своего многоуважаемого председателя Деятельного Совета, король неотрывно смотрел на сокращающийся кусок витой веревки, разделенный перегородками забрала. Вот уже фитилек нырнул внутрь, а потом короткое шипение и БАХ! Исчезнув в облаке дыма, разорванная взрывом фляга раскидала свои осколки по двору, некоторые из которых с жалобным звоном отскочили от доспехов короля. Осознав произошедшее, как и консул ранее, а также невольно испытав

благодарность за совет одеть доспех, Борей X приказал немедленно созвать Деятельный Совет, по результатам которого решил начать разработку так называемого «огненного оружия», пожирающее топливо на основе альца, изготовленное старшим консулом, и им же лаконично названное «алый уголь». Так, блестя глазами и потирая ладонями, в предвкушении великих свершений, король Саргии ознаменовал начало новой эпохи в истории всего Вирида — огненного века.

Может показаться, что на развитие революционного, по тем меркам, оружия потребуется не одна сотня лет, но это было не так. Разум сарга на расправу скор, во всех смыслах, поэтому первые образцы более-менее внятных гранат, примитивных, тяжелых полевых орудий и ружьишек были готовы спустя пару десятков лет. Столько же ушло на добычу достойного количества альца, прослойки которого были найдены в глубоких слоях пород, под большинством прорытых уже шахт.

Разумеется, пушечное мастерство только начинало разлеплять свои новорожденные глазки, потому множество хороших кузнецов расставались с частями своих тел из-за его слепоты. Благо, что после отмывания замкового полигона от внутренностей очередного кузнеца-испытателя король обязал заниматься обстрелом новых орудий узников темниц, под чутким руководством оружейников.

После удачных испытаний орудий, обучения орудийных прислуг и невероятно засекреченного поступления всего этого кровавого новшества с запашком гари на службу, Борей X надумал решить проблему торговли со срединными народами радикально — захватом их земель и наложением приличной натуральной дани. Ранее он, да и его предшественники, робели при нашествии подобных дум, опасаясь консолидации разрозненных, но многочисленных поселений центрального Нордикта супротив общей угрозы. Но теперь, при наличии такого оружия чуть ли не колдовской мощи, все страхи и сомнения были сметены ощущением абсолютного ратного превосходства.

Многочисленные источники твердят о том, что почти все пограничные с Саргией графства, герцогства и прочие околосоверенные образования внедряли шпионов во все структуры крупной северной державы. То ли все они лгут, то ли шпионы были недалевидными, но уже после первых залпов орудий, первых разрывов гранат, неподготовленность защитников срединных государств вопиюще дала о себе знать — повсеместные бегства с поля боя и сдачи с капитуляциями позволили рыцарской гвардии короля Борея вскоре после начала кампании победоносно поднимать кружки с пивом вдали от родных границ. В течение семи месяцев скоротечного похода колено перед саргами преклонила большая часть народов Нордикта, за исключением равенцев и астейцев. Куттов же оставили как есть — в вечном изгнании, не желая тратить на смирившихся ценный боеприпас...

Успех Борея был абсолютным, а уверенность в непобедимости — непоколебимой. Несмотря на то, что его главной целью были центральные земли, он решил на этом не останавливаться. Уже для него была изготовлена кузнецами-ювелирами золотая Корона Патриарха, из обода которой восходили четыре зубца, украшенные камнями, символизирующие своим цветом (красный рубин — сарги, зеленый изумруд — центральные народы, черный опал — равенцы, желтый агат — астейцы) единение всех четырех основных народностей (куттов, как всегда, униженно проигнорировали) Вирида под правлением единого монарха.

Однако, как показали дальнейшие события, Борей переоценил возможности своих

пушек. Проклятый пролив между Астией и Нордиком защитил свое название, в который раз не дав обескураженным штурмовикам Саргии взять силой крутые и высокие берега астийского архипелага, и надежно похоронив в своих водах множество новейших саргийских орудий. В отчаянии, Борей пошел на вынужденное и непопулярное у многих торговцев решение — организовал торговую блокаду астийского архипелага, задействовав на эту задачу почти весь свой Северный боевой флот. Как и ожидал Борей, благосостояние островного царства без бойкой торговли пошатнулось, но не удержалась и репутация Саргии, как неукротимой силы, которую невозможно ни остановить, ни даже замедлить...

Да, Саргия не смогла покорить вольных островитян, но капля астийского дегтя меркнет в огромной бочке меда, которую Борей умудрился заполнить. Теперь на горизонте сияла возможность эту бочку расширить за счет равенских побережий, чем Борей и занялся, вернувшись из конфликта с Астией изрядно потрепанным...

С нарастающей тревогой Триумвират Равении наблюдал за блестящими успехами саргов в центральном Нордикте, но все, что могли сделать представители этой страны — безуспешно пытаться наладить союзные отношения с ближайшими соседями. Даже мрачная тень угрозы поглощения северным гигантом не побудила срединников поменять свое отношение к южанам. Именно поэтому, когда за стенами пограничных с Равенией и уже оккупированных саргами крепостей начали собираться огромные силы, равенцы готовились их встретить в гордом и отчаянном одиночестве...

Казалось бы, чего еще ждать Борею-триумфатору на южном поприще? У саргов есть огненное оружие и тяжелые доспехи, их ряды пестрят бесчисленными батальонами, собранными на покоренных землях, боевой дух воинов своим сиянием затмит ярчайший свет Звезды. Но стоит ли его винить в стремлении достичь еще большего превосходства, которое смазало бы елеем его беспокойную душу?.. Пожалуй, что нет. Потому то его последующий ход не вызовет противоречья, как можно полагать. Уже было сказано, что Заголовье изобилует богачами, коих нет и не могло быть в других частях Равении. И именно на этом различии и сыграл Борей, причем весьма умело, скрытно убедив заголовского триумвира и его придворных толстосумов заключить сепаратный договор, по которому Заголовью не будет причинен ущерб, а его жителям будет выплачена крупная ссуда за бездействие в последующей войне. Наиболее развращенные златным блеском, заголовцы согласились, обрекая свою родину на безнадежное поражение...

Осознание предательского бездействия пришло к оставшимся представителям распавшегося Триумвирата тогда, когда первые эскадроны всадников Саргии показались неподалеку от степей коневодов Поручья. Наскоро собрав оставшиеся части неполного войска, предводители Равении укрепились в своих подозрениях, не встретив на военном совете ни своего третьего товарища, ни генералов от Заголовья, ни заголовских полков. Но даже то, что после приведения равенского войска в порядок от Равении осталось уже лишь Изножье, не остудило пыл защитников своего народа, и они приняли первый и решающий бой с саргами на граничных степях между Изножьем и Поручьем.

От оставшихся предводителей Триумвирата войска возглавил представитель Изножья — Артакан. Его хладнокровие и решительность, проглядываемые в постоянстве уверенного выражения лица, должны были нивелировать безнадежное положение Равении перед лицом могущественного противника. Но едва ли это цепляние утопающих за соломинку могло бы спасти бедный народ, войско защитников которого уступало наступающим армиям по числу аж в семь раз! Впрочем, начало сражения показало беспримерную доблесть и мастерство

равенцев, не дрогнувших перед залпами еще не идеальных, но уже смертоносных саргийских пушек. А уж молниеносные фланговые контрудары блестящих конников Поручья, молодецки потрясывающих плюмажами из смольно-черных конских хвостов, приводили саргийскую пехоту в полное замешательство. Но подавляющий численный и технологический перевес сделал исход сражения однозначным. И вот уже почти не осталось в живых ни одного чернохвостого всадника, пехотные порядки равенцев разрознены пушечными ядрами, погиб и Артакан, и вся его гвардия, все храброе воинство взято в кольцо... Может, умерли бы и все бойцы, если бы сын Артакана, Артинзан, ужаснувшись сложившейся обстановкой, не поднял белый флаг, обильно окропленный кровью отца. Разбитая армия равенцев сдалась, но результат короля Саргии не устроил. Озлобленный тем, что равенцы посмели нанести его войску довольно ощутимый ущерб, Борей публично сжег заживо оставшегося предводителя Триумvirата от Поручья, всех оставшихся в живых главарей равенского войска обезглавил, кроме сдавшегося Артинзана, а народы Поручья и Изножья обложил такой данью, что многие из крестьянских семей вскоре пошли по миру от таких налогов. Всех, кого сарги лишь отдаленно заподозрили в противодействии и неподчинении новому режиму, ссылали целыми семьями на каторгу, да не куда либо, а на безжизненные просторы Гунталя, разведывать и добывать в невыносимых условиях все, что может найтись ценного в несговорчивых недрах испепеляющего континента, под неусыпным контролем сформированного после войны Надзора, главной задачей которого было поддержание среди покоренных равенцев угнетающего порядка... Заголовским предателям же осталось мучиться совестливой бессонницей, видя, на что они обрекли своих братьев и сестер.

С победой над Равенией поход Борей закончился, а из всех покоренных земель он создал Нордиктовскую Лигу с метрополией в новой столице Саргии — Кастелате, которую Борей на закате жизни обнес огромными круглыми стенами. Особенностью столицы являлось то, что она стояла, подпертая с обоих концов высокими горными хребтами севера Нордикта, так называемыми Братьями, а узкий проход промеж них являлся частью города, разделяя его на гарнизонную половину за стеной, содержащую средства обороны, и ремесленную, сокрытую позади хребтов Братьев. В ремесленной части, окруженной склонами других гор, обитали и трудились в безопасности жители Кастелата.

Но безопасности не испытывал Борей, особенно не доверяя астейской царице Олии, принуждая всех «умелых в камне» людей новоиспеченной Лиги выстроить сеть артиллерийских укреплений по всей восточной прибрежной линии Нордикта там, где нет защиты горными хребтами, уходящими своими корнями на дно Океана. Когда строительство завершилось, Борей, оглянув всю эту мощь умиленным взглядом сентиментального старика, скромно назвал самую внушительную сеть укреплений Вирида Нордиктовской Десной.

Основательность Кастелата и Десны Нордикта была призвана показать всем, кто проживал в Лиге, нерушимость нового мирового режима. Но, как покажут некоторые события, далеко не все поддались сему внушительному влиянию...

Больше книг на сайте - Knigoed.net